

Ю. ДЕШЕРИЕВ

ЖИЗНЬ
ВО МГЛЕ И БОРЬБЕ

Ю. ДЕНПЕРИЕВ

ЖИЗНЬ ВО МГЛЕ И БОРЬБЕ

О трагедии репрессированных народов

I

**Палей
Москва
1995**

Изданием этой книги автор обязан Зайнди Шахбиеву — горячему патриоту своей Родины. Выражаю ему искреннюю благодарность.

ПРОЛОГ

I

Родина

Как много священного, таинственно личного, торжественно общественного и объединяющего людей в этом слове. Когда я произношу это слово, в моей памяти оживают образы реки Мартан, речки Ашхо (Ачхо), ручейка Татол, лужайки на окраине села Ачхой-Мартан, за лужайкой рощи боярышника, лиственного смешанного леса, украшавшего правобережье и левобережье Мартана. Чего только ни было в этом лесу: дикорастущие яблони, виноград, груши, мишмала, кизилловые рощи, ежевика, малина, черешня, земляника, «сладкий картофель» (чеч. балгаш), плоды боярышника и т. д. В безоблачные дни любовались чарующей панорамой гор: высоко-высоко в небе сверкали вершины Эльбруса, Казбека. Какой-то провал на вершине Эльбруса называли местом, где пророк Али ударом своей сабли убил дракона, кровь которого наполнила все ущелье. В детском воображении фантастическая картина убийства пророком Али дракона представлялась как реальность, а пророк Али стал самым могучим великаном среди сказочных великанов.

Река Мартан в моем детском представлении казалась очень большой. В детстве я только слышал, что существуют такие большие реки как Волга, Дон. В годы юности, когда я имел возможность видеть и даже купаться в великих и могучих русских реках «Волга», «Дон», я убедился, что Мартан — всего лишь ручеек по сравнению с Волгой и Доном. Таким же маленьким оказался и чеченский народ по сравнению с великим русским народом.

В современном чеченском литературном языке основным значением слова «Даймохк» стало слово «Родина». Оно означает «отцовская земля» (отчество). В мои детские годы это слово часто употреблялось в более узких значениях: «земля отцов (предков)» и «земля (отцов-предков) жителей села». Когда жители села Валерик* захватили участок земли на правом берегу реки Ас(с)а" (чеч./аьса), ачхой-мартанлы говорили: «Валартт/ера нах вайн даймохк дабаккхе гарташ бу». Жители Валерика хотят отнять у нас землю наших отцов. В годы поздней юности, особенно в период Великой Отечественной войны для моего

* Село Валерик (чеч. Валарттле) находится на берегу одноименной речки Валерик, с которой связано известное стихотворение «Валерик» М. Ю. Лермонтова.

поколения, независимо от национальности, основным значением слова «Родина» стало великое понятие «Советский Союз». Иногда говорили о «Большой Родине» и «Маленькой Родине», имея в виду, например, союзную или автономную республику, автономную область или национальный округ.

В февралс 1944 г. для меня, как и для моих земляков (как и для балкарцев, калмыков, крымских татар, карачаевцев и др.), понятие «Маленькая Родина» (т. е. Чечено-Ингушшения) перестало существовать. Поголовно все чеченцы и ингуши были репрессированы, выселены в Среднюю Азию. Об этих жестоких репрессиях народы СССР, мировая общественность узнали значительно позже в связи с опубликованием указа о ликвидации автономий репрессированных народов.

В дни выселения чеченцев и ингушей я находился в Москве. О трагедии чеченского и ингушского народов мне стало известно примерно через полтора—два месяца, когда я стал получать письма из Средней Азии от родственников и друзей.

С 1936 года я жил в Москве (сначала учеба, затем работа). Во время налета фашистской авиации на Москву — август 1941 г. прямым попаданием бомбы был полностью разрушен дом, в котором я жил на Малой Дорогомиловской улице. В то время я находился на фронте. В соответствии с приказом, разрешавшим аспирантам, особенно снятым с военного учета по болезни, но добровольцами ушедшим на фронт, продолжать аспирантскую подготовку, я вернулся в Москву. Мне дали место в общежитии АН СССР (на четвертом этаже углового дома на улице Неглинной (напротив гостиницы «Метрополь» в центре Москвы), временно, до предоставления жилплощади пострадавшим от бомбежки. По старой привычке я стал получать письма до востребования на Главном почтамте на улице Кирова (где в доме № 13 находился Институт, в котором я стал учиться в 1936 году). Ранним весенним днем я пришел на Главный почтамт за письмами в отдел «До востребования». Сотрудница Главного почтамта, вручая мне письма, сказала, с какой-то жалостью глядя на меня:

— Вас давно не было.

Я удивился. Возник неожиданный вопрос: почему она запомнила меня, следила затем, как часто и нечасто хожу за письмами?

Ясно стало, кто-то следит за мной, за моими письмами. Возможно, и она знает содержание получаемых мною писем. Очевидно, вынуждена выполнять чье-то задание, но сочувствует мне. Она передала мне несколько писем от родственников, а также от М. Г. Гайрбекова, Д. Д. Мальсагова. Сначала я не

придал никакого значения ее словам и оттенкам голоса. Письма произвели на меня впечатление оглушающего удара, рассчитанного на смертельный исход. Сразу в голове перемешалось все: И Малая Родина, и Большая Родина, и боевой клич солдат, поднявшихся на смертельную схватку с фашистскими захватчиками: — За Родину...

В зале, где выдавали письма «До востребования», было много народу. Ошеломленный прочитанным в письмах я сел за стол, где посетители писали письма, телеграммы. Я сидел, погруженный в свои личные переживания. Как и любой другой человек, я, разумеется, воспринял трагедию своего народа и как личную трагедию. В результате сильного потрясения, видимо, мое лицо стало заметно бледным. Рядом со мной сидел мужчина средних лет и писал письмо. Вдруг он неожиданно обратился ко мне:

— Товарищ, Вам плохо? Может быть вызвать врача?

— Нет, нет, спасибо. У меня такое лицо,— сказал я, обескураженный тем, что произошло.

Но внутренний голос говорил мне об убийственной реальности:

— Малой Родины уже нет. Осталась только Большая, Великая Родина.

В то время я не мог даже представить себе такого периода, когда Маленькая Родина будет возрождена, а Большая Родина развалена. И Маленькая Родина также будет переживать трудные, опасные дни конца 1993 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Вот документы, свидетельствующие о том, как началась подготовка к постановке вопроса перед Правительством СССР о полной реабилитации репрессированных народов, возвращении их на исконную Родину и восстановлении их национальных автономий, а также всех гражданских прав.

Предлагаемые четыре документа сыграли значительную роль на начальном этапе постановки и обсуждения важного вопроса о реабилитации репрессированных народов, возвращении их на исконную родину и восстановлении их автономии. Первые три документа представлены без изменения текста. Четвертый документ подвергся сокращению главным образом за счет повторений.

Читая эти документы, следует учитывать время, когда они были составлены. В то время авторы этих документов подвергали себя серьезной опасности. Они рисковали не только своей свободой, но и подвергали свою жизнь серьезной опасности. В воздухе еще витал дух культа личности. К тому же все еще действовали многие законы, изданные при культе личности и представляющие серьезную опасность для свободы личности.

В районах Средней Азии и Казахстана, где были расселены репрессированные народы, по существу были созданы условия резервации, представляющей собой территорию для насильственного поселения людей, своеобразный вид национальной и расовой дискриминации. Там существовала спецкомендатура, созданная органами НКВД. Спецкомендатура еще действовала. Она не была еще ликвидирована, хотя уже состоялся XX съезд КПСС, на котором выступил Н. С. Хрущев с докладом о культе личности Сталина и его последствиях.

Глубокоуважаемый
Никита Сергеевич!

Недавно мне поручили написать отзыв о статье «СССР», напечатанной для Большой Советской Энциклопедии. Мне, языковеду, было предложено высказать свое мнение особенно о двух разделах этой статьи, а именно: «Население» и «Языки народов СССР». Читая эти два раздела указанной статьи, я не мог не обратить внимание на следующее:

В таблице 2 «Национальный состав населения» на стр. 9 названы такие народности как алеуты, насчитывающие 350 человек, ороки — около 150 человек (и это сделано, как мне кажется, правильно), но совершенно не назван ряд народов (и их языков), численность которых в СССР достигает десятков и сотен тысяч человек (например, балкарцы, ингуши, карачаевцы,

калмыки, чеченцы). Известно, что у большинства этих народов в условиях СССР существовала своя государственность. О них существует большая литература у нас и за рубежом. Спрашивается, где эти народы, существуют ли они вообще в СССР? Они существуют, живут в СССР, пользуясь почти всеми правами граждан СССР и, конечно, не могли в условиях Советского государства неожиданно, внезапно исчезнуть с лица земли. Поскольку БСЭ призвана отражать действительное положение вещей, то совершенно ясно, что неправомерно молчать о них на стр. БСЭ. Тем более, что указ о переселении этих народов официально был опубликован в нашей печати.

Некоторые наши издательские работники (например, в издательстве АН СССР, в издательстве БСЭ) дошли даже до того, что считают чуть ли не преступлением, если в той или иной работе, подготовленной к печати, встречается наименование какого-нибудь из этих народов или их языков.

В связи с этим возникают два вопроса:

1. С политической точки зрения правильно ли так поступать, не будет ли использована Большая Советская Энциклопедия (например) врагами СССР за рубежом в своих антисоветских пропагандистских целях. Известны случаи, говорящие о том, что за рубежом наши враги широко используют даже предназначенные для узкого круга читателей научные книги, в которых в соответствующем месте отсутствует ссылка или упоминание о том, или ином из этих народов. Так, например, американский журнал по востоковедению утверждает в рецензии на книгу советского ученого профессора Г. Д. Санжеева о монгольских языках, что в СССР боятся, не разрешают упоминать, писать о калмыках и их языке.

2. Правильно ли так поступать с точки зрения патристического воспитания тех народов, о которых идет речь, с точки зрения принципов национальной политики Коммунистической партии? Тем более, что указанным обстоятельством пользуются и некоторые отдельные элементы на местах поселения народов, о которых речь идет.

Дешериев Ю. Д.
Мой адрес: г. Москва,
ул. Куйбышева, д. 8, кв. 9.

18.XII. 54 г.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда Москва
ул. Куйбышева д. 8, кв. 9

Кому Дешериеву Ю. Д.

Адрес отправителя: Москва, 132, Старая пл. 4
Управление делами ЦК Компартии
Советского Союза

Тов. Дешериев!

В связи с Вашим письмом прошу позвонить по телефону
6-6-15-00 Богомолу
27/XII-54 г. К. Богомол

Жена позвонила мне на работу и сообщила о почтовой карточке, полученной из ЦК КПСС. Открытка сразу сильно взволновала меня. Известно, было что ЦК КПСС ежедневно получает десятки и сотни писем по самым различным вопросам, учитывая, что вся власть в Великой Стране принадлежала ЦК КПСС. Конечно, не каждому автору письма звонили домой и просили его позвонить в ЦК. «Значит обратили внимание на содержание письма» — думал я. — Но что именно привлекло внимание работника ЦК КПСС, я не знал. В письме прямо и косвенно был затронут ряд вопросов, как это видно из его содержания. Я поторопился домой. Прочитал несколько раз открытку, но не смог определить вопрос, привлечший внимание работника ЦК. Всю ночь думал об открытке и о том, что мне сказать работнику ЦК, когда позвоню ему утром.

К. Богомол любезно ответил на мой звонок. Он поблагодарил меня за письмо и сказал, что в письме поставлен важный вопрос. Дано указание об издании дополнительного 51-го тома Большой Советской Энциклопедии, в котором будут представлены все репрессированные народы. Затем он спросил:

— Известно ли Вам что-нибудь о причинах выселения чеченского и ингушского народов?

Отвечая ему, я сказал, что знаю довольно хорошо Чечено-Ингушетию и состояние дел там до выселения чеченцев и ингушей.

Напишите, пожалуйста, обо всем этом подробно на имя Н. С. Хрущева.

— Если я обо всем напишу, то руководители бывших органов

НКВД Чечено-Ингушетии попытаются арестовать меня.

— Не беспокойтесь. Их уже нет там.

В ответ на просьбу К. Богомолова написал об извращениях и клеветнических измышлениях против чеченского и ингушского народов местных органов НКВД, может быть, по приказу свыше.

Первому секретарю ЦК КПСС
Товарищу Н. С. Хрущеву

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Мы просим Вас принять нас, чтобы мы могли рассказать вам о чаяниях наших народов, о том, с какой великой благодарностью нашей партии, ее Центральному Комитету чеченский и ингушский народы приветствовали Ваш доклад и решения XX съезда.

Наши маленькие, многострадальные народы особенно благодарны Вам за то, что Вы в своем докладе осудили чудовишные извращения ленинской национальной политики.

С момента выселения люди наших национальностей до последнего времени более 12 лет не имели возможности прислать в Москву и говорить с членами Правительства о нуждах и чаяниях наших народов.

XX съезд партии и Ваш доклад, в котором выражено мнение партии и Советского правительства, дали нам эту возможность. Сейчас, когда нам стало известно, что вопрос о репрессированных народах будет решать Советское правительство, мы тем более хотели бы, чтобы нас выслушали. С этой просьбой мы специально приехали из далекой Средней Азии и Казахстана.

На ночлег мы устроились как смогли — в Москве и даже в Красногореке.

Просим учесть все это и, если возможно, ускорить ответ на нашу просьбу.

Ответ на настоящее заявление можно сообщить профессору Дешерисву по тел. служ. Г-5-20-58, домашн. К-4-17-10

Состав делегации

1. Зязиков Ж., 2. Гайсумов А., 3. Шатаев М., 4. Таштиев С.,
5. Муталиев Х., 6. Тайсумов А., 7. Саидов А., 8. Хамиев С.,
9. Ташухаджиева А., 10. Базоркин И., 11. Матаев А.,
12. Хаматханов Х., 13. Дешериев Ю.

29 мая 1956 г.

г. Москва

Приняты 12 июня 1956 г.

Делегация была представительная. В ее состав входили представители почти всех социальных групп, образующих чеченский и ингушский народы: крестьяне, рабочие, инженерно-технические работники, служащие, научные работники, представители литературы и искусства и др. Почти все они приехали из районов далеких Средней Азии и Казахстана, преодолевая большие материальные и психологические трудности. Их могли обвинить в нарушении паспортного режима, в пребывании в Москве и Подмоскovie, куда им не было разрешено выезжать. Одни из них остановились в Москве, а другие — в дачных местах Подмоскovie, ежедневно приезжая в Москву в течение около двадцати дней. За это время мы почти ежедневно обращались в разные органы — в Президиум Верховного Совета СССР, в Совет министров СССР, в Центральный Комитет КПСС, которому в то время в основном принадлежала фактическая власть в Стране. Одновременно мы собирались в сквериках и парках Москвы, обсуждая подготовленное нами «Обращение» к руководству Страны.

Нас долго не хотели принять, просили, чтобы мы по почте переслали наше «Обращение». Мы вынуждены были дать телеграмму на имя Н. С. Хрущева, сравнивая себя с Некрасовскими мужиками, которые приехали в Петербург со своей болью. Но их не приняли и они вынуждены были вернуться с Парадного подъезда. В телеграмме было написано: «Мы бы не хотели оказаться в положении этих несчастных мужиков». После такой телеграммы нам сообщили, что нас примет первый заместитель председателя Совета Министров СССР (первого заместителя Н. С. Хрущева), член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза А. И. Микоян. Нас приняли в Кремле 12 июня 1956 года.

Президиуму Верховного Совета СССР,
Совету Министров СССР

В докладе первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, в котором выражено мнение нашей партии, народов СССР, Советского правительства, были смело и решительно осуждены чудовишные извращения ленинской национальной политики. Материалами XX съезда было смыто, снято с нас грязное пятно, позорившее не только нас, но и ленинскую национальную политику, Советскую власть, идею дружбы народов СССР в глазах десятков и сотен миллионов людей нашей страны и за рубежом. Наш народ после этого получил возможность свободно вздохнуть. За это чечено-ингушский народ навсегда и безгранично

благодарен Верховному Совету СССР и Советскому правительству.

Конечно, среди чеченцев и ингушей были, как и среди других народов, люди, уклонявшиеся от мобилизации во время войны. К любому справедливому мероприятию по наказанию таких элементов в прошлом и настоящем, чеченский и ингушский народы будут относиться только одобрительно. С этими мерами не имеют ничего общего чудовищные извращения ленинской национальной политики, которые имели место в прошлом.

Наш народ подвергнут невыносимому национальному позору, крайним политическим ограничениям и тяжелому моральному угнетению. Мы хотим рассказать Вам, в чем это все выразилось, каковы были последствия всего этого, как следует решать наш вопрос.

Чеченцы и ингуши, героически сражавшиеся с фашистскими полчищами, инвалиды Отечественной войны, фронтовики, солдаты и офицеры, честные труженики, ни в чем невиноватые дети, женщины и старики, по существу были объявлены преступниками, врагами Советской власти и вместе с отдельными преступниками сосланы, изгнаны с родной земли. У них было отнято все движимое и недвижимое имущество; они были подвергнуты тягчайшим лишениям, не поддающимся описанию моральным страданиям.

Этим самым была дискредитирована ленинская национальная политика нашей партии, братские чувства, которые питают русский, украинский и другие народы нашей страны к малым народам, дискредитирована была идея справедливости, свободы, дружбы народов СССР в глазах мирового общественного мнения.

Переселение чеченцев и ингушей сопровождалось чудовищным террором, унижениями и мародерством. В отдельных горных районах, где невозможно было осуществить экстренное выселение, сотни людей были загнаны в колхозные конюшни, где одних расстреливали, а других живыми сжигали. Это зверство осуществлялось по прямому указанию находившихся тогда там руководителей НКВД. Выселение нашего народа было санкционировано И. В. Сталиным.

В пути следования в Среднюю Азию в вагонах вспыхнул тиф. Людям не была оказана необходимая медицинская помощь. В результате железнодорожная магистраль была усеяна трупами. Нашим людям не было разрешено брать с собой необходимое количество продуктов. Поэтому много людей погибло из-за голода.

Организаторы чудовищных репрессий не ограничились этим зверством. Они сделали все, чтобы создать невыносимые условия для нашего народа в Средней Азии. О нас распространяли

чудовищные небывлицы: как будто бы чеченцы и ингуши вместе с гитлеровцами убивали советских воинов и т. д., хотя хорошо известно, что фашисты не были в Чечено-Ингушетии. Напротив, когда война дошла до границ Чечено-Ингушетии, они оказывали всю возможную помощь Родине.

Многие представители нашего народа, изолированные от политической и культурной жизни, от общества, преследуемые и презираемые постепенно в течение 10—12 лет дошли до грани моральной деградации и тяжелых нервных потрясений.

В этих условиях самые различные преступления, не вскрытые соответствующими органами власти, приписывали чеченцам и ингушам, в результате сотни чеченцев и ингушей становились жертвой провокаторов, взяточников, пьяниц, а также отдельных военных комендантов, злоупотреблявших своей властью над нашими людьми.

Вместе с тем созданию невыносимой атмосферы вокруг нашего народа способствовали клеветнические выступления, появлявшиеся в то время в центральной и местной печати. Так, в связи с критикой оперы «Великая дружба» утверждалось, что чеченцы и ингуши мешали дружбе народов Кавказа. Это утверждение совершенно не соответствовало исторической правде. У чеченцев и ингушей не было ни одного выступления общенационального масштаба против какого-нибудь народа Кавказа. Наши люди были связаны с местным русским населением, осетинским народом, народами Дагестана, грузинским народом и другими народами Кавказа, узами братской дружбы, семейных, брачных связей и т. д. Эти глубокие связи, своими корнями уходящие в глубокую древность, не могли быть прерваны столкновениями отдельных уголовных элементов и провокаторов. Клеветой являются утверждения отдельных националистически настроенных элементов, рассматривавших столкновение между отдельными ингушскими и осетинскими селениями во время гражданской войны как общенациональные и межнациональные столкновения. Несмотря на все старания врагов Советской России в тяжелый период гражданской войны, такие столкновения никогда не переходили в столкновения общенационального характера.

Тем не менее отдельные националистически настроенные элементы Осетии выступали в печати в самый тяжелый период в жизни нашего народа с позорной клеветой на наш народ, называя нас разбойниками, бандитами, дикарями. К числу таких выступлений относятся статьи руководителей Северной Осетии, которые в свое время были опубликованы в «Правде». К числу таких националистически настроенных элементов относятся не только националисты, но и те, которые занимались мародерством

во время выселения нашего народа и разбогатели за счет чечено-ингушского добра. Эти элементы и сейчас продолжают втихомолку обливать грязью наш народ. Это, в сущности говоря, те элементы, которые злобно говорят о том, что не нужно было исправлять ошибок, бороться с извращениями ленинской национальной политики и т. п., и т. п. Они не понимают или не хотят понять, что все это нужно было сделать во имя чести, справедливости, в интересах нашего общего правого дела, в интересах нашей борьбы на международной арене, в интересах великого русского народа, других народов СССР, а не только в интересах тех, малых народов, которые были репрессированы.

Поведение националистически настроенных элементов, элементов, жаждущих провала нынешней линии партии и правительства в области внутренней и внешней политики, не может подорвать основы дружеского отношения чечено-ингушского народа к остальным народам Кавказа, ко всем народам Советского Союза. Свое дружеское отношение, например, к осетинскому и дагестанским народам, наш народ продемонстрировал во время приезда в Среднюю Азию Осетинского и Дагестанского Ансамблей песни и пляски. Все видели в Средней Азии с какой любовью и уважением их окружили чеченцы и ингуши.

Большой вред нашему народу принесла клевета злопыхателей, утверждавших, в период нашего общенародного горя, что наш народ плохо относился к русским. Это совершенно неверно. Хорошо известно, что арабские, персидские и турецкие завоеватели кровью и мечом распространяли ислам на Кавказе. Чечено-ингушский народ мужественно отстаивал свою свободу и независимость и никогда не покорялся ни турецким, ни арабским, ни персидским завоевателям. Единственное, что им удалось, это распространение ислама на Кавказе. Чеченцы и ингуши, как хорошо известно в науке, не имеют ничего общего ни по происхождению, ни по языку, ни по своим этническим традициям с арабами, иранцами и турками. Тем более наш народ не мог покориться этим завоевателям.

Известно также, что наш маленький свободолюбивый народ представлял собой наиболее значительную силу на Северном Кавказе, оказывавшую сопротивление царизму во время кавказской войны. Это сопротивление было направлено не против русского народа, не против передовой русской культуры, не против прогрессивной роли России на Кавказе, а против бесчеловечных методов эксплуатации, покорения народов, которые применяли царские генералы. В этом отношении характерно заявление бывшего наместника Кавказа генерала Ермолова: «Я не успокоюсь до тех пор, писал он,— пока жив будет хоть один

чеченец». Руководствуясь этим позорным девизом он сжигал чечено-ингушские села, поголовно истреблял население захваченных им населенных пунктов. В этих условиях чечено-ингушскому населению, прижатому к горам, ничего не оставалось, кроме сопротивления.

Между подлинно русским местным населением и чечено-ингушским народом как до присоединения Кавказа к России, так и после его присоединения к России существовали самые дружеские отношения. Редко удавалось разным провокаторам нарушить эти дружеские отношения. Они были связаны между собой узами брачных, семейных связей.

Об этих дружеских отношениях писал великий русский писатель Л. Н. Толстой, находившийся на Кавказе в период разгара кавказской войны. В своей повести «Казачьи казаки» он писал: «Гребенские казаки, русское староверческое население с незапамятных времен живут между чеченцами, усвоив обычаи, нравы горцев. Казацкие роды связаны с чеченцами родством». Эти дружеские чувства проявляются к чечено-ингушскому народу коренное русское население Грозненской области и сейчас. Оно было убито горем во время выселения нашего народа. При встрече с нашими людьми коренные грозненцы спрашивали, «Когда приедете домой? Если приедете в Грозный, по-советски, по-братски встретим и примем». Много таких случаев проявления дружеского отношения к нашему народу со стороны местного кавказского русского населения. Несмотря на все это, элементы, нелюбительно относящиеся к нашему народу, отравляли жизнь чеченцам и ингушам в Средней Азии. Этому способствовали отдельные провокационные выступления на страницах газеты «Грозненский рабочий». Вместе с тем отрицательную роль сыграли националистически настроенные элементы в Средней Азии.

Все это вместе взятое способствовало тому, что наши люди стали постоянно испытывать чувства морального гнета, издевательского, несправедливого отношения к себе. Это нанесло огромный ущерб психике наших людей, появилась трудноизлечимая болезнь моральной психической травмы. В нашем народе получили широкое распространение такие заболевания, как расстройство сердечно-сосудистой системы, нервные заболевания, туберкулез, рак, не говоря уже о других болезнях, обусловленных пребыванием наших людей в непривычных для них климатических условиях.

Все это вместе взятое вызывает неодолимую тягу нашего народа к родной земле, пропитанной кровью и потом его предков. Только после возвращения на родину и восстановления национальной автономии он может забыть все то тяжелое,

которое он испытал. Наши люди думают, что лишь после этого остальные народы, коренным образом изменят отношение к нему. Наш народ прекрасно знает, что его обратное движение на исконную родину связано с большими материальными и другими трудностями для него при всех благоприятных условиях. И все же он готов перенести эти трудности во имя родной земли и своей национальной автономии **на родной земле**, а не где-нибудь. Это, конечно, не означает, что все чеченцы и ингуши поедут обратно. Найдутся и такие, которые захотят работать в Средней Азии. Однако, для всех них, независимо от того, где они будут работать, явится огромной радостью восстановление нашей автономии на Кавказе, на родной земле.

Все сказанное заставляет нас обратиться в Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с нижеследующей просьбой.

1. Разрешить чеченцам и ингушам вернуться на свою исконную родину — на Кавказ и восстановить их национальную автономию.

Мы знаем, что решение этого вопроса связано с рядом трудностей. Наиболее серьезной из них является то, что некоторые районы заняты пришлым населением, хотя и в этих районах население меньше половины того, что там было до выселения нашего народа. Мы не желаем этому населению ничего плохого. Мы убеждены в том, что это население согласилось бы вернуться на свои прежние места или потесниться, если бы ему разъяснили должным образом всю трагедию нашего народа, и оказали бы ему необходимую экономическую помощь. Нам кажется, что наши соседние братские народы оказали бы нам в этом деле помощь, следуя примеру великодушия, справедливости великого русского народа.

Наши люди могли бы уже сейчас без особых трудностей вернуться в пустующие горные районы бывшей Чечено-Ингушетии, если бы им была оказана политическая и необходимая экономическая помощь.

ЦК КПСС и Советскому правительству мы передаем свое мнение и известное нам мнение нашего народа.

II. Восстановление Чечено-Ингушской республики на исконной территории имело бы большое политическое и воспитательное значение:

1) Это удовлетворило бы полностью чаяния чечено-ингушского народа;

2) Чеченцы и ингуши получили бы возможность поднять свою культуру, политический, общеобразовательный уровень развития.

3) Наш народ имел бы возможность пользоваться теми правами, которые были предоставлены представителями других

народов СССР за последние 10—15 лет для поступления в средние технические, высшие учебные заведения и в аспирантуру.

4) Была бы восстановлена историческая правда, связанная с историей нашего народа. Попытки фальсифицировать историю нашего народа, имевшие место за последние 10—13 лет, были бы разоблачены.

5) Клеветнические выступления против нашего народа, опубликованные в печати уже после нашего выселения были бы разоблачены. В этом направлении уже сейчас следовало бы начать соответствующую работу. Аварский поэт Расул Гамзатов прислал нашим писателям письмо, в котором он осудил свои оскорбительные для нашего народа слова с стихотворений «Имам». Хотим думать, что тов. Гамзатов не лицемерит, что его письмо написано от души. Мы хотели бы, чтобы это письмо было опубликовано в печати. Копию этого письма прилагаем. Хотелось бы, чтобы этому примеру последовали и другие клеветники, признав свои ошибки. Было бы крайне желательно, чтобы уже сейчас в печати была опубликована статья о дружбе и интернационалистских традициях народов Кавказа, в том числе чечено-ингушского народа. Такая статья имела бы большое воспитательное значение, она служила бы задаче воспитания чувства дружбы и интернационализма у народов СССР.

III. Возвращение чеченскому и ингушскому народам их исконной родины и восстановление его республики имеет большое международное значение, огромное значение для укрепления дружбы народов СССР. Этим историческим актом будут решительно отвергнуты обвинения Советского Союза в дискриминации, которые предъявляют нашей стране противники СССР за рубежом.

Ни трудности, ни материальные затраты, связанные с возвращением нашего народа на родину и восстановлением его республики не идут ни в какое сравнение с великими моральными и политическими последствиями, связанными с этим актом.

Мы просим создать специальную комиссию для изучения вопросов, связанных с судьбой чеченского и ингушского народов. Нам кажется, что было бы целесообразно включить в состав этой комиссии представителей чеченского и ингушского народов, которые смогли бы помочь во многих вопросах, касающихся прошлого и настоящего чечено-ингушского народа на Кавказе и в Средней Азии.

Нельзя медлить с окончательным решением вопроса о судьбе наших народов. Нынешнее состояние вызывает тревожное настроение нашего народа. Он убежден в том, что очень скоро

окончательно и бесповоротно восторжествует правда — чеченскому и ингушскому народам будет возвращена его исконная родина и будет восстановлена его республика.

Москва в первой половине 1941 г.

Тревожной жизнь жила Москва в первой половине 1941 года. Этому была серьезная причина. Летом 1940 года в состав СССР вошли Латвия, Литва и Эстония, как тогда говорили, по просьбе восставших латышского, литовского и эстонского народов, опасавшихся захвата их республик кровавым фашизмом. К УССР была присоединена Западная Украина.

Говорили, что все это связано с подготовкой к отражению нападения фашистской Германии на СССР, хотя с Гитлером был заключен договор о ненападении. Мало кто искренне верил в этот договор. Тревога была усилена войной с маленькой Финляндией. Эта война слишком дорого стоила Великому Советскому Союзу. В интимных беседах часто звучали нотки опасения, беспокойства, сумеет ли наша страна отразить нападение фашистской Германии и ее союзников. Гитлеровская армия считалась самой мощной в Западной Европе. Она приобретала опыт ведения современной войны при захвате Франции, Польши и некоторых других государств.

Словом для простых людей, составляющих огромное большинство Великого Государства, первая половина 1941 года проходила в ожидании мирового пожара, эпицентром которого станет СССР. Так все и произошло.

К девяти часам утра 22 июня 1941 года я пришел в Библиотеку им. В. И. Ленина, как обычно, заниматься, ничего не зная о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз. Утро было холодным, пасмурным, дул пронизывающий ветер. Нам — аспирантам было разрешено заниматься в верхнем профессорском зале старого Румянцевского здания. Обычно лишь отдельные профессора приходили туда работать. Да и аспиранты посещали этот зал редко. Там встречались аспиранты всех специальностей. Но регулярно посещали Библиотеку лишь немногие. К числу постоянных посетителей относились аспирант-литературовед, аспирантка-математик, аспирантка-физик и я. Как всегда, и в этот день мы устроили небольшой перерыв и обменивались новостями. И на этот раз вопрошали, будет ли война в этом году. Но никто из нас не знал, что она уже идет с четырех часов утра.

Около 13 часов я вышел на улицу, чтобы перекусить в кафе. Перед булочной стояла необычно большая очередь за хлебом. Лица были тревожные. У пожилого мужчины, стоявшего в очереди, я спросил:

— Простите, почему вдруг такая большая очередь в булочную, что случилось? — Сначала он удивленно посмотрел на меня. Потом, тяжело дыша, сказал:

— Война. Германия внезапно напала на нас. Об этом объявил Молотов в своем выступлении по радио.

Это сообщение произвело на меня тяжелое впечатление. Я забыл о еде. Быстро вернулся в библиотеку, взял свои материалы и отправился в Институт. Многонациональным был состав аспирантов Института языка и мышления и Института языка и письменности АН СССР. Многие из них в первый же день войны получили повестки из военкомата. Большинство из них служили в армии, имели воинские звания. Их и призвали в армию. Среди них были балкарец, кабардинец, дагестанец, туркмен, узбек, башкир, татарин и т. д. После получения повесток они пришли в институт попрощаться с товарищами, друзьями. Настроение было боевым. Они чувствовали себя членами единой семьи. С этим великим чувством они отправились в армию, готовы сражаться за Родину до полного разгрома фашизма. Мы были так воспитаны. По состоянию здоровья я был снят с военного учета. Ходил в военкомат — с просьбой добровольцем отправить меня на фронт. Мне сказали, что пока нужно подождать. В первую очередь призывают командный состав и служивших в армии.

В Москве учились в разных вузах чеченцы и ингуши. Многие из них ушли на фронт. Стало грустно без друзей и близких товарищей. Будучи заместителем председателя профкома института, приходилось заниматься разными общественными делами. Председателем профкома работал старший научный сотрудник доцент Касаев. Он был значительно старше меня. Мы дружно сотрудничали. Всю организационную работу мне приходилось выполнять: организация местной обороны, охрана здания Института, эвакуация ученых старшего поколения с семьями. Вся эта работа велась совместно с дирекцией Института и другими общественными организациями. Фронт стремительно приближался к Москве. Было принято решение об эвакуации некоторых научных учреждений АН СССР в первую очередь с крупными учеными (вместе с семьями). Помню беседы членов эвакуационной комиссии в Институте. Профессор Борис Всеволодович Миллер, почтенного возраста:

— Куда я могу поехать в моем возрасте и с моим состоянием здоровья. Спасибо за заботу. Мне недолго жить. Лучше умру в Москве.

Морально тяжело было вести такие беседы.

Иной был разговор с профессором Н. Ф. Яковлевым. Несмотря

на возраст, он выглядел крепким, здоровым.

— Никуда я не поеду. Я не в таком состоянии, чтобы эвакуироваться. Я здоров и готов посхатать строить оборонительную линию.

Обаятельный профессор О. Винокур сильно переживал возможность эвакуации из Москвы вместе с семьей. Я встретил его у входа в будущий Институт русского языка АН СССР на Волхонке (в один из июльских дней 1941 года). Он поинтересовался состоянием дела с эвакуацией. Он работал и в Московском Университете. Видимо, он решал вопрос о том, с кем ему эвакуироваться — с МГУ или с академическим институтом.

Для нас молодых аспирантов дел было много. В Москве несколько раз объявляли ложную воздушную тревогу. Противовоздушная оборона готовилась к встрече немецких самолетов над Москвой. Но мало кто из простых, рядовых москвичей верил в то, что немецким самолетам позволят бомбить Москву. Наша авиация в народе пользовалась славой самой сильной непобедимой. В этом легко можно было убедиться на станции метро «Арбатская». После дежурства в Институте в начале двенадцатого (ночью) я направился пешком по Гоголевскому бульвару на станцию Метро «Арбатская». В тот момент, когда я вышел на Арбатскую площадь, объявили воздушную тревогу. Все находившиеся на площади должны были быстро войти в Метро. Многие были убеждены в том, что объявлена ложная воздушная тревога. Уже в первом часу ночи люди начали требовать, чтобы их выпустили.

— Выпустите нас, с утра надо идти на работу. МВО может проводить свои учебные занятия и без наших мучений. Наша авиация не допустит, чтобы немецкие самолеты бомбили Москву, — кричали женщины и мужчины.

Вначале милиционеры терпеливо относились к этим выкрикам. В конце концов один из милиционеров закричал резко:

— Довольно галдеть. Когда выйдете на улицу, увидите разрушенные дома и жертвы бомбежки. Никто с вами не играет в прятки.

Такое заявление произвело сильное впечатление. Стало тихо.

Около четырех часов нас выпустили. Это была первая ночь бомбежки Москвы немецкими самолетами (через месяц после начала войны).

Когда москвичи вышли на Арбатскую площадь, они были потрясены увиденным. Там, где начинается улица Воровского, был разрушен дом прямым попаданием бомбы. Арбатская улица местами была окутана дымом...

Все побежали на Арбатскую улицу, к разрушенному бомбежкой дому. В это утро москвичи впервые своими глазами увидели «плоды» жестокости фашистских захватчиков, готовых истребить детей, стариков, мирных жителей в далеком тылу.

На второй или третий день после первого налета немецко-фашистских самолетов во дворе одного из домов недалеко от Министерства обороны я увидел немецкого летчика, сбитого советскими зенитчиками во время бомбежки Москвы. Я проходил мимо этого дома. У закрытых ворот через щель смотрели на летчика несколько человек. Я подошел к ним и тоже увидел сидевшего на стуле с завязанными глазами рослого, упитанного немецкого летчика — одного из тех, кто прилетел бомбить Москву. Через несколько дней я уехал добровольцем на фронт.

Москва и Подмосковье осенью 1941 года

Москва и Подмосковье осенью 1941 года — тема для многих художественных произведений и исторических исследований. О многом могли бы рассказать и мы. Но краткое воспоминание располагает ограниченными возможностями. Поэтому здесь речь может идти только об отдельных, но ярких незабываемых фактах, свидетелем, очевидцем, участником которых был автор.

Осенью 1941 года мне пришлось поехать в Москву на несколько дней из района оборонительной линии у села Митрофановки (в малоярославском направлении), где стояла наша часть, участвовавшая и в создании этой линии. Жители села в основном уже были эвакуированы. Все необходимое из села было вывезено. Чувствовалось приближение фронта.

Вечером на грузовой машине мы выехали на станцию, где очень мало было гражданских лиц. Пришел товарный поезд. Я вошел в вагон, в котором было всего несколько человек. Через несколько минут тронулся поезд. Он медленно набирал скорость. Кругом было темно. Вдоль железной дороги, где раньше населенные пункты, заводы, фабрики были ночью ярко освещены электрическим светом, соблюдалось правило светомаскировки.

Когда поезд остановился на одной станции, мы слышали гул моторов. Люди, стоявшие на перроне, напряженно смотрели в звездное небо. Кто-то тревожно сказал:

— Летят на Москву.

Фашистских самолетов было много. Нередко в налетах на Москву участвовало до 200 самолетов. Сколько было их на этот раз, трудно было сказать. Но наш поезд отправился так просто, как будто ничего не произошло. Спустя некоторое время, вдруг произошел взрыв на сравнительно незначительном расстоянии от

железнодорожного полотна. Резким торможением машинист почти остановил поезд. Все бросились к окнам. Один из пассажиров крикнул:

— Фашистский самолет.

Поезд резким движением рванулся вперед. Человек ударился о стенку вагона и застонал. Двое подошли к нему, чтобы помочь. Некоторые пассажиры отделались легкими ушибами. Опять резкое торможение. Опять ушибы... Так продолжалось в течение нескольких часов. Машинист маневрировал. Ясно было, что фашистский самолет летел высоко. Летчик боялся зенитного огня. Машинист маневрировал умело. Этим объяснялась неточность попадания бомб.

В пятом часу утра поезд остановился на Московском вокзале. Мы — пассажиры забыли о своих страданиях и бросились к машинисту, чтобы поблагодарить его. Но его подхватили железнодорожники — товарищи. Конечно, это был не единственный случай преследования поезда фашистскими самолетами. Но и этот случай где-то зафиксирован — в материалах по истории обороны Москвы 1941 года.

Дом, в котором я жил, находился недалеко от Киевского вокзала на Малой Дорогомиловской улице. В том месте, где стоял наш дом, я увидел чистую площадку. Мне показалось, что я ошибся: нахожусь не на своей улице. Но оказалось, что дом был полностью разрушен прямым попаданием бомбы. Поэтому очистили площадку, где стоял наш дом. Все жильцы лишились всего того, что у них было в квартирах.

Мне дали место в общежитии АН СССР в угловом доме на Неглинной улице, напротив гостиницы «Метрополь» и Малого Театра, где впоследствии жили эвакуированные из Ленинграда академик Л. В. Щерба и член-кор. АН СССР С. Г. Бархударов с семьями.

В Москве царил деловая, спокойная атмосфера. Вместе с тем чувствовалось, что она готова в любую минуту дать решительный отпор врагу.

Вечером около девяти часов я пришел в общежитие очень усталый. Закрыл дверь и лег спать. Через полтора-два часа сильный стук в дверь разбудил меня. Комендант просил дежурить на чердаке. Уже была объявлена воздушная тревога. В доме были размещены учреждения, кроме нашего общежития. Из каждого учреждения выделенные лица дежурили на чердаке. Комендант вместе со мной поднялся на чердак и показал мне место, где я должен был дежурить. Через некоторое время «заговорили» зенитки, стоявшие на крыше дома. Что-то ужасное происходило. Казалось, что вот-вот развалится дом. Немецкие самолеты

пытались прорваться к Кремлю, но сильный, сплошной огонь наших зенитчиков не позволял им сделать это. Один из дежурных — немолодой человек подошел ко мне и сказал:

— На фронте видишь врага, стреляешь в него, а тут стоишь и ждешь, пока воздушный разбойник уничтожит тебя и дом. Какая глупая смерть. Лучше на фронте погибнуть, уничтожая врага, чем так здесь.

Около четырех часов утра дали отбой воздушной тревоге. Я вернулся в общежитие в довольно незавидном состоянии. В начале девятого утра я ушел из общежития.

Вечером, не решаясь сразу прийти в общежитие, я пошел к товарищу, чтобы поспать, хотя бы два-три часа до воздушной тревоги. Трудно было рассчитывать на такой отдых в общежитии. Но мне нужно было вернуться туда (в общежитие) до 23 часов. Немецкие фашисты совершали свои налеты на Москву обычно после 23 ч. Но в эту ночь воздушную тревогу объявили на целый час раньше. После объявления воздушной тревоги движение в городе прекращалось. Воздушная тревога застала меня на станции метро «Дзержинская». Никого не выпускали из метро. В вагонах поездов метро спали, сидели дети, старики, больные. Все остальные внизу стояли на платформе. Рядом со мной стоял работник НКВД, приехавший в Москву по вызову. Мы вели беседу. Около двух часов ночи, мой сосед предложил присесть. В этот момент произошел взрыв оглушительной силы. На платформе была узкая «тропинка», по которой ходил дежурный милиционер. Когда раздался взрыв, он скомандовал:

— Ложитесь!

Но ведь лечь было негде. Свет погас. Крики, плач... Все подумали, что вражеская бомба упала прямо в Метро. Скоро появился свет. Люди несколько успокоились.

Даже в эту, можно сказать, трагическую минуту москвичей не покидали юмор, мягкая ирония. Мужчина средних лет мягко обратился к милиционеру под хохот всех присутствовавших:

— Какой будет следующий приказ по подземному гарнизону?

Милиционер улыбался, понимая, как нужны людям в эту минуту юмор, безобидная шутка.

Около четырех часов утра объявили отбой. Когда вышли на улицу (на площадь Дзержинского), мы увидели невообразимую картину: между станцией метро и тем местом, где сейчас находится универмаг «Детский мир», в середине улицы была большая воронка глубиной несколько метров. Туда была сброшена с немецкого самолета фугасная бомба. Стекла окон, выходивших на площадь домов, были разбиты, разрушена трамвайная линия (в то время там ходил трамвай).

Около пяти часов утра я пришел в общежитие. Немного поспал и в начале девятого вышел из дома. Каково было мое удивление, когда увидел то место, где была воронка. Последствия бомбежки были быстро ликвидированы. Площадь выглядела так, как будто и не было воронки. Так четко и оперативно работали восстановительные бригады. Всюду царил дух убежденности в правоте нашего дела, непреклонной воли и веры в нашу победу.

для представителей всех народов Великого Советского Союза в то время Москва была столицей Большой Родины. Покидая Москву, чтобы вернуться в свою часть, я думал, как и все граждане СССР, о Москве, о необходимости нанести сокрушительный удар захватчикам под Москвой. Эта вера народов была одной из главных сил, обеспечивших Великую Победу над фашизмом.

Грозный осенью 1942 г.

После прорыва обороны Советской Армии (Красной Армии) в районе Ростова н/Д фашистские войска устремились к нефтяным центрам Кавказа — главным образом к Грозному и Баку. Еще летом началась эвакуация из некоторых районов Северного Кавказа. К осени развернулась эвакуация заводов, фабрик, техники из Чечено-Ингушетии.

Еще летом 1942 года мне было предложено в Верховном Совете РСФСР поехать в Грозный для работы в научных учреждениях и в органах печати в связи с приближением войны к Северному Кавказу и возможным осложнением социально-политического положения и военной обстановки в регионе. Часть кадров вместе с учреждениями и великовозрастные специалисты были эвакуированы. Имели место и немногочисленные случаи, когда отдельные работники самовольно покидали город и уезжали в села и станицы, подальше от жизненно опасного нефтяного центра, предвидя возможные тяжелые последствия в случае бомбежки нефтяных промыслов и нефтеперерабатывающих заводов. Сначала я стал сочетать работу в научно-исследовательском институте языка, истории и литературы, которым руководил Д. Д. Мальсагов, с сотрудничеством в органах печати. Я начал работать в качестве главного редактора Чечено-Ингушского Радиокomiteта. Но работа главного редактора Радиокomiteта, председателем которого был мужественный Андарбек Шамилев, отнимала много времени и сил.

Тревожно было и в Грозном. Прилетали немецкие самолеты-разведчики. Один из них был сбит в районе селения Шаман-Юрт. Долго (в течение дня) не могли найти летчика, спустившегося на

парашюте. К концу дня его нашли чекисты в речке под мостом между Шаман-Юртом и Ачхой-Мартаном.

В прифронтовом Грозном было спокойно, хотя и тревожно. Все учреждения и организации, оставленные в городе, функционировали нормально. Руководители республики Иванов (не помню его имени и отчества), М. Г. Гайрбеков и другие контролировали положение в республике.

Председателем Чечено-Ингушского радиокомитета чеченец Анларбек Шамилев работал самоотверженно, умело руководил коллективом. Его заместителем был армянин (фамилии не помню) — добрый человек, работавший, не жалея себя. В радиокомитете сотрудничали замечательный ингушский поэт Джамалдин Яндиев, чеченский поэт и драматург Нурдин Музаев, ученый, кандидат филологических наук, доцент, впоследствии ставший профессором Д. Д. Мальсагов. Нашим общим любимцем был прекрасный исполнитель ингушских народных песен на гармонии и поэт Хамхоев Ахмед. Из более молодых помню Бориса Путилова, ныне доктора филологических наук, профессора. Однажды ночью нам нужно было срочно подготовить утреннюю передачу на следующий день. Мы пришли ко мне домой вечером. Соблюдая требование светомаскировки, мы с Б. Путиловым зажгли керосиновую лампу, поставили ее на пол, замаскировали окно, а сами, лежа на полу на коврик, готовили материал для передачи по радио.

К сожалению, далеко не всех помню. Коллектив был дружный, преданный. Несмотря на то, что в Грозном в любую минуту ждали воздушной и танковой атаки города фашистскими войсками ни один сотрудник Радиокомитета при мне самовольно не оставил трудной и опасной работы.

После разгрома группы (фашистских войск между г. Орджоникидзе и Нальчиком у нас появилась уверенность в том, что наши войска, грозненцы отстоят свой город.

Бои за г. Орджоникидзе и военно-грузинскую дорогу были исключительно кровопролитными. Мы — журналисты бывали в воинских частях, беседовали с красноармейцами, командирами. Но точными данными о сражении и его участниках не располагали. Однако все сведения, которые сообщали нам воины, мы охотно распространяли без всякой проверки. Ведь речь шла о победе героических защитников Кавказа: фашисты, окружив небольшую часть наших войск на подступах к городу Орджоникидзе со стороны г. Нальчика, захватили Орджоникидзе и вышли к военно-грузинской дороге. Советская дивизия, переброшенная из Закавказья по военно-грузинской дороге, не только выбила немцев из Орджоникидзе, но и приняла участие в окружении

немецких частей, окружавших наши части, как тогда говорили. К фашистам подоспела к вечеру помощь, и в районе между Орджоникидзе и Нальчиком развернулись ожесточенные бои. Командование наших войск, воспользовавшись темной ночью из района Молгобека, где на левом берегу стояли фашисты, а на правом берегу — советские войска, как говорили, перебросили крупную часть танков в район между Орджоникидзе и Нальчиком. В течение четырех дней до 5--6 ноября 1942 г. довольно крупная группировка фашистских войск в этом районе была разгромлена. Участники этих боев тут же, по свежим следам рассказывали, что фашисты потеряли только убитыми много тысяч солдат и офицеров. Тогда на эту победу смотрели иначе, чем сейчас. Журналисты с восторгом информировали население республики об этой победе.

В те дни трудно было получить точные данные об участниках сражения, потерях и военно-стратегическом значении победы наших войск на этом участке. Теперь, к 50-летию этого сражения, опубликованы более точные данные: в районе между г. Орджоникидзе (Владикавказом) и г. Нальчиком «происходило одно из крупных танковых сражений... в четырехдневных боях гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными более 40 тысяч человек (в том числе 16 тысяч убитых солдат и офицеров), 598 подбитых, сожженных и взятых исправными танков. Мы в г. Грозном праздновали эту победу, одновременно оплакивая жертвы этой безумной, жестокой войны. В своем поражении признавалось и фашистское командование. Об этом свидетельствует приказ командира третьего немецкого танкового корпуса генерала фон Макензена: «Четырехдневная битва под Гизелью окончилась полным поражением третьего танкового корпуса. Преследование наших войск продолжается с западной стороны города Орджоникидзе. План уничтожения наших войск протекал как часовой механизм, благодаря смелому стремлению всех участвовавших частей Красной Армии дорваться до противника, и трусости и неспособности наших командиров... Я выражаю войскам, особенно многочисленным войскам империи, свою боль и соболезнования» (см. газета «Северная Осетия», от 10 июня 1992 г., с. 3).

Об этой битве газета «Правда» 20 ноября 1942 г. сообщала как «о разгроме гитлеровцев под городом Орджоникидзе». Я так подробно рассказываю об этой битве вот почему. Чечено-Ингушетия была прифронтовой республикой. Город Владикавказ (Орджоникидзе) находится недалеко даже от моего родного села Ачхой-Мартана, расположенного всего на тридцати-сорока километрах от границы Чечено-Ингушетии с Северной Осетией. Но

ти один народ, живущий в этом регионе, не оказывал поддержки фашистским захватчикам. Автор этих строк, находившийся в то время в г. Грозном в качестве главного редактора Чечено-Ингушского радиокомитета, часто бывал в регионе, и является живым свидетелем сказанного. Измышление отдельных авторов о помощи чеченцев и ингушей гитлеровским войскам являются заблуждением их авторов или носит злонамеренный характер. Таким же измышлением является и попытка распространить слух о том, что якобы чеченцы и ингуши подарили Гитлеру белого коня. Даже в трудных зимних условиях из отдаленных горных чеченских сел шли подарки фронтовикам по случаю дня Красной Армии. Я лично был свидетелем отправки таких подарков на фронт из Дарго.

Поездка в Белой и Даргов в феврале 1943 г.

Весь мир, затаив дыхание, следил за исходом Сталинградской битвы. Но тревога, ожидание грозненцев носили особый характер. Победа Сталинграда означала для них не только радость великой победы, но и радость спасения от неминуемого разгрома города и гибели значительной части населения в неравной борьбе. У ворот Грозного — на левом берегу Терска, в районе Малгобека стояли отборные, кровожадные фашистские головорезы. Грозненцы не собирались сдаваться на милость жестокого врага. Все, что нужно и можно эвакуировать, уже было эвакуировано. Если не удастся отстоять город, то они не собирались сдавать его врагу. Центр черного золота сгорел бы вместе с захватчиками в «мировом» пожаре. В этих тяжелых предчувствиях город жил спокойной жизнью, без паники, но в великом ожидании. Именно в эти дни — в конце января — начале февраля 1943 г. мне было предложено поехать в горные селения Беной (и Дарго), где, по утверждению некоторых деятелей, сельчане распустили сельский совет и отменили Советскую власть, т. е. совершили «Государственную измену», иначе говоря, в тех условиях совершали государственную измену, за что полагалась смертная казнь. В подходящих условиях все население села могли подвергнуть чудовишным репрессиям и наказанию...

Несмотря на возражение моих близких товарищей, я согласился поехать в Беной (Дарго) потому именно, что не верил слухам о восстании в селе против Советской власти в тех сложных условиях. Зима 1942—1943 гг. была морозная и снежная, особенно в горах. Со мной поехал из Грозного один русский (не помню его фамилии). Но следы нашей командировки должны быть в архивных материалах Чечено-Ингушского обкома партии,

относящихся (материалы) к 1942—1943 гг. Сначала на машине мы приехали в Ведено - бывшую резиденцию Шамиля, в советское время ставшую районным центром. Первый секретарь Веденского райкома партии Тепсаев встретил нас приветливо. Он производил хорошее впечатление. По внешнему виду ему можно было дать лет 40—45. Худощавый, с лицом и глазами человека решительного и скромного. Я был знаком с Тепсаевым. Однажды, когда он был в Грозном, я брал у него интервью. После восстановления Чечено-Ингушской АССР он работал зам. председателя Президиума Верховного Совета или зам. председателя Совета Министров республики.

Узнав, что я собираюсь поехать в Дарго и Беной, он откровенно сказал:

— Не советую Вам схать туда. Недалеко от этих сел идут бои. Там почти не функционирует Советская власть, т. е. местные сельские органы Советской власти.

Убедившись в том, что я должен лично побывать там, Тепсаев (забыл его имя и отчество) сказал:

— Но что же. В таком случае я помогу Вам, чем смогу. К сожалению, я сам не смогу поехать с Вами. Завтра Бюро Обкома партии, куда я приглашен. Я дам Вам своего коня. С Вами поедет сын знаменитого Зелимхана (последние три слова он выразительно подчеркнул, как бы давая мне понять, что он придает важное значение этой поездке).

В этот же день я познакомился с сыном Зелимхана Умар-Али (кажется, так его звали), который заведовал одним из отделов райкома партии или райисполкома. Он был сильно простужен, тем не менее выразил готовность поехать со мной. Стояли очень холодные морозные дни. Поэтому я обратился в районную поликлинику (больницу) с просьбой осторожно выяснить состояние здоровья Умар Али..., не говоря ему ничего. Я беспокоился не только о его здоровье, но и о деле. Если по приезде в место назначения он свалится с высокой температурой, то это, конечно, не будет способствовать успешному выполнению задания. Врачи установили, что ему ни в коем случае нельзя ехать, у него высокая температура. Ему был предписан постельный режим.

Тепсаев вместо заболевшего Умар Али... рекомендовал одного из секретарей райкома партии. Это был Адаев (если я не забыл). Сравнительно молодой человек. При первом нашем знакомстве он обратил внимание на мою шапку типа «хрущевки» и заметил, что в такой шапке и в такую морозную погоду верхом нельзя ехать в Беной и Дарго.

— Предстоит дальняя поездка в горах. Если завтра рано утром

выедем, то приедем в Беной поздно вечером. Я постараюсь найти для Вас папаху,— сказал он, прощаясь со мной.

На следующий день рано утром мой попутчик пришел ко мне с огромной папахой. Я встал рано и ждал его.

— Меня беспокоит размер папахи. Не вилка ли она будет Вам? — спросил он.

Когда я померил шапку, улыбаясь, сказал:

— Как раз Ваш размер. Идет Вам.

Мы посмеялись, пошутили. И мне на душе почему-то стало легче. Ночью плохо спал. Я чувствовал, что люди, окружавшие меня, при всей их предупредительности, уважительного отношения ко мне, как-то неопределенно представляют себе цель моего приезда. Я стал невольным свидетелем разговора двух местных работников в соседней комнате. Они разговаривали между собой шепотом. Разговор шел обо мне.

— Он, говорят, из Москвы. Может быть прислан со специальным заданием. Наверное, не доверяют местным работникам внутренних дел,— говорил один из них. Другой продолжал:

— Может быть. Он ведет себя независимо, одинаково относится ко всем. Он не принял капитана из местных органов. Сказал, что у него нет времени заниматься приемом местных работников.

Но это была выдумка местного работника. Никакой капитан ко мне не обращался.

— Вот видишь, как он ведет себя, опять зашептал первый работник.

— А почему к нему обращаются, а не к работнику обкома, который с ним приехал? Обкомовский значительно старше его и более опытный,— вопрошал второй работник.

— То-то,— сказал первый шепотом,— Потому, что он из Москвы, из Москвы прислан. Зачем, для чего прислан?

Этот разговор произвел на меня тяжелое впечатление. За кого же они меня принимают, думал я, не за ревизора ли, а может быть похуже... Наряду с переживаниями, связанными с общей обстановкой, вызванной жестокой войной, меня сильно расстроил и этот разговор двух работников. Все это вызвало сильное возбуждение нервной системы. Поэтому я и не смог спать. Больше всего тревожила меня Сталинградская битва, как и любого Советского человека. Покоя не давала сложная военная ситуация на Северном Кавказе. Фашистские войска стояли в 30—40 км от родного села, где жили родственники. Ко всему этому неясность положения в селах Беной и Дарго, куда я должен был поехать утром.

Приход Адаева и разговор о папаше несколько отвлекли меня

от тревожных мыслей. К тому же Адаев оказался жизнерадостным, энергичным и смелым человеком.

— Кони оседланы. Нас ждут на завтрак,— напомнил мне Адаев, намекая на то, что время отъезда приближается.

Утро было морозным. Оседланные кони стояли на привязи и беспокойно из-за сильного мороза ждали нас. Село Ведено еще спало. За высокими горами занимала заря. Я сел на низкорослого серого коня для верховой езды. Для моего товарища был подан такой же низкорослый гнедой конь. Мы посхали по почти безлюдным улицам Ведено. Под ногами коней потрескивал снег. Кое-где лаяли собаки.

— Прикройте рот башлыком, сильный мороз,— предупредил меня мой попутчик.— Примерно в середине дня мы остановились в селе у знакомого моего товарища. Пообедали. Нас угостили прекрасными грецкими орехами с собственного участка. Мы торопились, желая до темноты добраться до места назначения. Но к вечеру поднялась буря. Казалось, глубокий пласт снега, покрывавший склоны гор, весь поднялся, завертелся в воздухе. Буря ревела как одинокий зверь в темную ночь. Я никогда не оказывался в такой жуткой обстановке. Мы с товарищем ехали рядом, но иногда не видели и не слышали друг друга. Возможно, поэтому так ярко живет в моей памяти этот вечер.

— Может быть, остановимся где-нибудь, переждем бурю,— сказал я Магомеду Адаеву.

— Нельзя. Близо нет населенного пункта. Мороз усиливается. Пурга, может, будет бушевать всю ночь. Замерзнем. Коней загубим,— сказал он спокойно, успокаивая меня.

Я понял, что Магомед не первый раз едет в такую ночь по горным склонам и успокоился. Мы стали спускаться в ущелье.

Вдруг неожиданно нас остановил военный патруль. Тепло одетый воин предложил нам предъявить документы. Пока мы доставали документы, подошел командир. Поздоровался с нами и попросил немного спуститься за выступ горы, где более спокойно можно проверить документы. Мы так и поступили. За выступом горы не так сильно выла буря. Но здесь мы впервые услышали выстрелы, пулеметную канонаду. Оказалось, что мы встретились с подразделением Московского полка, которое направлялось в ущелье, в глубине которого на горной речке находилась мельница. В ней и около нее была окружена разнорасованная небольшая группа, состоявшая, по словам командира, из дезертиров, бандитов и других уголовных элементов — представителей разных национальностей.

— Населенные пункты, куда вы направляетесь, находятся на противоположной стороне ущелья, навсрху, относительно недалеко

от мельницы. Опасно туда ехать. Мы точно не знаем, что происходит в этих селах,— предупредил нас офицер.

— К сожалению, мы не можем не ехать. В случае необходимости ваша часть поможет нам? — спросил я.

— Да, конечно, но может быть такая ситуация, что наша помощь не успеет. Вы кого-нибудь знаете из местных жителей,— спросил командир подразделения.

— У нас есть письмо первого секретаря Веденского райкома партии на имя его близкого товарища, друга.

— Такое письмо — более реальная помощь, чем наша поддержка. Здесь, на Кавказе, дружба ценится превыше всего,— продолжал офицер, видимо, полагая, что я новичок на Кавказе.

Мы простились с войнами и стали спускаться в ущелье. Уже стемнело. Буря бушевала не так сильно, как наверху. Все сильнее слышались раскаты боя. Без приключения мы пересекли ущелье и оказались наверху его противоположной стороны.

Магомед знал, где находится дом приятеля Тейсаева. Когда мы подъехали к дому, залаяли собаки. Вышел хозяин дома. Когда он открыл калитку, Магомед, знавший его, поздоровался с ним на чеченском языке и сказал:

— Хьеший чу бохкийтий аша (Гостей принимаете вы?)

— Дера бохкуйту (конечно, принимаем),— ответил хозяин. Он открыл нам ворота. Как только мы въехали во двор, к нам подошли двое молодых парней. Как принято у чеченцев, помогли нам сойти с коней. Они увели лошадей под сарай, где стали снимать седла с коней. Хозяин пригласил нас в свой дом.

Мы вошли в комнату для гостей (в так называемую кунацкую комнату). В чеченской «глинобитной» печке горели дрова. В комнате было уютно и тепло. Мы сняли пальто и даже шапки, вопреки чеченским обычаям. На полу лежал ковер. Хотя хозяин, как это было принято, говорил не надо снимать обувь, тем не менее мы сняли обувь и сели на паднар (топчан), накрытый ковриком. Хозяин продолжал стоять. Я попросил его сесть. Он продолжал стоять, спрашивая нас, как мы доехали, не замерзли ли. Обычный разговор хозяина с прибывшим гостем. Я встал и еще раз попросил сесть, чувствуя какую-то неловкость в том, что человек, значительно старшей нас, стоит, а мы — молодые сидим. Он отвечал, что мы — гости, а он хозяин. Тогда я сказал:

— Пожалуйста, считайте нас вашими младшими братьями, вернувшимися домой после долгого путешествия.— Затем сел. Мы хотели, не откладывая на завтра, приступить к делу.

Я коротко рассказал Шоипу, с какой целью мы приехали. Шоип удивился.

— Кто-то оклеветал нас,— с возмущением сказал Шоип. Наши

молодые земляки находятся на фронте. Мы посылали подарки. Мы же не виноваты в том, что в наших необитаемых горах скрываются разные преступники. Значительная часть из них окружена в ущелье — в районе мельницы. Там идут бои. Мы слышим стрельбу.

— Почему закрыт ваш сельский Совет? — спросил я.

— Председатель Сельского Совета скрывается от кровников. А секретарь Сельсовета говорит, что ему нечего делать там, без председателя. Поэтому он редко бывает там.

Мы попросили пригласить к девяти часам вечера скрывающегося председателя с/совета, его секретаря и пять—шесть человек из сельского актива, если можно.

Шоип, все еще сидевший в шубе, опоясанный чеченским кожаным отделанным серебром поясом, на котором висел кинжал, и в черной папахе, встал и сказал, что он постарается выполнить эту просьбу.

Вскоре вернулся Шоип и сообщил, что к 9 часам вечера придут все, кого он пригласил. Затем нам подали вкусный ужин. Мы старались на короткое время за ужином отвлечься от тяжелых переживаний, связанных с битвой за Сталинград, с предстоящими боями за Кавказ. Но Шоип спросил:

— Как идут наши дела на фронтах? До нас доходит информация очень поздно, да и то не очень точная.

Мы коротко рассказали о битве за Сталинград. Но не стали говорить о том, что гитлеровцы стоят за Терекком.

Пришли приглашенные. Среди них выделялся председатель Сельского совета Салман. Высокий, в полушубке, лет 30—35, с густыми, коротенькими усами. Остальные были заметно старше Салмана, но весьма корректны, предупредительны и уважительны по отношению к гостям. Следуя традициям горцев, мы обменялись приветствиями и распросами о здоровье, делах... Затем сразу перешли к делу. Я коротко сказал им, зачем мы приехали. Передал последнюю информацию, услышанную нами по радио перед выездом из Ведено. Мы, как могли, ответили на их вопросы о положении на фронте.

— Салман, в Ведено и Грозном обеспокоены тем, что у нас почти все время Сельсовет на замке, — сказал я.

— К сожалению, я вынужден скрываться от кровников с тех пор, как вернулся с фронта после тяжелого ранения, от сына убитого моим отцом во время драки человека из соседнего села. Он организовал слежку за мной, чтобы убить меня — по закону кровной мести, — заявил Салман, опустив голову от смущения. Видно было, что ему неприятны мой вопрос и свой вынужденный ответ. Я сожалел, что задал ему такой вопрос. Тут же мы

перевели разговор на другую тему.

Мы хотели бы завтра встретиться с жителями села, рассказать им о положении на фронтах Великой Отечественной войны, ответить на их вопросы по мере своих возможностей, — сказал я.

Договорились провести завтра утром собрание жителей села, где я должен был выступить с докладом о положении на фронтах. После собрания ответы на вопросы. На следующий день утром после завтрака мы отправились в с/совет. До сих пор в моей памяти живет образ того чудесного утра в горах. Ослепительно ярко сияло солнце. Чисто голубое небо. Сильный мороз. Сверкающий на склонах гор своей белизной большой снег. Ослепительное сияние белоснежных вершин гор. Кругом какая-то возвышенная тишина. Мы были восхищены красотой, парившей в окружавшей нас природе.

К десяти часам утра мы пришли в С/совет, как условились. Но в Сельском Совете были только председатель, секретарь и несколько активистов.

— Что произошло. Почему люди не пришли на собрание? — спросили мы.

— Не знаем в чем дело. Мы всех предупреждали, — сказал расстроенный Салман.

Мы с Магомедом не стали выяснять причины неявки жителей села на собрание. Было решено перенести собрание на двенадцать часов дня.

— Два часа хватит нам, чтобы посетить каждый двор и пригласить людей на собрание? — обратился я к Салману.

От неожиданного вопроса он несколько смутился, но сказал, что хватит, если не будем задерживаться.

Со мной пошли по дворам Магомед и Салман. Село расположено вдоль ущелья, постепенно уходя в горы. Со стороны высоких гор ослепляюще сияло солнце. Мы подходили к каждому двору. Салман звал хозяина дома. Обычно выходили старики. Мы по-горски почтительно обращались к ним. Я просительно говорил с ними, сообщая, что мы приехали рассказать им, что происходит на фронтах, о сталинградской битве, о делах в Чечено-Ингушетии. Почтенные старики прежде всего приглашали домой. Мы вежливо благодарили и говорили, что собрание назначено на 12 ч. дня в С/совете. Нам нужно побывать и в других дворах.

К двенадцати часам мы обошли село и вернулись в С/совет. Двор был переполнен. Некоторые молодые люди поднялись на деревья, хотя во дворе С/совета были еще места, где можно было постоять. Но с какой целью люди сидели на деревьях, я не мог себе представить. Обращение внимания на то, что в такой морозный день люди сидят на деревьях, могло бы вызвать

кривотолки.

Вынесли столик, два стула. Мы с Магомедом и Салманом подошли к столу, но не сели. Почтенные старики обратили внимание на это и стали уговаривать нас, чтобы мы сели. Здесь психология человеческих отношений играла большую роль. Магомед как представитель района, куда мы приехали с моим товарищем, оставшимся в Ведено, открыл собрание и представил мне слово. Я начал свое выступление. В это время сидящие на деревьях закричали:

— Богу шууа (едут).

Затем они стали прыгать с деревьев, все собрание поднялось, люди стали разбегаться. Действительно с гор спускался конный отряд. Я обратился к собранию с просьбой не расходиться. Затем попросил Магомеда, чтобы он пошел к отряду и попросил их не мешать нам проводить собрание. Он побежал навстречу отряду, который успел завернуть во двор. Послушав Магомеда, командир повернул отряд на юг. Кавалеристы в полушубках и ушанках галопом отправились на юг, в сторону мельницы, где все еще периодически слышалась стрельба, перестрелка.

Люди не спеша вернулись, успокоились. Больше никто не залезал на деревья. Мы, организаторы собрания, поняли, что кто-то распространил слух о наших недобрых якобы намерениях. Люди, сидевшие на деревьях, выполняли роль наблюдателей. Если появятся признаки готовящегося нападения на собрание, то сразу объявить тревогу, что они и сделали. Как выяснилось впоследствии, оказывается, спускался отряд министра внутренних дел Дагестанской АССР. По договоренности отряд должен был прибыть в район мельницы, где шли боевые действия.

Мы продолжали свое собрание. После моего доклада стали задавать разные вопросы, в том числе на бытовые темы. Организаторы собрания ответили на них. Затем начались выступления, которыми мы особенно интересовались.

Один молодой человек старался выступить первым. Но несколько человек почтенного возраста изъявили желание выступить. Старейшему из них было предоставлено слово для первого выступления. Высокий, стройный, с длинной белой бородой, в тулупе и лапaxe, старец производил приятное впечатление. Он стоял, опираясь на длинную трость с набалдашником. Я сказал председателствующему Магомеду, чтобы он попросил сесть аксакала. По нашему настоянию аксакал сел.

- Уважаемые молодые люди, - начал он степенно, благодарим вас за то, что приехали. А тебя, жима къонах (молодой человек) за то, что рассказал о том, что происходит на фронтах, где сражаются и наши односельчане.

К концу выступления аксакала раздался голос, одобряющий сказанное. В последующих выступлениях были и жалобы на плохое снабжение, на то, что мало и редко информируют их о том, что происходит на фронтах. В своем выступлении я сказал, что было бы хорошо, если бы они оказали посильную помощь воинам, сражающимся на фронтах, подарками, например, ко Дню наших вооруженных сил. Об этом говорил и Магомед.

Собрание закончилось. Люди стали расходиться. Один из стариков почтенного возраста подошел к нам и сказал:

— Самагатделац, совгаташ хирду шуна тламгяхь болчарна (Не беспокойтесь, будут подарки для воинов).

И действительно, утром следующего дня, когда мы пришли в Сельский совет, то увидели, что все его помещение переполнено подарками: тулупы, папахи, шерстяные носки, варежки, продукты... Один из организаторов подарков просил нас проследить, чтобы их подарки дошли хотя бы до Грозного, а оттуда до фронта. Мы подождали, пока отправится обоз с подарками. Мы тепло простились с горцами, которые оказали нам настоящее кавказское гостеприимство своим вниманием, заботой о нас и исполнением всех наших скромных просьб об оказании помощи фронту.

В Ведено тревожно ждали весточки от нас. Вместо весточки прислали мы сами живыми и невредимыми. Все были рады тому, что мы сообщили им о результатах нашей поездки. Во время нашей встречи с небольшой группой представителей районного актива Магомед коротко рассказал о том, как нас встретили и как мы организовали собрание жителей села, о результатах нашей поездки.

— Во-первых, никто не отменял Советской власти в Бено (Дарго). Во-вторых, никакого восстания против Советской власти там не было. В-третьих, горцы не ждали и не ждут фашистов. Напротив, они с нетерпением ждут полного разгрома фашизма. В-четвертых, жители отправили вчера обоз с подарками для фронтовиков. Наконец, в-пятых, мы провели собрание жителей села, на котором присутствовало несколько сот человек. Ю. Дениериев выступил с докладом о положении на фронтах, о сталинградской битве. Участники собрания поблагодарили за доклад, за то, что мы приехали к ним. Никакой опасности для себя мы не почувствовали ни в селе, ни по дороге туда и обратно. Слухи о восстании в селе, о ликвидации Советской власти были провокационными,— закончил свое выступление Магомед.

Это была одна из попыток, рассчитанных на подготовку предстоящих репрессий против целого народа. В то время трудно

было даже представить себе такие иезуитские приемы. К сожалению, я не располагаю достоверными данными об авторах, передававших в государственные органы ложные информации, клеветнические сообщения. Непосредственные организаторы репрессий, а также и те, которые руководили их практическим осуществлением, допуская применение бесчеловечных приемов истребления безвинных людей, хорошо известны.

Беседа в Чечено-Ингушском обкоме партии

Через несколько дней после возвращения в Грозный меня неожиданно пригласили в Обком партии. Работник Обкома партии, который позвонил и предупредил, чтобы я сразу подошел к дежурному милиционеру у входа в Обком, сказал:

— Там вас встретят.

Сначала я был несколько удивлен тем, что меня встретят, и я пойду в Обком, минуя бюро пропусков. Потом подумал, что это объясняется, видимо, тем, что я сравнительно новый человек в городе. Поэтому удобнее встретить меня, чем объяснять, куда идти. Я полагал, что меня вызывает какой-нибудь инструктор, чтобы я рассказал ему о своей поездке в горный район. Мне и в голову не приходило, что первый секретарь Обкома может вызвать меня.

— Вас вызвал первый секретарь Обкома партии товарищ Иванов. Там будет и второй секретарь Обкома товарищ Рашидов, — доверительно сообщил мне обкомовский сотрудник.

Предстоящая встреча была совершенно неожиданной для меня. Поэтому я задал сопровождавшему меня вопрос, может быть, не совсем уместный с точки зрения существовавший в провинциальных партийных верхах:

— А зачем он меня вызывает?

Работник Обкома слегка улыбнулся и ответил:

— Это он сам скажет вам.

Мы вошли в приемную, где любезно встретил нас сравнительно молодой помощник Секретаря. Он сообщил мне сначала имена и отчества обоих секретарей, а затем сразу пригласил меня в кабинет секретаря. Сначала я поздоровался с первым секретарем Ивановым. Подавая мне руку, он приподнялся и, улыбаясь, сказал:

— Вот и познакомились.

Затем я подошел к Рашидову. Он, сидя и сохраняя «официальное» выражение лица, протянул руку. Поведение Рашидова было понятно мне. Он смотрел на меня как на молодого человека, хотя я встретился с ним впервые. Обращаясь

к обоим, я называл их по имени и отчеству, следуя существующему этикету, а не по чеченской национальной традиции. К сожалению, я забыл их имена и отчества.

— Как вас встретили в Веденском районе? — спросил меня Иванов.

Мне пришлось коротко рассказать о поездке и проделанной работе. Еще в самом начале своего сообщения я понял, что они уже знают все о нашей поездке не хуже, чем я. Видно было, что за нами следили основательно.

— Если бы такая поездка была организована, несколько месяцев назад, то клеветническая компания о восстании в горах, о ликвидации там Советской власти во-время была бы разоблачена, — сказал я.

— Вы правы, — сказал Иванов, — Значит, кому-то нужна была эта компания.

Затем совершенно неожиданно Иванов сказал, что в обкоме есть мнение назначить меня заведующим каким-то сектором (то ли печати, то ли средств массовой информации). — Как вы смотрите на это?

Поблагодарив его за внимание, доверив, как тогда было принято, я сказал, что мне нужно вернуться в Москву, закончить аспирантуру и защитить кандидатскую диссертацию. До сих пор молчавший Рашидов вмешался в разговор и по-чеченски обратился ко мне:

— Иштта ала мегардац.

Хъайца къамелдешверг мила ву хайий хъуна. Иза-м Обкоман хъалхара секретарь вай. Цо хъьга лущдерг доккха Гуулиакх ду хъан жималле хъаьжча. Хъо рсза хила веза*.

Иванов, улыбаясь, произнес чеченские слова:

— Иштта мегирду (так можно).

И обращаясь ко мне заметил:

— Видите, я кое-что понимаю по-чеченски. Правда, я не понял, что товарищ Рашидов дальше говорил. Видимо, уговаривал вас, чтобы вы согласились принять наше предложение.

Затем, обращаясь к Рашидову, он продолжал:

— Не надо его уговаривать. Нам очень нужны хорошие ученые. Пусть едет завершать свою учебу.

Я понимал и желание Рашидова, его, заботу о кадрах. Но мне показалось, что Иванов правильно понял меня. Я был благодарен ему. Хотя фашистские войска стояли на левом берегу Терека, в

*Нельзя так говорить. Ты знаешь с кем ты говоришь. Он — первый секретарь Обкома. Он хочет доверить тебе большое ответственное дело, несмотря на твою молодость. Ты должен согласиться.

Грозном, в целом в Чечено-Ингушетии было спокойно. Радиокомитет наш работал. Фашисты не бомбили города, видимо, надеясь на захват функционирующих нефтеперерабатывающих заводов и нефтяных промыслов.

В республике торжественно отметили разгром фашистских захватчиков в районе Сталинграда. Развернулись бои за освобождение Северного Кавказа. Конечно, были единичные случаи и дезертирства из армии, уход отдельных работников из городов Северного Кавказа, в том числе из Грозного, в горы. Говорят без урода нет семьи. Но не оправдались прогнозы гитлеровской пропаганды о возможном восстании народов Северного Кавказа в тылу против Советских войск в поддержку армий захватчиков. Напротив, население оказывало материальную и моральную помощь Красной Армии. Нам, журналистам, приходилось бывать на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах и учреждениях. Везде чувствовался большой подъем в связи с освобождением Северного Кавказа от фашистских войск. Отдельные представители народов Северного Кавказа настолько низко пали, что используют трагедию чеченского и ингушского народов, подло клеветают на них. Меня, объездившего вдоль и поперек Чечено-Ингушетию в 1943 г., глубоко возмущали клеветнические измышления некоторых авторов диссертаций, бессовестных приспособленцев. Так, в одной кандидатской диссертации,* защищенной в 1949 г. при МГУ, утверждалось: «...Контрреволюция опиралась на такие реакционные, бандитские народности Северного Кавказа, какими являлись чеченцы и ингуши» (с. 7), автор Ж. из Владикавказа. Другой автор кандидатской диссертации, также защищенной в МГУ в 1952 г. тоже клеветал без зазрения совести на чеченский и ингушский народы: В Северной Осетии трудовое казачество и осетинский народ совместно громили контрреволюцию. Правда, чеченцы и ингуши с контрреволюционными верхами Осетии (Цаликов и К) подстрекали осетинский народ, по своему примеру, изгнать из Осетии казаков...» (с. 395, автор к. из Владикавказа). Последний автор не ограничивается клеветой на чеченский и ингушский народы. Он старается столкнуть терское казачество с чеченским и ингушским народами, бросая яблоко раздора между ними.

Видимо, не без влияния подобных клеветников появилось в одной книге известного русского писателя, опубликованной в журнале «Москва» в 1989—1990 гг., утверждение, что чеченцы приподнесли Гитлеру белого коня осень 1942 г. Автор книги убедился в несостоятельности этого утверждения, снял его из последнего издания книги. Все эти попытки до сих пор оказывались безуспешными. В самые трудные времена для региона

— в период выселения чеченцев и ингушей, после их возвращения, в сложных условиях межнациональных отношений не было широких массовых столкновений между ингушами, осетинами, чеченцами, казаками.

Народы Кавказа с представителями других народов, с пришлым мирным населением устанавливали дружеские родственные связи, жили с ними мирно, добрососедски.

Здесь приходится повторить то, о чем я уже писал.

Русское казачье население, например, появилось в районе Терека еще в XV—XVI вв. об этом населении великий русский писатель Л.Н.Толстой писал в своей известной повести «Казачьи».

«Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Терек, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру».

У всех народов Кавказа, как, например, у западных европейцев, жителей Америки, Китая, Индии, в течение веков сформировались определенные общие черты в быту, в характере, поведении и т.д., наряду с их национальными особенностями культуры, быта. Представители казачьего русского населения Кавказа также восприняли эти общие черты или часть из них. По таким признакам иногда кавказцев называют людьми «кавказской национальности», хотя нет такой национальности так же, как нет «европейской национальности», «американской национальности».

Отзвуки трагических репрессий

Дошедшие до Москвы запоздалые отзвуки трагических репрессий против целых народов, можно сказать, почти накануне полного изгнания фашистских захватчиков с территории СССР, были кратки. Через несколько месяцев было опубликовано сообщение в несколько строк о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. Такое же сообщение опубликовали о ликвидации национальных автономной крымских татар, балкарцев, карачаевцев и калмыков. Немецкая автономия была ликвидирована еще раньше. По «глухому» содержанию этих сообщений можно было полагать, что речь идет о незначительном событии, а не о судьбах «малых» народов, поголовно репрессированных, лишив их родины, права развивать национальные языки, культуры.

В Верховном Совете никто не выразил протеста, своего возмущения беззаконием, преступной жестокостью, проявленной по отношению к целым народам. Молчала печать. В стране

парили незаконие, страх. Как говорится, шила в мешке не утаишь. Позже, когда и в Москве стала достоянием населения трагедия целых народов, сослуживцы незаметно стали выражать мне сочувствие. Никакого изменения отношения к себе со стороны окружающих меня людей я не замечал. В этом проявлялась человечность наших людей. Предпринимать какие-то активные действия в защиту репрессированных народов не имели возможности в условиях жестокого режима. Но всюду чувствовалась готовность людей помочь обездоленным. Это проявлялось в конкретных фактах. В нашем институте числился докторантом, первый ингушский кандидат филологических наук Д.Д.Мальсагов. Он писал мне, что к общенародной трагедии прибавилось и его личное несчастье: он уже не докторант АН СССР, репрессированные не могут быть докторантами. Я знал, что это не только моральный удар для него, но и лишение материального обеспечения. Для военного времени докторанты были обеспечены зарплатой и хорошим пайком. Решил попытаться помочь ему. Но как помочь — не знал. В Управлении кадров при Президиуме АН СССР аспирантуру курировал профессор Каратаев. Будучи зам. председателя профкома в своем институте (по аспирантской части), однажды мне пришлось выполнить какое-то его поручение. Каратаев (к сожалению, не помню его имени и отчества) производил впечатление доброго, отзывчивого человека. Я решил обратиться к нему за советом. Позвонил ему и попросил принять меня. В назначенный час я приехал в Президиум АН СССР, поднялся на третий этаж и зашел в кабинет Каратаева. Он был один. Приглашая меня сесть, он приподнялся и протянул руку, здороваясь со мной. Впервые я заметил, что Каратаев сутулый. Может быть, поэтому он показался мне на этот раз человеком 50—55 лет, хотя на самом деле, как я предполагал, ему было меньше лет. В эту минуту мне хотелось овладеть всей информацией о нем, которую давала его внешность, глаза, мимика, голос. Я придавал такое большое значение своей просьбе. Хотя я пришел просить совет, как помочь Дошлуко Мальсагову, Моя просьба имела отношение и к моей судьбе. Что будет со мной, с калмычкой, балкарцем, которые были аспирантами нашего Института. Вместо совета и ненужных рассуждений Каратаев сразу предложил разумное решение.

— Так выходит, что он переехал в другую республику на постоянное местожительство. Надо переводить ему зарплату докторанта и переслать документ, дающий право получать паек докторанта.

Предложение Каратаева в этих условиях было самым мудрым и нейтральным. Я сразу понял его и не стал задавать ему другие

вопросы, которые уже были упомянуты мною. Искренне поблагодарив Каратаева, я выразил готовность выполнить его рекомендации. Д.Д.Мальсагов продолжал пользоваться правами докторанта того времени. В этом примере ярко проявилась забота о человеке, который оказался в тяжелом положении. Даже рискуя своим положением, именно Каратаев оказал большую помощь Д.Д.Мальсагову. Аналогичным образом поступили в бухгалтерии, Институте. Я проникся еще большим уважением к людям, которые окружали меня тогда в Москве. А ведь с официальной точки зрения (по тогдашним нравам) они должны были, могли «затевать целую историю» по поводу правомерности такой докторантуры. Этого не было сделано.

Я получил письмо от Д.Д.Мальсагова, в котором он просил передать Каратаеву свою благодарность. Охотно исполнил его просьбу.

Неожиданная встреча с майором Саккой Висаитовым

Это было в конце лета 1944 г. Не помню, где произошла тогда наша первая встреча. Я очень обрадовался этой встрече. Кавалерист майор Сакка Висаитов был обаятельным человеком. Небольшого роста. В чеченской каракулевой шапке. Его грудь украшали правительственные награды. Его большие глаза излучали мягкость, доброту. Он заразительно смеялся.

Его часть была среди тех соединений, которые отстояли город Тула. Он глубоко переживал трагедию своего народа. Сакка был значительно старше меня. Но он вел так просто, общительно, что эта разница в возрасте не бросалась в глаза. Мы по-настоящему подружились. Пока он находился в Москве, он часто бывал у меня. Иногда оставался ночевать. В то время я жил на старом Арбате в маленькой комнате. Она была выделена мне для временного проживания после разрушения дома на малой Дорогомиловской улице. Во время налета фашистских самолетов этот дом, в котором я проживал, был полностью разрушен.

Однажды мы с Саккой пошли в гостиницу Советской Армии на Площади восстания. Время было около 12 часов дня. Жаркая погода, хотя конец августа. Сакка хотел встретиться со знакомым офицером-фронтовиком, который остановился в этой гостинице. Оказалось, что он уже уехал. Когда возвращались, на той же Площади мы совершенно случайно встретились с подполковником Мавлидом Висаитов. Загорелый, стройный, высокий молодой человек, как говорится, приятной наружности. Он так искренне обрадовался, увидев Сакку.

— Вот неожиданная встреча,— сказал он, обнимая Сакку и весело смеясь.

Я не был знаком с Мавлидом. Сакка представил нас друг другу.

— Ты, наверное, приехал в Москву по той же причине, по какой и я? — спросил Сакка.

— Да, возможно. Официально сказали, что меня направляют в распоряжение Главного управления. В доверительной беседе офицер из штаба армии выразил мнение, что мой отъезд в Москву связан с репрессиями против чеченского народа, — с тяжелым переживанием сообщил Мавлид, словно сердечная боль схватила его. — Не знаю, где семья.

Мы все трое некоторое время молчали. Как старший по возрасту Сакка решил не продолжать разговора на эту болезненную для всех нас тему.

— Куда ты сейчас направляешься? — спросил Сакка, обращаясь к Мавлиду.

— Я получил направление в гостиницу, — ответил Мавлид. — А вы куда идете?

— Сегодня — выходной день. Мы хотим в центре сходить в кино.

— Что я буду делать в гостинице в такое время. Лучше я пойду с вами в кино, если вы не возражаете, — сказал Мавлид.

Мы приветствовали его предложение. В руках у него были маленький чемодан и шинель. Мавлид не захотел отнести их в гостиницу. Мы на автобусе отправились в центр города. Около 13 ч. дня мы были на площади Пушкина. На улице Горького напротив Моссовета, в угловом доме была столовая закрытого типа. К этой столовой были прикреплены научные работники и аспиранты некоторых Институты АН СССР. Я также обедал там. Сакка и Мавлид по традиции являлись моими гостями. Я должен был выполнять роль гостеприимного хозяина в этой совершенно неподходящей для исполнения такой роли ситуации. Дело в том, что по моей карточке давали только обед один раз на одного человека. Если прикрепленный привел с собой одного человека, то можно было получить и на завтрашний талон с разрешения директора столовой. А нас было трое. Об этом не знали мои гости. Заместителем директора работал мой знакомый. Будучи уверен, что он разрешит получить обед и на два дня вперед, я предложил Сакке и Мавлиду пообедать в нашей столовой перед кино. У меня не было возможности пригласить их в ресторан. Они оба охотно согласились. Мы пришли в столовую и сели за стол, который обслуживала знакомая официантка. Справа и слева за столами сидели люди почтенного возраста. Справа от нас сидевшим двум мужчинам подали водку в рюмках по сто граммов. На это обратили внимание мои гости.

— У вас в столовой оказывается угощают водкой,— сказал Сакка.

Это был намек. Мы тоже можем заказать по сто граммов,— сказал я.

С едва уловимой иронией Сакка заметил:

— Всего сто граммов. Стоит ли пачкаться.

Мы все трое засмеялись. В моем тогдашнем представлении я оказался в незавидной ситуации. Я снова пошел к заместителю директора и попросил его разрешить подать моим гостям — фронтовикам по стакану водки.

— У нас не принято пить водку стаканами. Будут жаловаться, что мы превратили столовую в бар, ресторан,— возразил он.

— Пусть подадут двум фронтовикам по стакану водки, а мне стакан воды, фронтовики представительные. Они легко выпьют водку как воду, попросил я зам. директора.

Он покачал головой и сказал:

— По и придумал. Что же попробуем, чтобы не обидеть фронтовиков. Я вернулся к столу и рассказал моим гостям, как мы решили.

— По стакану — это неплохо. Постараемся не подводить зам. директора,— согласился Сакка.

Мы смеялись, отвлеслись от своих переживаний. Спустя много лет при встрече мы вспоминали этот обед, смея ради рассказывали о нем друзьям. После обеда мы сходили в кино. Затем пришли в мою комнату. Она находилась на пятом этаже. Отдохнули. Примерно в восьмом часу вечера Мавлид сказал, что ему нужно сходить на почту и отправить телеграмму и письмо. Он решил переночевать у меня. Он вернулся около девяти часов вечера с коньяком и закуской к нему, конечно, купил он все это не по государственной цене. До рассвета сидели мы, переживая за судьбу родных и близких и размышляя о трагедии нашего народа. Мы встали поздно. Сакка уехал к себе. А Мавлид остался у меня, не желая остановиться в гостинице. Обедали мы с ним в нашей столовой через день, где нас хорошо знали и хорошо угощали. В свою офицерскую столовую он не ходил. Я не спросил у него, почему он не ходит в офицерскую столовую. Ему не хотелось, чтобы на него указывали как на представителя репрессированного народа.

Как-то раз Сакка пришел ко мне с подполковником Магомедом (так, кажется, его звали) Демаляхановым. Мавлид хорошо знал его. Они служили вместе. Я встретился с ним впервые. Он производил впечатление человека корректного, сдержанного. Это была наша первая и последняя встреча. Говорили, что семья его жила во Владикавказе. Сам он был

кажется, из села Катар-Юрта бывшей (тогда) Чечено-Ингушской АССР. Он также сильно переживал трагедию нашего народа. Вскоре он уехал из Москвы. Часто нас навещал Хаджимурад Тулаев, которого демобилизовали из армии как студента четвертого курса. Примерно в конце сентября я уехал в научную аспирантскую командировку в Грузию. Ключи от комнаты я оставил у Мавлида и Сакки. Об этом знало домоуправление.

Научная командировка в Грузию осенью 1944 г.

После долгих размышлений я согласился поехать в Грузию в научную командировку. Моя кандидатская диссертация была посвящена теоретической теме Эргативной конструкции предложения в нахских языках (чеченском, ингушском и бацбийском (цова-тушинском)). Она была связана с исследованием взаимоотношений между развитием языка и мышления. В то время академик — секретарь Отделения литературы и языка Академии Наук СССР, член Президиума АН СССР академик И.И. Мещанинов уделял особое внимание разработке этой проблемы. После выселения чеченцев и ингушей пришлось внести в формулировку существенные изменения, поскольку было запрещено употреблять и в научных исследованиях слова чеченец, чеченский, интуш, ингушский, как и названия других репрессированных народов. Поэтому вынужден был писать восточно-вайнахский язык (вместо чеченского языка), западно-вайнахский язык (вместо ингушского языка). Пришлось произвести такую же замену и в моей монографии «Бацбийский язык», изданной в Москве издательством Академии Наук СССР в 1953 году.

Вследствие всего этого пришлось изменить название моей диссертации. В центре моего внимания по части получения нового исследовательского материала стоял слабо изученный цова-тушинский язык, который по традиции в моей монографии назван бацбийским языком. Мой научный руководитель профессор Н.Ф. Яковлев, довольный тем, что я согласился заняться основательным исследованием этого языка, перед моим отъездом в Грузию, улыбаясь, сказал:

— Будем тебя называть бацбийцем. Ты только не обижайся. Все равно останешься чеченцем.

Как меня примут в Грузии? Разрешат ли жить в гостинице? Как грузинский народ в глубине души воспринял репрессии против соседнего народа? Захотят ли общаться со мной сотрудники Института? — таковы были вопросы, которые терзали меня до отъезда и на пути в Грузию. Эти вопросы возникали логично. Если не разрешают употреблять даже слова —

наименования народов и их языков, то возникал вопрос о том, как должны относиться к представителям любого из репрессированных народов?

С первых минут моего пребывания в городе Тбилиси я почувствовал, что никто мною не интересуется. Люди на улице, в автобусах смотрят на меня как на обыкновенного советского гражданина. Это было очень важно для меня. Я несколько успокоился еще до прихода в Институт материальной культуры им. Н.Я.Марра бывшего Грузинского филиала АН СССР.

Когда я пришел в Институт, я прежде всего зашел в приемную директора. Меня принял директор Института профессор Варлам Трифонович Топуриа. Он внимательно выслушал меня. Затем спросил, позавтракал ли я, где остановился.

— Каким из нахских языков Вы владеете? — спросил он.

Я ответил, что владею чеченским языком, я чеченец. Свободно понимаю и читаю по-ингушски.

— Вы — чеченец? — с удивлением спросил он.

После моего утвердительного ответа с заметной сердечной теплотой сказал:

— Откровенно говоря, не ожидал, что из Москвы к нам придет чеченец. В нашем Институте работает Тинатина Гониашвили — специалист по чеченскому языку. Я познакомлю Вас с ней. В этот момент в кабинет вошел мужчина небольшого роста, средних лет. Я его не знал. Это был профессор Арнольд Степанович Чикобава — заведующий Отделом кавказских языков Института. Варлам Трифонович коротко рассказал ему, кто я и зачем приехал из Москвы.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Арнольд Степанович, подавая мне руку.

Я еще не знал, что в будущем я буду обязан этим двум выдающимся грузинским ученым, сыгравшим большую роль в моей жизни в первый период моей научной деятельности. Пригласили Тинатину Багратовну Гониашвили. В то время молодой специалист по вайнахским языкам Гониашвили теоретически хорошо знала чеченский язык. Но пробелы в практическом его знании выявились. Конечно, Арнольд Степанович и Варлам Трифонович, естественно, хотели узнать, какое отношение имею я, приезжай из Москвы и представившийся в качестве аспиранта, исследующего чеченский язык, к последнему, в какой мере я владею им, каковы мои познания в области нахского языкознания. Первая попытка Т.Б.Гониашвили общаться со мной на чеченском языке убедила их в том, что я владею практически чеченским языком по меньшей мере как его природный носитель. Поскольку я не владел практически грузинским языком,

Т.Б.Гониашвили, признав, что она не в такой степени знает чеченский язык, чтобы свободно вести непринужденную беседу на нем, перешла на русский язык. В дальнейшей нашей беседе на русском языке приняли участие А.С.Чикобава и В.Т.Топурия. Тема моей кандидатской диссертации была названа так: «Эргативная конструкция предложения в нахских языках» (т.е. в чеченском, ингушском и бацбийском). Я уже говорил, что проблема «Эргативности» была связана с изучением взаимоотношения развития языка и мышления. На самом деле первоначально моя тема была сформулирована иначе: «Эргативная конструкция предложения в чеченском языке (с привлечением данных ингушского и бацбийского языков). После запрещения использовать в печати названия «чеченский язык», «чеченский народ», «чеченская национальная культура», «ингушский народ», «ингушский язык», «ингушская национальная культура» пришлось изменить и тему диссертации: «Эргативная конструкция предложения в бацбийском языке». Но об этом говорить сразу в беседе с грузинскими учеными я не решился почему-то. Впоследствии я убедился, что это мое опасение было совершенно напрасным.

После исключительно теплой беседы в дирекции А.С.Чикобава пригласил меня в Отдел кавказских языков, которым он заведовал. Сотрудники Отдела дружески встретили меня. Наряду с молодыми сотрудниками в Отделе работали и представители среднего поколения: К.В.Ломтатидзе, Г.В.Рогова, Н.Панчвидзе и другие. Сразу стало ясно, что сотрудники Отдела располагают уже определенной информацией обо мне. Один из сотрудников подвел меня к карте Кавказа и сказал:

— Мы очень переживаем, что здесь уже не проживают ваши земляки.

Мне пришлось ограничиться благодарностью. Я опасался провокации. Позже убедился, что такое опасение было напрасным. Оно не имело под собой никакого основания.

После встречи в Отделе кавказских языков А.С.Чикобава уехал в Университет, где у него были лекции. Перед отъездом он сказал мне:

— Сейчас обеденное время. Наши молодые сотрудники хотят пригласить вас на обед. Чувствуйте себя как среди своих друзей. После обеда с Вами поедут в гостиницу «Тбилиси». Там заказан вам номер. Поскольку еще нелегко будет ориентироваться в городе, в гостиницу придет один из сотрудников Отдела к 17 ч. Примерно к 17.30 приходите вместе с этим сотрудником в Университет. К этому времени я освобождаюсь от лекций. Мы продолжим там наш разговор на лингвистические темы.

Я поблагодарил Арнольда Степановича за внимание. Но я был

несколько расстроен тем, что мне заказан отдельный номер. Я не располагал возможностью платить. Об этом я никому ничего не говорил. По тогдашнему своему разумению я решил поступить так: ограничить средства, предназначенные на питание, но «лицом в грязь не ударить». Мы с сотрудником Отдела кавказских языков пришли в одну из лучших гостиниц Тбилиси того времени. Этот сотрудник (к сожалению, я забыл его имя и фамилию) попросил у меня командировочное удостоверение. Я передал ему удостоверение и паспорт, как положено было в то время.

— Паспорт оставьте. Не нужно им осложнять работу. Если спросят, то я скажу, что вы забыли в Москве паспорт. И тогда предъявите удостоверение личности.

Администратор гостиницы, кроме командировочного удостоверения, потребовал и паспорт. Сопровождавший меня в ответ, сказал, что я забыл паспорт в Москве. И стал извиняться за меня. Администратор несколько недовольный взгляд бросил в мою сторону. Затем стал оформлять номер. Я вынул деньги и спросил сопровождающего, сколько нужно платить.

— Нисколько. Уже заплатили.

Я поинтересовался, кто же заплатил за меня. Мой товарищ, улыбаясь, сказал:

— Дирекция Института.

Один из аспирантов А.С.Чикобава заехал за мной в гостиницу. В назначенное время мы приехали в Университет. Арнольд Степанович не заставил нас долго ждать. Он пришел усталый. Чувствовалось, что у него был напряженный рабочий день. Поэтому я извинился за то, что беспокою его. Попросил его, если можно, перенести консультацию. Арнольд Степанович, улыбаясь, сказал:

— Вы намекаете на мою усталость. Я отдыхаю, беседуя с Вами. Хочу попросить вас рассказать, что нового в вашем Институте. Есть ли у вас связи с родственниками. Как они там устроились. Затем он предложил выйти на свежий воздух и там продолжить наш разговор. Мы вышли на улицу. Время было около 18 часов. Вечер был тихий, теплый. Это был один из прекрасных дней, какие бывают в Тбилиси в конце сентября. Студенты и преподаватели спешили домой. Лишь небольшая группа студентов стояла у выхода из Университета. Студенты шептались, громко разговаривая. Увидев Арнольда Степановича, они замолчали и почтительно отошли в сторону.

— Я живу недалеко отсюда. Может быть, вы проводите меня. По дороге и поговорим,— обратился ко мне Арнольд Степанович. Я согласился, не догадываясь о плане его действия. Я рассказал ему о тяжелом положении репрессированных.

— Они живут в условиях резервации и жестокого режима, — закончил я свое краткое сообщение.

Я видел и чувствовал, что он все это принимает очень близко к сердцу.

Когда мы подошли к большому многоэтажному дому, в котором жил Арнольд Степанович, я поблагодарил его за беседу и стал прощаться с ним.

— Дойти до дома и не заходить — это не по-кавказски. Прошу уважить мнение старшего и следовать за мной, — сказал Арнольд Степанович.

Супруга его Тамара Ивановна встретила меня очень приветливо. Она была высокого роста, худощавая. На лице ее отражалось какое-то болезненное состояние. В каждом слове, движении чувствовалась мягкость, женственность, высокая внутренняя культура.

Арнольд Степанович пригласил меня в свой рабочий кабинет. Он спросил, давно ли я живу в Москве, где мои родители. Я коротко рассказал ему о своей жизни в Москве и о том, что я рано лишился родителей. На его лице появилась едва уловимая тень какой-то печали. Он тихо сказал:

— Да, детям плохо без родителей, а супругам без детей.

Позже я узнал, что у них не было детей. Может быть, отчасти этим объяснялось то материнское внимание, которое Тамара Ивановна проявляла ко мне. Когда мы ужинали, Арнольд Степанович кратко охарактеризовал этнографию Кахетии, куда я должен был поехать через день.

— Одна из народных мелодий, бытующих в Восточной Грузии (т.е. Кахетии — Ю.Д.), восходит к чеченским народным мелодиям, — заметил он.

Затем он тихо воспроизвел ее в грузинской вариации.

Мне также показалось, что речь идет о чеченской народной мелодии. Даже в этом примере чувствовалась человечность, человеческое отношение к репрессированному народу, к культурно-историческим связям, существовавшим между картвельскими и нахскими народами и их культурами.

После ужина, когда мы вернулись в его рабочий кабинет, Арнольд Степанович дал мне одну из своих книг. Она была завернута в бумагу. Когда он ушел в другую комнату, я развернул бумагу и стал перелистывать книгу. Внутри книги лежал конверт, в котором были деньги (300 рублей). В эту минуту я прежде всего ощутил высокое гражданское чувство солидарности, сочувствия и готовности помочь мне — как представителю репрессированного народа со стороны Арнольда Степановича, его семьи — представителей грузинского народа. Горячо, искренне поблагодар-

ил его за внимание, заботу, но деньги брать не стал. Впервые в своей жизни я собирался поехать в Кахетию. Арнольд Степанович дал мне ряд ценных советов, как себя вести в Кахетии. Он посоветовал паспорт, в котором указана национальность владельца, оставить в Тбилиси. Он заметил, что среди официальных лиц, которые будут проверять документы, могут оказаться лица, чрезмерно строго относящиеся к соблюдению паспортного режима. Они могут причинить вам хлопоты. Лучше предъявляйте командировочное удостоверение, скажите, что вы забыли паспорт в Москве. Я сразу понял Арнольда Степановича и поблагодарил за совет. Представителям репрессированных народов было запрещено выезжать из районов, куда они были выселены. За нарушение строгого режима привлекались к уголовной ответственности с осуждением на много лет. Обо всем этом я не знал в то время. Видимо, все это учитывал директор Института профессор В.Т.Топурия, академик АН Грузинской ССР, и написал специальное письмо на имя руководства Ахметского района Грузии с просьбой оказать мне содействие в моей работе. Я не просил написать такое письмо, не зная о его необходимости. Оно очень помогло мне.

В КАХЕТИИ

Меня предупредили, что поезд Тбилиси-Телави перегруженный. Хотя билет на него был куплен предварительно (в общий вагон), надо было прийти на вокзал пораньше, чтобы попытаться занять верхнюю полку.

Поезд отходил около 22 часов. Ночь была теплая, тихая. Зато на территории вокзала стоял невообразимый шум. Много людей, в основном крестьяне с пустыми корзинами. Они возвращались домой, в Кахетию после продажи на рынке винограда, фруктов, вина.

С трудом вошел в свой вагон. Не удалось занять верхнюю полку. Внизу на каждую полку садились по три человека. На одной из таких полок я занял место. Рядом со мной и напротив меня сидели молодые крестьяне. Узнав, что я из Москвы, мои молодые попутчики поинтересовались, зачем я еду в Кахетию. Их удивила цель моей научной командировки. Один из них спросил, зачем нужно исследовать язык одного села. Мой сосед, пытаясь ответить на этот вопрос, сказал, что, наверное, цоватушинский (бацбийский) язык нужен для секретной работы. Стараясь объяснить им, почему наука интересуется и языком, на котором говорят жители одного села, я сказал, что наука исследует жизнь и поведение муравьев, птиц, даже тараканов. А здесь речь идет о человеческом языке, как он возник, его история, особенности, его связь с другими языками, вопросы взаимоотношения развития языка, мышления, сознания и т.д.

Молодой парень, сидевший против меня сообщил, что в нашем вагоне есть ребята из Земо-Алвани.

— Хотите познакомиться с ними, — спросил он меня.

Я поблагодарил его за такое предложение. Привели двух молодых парней, веселых, жизнерадостных. Один из них спросил меня по-бацбийски, знаю ли цоватушинский язык. Я ответил по-цоватушински, что знаю слабо. Все внимательно следили за нашим разговором. Вокруг нас собралось много пассажиров. Грузинские ребята говорили с удивлением, что цова-тушинский язык совершенно не похож на грузинский язык. Кто-то из подошедших к нам ребят сказал, что некоторые цоватушинские слова похожи на слова кистинского языка. Я повернулся к этому парню и спросил его, кистинец ли он. Парень лет 18—20 в кистинской белой шерстяной шляпе, улыбаясь, утвердительно ответил. Почему-то все удивились и засмеялись. Кто-то громко сказал: он, оказывается, знает и кистинский язык.

Помня предупреждение друзей в Тбилиси, я не стал сообщать им, что я — чеченец. В ответ на любопытство моих соседей —

пассажиров я сказал, что специально изучал кистинский язык. Поэтому знаю его лучше, чем цоватушинский. Ребята попросили меня поговорить по-кистински с кистинцем. Они послушают, как звучит кистинская речь. Я рад был этому предложению. Один из стоявших в проходе сказал, что кистинский язык как чеченский. Мой собеседник-кистинец поторопился опередить меня и сказал:

Кистинцы — не чеченцы, а кистинский язык не является чеченским.

Я сразу понял причину такого заявления кистинца и согласился с ним. Видимо, он выражает настроение населения кистинцев, опасаящихся выселения их как чеченцев. Поэтому говорят, что они не чеченцы, — подумал я.

Кистина звали Иби. Я попросил его сесть рядом со мной. Грузинские парни с уважением относились к нему. Молодой грузин, стоявший рядом с Иби, еще до того как он сел, сказал, дружески обнимая его:

— Кистины мужественны и верны в дружбе. Я старался на всякий случай говорить, несколько искажая чеченские слова, чтобы он не узнал, что я чеченец.

— Ты хорошо говоришь по-чеченски, хотя есть и акцент. Наверное, бывал в Чечне, — уверенно сказал Иби.

Я ответил, что ездил в Чечено-Ингушетию изучать чеченский язык, будучи аспирантом. В этом была и доля правды, но изучал его в научно-исследовательских целях.

Мы — кистины. Поскольку ты знаешь кистинский и чеченский языки, тебя могут спросить о нас — кистинах. Ты, пожалуйста, говори, что мы — кистины, — попросил он меня по-чеченски.

Утром наш поезд прибыл в г. Телави. Дружески попрощавшись с новыми знакомыми, сразу с вокзала на попутном грузовике я уехал в районный центр Ахметского района. Кахетия с ее чудесной природой производит сильное впечатление. На некоторое время забыл все тяжелые переживания, горести жизни. Любовался красотой всего того, что видел по дороге: виноградные поля, все еще зеленые склоны ближайших гор, сверкающие от яркого солнца снежные вершины гор. Ахмети — типичное село горных районов восточной Грузии. Райисполком помещался в небольшом доме. В приемной председателя райисполкома люди ждали приема. Но председателя еще не было. Письмо В.Т.Юпуриа о моей командировке, адресованное председателю Ахметского райисполкома, я передал исполному человеку, который выполнял функцию его помощника или секретаря. Он внимательно прочитал письмо и любезно сказал мне, что скоро придет председатель, он передаст ему письмо, а мне посоветовал подождать.

Около 13 ч. помощник председателя сообщил посетителям, что председатель райисполкома просит извинения за то, что из-за неотложных дел он не сможет принять их. Прием переносится на завтрашний день. Обращаясь ко мне, он сказал: вас как приезжего из Москвы он просит прийти сегодня к 5—30 на прием.

В приемной я услышал кистинскую (чеченскую) речь. Два человека средних лет тихо разговаривали на чеченском языке. По антропологическим признакам и одеянию они напоминали типичных горцев-чеченцев. Когда мы стали выходить, я обратился к ним на чеченском языке с русским акцентом:

— Вы приезжие или живете в Кахетии?

Они оба удивленно посмотрели на меня и один из них сказал, что они живут в Кахетии. Старший спросил меня, где я изучал кистинский язык. Я ответил им и коротко рассказал, зачем я приехал в Кахетию. После этого мне показалось, что они более доверчиво стали относиться ко мне. Кистины пригласили меня пообедать с ними. Мы вошли в небольшое помещение, напоминавшее то ли буфет, то ли чайхану. За обедом один из них тихо обратился ко мне:

— Вы были в Чечено-Ингушетии?

Я ответил, что давно был в Чечне.

— Знаете, что они все выселены?

— Да, к сожалению, выселены все. Там было много хороших людей,— осторожно сказал я, пытаюсь выяснить их отношение к выселению целого народа.

Старший из них, которого звали Тапа, придвинулся ко мне и шепотом заговорил:

— Даже очень много было там хороших людей. Разве можно считать преступником, изменником целый народ — детей, стариков, женщин. Затем он повернулся к своему напарнику и тихо продолжал:

— Правду я говорю, Юсап?

— Конечно, ты говоришь правду,— согласился Юсап.

Этот краткий разговор дал мне полезную информацию, которая помогла мне правильно ориентироваться в сложной обстановке. Я еще раз убедился, что мои тбилисские друзья были абсолютно правы, предупреждая меня о необходимости максимальной осторожности.

— Нам, специалистам, не разрешают употреблять в печати слова чеченец, ингуш, чеченский народ, чеченский язык,— доверительно сказал я.

— Нас тоже предупредили, чтобы мы никуда не писали о чеченцах и ингушах,— также доверительно сказал Тапа.

Расставаясь со мной, Тапа и Юсап просили меня никому ничего не говорить о нашем разговоре.

— Это опасно для всех нас, — подчеркнул Тапа.

— У кистинцев, живущих в Панкисии, довольно трудное положение, — говорил Юсап. — Некоторые называют нас чеченцами. Хотя наш язык близок чеченскому, но мы не чеченцы, а кистины. Если вас будут спрашивать, то, пожалуйста, говорите, что мы не чеченцы, а кистины.

Я твердо обещал им, что буду следовать их совету и пожеланию. Уже второй раз представители кистинского населения просили меня говорить, что они не чеченцы, а кистины. Я понял, что этот вопрос довольно острый.

В райисполкоме ждала меня новая неудача. На 15 ч. было назначено срочное заседание райисполкома для обсуждения неотложных вопросов. Мне сообщили, что председатель обещал принять меня после заседания. Заседание это продолжалось до четырех часов утра. В то время подобные заседания были обычными явлениями.

Наконец, около пяти часов утра меня принял председатель райисполкома и написал председателю Земо-Алванского сельского совета, чтобы обеспечили меня квартирой и создали необходимые условия для работы. Он проявил максимум внимания к письму В.Т.Топуриа. На его двухколесной тачанке в сопровождении конюха я поехал в Земо-Алвани. Это было около шести часов утра. Было свежо, но небо ясное и обещало хорошую погоду. Земо-Алвани находится примерно в 5—6 километрах от Ахмети. Мы переехали благополучно горную реку Алазань.

Ранним утром село Земо-Алвани произвело на меня какое-то особое и неожиданное впечатление. Мы ехали по широкой улице. Справа и слева стояли двухэтажные большие дома на больших участках с фруктовыми и виноградными садами. Как я убедился впоследствии, в то время это было одно из наиболее благоустроенных и богатых сел благодатного края Кахетии. По преданию, грузинский царь Леон (XVI в.) разрешил пасти овец в этом Алванском поле горцам-овцеводам в летнее время. И в то время, когда я приехал туда в конце сентября 1945 г., они в основном занимались овцеводством. Зимой овцы находились в ширванских степях (в Азербайджане). Земо-Алванцы организовали один колхоз, в котором, по словам тогдашнего его председателя, было более 100 тыс. овец.

Когда мы приехали, в сельском совете еще никого не было. Сопровождавший меня товарищ считал неудобным оставлять меня одного и стал ждать прихода работников сельсовета. Часов восемь первым пришел председатель сельского совета.

— Приветствую ранних гостей,— сказал он, улыбаясь и здороваясь с нами.

К сожалению, забыл имя и фамилию сопровождавшего меня грузина, но его внешность, живой образ хорошо сохранились в моей памяти. Грузин, который приехал со мной, был внимательным, предупредительным. Ему было лет пятьдесят, невысокого роста, но не по годам энергичный. Он сказал председателю сельского Совета несколько слов обо мне, попрощался со мной и уехал.

Председатель Земо-Алванского сельского Совета Нико был сравнительно молодым человеком, одетым по-европейски, производил хорошее впечатление. Он прочитал письмо председателя райисполкома обо мне. Я рассказал ему о цели моей научной командировки. К этому времени подошел и секретарь с/совета. Помню, Нико попросил его сходить в дом Цискаришвили. Обращаясь ко мне, Нико сказал:

— Мне кажется, самым полезным для Вас человеком в Земо-Алвани будет Сандро, по-русски — Александр Цискаришвили. Прекрасно владеет русским, грузинским и цова-тушинским языками. Я послал за ним своего секретаря. Пока они придут, мы сходим ко мне домой и позавтракаем. В новом прекрасном двухэтажном доме Нико, построенном в стиле грузинской архитектуры, мы позавтракали и затем вернулись в с/совет, где нас ждал Александр Федорович Цискаришвили — мой будущий незабвенный учитель по бацбийскому языку. Когда мы вошли в с/совет, он — человек почтенного возраста встал и, улыбаясь, по-русски поздоровался со мной.

— Вы приехали исследовать наш цоватушинский язык? — спросил он, доброжелательно глядя на меня.

Испытывая по старой привычке какую-то неловкость, когда поднялся пожилой человек, я попросил его сесть и извинился за то, что так рано побеспокоил его.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я давно встал. Рад, что Вы будете изучать наш язык. Мы еще называем его секретным языком. С удовольствием помогу Вам чем смогу.

Добрая улыбка добродушно играла на его лице. Он говорил прекрасно по-русски. Высокий, худощавый, немного сутулый в старой тушинской черкеске и тушинской тюбетейке он выглядел как простой крестьянин, но в душе, в обращении, по интеллекту был настоящим интеллигентом. В свое время учился в Ставропольской гимназии. Прекрасно наизусть читал стихи Пушкина и Лермонтова. По-своему интересной и трудной была его жизнь. Он был приставом.

Однажды в период революционной деятельности Сталина в

Грузии, встречался с ним.

— Мне сообщили, что в Алазанском ущелье вечером назначена встреча революционеров,— рассказывал Александр Федорович.— Человек, передавший мне эту информацию, сказал, что там будет выступать Сосо, т.е. Сталин. Он бежал из тюрьмы и вернулся в Грузию продолжить свою работу пропагандиста. Многие из нас — служивших царизму, мечтали о независимости Грузии. Поэтому мы сквозь пальцы смотрели на пропаганду революционеров. Но на этот раз я из любопытства решил поехать на эту встречу. Там было человек 20—30. Сосо стоял и о чем-то говорил. Увидев меня, он замолчал вдруг. Кто-то сказал ему, чтобы он не беспокоился. Идет, мол, наш человек. Когда я подошел к ним, Сосо, указывая на мои погоны, в шутливом тоне сказал:

— Вот этими погонами подкупает их царь, который сдирает с наших крестьян две шкуры.

Хотел бы я увидеть сейчас Сталина. Я бы сказал ему, что он сдирает с нас — крестьян три шкуры.

На мою просьбу так не говорить в другом месте (Это очень опасно для вас), он ответил народной поговоркой:

— Мой конь стоит оседланным, т.е. мне сейчас нечего бояться. Смысл приведенной им поговорки: я стою одной ногой в могиле.

В 1937—38 гг., когда арестовывали так называемых бывших, он уехал в Горную Тушеттию и там работал пастухом. Так уцелел он.

Общаться с ним было очень интересно. Он знал, что я аспирант. Никаких вопросов о моем прошлом, настоящем не задавал мне. Исследуя живой язык цоватушин, я общался с представителями разных поколений. Но основным моим консультантом был Александр Федорович. Я очень полюбил этот маленький народ — честный, трудолюбивый, добрый, с чувством высокого человеческого достоинства. В то время, как мне сообщили в сельском совете, всего цова-тушин (бацбийцев) было более 3 тыс. чел. В основном они жили в селе Земо-Алвани.

Однажды Александр Федорович вернулся из сельского Совета расстроенный.

— Арестовали двух человек из села. Говорят, что осенью 1942 года, когда фашистские войска дошли до Кавказа, арестованные уходили в лес. Вероятно, это дело стукачей,— говорил он с недовольством.

Затем вспомнил о выселении чеченцев, ингушей.

— У нас все может быть. Даже чеченцев и ингушей выселили. Как можно обвинить целые народы в измене — детей, стариков, женщин. Это чудовищно,— возмущался Александр Федорович. Когда узнали об этих репрессиях, Земо-Алванцы сначала не поверили. Но потом убедились, что действительно целые народы

обвинены в измене и выселены, все были подавлены глубоко возмущен. Никто не осмеливался осудить этот дикий произвол открыто. Осуждение даже бесчеловечных действий правительства грозило смертью или каторгой.

Впервые я узнал об отношении Александра Федоровича и местного населения к репрессиям против чеченцев, ингушей и других народов. Факты проявления человечности, страдания за чужое горе сближают людей, возвышают их.

Из Земо-Алвани в Москву

Из Земо-Алвани я вернулся в Тбилиси. По совету Арнольда Степановича на заседании Отдела кавказских языков выступил с сообщением о скромных научных результатах поездки к Цова-тушинам. Это было мое первое научное сообщение в Тбилиси. Я чувствовал доброжелательное снисходительное отношение к моему сообщению. Почему-то мне казалось, что такое отношение обязывает меня к многому. Это вызвало во мне еще большее, чем обычно, внутреннее волнение, которое я не смог скрыть. Выступавшие тепло говорили о моем сообщении. Подводя итоги обсуждения моего выступления, Арнольд Степанович пожелал мне успехов в научной работе. После заседания А.С.Чикобава сказал мне, чтобы я вечером приехал к нему домой за книгами, которые он отложил для меня.

Я поблагодарил коллег за то огромное внимание и сочувствие, которые проявили они ко мне за время моего пребывания в Тбилиси. Я вышел из Института окрыленным. Мне казалось, что надежда на будущее стала снова светить, хотя и тускло.

Во время беседы в его рабочем кабинете Арнольд Степанович передал мне две свои книги. Они были завернуты в бумагу и крепко перевязаны.

— Сейчас у вас нет времени ознакомиться с содержанием этих книг. Вам придется долго ехать. По дороге читаете. Мы их поэтому упаковали вам на дорогу. — сказал Арнольд Степанович, приглашая меня в другую комнату на ужин. Я, конечно, не догадывался, почему так крепко завернуты книги. Тамара Ивановна приготовила вкусный ужин. Мы хорошо поужинали. После ужина, поблагодарив Арнольда Степановича и Тамару Ивановну за внимание и заботу, я ушел в гостиницу.

Вечером следующего дня я выехал поездом из Тбилиси в Москву. Мне удалось занять верхнюю полку в общем вагоне. В переполненном вагоне стоял шум. Кто-то с кем-то спорил. В проходе стояли люди с вещами. Было душно. Я положил свой небольшой чемодан под голову и, не снимая с себя ничего, лег

спать, заткнув уши. Утром, когда я проснулся, уже разносили чай. Но кто-то в соседнем купе на верхней полке все еще сильно храпел, вызывая смех и хихиканье у пассажиров, сидевших внизу.

Я встал, умылся. Надо было позавтракать. Перед отъездом из Тбилиси я получил двухдневный паек хлеба. На рынке купил две селедки. Таков был мой весь провиант. В кармане всего несколько рублей. Я перекусил, лежа на полке. Затем пошел к проводнику, взял стакан чая и выпил его там же, в проходе. Я снова лег на полку и стал просматривать свои земо-алванские материалы.

Среди сидевших внизу был один грузин средних лет. Очень общительный, веселый. Он открыл маленькую бочечку с вином, выложил на столик хлеб, жареную утку, мясо и стал приглашать соседей к завтраку. Потом пригласил и меня. Я поблагодарил его и сказал, что я уже завтракал. У меня ничего не было, чтобы в ответ угощать его и других соседей. Поэтому я отказывался. Но грузин настоял на своем. Это был прекрасный завтрак: жареная утка, вареное мясо, новое вино, разные травы. Грузин пригласил всех соседей по купе. Но никто ничего не выкладывал на стол. Все только ели. Я думал, что — все пассажиры так же, как и я, ничего не могут выложить, поставить на стол. Мы все позавтракали, пообедали и поужинали за счет доброго грузина.

На следующий день утром, когда я встал и спустился со второй полки, я увидел грустного грузина, молча сидевшего. Но его соседи каждый в отдельности ели сало, мясо, колбасу, вытаскивая их из своих сумок, лежавших на их коленях. Видно было, что у грузина ничего не осталось из еды. Я был возмущен поведением соседей грузина по купе. У меня остались всего 200—300 граммов черного хлеба и одна селедка. Мне было неудобно предлагать ему эту скудную еду после его обильного и вкусного угощения. Я поднялся на свою полку, вытащил из чемодана книги, которые подарил мне Арнольд Степанович, хотел почитать и успокоиться. В середине одной из них лежал конверт. На нем было написано: «Братский паек». Это произвело впечатление. К тому же, я убедился в том, что возвращение этих денег по почте сильно обидит Арнольда Степановича.

На ближайшей станции я купил курицу, мясо, колбасу, хлеб, фрукты и бутылку хорошего вина. Грузин как обычно сидел за столиком. Я поставил на столик перед грузином все купленное. Он засмеялся и воскликнул:

— Откуда, генацвали, столько добра?

— Нам с вами хватит на сегодня, — сказал я.

Он сразу понял меня, как и его неблагодарные соседи. Я попросил одного из них, сидевшего за столиком, немного

потесниться и сел за столик напротив грузина. Мы вдвоем хорошо позавтракали, пообедали и поужинали. У меня появилась возможность привезти с юга гостиницы для друзей. Я купил два арбуза, две дыни, фрукты. Затем дал телеграммы Висаитову Мавлиду, который оставался в моей комнате, Тулаеву Хаджимураду, чтобы они меня встретили. Но я не знал, какие большие неприятности ждут меня в Москве.

Без крова над головой

Наш поезд прибыл в Москву вечером. Меня встретил Хаджимурад Тулаев. Когда мы сели в машину, я сказал шоферу, что нужно ехать на Арбат. Хаджимурад возразил:

— Мы поедем ко мне на Шоссе энтузиастов.

Он жил в общежитии Института связи, студентом которого он являлся; затем он на чеченском языке рассказал мне, что моя комната занята родителями одного работника Московского управления МВД. Нас (его и меня) выселяют из Москвы. Его уже предупредили. Из своего месячного пайка он отложил полкило сливочного масла и кило сахара нам на дорогу. Он знал, что ехать придется долго (поезда шли долго).

— Прежде всего нужно выяснить, в чем меня обвиняют, — сказал я. Управдом (Управляющая домами) живет во дворе. Она хорошо относилась ко мне. Ее супруг, кажется, работает шофером в этих органах. Может быть, она расскажет, что произошло. Кроме того, надо взять рукопись моей диссертации. Поэтому сначала побываем на Арбате. На старом Арбате мы подъехали к дому, в котором я жил. Было темно. Во дворе никого не было. Мы с Хаджимуратом поднялись на пятый этаж. Ключ от квартиры был у меня. Вошли в трехкомнатную квартиру, ставшую «коммуналкой», как тогда говорили. В темном коридоре никого не было. Я включил свет и увидел брошенные на пол мои книги и другие вещи. У плиты валялись какие-то листы бумаги. Видимо, ими пользовались, когда топили «временку». Я взял один лист. Он оказался одной из страниц рукописи моей диссертации. Под плитой лежали еще несколько таких же листов. Они также оказались страницами моей диссертации. В это время вышла из комнаты соседка, Екатерина Ивановна, которая жила с двумя детьми и ждала возвращения мужа с фронта. Она удивленно посмотрела на меня. Мы поздоровались.

А нам сказали, что вас сослали, — сказала она.

Затем пригласила нас в комнату, при этом она посмотрела в сторону комнаты, в которой я жил, и приложила левую руку к губам. Я понял, что это знак предупреждения, чтобы я ничего

лишнего не говорил. Хаджимурад пошел к машине за арбузом, а я зашел к соседке Екатерине Ивановне. Дети уже спали.

Через несколько дней после вашего отъезда поздно вечером двое из органов пришли с управдомом,— начала она свой короткий рассказ о случившемся.— Один из них спросил меня, знаю ли я, куда вы уехали. Я сказала, что не знаю. Потом они предложили управляющей домами открыть вашу комнату. Она сказала, что у нее нет ключа. Если бы даже был ключ, у меня нет права открывать квартиры жильцов. На каком основании вы требуете, чтобы я открыла чужую квартиру? — спросила она.

— У нас есть ордер на эту комнату из Моссовета,— сказал второй работник из органов.

— Управляющая домами потребовала, чтобы они предъявили ордер,— продолжала соседка.— Представители органов сразу изменили тон, стали более суровыми. Один из них в тоне чем-то недовольного начальствующего попытался припугнуть Терезу Петровну:

— Вы что это так заботитесь о нем. Вы знаете кто он... и начал зло, очень плохо говорить о Вас. Но наша Тереза не из пугливых. Она также резко прервала его и сказала:

— Вы мне не читайте выдержки из уголовного донесения. Время военное. Мало ли тут таких, которые шляются по домам в форме чекистов. Предъявите не только ордер, но и документы. Мне строго приказано требовать документы от любого человека, который хочет открыть чужую квартиру.

— Оба были ошарашены резким, дерзким, с их точки зрения, тоном Терезы, тем не менее молча предъявили документы и ордер, продолжала Екатерина Ивановна.— Затем один из них обратился ко мне:

— У вас не оставял он ключи от комнаты?

Екатерина Ивановна ответила, что у нее нет ключа. Тогда они попросили ключи от ее комнаты. На это она сказала, что дети уже спят. Если она будет искать ключ от комнаты, то разбудит детей. К тому же ключ от ее комнаты не подходит.

Они были возмущены и готовы предъявить нам любое обвинение, но не решились после резкого тона Терезы Ивановны. Возможно, опасались, что у этой красивой женщины какие-то связи с высоким начальством,— тихо, доверительно говорила Екатерина Ивановна.— Затем один из них, видимо, старший по званию, резко изменил тон и, повысив голос, заявил:

— Мы не можем так уйти. А может быть там какой-нибудь засекреченный, антигосударственный материал.

— Это была замаскированная угроза по нашему адресу,— шепотом говорила Екатерина Ивановна.— Мы с Терезой

Петровной вынуждены были молчать. Он взял у напарника какой-то инструмент и подошел к двери комнаты. Опытными движениями руки он ловко открыл дверь. Кроме Ваших скромных вещей, в комнате ничего не обнаружили. Затем они оба свернули ваши постельные принадлежности и бросили на пол за дверь. Рядом с ними положили сверток с другими вашими вещами. Книги и бумаги вынесли в коридор. Когда вселили в вашу комнату стариков-родителей одного из них, нам сказали, чтобы бумаги — какие-то черновики жгли.

— Это была рукопись моей диссертации, — сказал я. Екатерина Ивановна удивилась и виновато продолжала:

— Какой стыд и позор. Никто из нас не поинтересовался содержанием этих листов. К этому времени вернулся Хаджимурад с арбузом. Он успел вещи дорожные перенести в коридор и отпустить машину. Мы угостили Екатерину Ивановну арбузом, поблагодарили ее за внимание. Я обещал на следующий день прийти и забрать вещи. Мы ушли.

Когда мы вышли на улицу, я попросил Хаджимурада подождать меня во дворе, пока я вернусь. Я должен был зайти к Терезе Петровне. На мой звонок дверь открыла Тереза Петровна. Увидев меня, она удивилась и шопотом сказала:

— Заходите скорее.

Ее семья также жила в «коммуналке» на втором этаже. Когда мы вошли в проходную в ее квартире, она остановилась и спросила:

— Ты знаешь, что произошло?

— Знаю, я заходил в квартиру, где я жил. Но не знаю, за что они меня преследуют.

— Они безобразно вели себя. Говорили, что ты бежал от наказания, они поймают тебя. А когда я спросила, что он натворил, один из них, их было двое, сказал, что ты — представитель репрессированного народа.

— Спасибо, теперь я понимаю, в чем дело.

— Ты должен немедленно уехать. Они могут арестовать тебя. Наташа принята в университет на филологический факультет. Она хотела увидеть тебя и посоветоваться по какому-то вопросу.

— Поздравляю Вас и Наташу с таким важным событием в ее жизни. Я так просто не уеду. Никакой вины за собой не чувствую. Завтра утром пойду к начальнику Киевского районного отдела НКВД. А вечером зайду поздравить Наташу.

Тереза Петровна тревожно покачала головой и сказала, что я большой оптимист. Она очень любила свою дочь Наташу и часто советовалась со мной о ее будущем, узнав, что я — аспирант. В то время аспирантов было мало. Их очень ценили. Когда я стал

уходить, она спросила:

— Ты же остался без крова над головой. Где же ты будешь почевать?

У меня сложились хорошие, дружеские отношения с этой семьей.

— Переночую у товарища, — ответил я. Впервые я увидел слезы на глазах у этой немолодой русской женщины. Она проявила ко мне материнское внимание.

— Наташа расстроится, узнав, что ты заходил к нам и ушел, не дождавшись ее.

— Пожалуйста, передайте ей мои извинения и объясните ей обстоятельства, которые заставили меня уйти, — просил я.

Прошавшись со мной и вытирая платочком слезы, Тереза Петровна сказала:

— Очень хочется, чтобы им не удалось лишить тебя свободы.

Во дворе ждал меня Хаджимурад Тулаев. Мы поехали к нему в общежитие. Жена Хаджимурада Надежда Федоровна тревожно ждала нас. Маленькая Жанночка — дочь Надежды Федоровны и Хаджимурада уже спала.

— Я так волновалась, казалось, что вас обоих задержали, — сказала Надя. Слезы катились по ее щекам.

Несмотря на то, что они жили в студенческих условиях, Надя приготовила приличный ужин для встречи гостя. Пригодились дары южной природы, которые я привез. За ужином сидели до поздней ночи, рассуждая о том, что с нами будет, куда нас отправят. Но думая о том, что нам готовит день грядущий, духом не падали. Мы были молоды, честны. Никакой вины за собой не чувствовали. И все же постоянно душила, терзала сердце трагедия народа. Особенно тяжело было скрывать это, не тревожить окружающих. Но и в этих тяжелых условиях внутренних переживаний необходимо было сэкономить силы для борьбы за правое дело.

Встали рано утром, поспав всего лишь несколько часов. Проснулась и маленькая Жанночка. Надя помогла ей умыться, затем позвала к столу и дала ей гостинцы, которые я привез с юга. Жанночка подбежала ко мне, по-детски обняла и поблагодарила. В эти трудные дни она была нашей общей радостью — веселая, жизнерадостная.

После завтрака я решил отправиться в Киевский районный отдел МВД (НКВД). Хаджимурад хотел поехать со мной. Я попросил его ждать меня или моего звонка в общежитии.

— Зачем ты туда едешь. А если они сразу арестуют тебя? — спросил Хаджимурад.

— Я должен выяснить на каком основании выбросили в

коридор мои вещи, сожгли рукописи моей диссертации и заняли мою комнату.

Хаджимурад предложил другой план действия:

— А что мне делать, если тебя арестуют и отправят в Сибирь или в Среднюю Азию. Лучше я поеду туда и спрошу у них, где ты находишься. Таким путем я узнаю их намерение.

— Так нельзя, Хаджимурад, — возразил я. — У тебя семья. Мы должны учитывать это. А вдруг они примут тебя за разведчика, пришедшего выяснить их намерение, и арестуют тебя. Затем будут допрашивать, где находится Дешериев. В конце концов ты вынужден будешь сказать, где я нахожусь ради семьи, ради меня. И тогда они могут создать против тебя уголовное дело за попытку обмануть органы НКВД. Заодно достанется и мне за то, что сам не пришел к ним.

С моими доводами согласились и Надя, и Хаджимурад.

Угрозы в Киевском районном отделении НКВД

Когда шел в Киевский райотдел НКВД, я размышлял о том, как вести себя там, и составил в уме определенный план поведения. Я хорошо знал, что извиняться за самоуправство, за лишение меня элементарных гражданских прав никто не будет. Напротив, будут угрозы, даже могут попытаться задержать меня. Начальник райотдела НКВД всего лишь исполнитель решения вышестоящих органов. Если он добрый человек, он без всякого ущерба для себя может посоветовать мне, что делать, куда обратиться с просьбой дать мне возможность закончить аспирантуру и защитить диссертацию. В этом случае я буду просить его о совете. Если же он окажется человеком типа известного фельдфебеля, то я не мог сразу представить себе, как мне быть, что сказать ему. Ситуация была такова, что я считал бессмысленным обращаться к такому начальнику с какой-либо просьбой.

В эту минуту я вспомнил свой разговор с одним моим одноклассником, который работал в Верховном Совете СССР. Выслушав по телефону мой рассказ о самоуправстве органов НКВД, он сказал, что сам постарается помочь мне и обратится к своему товарищу, который работал в Секретариате ЦК КПСС, с просьбой помочь мне. В то время особенно важной была бы поддержка работника ЦК КПСС. Мозг, нервная система работали напряженно, стараясь найти средство спасения положения. Может быть, поэтому я помню в деталях все, что со мной происходило тогда, несмотря на то, что с тех пор прошло так много времени. Возникали неожиданные ассоциации. По пути в райотдел НКВД я

решил заскочить в Институт и посоветоваться с заместителем директора В.А.Петросяном. Он хорошо относился ко мне. Его не застал в Институте. Затем без особой подготовки я пошел туда, куда направлялся. В приемной сидели посетители. Я подошел к помощнику начальника и назвал свою фамилию. Он с некоторым удивлением посмотрел на меня и, ничего не сказав мне, пошел к начальнику, как я полагал. Из того, что помощник не нуждался в повторении моей фамилии, и он сразу направился в кабинет начальника, я понял, что мое «дело» здесь занимает не последнее место. Выходя из кабинета и не закрывая дверь, помощник сказал:

— Дешериев к начальнику.

Когда я вошел в кабинет, увидел за столом подполковника, который вместе с военкомом района перед райисполкомом инструктировал нас добровольцев-невоеннообязанных перед отправкой на фронт. Я почувствовал какое-то облегчение. Мне показалось уместным напомнить ему об этом, может быть не совсем удачно. Я поздоровался с ним как старый знакомый. Он что-то сказал невнятно, не глядя на меня. Нас добровольцев было много. Поэтому, он, конечно, не мог запомнить каждого из нас. Я решил напомнить ему об этой встрече:

— Снова встретились,— сказал я, едва заметно улыбаясь.

Он поднял голову и с какой-то неприязнью посмотрев на меня опроверг мои слова:

— Мы с Вами не встречались.

— Как же, вы же нас добровольцев-невоеннообязанных провожая на фронт, инструктировали... Он, прерывая меня, уже официально обратился ко мне:

— Гражданин Дешериев, в соответствии с решением вышестоящих органов вы подлежите выселению из Москвы. Предъявите Ваш паспорт.

Я сразу понял, с кем я имею дело.

— Мною написано заявление против этого самоуправства. Работник НКВД Москвы, обманув Моссовет, получил ордер на мою комнату и занял ее, выбросив мои вещи в коридор...

Вдруг подполковник, в обычном состоянии, производивший впечатление флегматичного человека, возбужденно и громко закричал:

— Дайте ваш паспорт и прекратите Ваши клеветнические рассуждения, за которые вас могут еще привлечь и к уголовной ответственности.

— Паспорта я Вам не дам.

Он прервал меня и угрожающе заявил:

— Если Вы в течение 24 часов не покинете Москву, я вас

отправлю с этапом, куда следует.

В ответ на это я также возбужденно и громко произнес следующие слова, несколько преувеличивая свои возможности:

— В Секретариате ЦК КПСС и в Президиуме Верховного Совета обещали мне поддержку...

Он опять прервал меня и, неожиданно заикаясь от сильного возбуждения, в форме допроса спросил:

Кто там обещал поддержать вас?

Когда он стал заикаться, я почувствовал, что мои слова о поддержке, которую я жду, подействовали на него. Я и раньше замечал, что такие грубые работники этих органов часто бывают трусливыми, боясь наказания вышестоящих органов. Поэтому я несколько осмелел и заявил ему:

— Это не Ваше дело.

Затем, ничего ему не говоря, я вышел из кабинета. Я находился в состоянии сильного расстройства. Неожиданно появилось желание все бросить и уехать. Но тут же вспомнил Муслима Гайрбекова, Ахмата Висайтова, родственников, которые писали мне, чтобы я использовал все возможности остаться в Москве. Может быть, удастся в будущем в чем-то помочь народу. Все это настраивало решительно бороться против незаконных действий органов НКВД. Мне показалось, что изменение настроения начальника (после моего сообщения о возможной поддержке моей просьбы в высших органах власти) показывает, что он опасается осуждения грубых, незаконных действий органов НКВД. Это воодушевило и заставило меня немедленно написать заявление в ЦК КПСС и Президиум Совета СССР, резко осуждая грубое нарушение элементарных прав личности. В заявлении действия работников НКВД сравнивались с погромами «черносо-тенных погромщиков». В то время я не знал, что такое сравнение является самым оскорбительным для этих органов. За такое сравнение офицер Советской армии балкарец Сатбаев, находившийся на фронте в момент выселения балкарцев, был осужден на 10 лет и сослан (как мне говорили).

Бесценная помощь академика И.И.Мещанинова и В.А.Петросяна

После перепечатки на машинке один экземпляр заявления отправил в Секретариат ЦК КПСС, а второй — в Президиум Верховного Совета СССР и копию в руководство НКВД. Затем пришел в Институт, чтобы выяснить возможность поддержки моей просьбы дирекцией.

Выслушав меня, зам. директора Института Варган Аветович Петросян расстроился. Он заботливо относился ко мне.

— А что ты думаешь предпринять? — Спросил он, сочувственно глядя на меня. Мое сообщение об отправке письма в Верховный Совет СССР, ЦК КПСС и НКВД с просьбой дать мне возможность окончить аспирантуру и защитить диссертацию он встретил с одобрением. Затем я показал ему копию своего письма-заявления.

— Что же ты натворил? — сказал Вартан Аветович, прочитав мое письмо. — Разве можно обращаться в органы НКВД, сравнивая действия его сотрудников с действиями черносотенных погромщиков. Это самое оскорбительное сравнение для них.

— Я этого не знал, — заметил я, расстроенный своим неосторожным поступком.

— Ты не ограничился этим оскорбительным для работников НКВД сравнением, — продолжал Вартан Аветович. — Ты обвинил еще партийные и советские органы, правда, в более завуалированной форме. Ты бы хоть показал письмо прежде чем отправить его.

Действительно, в моем письме были слова, смысл которых сводился к следующему: идейно-политическая работа партийных и советских органов среди чеченцев и ингушей в течение многих лет оказалась безрезультатной, бесплодной.

Последнее замечание Вартана Аветовича для той ситуации, которая существовала тогда в стране, было также совершенно правильным. Поэтому оно еще больше огорчило меня. Вартан Аветович, заметив это, попытался успокоить меня:

— Между нами говоря, все, что ты написал в письме, правильно. Но, к сожалению, не всегда и не всем можно говорить правду. Ты должен был учесть это. Будем надеяться, что высшие органы осудят поведение работников Московского управления НКВД. Сейчас о выселении репрессированных народов знают в основном те, которые живут на территории упраздненных национальных образований и жители тех мест, куда выселены эти народы. Если же начнут выселять всех представителей репрессированных народов из различных районов всего Советского Союза без предъявления каких-либо обвинений, то все будут знать о незаконных, антигуманных действиях властей. Это может иметь далеко идущие последствия. Поэтому твое письмо — заявление может послужить сигналом для прекращения незаконных действий органов НКВД, — заключил Вартан Аветович.

Вартан Аветович попросил меня позвать его секретаршу и подождать пока машинистка напечатает письмо на имя руководства НКВД за подписью академика — секретаря Отделения литературы и языка АН СССР Героя Социалистического Труда

Члена Президиума АН СССР академика Ивана Ивановича Мещанинова с просьбой оставить меня в аспирантуре.

В то время академик уделял большое внимание так называемой эргативной конструкции предложения, которую связывали с освещением некоторых вопросов взаимоотношения языка и мышления (например, с проблемой активного и пассивного мышления). Моя кандидатская диссертация была посвящена исследованию эргативного строя предложения в нахских (чеченском, ингушском и бацбийском (цова-тушинском) языках. Иван Иванович часто интересовался ходом моей работы над диссертацией.

— Иван Иванович сейчас находится в своем кабинете. Там его заместитель член-корр. АН СССР Лебедев-Полянский. Зайди туда и попроси Ивана Ивановича подписать это письмо — сказал мне Варган Австович, протягивая только что продиктованное им письмо. Хотя я знал, что Иван Иванович хорошо, доброжелательно относится ко мне, тем не менее я смутился заходить и обращаться к нему с такой просьбой в присутствии Лебедева-Полянского, с которым мне не приходилось говорить. Смушаясь и извиняясь, я вошел в кабинет Ивана Ивановича. Он сидел за длинным столом. С левой стороны от Ивана Ивановича за тем же столом сидел его заместитель член-корр. АН СССР литературовед Лебедев-Полянский. Поглаживая свои длинные седые пушистые усы, он пристально смотрел на меня.

— Иван Иванович, к Вам обратиться с просьбой подписать это письмо рекомендовал мне Варган Австович, — робко протянул я письмо.

Отвечая на мое приветствие Иван Иванович сказал:

— Здравствуйте, как у вас идут дела? — приветливо улыбаясь и беря у меня письмо.

— На этот раз, Иван Иванович, плохи у меня дела, — ответил я.

Академик стал озадаченным. Он знал о выселении чеченцев и ингушей.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Мне предложили органы НКВД в течение 24 часов покинуть Москву. Не знаю по какой причине. Я за собой никакой вины не чувствую. Он недовольно покачал головой и стал читать письмо на имя руководства НКВД об оставлении меня в Москве. Прочитав письмо, он обратился к Лебедеву-Полянскому:

— Я думаю, что следует подписать это письмо.

Лебедев-Полянский бегло прочитал письмо и заявил:

— Иван Иванович, мы не должны вмешиваться в такие дела.

Лебедев-Полянский считался политическим комиссаром в Отделении литературы и языка АН СССР. Просто игнорировать его мнение Иван Иванович не мог.

— Очень жаль, — сказал Иван Иванович, расстроенный тем, что говорил Лебедев-Полянский. — Оказывается, мы не имеем права вмешиваться в такие дела. Возвращая мне письмо, Иван Иванович подмигнул правым глазом. Мне было непонятно, что означает этот знак. Я извинился за беспокойство и вышел из кабинета, почти полностью потеряв надежду на поддержку. Но тем не менее духом не падал. Вартан Аветович просил снова зайти к нему после посещения академика. Пришлось рассказать ему все, что произошло в кабинете Ивана Ивановича. Вартан Аветович сильно расстроился, но молчал, о чем-то размышляя. Я воспользовался этой паузой и спросил:

— Возвращая мне письмо, Иван Иванович подмигнул мне правым глазом. Почему? Не знаю.

Вартан Аветович сразу оживился и, улыбаясь, сказал:

— Это значит ты должен еще раз зайти к нему, когда не будет у него Лебедева-Полянского. Ты не обихайся на Лебедева-Полянского. Такие у него обязанности. Он должен сначала выяснить, в чем дело, и лишь после давать совет. Через час Иван Иванович пойдет в Дом ученых обедать вместе с Бархударовым Степаном Григорьевичем. Ты сходи туда и, когда они будут ждать подачи обеда, подойди к Ивану Ивановичу и скажи, что Вартану Аветовичу на всех инстанциях сказали, что академик-секретарь может подписать такое письмо. Окрыленный словами Вартана Аветовича, я вышел из его кабинета и направился в Дом ученых. Иван Иванович и Степан Григорьевич сидели на втором этаже в зале, где обедали академики и члены-корреспонденты. Они ждали подачи обеда. Я извинился за беспокойство и повторил все, что советовал мне сказать Вартан Аветович. Мне показалось, что Иван Иванович был доволен тем, что я пришел. Я держал письмо в руке, но протянуть руку с письмом, как мне думалось тогда, было бы навязчивым. Я ждал, когда Иван Иванович попросит. Он, словно понял меня, попросил письмо. Затем он обратился к Степану Григорьевичу, говоря:

— Прочтите, пожалуйста, это письмо. Мне кажется, что нужно подписать его и постараться помочь нашему аспиранту.

Степан Григорьевич прочитал письмо и обратился к академику:

— Вы правы, Иван Иванович. Подпишите, пожалуйста. Надо поддержать этого молодого кавказца, сказал Степан Григорьевич, глядя на меня и улыбаясь.

Обрадованный поддержкой академика Ивана Ивановича Мешанинова, я прибежал в Институт, чтобы передать письмо

Вартану Аветовичу Петросяну.

— По твоему настроению вижу, что письмо подписано, — сказал он, по-отечески ласково глядя на меня. Он взял у меня письмо, еще раз прочитал его и затем, испытующе посмотрев на меня, задумался. Сразу я почувствовал, что он хочет сказать мне что-то серьезное, важное. Мне показалось, что он думает о том, как помягче сказать мне что-то такое необходимое, но так, чтобы не расстроить меня, не обидеть, но вместе с тем, чтобы я почувствовал всю серьезность положения. После недолгого размышления мягко, доверительно Вартан Аветович обратился ко мне:

— Письмо мы официально отправим куда следует.

Ты должен немедленно исчезнуть в Москве до получения ответа на это письмо. За это время тебе не следует приходить в Институт, в наше аспирантское общежитие, в дом, где ты жил. После твоего столь резкого для них заявления они могут в любое время принять репрессивные меры против тебя. Ты должен знать с кем ты имеешь дело. О нашем разговоре никому ни слова. Сообщи мне по моему домашнему телефону фамилию аспиранта, который будет знать, где ты, и его телефон, по которому можно связаться с ним, чтобы сообщить тебе через него самое необходимое.

«Подпольная» жизнь в Москве

После этих слов я понял, что мое положение более серьезное, чем я думал. Днем я работал в разных библиотеках (в Библиотеке им. Ленина, в Исторической или на Арбате и др.). Ночевал я то у одних знакомых, то у других, у аспирантов, студентов в общежитиях. В библиотеке я старался отвлечься от своих переживаний, долгих, мучительных ожиданий решения высших инстанций. Это мне удавалось. Постепенно я стал забывать о своей тяжелой реальности, увлеченно работая. Обычно в любую библиотеку я приходил рано утром и уходил лишь перед ее закрытием.

Через примерно дней пятнадцать один из наших аспирантов подошел ко мне в Библиотеку им. Ленина и сообщил, что Мария Федоровна — референт Вартана Аветовича просила, чтобы я в этот же день позвонил ей на работу. Я незамедлительно позвонил ей. Она сказала, что я должен вечером позвонить Вартану Аветовичу домой.

— Приходил какой-то военный из органов, продолжала она, понизив голос. Но это не телефонный разговор. Ты лучше зайди в Институт. Вартана Аветовича нет сейчас на работе.

Я понял, что словоохотливая и наблюдательная Мария Федоровна хочет сообщить что-то важное доверительно. Эта добрая располневшая пожилая женщина встретила меня доброжелательно. В приемной директора, кроме нее, никого не было. Тем не менее она открыла кабинет директора и пригласила меня туда. Она села за стол. Лицо ее выражало чувство опасности и удивления.

— Что тут было, когда пришел этот военный!,— шопотом произнесла она.— Я сразу поняла, что он пришел по твоему делу. Поэтому после того, как он вошел сюда, дверь оставила чуть приоткрытой. Этот военный, кажется, он был в чине капитана, вел себя сурово и важно. Он холодно поздоровался с Вартаном Аветовичем и сел.

— У вас учится аспирант Дешерисв? — спросил он сразу у Вартана Аветовича.

Не отвечая на этот вопрос, Вартан Аветович в свою очередь задал ему вопрос:

— Позвольте сначала узнать, с кем я имею дело.

— Я из органов НКВД Москвы,— неохотно ответил военный, предъявляя свой документ.

После этого Вартан Аветович ответил на вопрос военного, заявив ему, что ты занимаешься у нас в аспирантуре.

— Где он сейчас находится? — продолжал посетитель задавать свои вопросы.

В ответ на это Вартан Аветович сообщил ему, что ты диссертант, пользующийся, как и все аспиранты-диссертанты, правом свободного посещения Института. Поэтому трудно сказать, где он сейчас находится.

— Вам нужно найти его и доставить к нам в органы НКВД,— в форме приказа,— заявил капитан.

Этот приказной тон и требование доставить тебя в органы НКВД возмутили Вартана Аветовича.

— Это вы — чекист требуете от меня — старика, чтобы я разыскал Дешериева и доставил его к вам, в органы НКВД,— в сердцах заговорил Вартан Аветович.

— Капитан бесцеремонно перебил Вартана Аветовича и довольно резко заявил:

— Я вас понял. Вы отказываетесь выполнить требование работника НКВД.

На лице Марии Федоровны появились признаки ее возмущения поведением посетителя:

Тут Вартан Аветович, как говорится, вышел из себя, встал и смело заявил:

— Вы угрожаете мне. В таком случае прошу освободить

кабинет. Я позвоню вашему руководству и расскажу о вашем поведении. Оно, надеюсь, рассудит,— негромко, но выразительно заключил Вартан Аветович.

По словам Марии Федоровны, капитан был ошарашен словами Вартана Аветовича, и, ничего не говоря, покинул кабинет. Она несколько успокоилась и сказала мне, глядя прямо в глаза.

— Вот что произошло, батенька, из-за тебя. Я понял ее так, что Вартан Аветович пострадает из-за меня.

— Неужели они могут принять какие-то меры против Вартана Аветовича. Если есть такая опасность, я сейчас же сам пойду к ним,— сказал я.

— Что ты, голубчик. Вартан Аветович хорошо знает этих людей. Когда он работал в ЦК КПСС, он командовал ими. Тогда он помог многим людям, без вины арестованным. Ты никуда не ходи, позвони Вартану Аветовичу и поступай так, как он скажет,— посоветовала добрая Мария Федоровна.— Не говори ему ничего о нашем разговоре. Он этого не любит. Поблагодарив Марию Федоровну за такую информацию, я вышел из Института, чтобы с автомата позвонить Вартану Аветовичу. Но я был озадачен и обеспокоен его последними словами: «Он этого не любит». Что это значит? Чего он не любит? Не может ли причинить ему вред его внимание к моей судьбе? Посоветовал же член-корр. АН СССР Лебедев-Полянский в деликатной форме академику И.И. Мещанинову не вмешиваться в мое дело. Я очень уважал Вартана Аветовича. Мне не хотелось, чтобы он пострадал из-за меня. Может быть мне следует позвонить ему, поблагодарить его за внимание, за заботу и сказать, что я пойду в органы НКВД завтра. В таком обеспокоенном, неопределенном состоянии я подошел к телефонной будке. Я снова вспомнил поддержку академика И.И. Мещанинова, который подписал письмо в органы НКВД с просьбой оставить меня в аспирантуре вопреки совету Лебедева-Полянского. Иван Иванович в его положении (он был сыном одного из членов русского священного Синода) не побоялся. А Вартан Аветович тем более не будет бояться. Так рассуждал я про себя. Конечно, я искал внутреннее моральное и логическое оправдание своему поступку, своему стремлению отстоять себя, свои интересы, но при этом, чтобы никто не пострадал. После таких рассуждений про себя, еще не совсем ясных и определенных, я позвонил Вартану Аветовичу. Я поздоровался с ним и извинился за беспокойство.

— Никакого беспокойства. Я просил, чтобы ты позвонил, как дела? — спросил он. Я сказал, что еще не получил ответа на свое письмо.

— Какой-то капитан приходил отсюда и требовал, чтобы мы

разыскивали тебя и доставили в органы НКВД. Я как следует ответил ему и выставил его из кабинета. Последнее предложение было произнесено с возмущением. Я почувствовал, что он хотел подчеркнуть этим, что поддерживает решительно мое правое дело.

— Конечно, положение трудное и все еще неопределенное. Но отчаиваться не следует. Никуда не ходи. У тебя законное право ждать ответа на твое письмо. Словом, мне кажется, что тебе следует ждать еще 10—15 дней. Затем позвони мне.

После телефонного разговора с Вартаном Аветовичем я решил следовать его совету и ждать ответа на свое письмо.

Дни и ночи казались очень длинными. Долгое ожидание ответа. Незаконное с официальной точки зрения проживание в Москве (решение органов НКВД о моем выселении еще не было отменено), возможность задержки и высылки из Москвы в любую минуту, а также остаться без работы, учебы и средств к существованию терзали душу. Я старался постоянно не думать обо всем этом, отвлечься, переключиться... Рано утром уходил в библиотеку и работал там над диссертацией столько, сколько позволяли физические и духовные силы. В этом находил какое-то удовлетворение на время работы, спасение от тяжелых переживаний о трагической судьбе народа, близких и о собственной судьбе.

Через дней двенадцать-пятнадцать мне сообщили, что я должен позвонить В.А.Петросяну домой вечером. Отвечая на мой телефонный звонок, Вартан Аветович спросил:

— Как дела, как самочувствие?

Голос его был обнадеживающим. Я также настроился соответствующим образом.

— На этот раз приходил ко мне майор. Он был очень любезным: не требовал, а просил, чтобы ты пришел к ним и получил соответствующий документ. Думается, сейчас можно идти к ним. Потом позвони мне. Поблагодарив Вартана Аветовича за внимание, я обещал ему позвонить сразу после посещения органов НКВД. Затем я поехал к Хаджимураду в общежитие. Он с женой Надей (Надеждой Федоровной) ждали меня. Мы обсудили мое сообщение о телефонном разговоре с В.А.Петросяном.

— Не обман ли это. Могут пригласить к себе и посадить,— говорила Надя.

Тем не менее решили, что мне следует идти туда, куда меня пригласили. Со мной пойдет Хаджимурад, который подождет меня на улице. Если меня задержат, то он должен был сообщить об этом дирекции нашего Института, моим родственникам и друзьям.

Откровенный разговор в органах НКВД

На следующий день, как условились, мы с Хаджимурадом поехали в управление НКВД. Он остался на улице, а я пошел в бюро пропуска за пропуском. Сначала я позвонил начальнику Отдела, по заявке которого мне выписали пропуск (фамилию его не помню, но запомнил фамилию подполковника Павлова). Поднялся на второй этаж и нашел кабинет начальника. На мое приветствие он ответил глухо, не глядя на меня. Он вытащил из ящика стола какую-то папку, предложил мне есть и задал не очень приятный для меня вопрос:

— Какие у вас претензии к органам НКВД?

Мне показалось, что он задает мне провокационный вопрос, но с какой целью я не знал. Застигнутый врасплох этим вопросом, напоминавшим по тону вопрос обвиняемого, я, несколько волнуясь, ответил:

— У меня претензии к вашим работникам, которые обманув Моссовет своим ложным сообщением, что мол я выслан из Москвы, устроили погром в моей комнате и заняли ее. А я в это время находился в научной командировке в Грузии. Почти вся моя диссертация сожжена.

Видимо, мое неожиданное «наступление» на них обозлило полковника. Он с некоторым раздражением заявил:

— Вы опять со своими обвинениями. В заявлении вы называли работников НКВД черносотенными погромщиками. Вы думаете, что мы не знаем, кого называют черносотенными погромщиками. А теперь говорите о погроме в квартире, о незаконных действиях наших работников, об обмане ими Моссовета. Если вы говорите неправду, мы снова поставим вопрос о вашем выселении.

После такого агрессивного заявления полковника я понял, что мой вопрос в верхах решен в мою пользу. Сам полковник не может отменить это решение, я стал вести себя смелее.

Полковник по телефону вызвал подполковника Павлова, который, возможно, непосредственно занимался моим делом. Пришел Павлов с какой-то папкой (видимо мое дело). Он с неприятием посмотрел на меня, не поздоровался и сел недалеко от своего начальника. Полковник, обращаясь к Павлову, сказал:

— Дешериев говорит, что наши работники, обманув Моссовет, получили ордер на его комнату, когда он находился в командировке...

Возмущенный подполковник Павлов, будучи не в состоянии отвергнуть предъявленное мною обвинение, громко заявил:

— Вы видите, он пользуется каждой нашей оплошностью...

Нервы мои не выдержали... Я опять поставил себя под удар,

забыв, где я нахожусь и с кем говорю. Перебивая Павлова, я также громко ответил ему:

— Вы бы стыдились говорить, чем вы пользуетесь. За что вы меня преследуете, что я сделал плохого, преступного.

Эти мои слова, вопреки моему ожиданию, произвели на них обескураживающее впечатление. Наступила пауза. Вдруг подполковник Павлов встал, отодвинул от себя папку с моим делом и заявил в сердцах:

— Я занимался этим делом вопреки своей совести и больше не буду заниматься.

Затем Павлов, сильно расстроенный, вышел из кабинета. Полковник молча подписал какую-то бумагу. Он передал ее мне. Она была адресована начальнику Киевского районного отделения НКВД. В ней сообщалось, что решением вышестоящих органов я оставлен в Москве.

— Еще вам нужно обратиться в хозяйственное управление НКВД. Вам возвратят ваши вещи, вашу комнату или другую равноценную жилую площадь, — сказал мне полковник, прощаясь со мной.

Хаджимурад ждал меня на улице. Мы были довольны достигнутым результатом. Однако, как и прежде, думали о трагической судьбе репрессированных народов, родных и близких.

Когда мы ехали к Хаджимураду в общежитие, он спросил меня:

— Чему ты так удивляешься?! Что у вас там произошло при встрече в НКВД?

Отвечая на эти вопросы, мне пришлось более подробно рассказать Хаджимураду о происшедшем:

Не успел рассказать тебе, как все происходило — начал я свой рассказ о приеме, оказанном мне в НКВД. Во-первых, меня возмутило и расстроило новое обвинение подполковника Павлова в том, что я, якобы, пользуюсь каждой их оплошностью. Я откровенно называл вещи своими именами — обман Моссовета — обманом, учиненный в моей комнате погром — погромом, сожжение моей диссертации — сожжением. Во-вторых, по существу правильная, но резкая по форме моя реакция на их несправедливое отношение ко мне могла быть использована против меня начальником отдела и подполковником Павловым. Возмущенные моим непокорным поведением они могли создать новое дело против меня, обвинив меня в клевете на органы НКВД, в оскорблении их сотрудников и т.д. Раньше так поступали многие работники из этих органов. Все это позволило бы им не только добиться отмены распоряжения о моем оставлении в Москве, но и привлечь меня к уголовной

ответственности за «дискредитацию» этих органов. В-третьих, вместо ожидаемых новых обвинений против меня подполковник Павлов по собственной инициативе сделал по существу заявление о покаянии («Я занимаюсь этим делом вопреки своей совести» (т.е. сознавая несправедливость, незаконность созданного дела) и больше не буду им заниматься). Если мне когда-нибудь придется писать о своей «одиссее», непременно упомяну их обоих добрым словом, особенно подполковника Павлова, которого до этого момента ненавидел.

— Да, действительно тут есть чему удивляться. Конечно, среди них есть люди честные. Тебе и на этот раз повезло. Спасибо им. Может быть, и мне подать заявление с просьбой оставить меня в Москве до окончания института? — сказал Хаджимурад.

Мы с Хаджимурадом обсудили и этот вопрос. Решили не подавать заявления, опережая события. Ему еще не предложили официально покинуть Москву. Возможно распространение решения о моем оставлении в Москве на Хаджимурада и на других — ни в чем невиновных людей. Во всяком случае, Хаджимурада больше не беспокоили. Он окончил Институт связи и получил направление на работу в областное управление связи в городе Николаеве в УССР.

Тогда многие спрашивали, чем объяснить внезапное прекращение репрессивных мер против представителей депортированных народов, оставление их без предъявления каких-либо обвинений. Однажды В.А.Петросян признался, что он не ожидал простого решения вопроса о моем оставлении в Москве. Он считал, что мое заявление слишком резким, почти обвинительным приговором работникам НКВД, так грубо и незаконно экспроприировавшим жилплощадь, которую я занимал, и устроившим там погром, тем более неизвестны были тайны «кухни» НКВД и тех, которые командуют ими.

Значительно позже работавший помощником Сулбова А.М.Морозов, которого я знал по бывшему Всесоюзному институту журналистики, вызвал меня по делам Высшей Аттестационной Комиссии (ВАК) по присуждению ученых степеней и ученых званий, членом которой я был. Перед этим председатель ВАК министр высшего образования СССР В.М.Елютин на одном заседании сообщил членам Пленума ВАК, что в ЦК КПСС и Совете Министров СССР не удовлетворены деятельностью ВАК. Ставится вопрос об улучшении деятельности ВАК или ее реорганизации. В связи с этим он обратился к членам Пленума ВАК с просьбой внести свои предложения по затронутому вопросу. На предложения, внесенные мною было обращено внимание. Может быть, этим был связан вызов в ЦК

КНСС, который я получил. Морозов сетовал на ВАК и ученые Советы, которые утверждают недоброкачественные диссертации, тем самым засоряя науку лжеучеными.

В беседе Морозов отметил, что мои предложения по улучшению деятельности ВАК привлекли внимание специалистов-сотрудников директивных органов. Я изложил ему свое мнение по ряду заданных им вопросов, касавшихся деятельности ВАК и состояния развития филологической науки в стране. Вдруг Морозов сказал, что некоторые работники секретариата еще помнят мое заявление об оставлении меня в Москве. Стараясь не придавать значения впечатлению, которое произвело тогда мое заявление, я заметил, что был доведен до отчаяния, чем и были вызваны некоторые резкости в заявлениях.

— «Резкости» — не то слово — заметил Морозов. — По их словам, ты был возмущен беззаконием и грубыми методами, которые были применены по отношению к тебе работниками органов НКВД. Еще ты бросил тень на партийные и советские органы, занимавшиеся идейным воспитанием чеченцев и ингушей. Но самое главное, твое заявление касалось живущих в разных районах СССР десятков тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, карачаевцев, немцев, по отношению к которым также принимались репрессивные меры без предъявления каких-либо обвинений. Это же было беззаконие. Когда-то Сталин говорил, что сын не отвечает за отца. А тут репрессии по национальному признаку. Действиями работников органов НКВД была брошена тень и на нашу национальную политику. Поэтому и обратили внимание на твоё заявление и помнят его до сих пор. В секретариате решили показать это заявление Сталину, как это иногда практиковалось по важным вопросам. Секретариат ЦК получал сотни писем и заявлений. Сталину же посылали единицы. Он прочитал твоё письмо и сказал, что ты все правильно написал. Упрек по адресу местных партийных и советских органов правильный. Пусть заканчивает аспирантуру, работает в науке. Может быть из него будет толк. Но постоянная строгая слежка. Такова была директива.

Так ли было все это, как сказал Морозов, не знаю. Если Сталин действительно так говорил, то он «забыл» оценить действия главного виновника в трагедии репрессированных народов — **самого себя.**

Предоставление же мне жилищной площади в районе, наиболее строго контролируемом органами безопасности, вряд ли было случайным, без определенного умысла. Я стал думать так лишь после встречи с Морозовым.

В новом местожительстве в Москве под неуспешным наблюдением

На следующий день я позвонил в хозяйственное управление НКВД (не помню точного названия этой хозяйственной части) по номеру, который дал мне начальник Спецотдела полковник, чтобы выяснить, где я буду жить. Мне предложили два варианта — на выбор: 1) вернуться в свою комнату на Старом Арбате (в этом случае нужно было ждать целую неделю, пока переселят тех, которые там жили); 2) вселиться в комнату, отгороженную от коридора, на улице Куйбышева, дом 8 (вход с проезда Владимирского). Она находилась в коммунальной квартире с длинным коридором. Там было всего восемь комнат. В каждой комнате проживала одна семья. Я решил переселиться в эту комнату. Рядом Красная площадь, две станции метро (на Площади Дзержинского (ныне Лубянка) и на Площади Ногина (ныне Китай-город)).

Прежде чем переселиться в новое местожительство я должен был выписаться из прежней квартиры. Кроме того, нужно было заменить паспорт, где было написано, что я уроженец Чечено-Ингушской АССР, села Ачхой-Мартан. Между тем уже Чечено-Ингушская автономная республика была упразднена и образована Грозненская область, а также переименовано село Ачхой-Мартан в Новосельск (или Новосельское). В письме начальника спецотдела Управления НКВД на имя начальника Киевского районного Отделения НКВД г. Москвы давалось разрешение на такую замену паспорта на основании распоряжения вышестоящего органа о моем оставлении в Москве. В Киевском районном отделении НКВД я обратился к начальнику паспортного стола. Женщина лет 35—40 в чине, кажется, капитана ознакомила с содержанием отношения из Управления НКВД и с каким-то недовольством протянула мне какую-то бумагу для заполнения. Я, заполняя эту бумагу, написал вместо Чечено-Ингушской АССР Грозненскую область, а вместо села Ачхой-Мартан Новосельское. Она взяла у меня эту заполненную бумагу небрежно и стала сличать написанное мною на бумагу с записью в паспорте. Вдруг она резко повернулась в мою сторону и со злостью произнесла:

— Вы что, хотите обмануть нас, заменив Чечено-Ингушетию Грозненской областью. Это уголовное.

Хотя меня поразила такая реакция и некомпетентность начальника паспортного стола, я ответил, улыбаясь:

— Вы хотите сказать, что Вы не признаете Указа Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Чечено-Ингушской АССР и образовании Грозненской области?

Женщина раздраженно вскочила и грубо сказала мне, чтобы я ждал в коридоре. Через некоторое время другая женщина пригласила меня в другую комнату, дала расписаться и вручила новый паспорт.

Когда уже переселился, я узнал, что напротив нашего дома находятся здания ЦК КПСС. Соседи рассказывали мне, что в этой комнате жил венгр. Во время войны его выселили. Новое мое местожительство находилось под сильной охраной. Видимо, за мной вели неусыпное наблюдение.

Комната — полутемная, находилась в конце коридора. Общая площадь 12—13 кв.м.

Забегая вперед, укажу на то, что жил я там с 1944 по 1957 г. Сначала один. Женился в 1949 году. Первая дочь родилась в 1951 г., вторая в начале 1956 г. С этого времени мы жили в этой маленькой комнатухе вчетвером. Живя там, в 1954 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1955 г. получил звание профессора. С 1956 г. работал зам. директора Института языкознания АН СССР по научной части.

Учитывая плохие жилищные условия моей семьи, мне предлагали использовать привилегии, которые дают мне право вне очереди улучшить их. Я отказался воспользоваться этой возможностью. В очереди стояли сотрудники Института, в том числе мои старшие коллеги. Я не мог игнорировать морально-этический фактор из-за личных интересов. В конце 1956 года в наш дом пришла комиссия Моссовета для выяснения состояния дома. Все соседи, которые были дома, показали комиссии нашу комнату и просили ее, чтобы она поставила вопрос в Моссовете об улучшении жилищных условий семьи Дешериева, поскольку глава этой семьи считает неудобным для себя получить квартиру за счет своего учреждения. Меня не было дома. К нашему удивлению, через месяц мы получили копию решения Моссовета, обязывающего АН СССР выделить квартиру для семьи Дешериева за счет лимита Моссовета, а не за счет АН СССР. По этому решению нам выделили четырехкомнатную просторную квартиру, в которой мы живем до сих пор в одном из лучших районов Москвы — в Сокольниках.

В указанной комнатухе в 1945 и 1946 гг. (в разное время) у меня жили фронтовики — мои земляки майор Сакка Висаитович Висаитов, подполковник японец Абадиев, подполковник (тогда) Мавлид Алироевич Висаитов (сначала один, затем с женой Рамнат, когда он учился в Академии им. Фрунзе 1945-1946 гг.). О них еще пойдет речь.

В первые четыре месяца 1945 года с нетерпением все ждали победы над фашизмом. Особенно чувствовалось это в письмах из

Средней Азии, от родственников, друзей. О своем тяжелом положении репрессированные не могли писать. А если писали, то письма не доходили. Существовала строжайшая цензура. Те, которые писали о полупорочном режиме, подвергались дополнительному ожесточению карательных мер. Поэтому в письмах преобладали жалобы на то, что семьи не могут соединиться. Одни мои родственники из Ачхой-Мартана Чечено-Ингушетии находились в Кустанайской области Северного Казахстана, а другие в Джалаалабадской области. Семья одного брата в Карагандинской области, а семья другого брата в Кустанайской области, несмотря на то, что выселяли их с одного двора. Были случаи, когда дети оказались в одной области, а родители — в другой, жена в одном районе, а муж в городе другой области. Но главная надежда их была связана с победой. В письмах звучали наивные нотки, что после победы над фашизмом государство поможет им всем вернуться на родину.

Москва очень торжественно отметила День Великой Победы. Вся страна, как и весь мир, искренне радовалась окончанию мировой войны. Но надежда репрессированных, обездоленных народов оказалась мнимой не только на их возвращение на родину, но и на ослабление жестокого режима.

Каждая семья старалась отметить День Победы, радостно приветствуя победителей, поминая погибших. Собирались соседи вместе, чтобы отпраздновать окончание самой жестокой, самой кровопролитной, самой разрушительной, самой бесчеловечной мировой войны в истории человечества. Многие аспиранты уехали домой праздновать Победу в семье.

Те же, народы, семьи, которые были репрессированы, также радовались Великой Победе, но находились в состоянии тяжелых переживаний. Со мной вместе в аспирантуре готовились к защите диссертации балкарец А.Т.Базиев, калмычка Б.Х.Тодаева, крымский татарин Б.Г.Гафаров. Им некуда было ехать. Они, как и их народы, лишены были маленькой родины (как тогда говорили: **Большая Родина — Советский Союз, Маленькая Родина — Республика, область, округ, район, где родился человек**). Мы даже не решались вместе собраться, обменяться мнениями. В условиях существования системы взаимной слежки не могло быть полного доверия друг другу. Слишком много было стукачей. К тому же мы резко отличались друг от друга по характеру, не говоря уже о научном потенциале. Первым фронтовиком-победителем из моих земляков, с которым я встретился в Москве, был майор Сакка Висантов. Он с утра искал меня, не зная, куда меня переселили. Встреча была трогательная, дружеская. Грудь его украшали боевые награды — ордена и медали. Сакка был обаятельным человеком.

высоко ценившим мужскую дружбу. Он был значительно старше меня. Он старался не подчеркивать эту разницу в возрасте. Но я всегда учитывал это. К нему относился не только как к другу, но и как к старшему брату.

— Не ожидал я, что тебя после преследования поселят в центре Москвы, между Кремлем и ЦК КПСС — улыбаясь, сказал Сакка, когда мы зашли в мою каморку. — Я проездом в Москве. нашу кавалерию под командованием генерала Плиева перебрасывают на границу с Китаем. Хотел переселиться к тебе. Но ты живешь в таком месте, где, наверное, следят за каждым твоим шагом. Разрешат ли мне провести у тебя несколько ночей?

— Конечно, разрешат, — ответил я. — Ты же фронтовик-победитель, заслуживающий большего доверия, чем многие, живущие в этом районе.

Сакка переселился ко мне. Больше всего его занимала судьба семьи. Она была также репрессирована вместе с чеченским народом.

— Мы — фронтовики сражаемся на фронтах против фашистских захватчиков. А наши семьи, не сделавшие ничего плохого репрессированы по чисто национальному признаку. Это не просто несправедливость, а дикость, — возмущался Сакка. Когда я рассказал об этом своим русским товарищам-фронтовикам, они не поверили. Они подумали, что это клевета на Советскую власть, на великого Сталина. Только недавно я смог узнать, где находится моя семья, и оказать ей материальную помощь.

Через несколько дней Сакка с такими переживаниями, душевной раной уехал на Восток, как впоследствии выяснилось, на новый фронт против японских милитаристов, о чем писали тогда.

В конце августа 1945 г. в Москву приехал и Мавлид Висаитов. Он разыскал меня в Москве и остановился у меня. В «Комсомольской правде» была помещена фотография, где Мавлид был представлен на белом коне. Он командовал почетным караулом при встрече советских и американских войск на Эльбе. Там же американцы наградили его американским орденом. Он дошел до Эльбы, командуя кавалерийским полком.

Наша встреча была радостная. Радость победы. Я радовался, что он, как и Сакка, живым и здоровым вернулся с фронта. Как один из лучших командиров-фронтовиков он был направлен на учебу в Академию Генерального штаба Советской Армии им. Фрунзе. Это была полная неожиданность для него и для меня. Вся его грудь также была украшена наградами за боевые заслуги — многими орденами и медалями.

За нашим скромным праздничным столом он рассказал мне о своих переживаниях. Его семья также была репрессирована. Это я знал. Он заботился о ней, регулярно посылая деньги. Но трудно было бы поверить тому, что сказал, если бы это говорил кто-нибудь другой:

— Командование фронтом представило меня на присвоение звания Героя Советского Союза, но Верховный главнокомандующий отклонил это представление на том основании, что я сын репрессированного народа,— с горечью сказал Мавлид.

Все мои соседи прекрасно относились к Мавлиду, как и к Сакке. Они воспринимали их как героев-победителей. На лице Мавлида обычно жизнерадостного и общительного, иногда отражалась печаль души, внутреннего переживания. Соседи замечали это и спрашивали меня:

— Почему Ваш подполковник иногда бывает таким печальным, чем-то страдающим?

В тех случаях, в которых мы жили тогда, целесообразно было не говорить окружающим о действительных причинах его переживаний. Поэтому приходилось отвечать им коротко, говоря, что он скучает по семье.

Иногда Мавлид сомневался в целесообразности своей учебы в военной академии.

— Мне дорога будет закрыта в армии после окончания Академии. Не знаю, с какой целью удовлетворили мою просьбу дать мне возможность учиться в Академии им. Фрунзе. Может быть, неудобно было сразу демонстрировать недоверие не только отклонением представления к званию Героя Советского Союза, но и лишением заслуженного в боях за Родину права поступить в военное учебное заведение. После окончания Академии могут сразу демобилизовать. И тогда без гражданской профессии мне трудно будет найти себе достойное место в жизни.

Так рассуждал Мавлид Висантов. Я старался убедить его в необходимости воспользоваться возможностью учиться в Академии им. Фрунзе. Для размышлений оставалось немного времени. Мы вместе с ним ходили через один день обедать по моим талонам в закрытую академическую столовую на улице Горького, как осенью 1944 г. В свою столовую для военных он не ходил. Так прошли у нас последние дни августа 1945 года. В конце концов он решил поступить в Академию. Начались дни учебы. Мавлид напряженно работал над собой, стараясь наверстать упущенное в свое время. Он делал успехи в учебе.

Однажды в воскресенье он написал письмо любимой девушке, после выселения чеченцев и ингушей проживавшей в Джамбульской области Казахской ССР. Мавлид с нетерпением ждал ответа.

Рамнат, его будущая жена, писала, что разделяет его чувства. Он радовался этому.

В те дни я должен был поехать вместе со студентами МГУ в Киргизию. Мавлид просил меня сделать остановку в Джамбуле, побывать в семье Рамнат и выяснить обстановку, возможность забрать Рамнат в Москву после оформления брака.

Из Джамбула я отправился в населенный пункт, где жила Рамнат. Она, ее мать и родственники оказали мне теплое гостеприимство по чеченским обычаям, но сдержанное. Они меня не знали. Я видел их впервые. Когда я показал письмо Мавлида, все изменилось. Сдержанной радости Рамнат не было конца.

— Хью Мавлидан Доттаг вуй? (Вы друг Мавлида?) — спросила она меня по-чеченски.

— Да, он живет у меня, — ответил я.

После такого разговора ко мне стали относиться как к близкому родственнику. Я переночевал у них. Мы обо всем договорились. Мавлид должен был приехать за ней. На следующий день утром, когда стал готовиться к отъезду, я заметил, что мои гостеприимные хозяева были смущены чем-то. Но я не знал в чем дело. Ко мне подошла мать Рамнат и, смущаясь, сказала по-чеченски:

— Извините нас. Никто из нас не может поехать в Джамбул провожать вас. Всем чеченцам и ингушам запрещено без специального разрешения выезжать куда-нибудь из того населенного пункта, куда их поселили под наблюдением особой комендатуры, созданной по линии органов НКВД. А на получение разрешения требуется много времени. Это была своеобразная «резервация», т.е. территория для насильственного поселения населения. Но более строгим деспотическим режимом и постоянной слежкой. Оказывается, следили и за мной. Когда я приехал на вокзал в Джамбуле, ко мне подошли двое — один из них был в гражданской форме, а второй — в милицеевской форме дежурный на вокзале. Тот, который был в гражданской форме, довольно деликатно, но не бесцеремонно, в безапелляционном тоне предложил мне предъявить документы. На вокзале было много людей. Те из них, которые были рядом с нами, обратили внимание на нас. Мне показалось странным искусственное сочетание деликатной бесцеремонности и безапелляционности. Может быть, неопытный, новичок, — подумал я.

— Сначала предъявите вы документ, позволяющий вам проверять документы советских людей, — сказал я подчеркнуто громко, чтобы услышали люди, стоявшие рядом с нами, среди которых, как я заметил, были русские, казахи, чеченцы, ингуши.

— Вот работник милиции мой документ, — строго заявил он.

— Вам должно быть известно, что на железной дороге встречаются немало преступных элементов в милицейской форме,— отметил я, давая ему понять, что я не предъявлю ему документа, пока он не предъявит свой документ.

Люди, стоявшие около нас, стали обращать повышенное внимание на нас. Действия работника органов НКВД получили нежелательную огласку и интерпретацию. За это начальство не стало бы хвалить его. Этот работник понял, что он сам создал ситуацию, которая может скомпрометировать его, и, выражая недовольство моей настойчивостью, он показал мне свой документ. Все заметили это. После него я также предъявил ему свой документ.

— Командировка у вас в город Фрунзе. Почему остановились в Джамбуле? — спросил он.

— Каждый советский гражданин не обязан докладывать органам НКВД за каждый свой шаг. Но учитывая особое обстоятельство, могу сообщить вам, с какой целью я остановился в Джамбуле,— ответил я. Затем коротко рассказал работнику НКВД, почему я приезжал. Чтобы он не беспокоил Рамнат, сообщил ему краткие сведения о Мавлиде Висаитове, его учебе в Академии им. Фрунзе. Несколько слов сказал и о себе. Он был несколько удивлен тем, что я сообщил ему о Мавлиде и о себе.

Нетрудно было представить себе, как жестко и нагло он ведет себя с безвинными репрессированными, если позволял себе так бесцеремонно допрашивать приезжего.

Эта поездка произвела на меня тяжелое впечатление. Я видел в населенных пунктах, на вокзалах, остановках поезда на территории Средней Азии обездоленных, морально подавленных людей, без вины виноватых, живущих в тяжелых жизненных условиях.

После моего возвращения в Москву Мавлид стал готовиться к поездке в Джамбульскую область Казахстана за Рамнат. Он ходил в НКВД за разрешением для Рамнат, чтобы она могла выехать в Москву. Потребовали свидетельства о браке. По понятным причинам у Мавлида не было такого документа. Он думал оформить брак в Джамбуле и там же получить разрешение на выезд для Рамнат. А когда он приехал в Джамбул, ему сказали, что местные органы Спецкомендатуры не могут разрешить Рамнат выехать в Москву с мужем. Это возмутило Мавлида. Он приехал в Москву с Рамнат без разрешения. Она была бесконечно счастлива. В первый же день приезда мы пошли в магазин и купили ей свадебные подарки. Персодели и персобоули ее. Белокурая, красивая, одетая со вкусом она стала настоящей красавицей. Ей было около 18 лет.

Оставив их одних в комнате, я пошел ночевать к товарищу. Через несколько дней я должен был уехать в Грузию в двухмесячную командировку (к цова-тушинам, бацбийцам). Меня провожали вечером супруги Мавлид и Рамнат, оставшиеся в моей комнате.

Тревожная поездка к кистиням в Кахетию

Кахетия — Восточная Грузия. Ее справедливо называют благодатным краем. Основное население — грузины. Там живут и представители дагестанских народов, осетины, чеченцы (кистины), бацбийцы (цова-тушины) и представители других народов. Словом, многонациональный регион. Как я уже отмечал, после выселения чеченцев и ингушей не только было запрещено заниматься изучением чеченского и ингушского языков, но и употреблять в печати этнические наименования чеченцев и ингушей, названия их языков. Поэтому пришлось вместо чеченского языка писать восточно-вайнахский язык, вместо ингушского — западно-вайнахский язык. А мне предложили после защиты кандидатской диссертации заняться исследованием цова-тушинского (байбийского) языка. С этой целью я должен был поехать в Кахетию, к бацбийцам и начать полевые исследования бацбийского (цова-тушинского) языка с целью создания фундаментального труда о нем.

В Тбилиси я прибыл днем. Вечером я должен был уехать в Кахетию поездом Тбилиси-Телави. Это была моя вторая поездка в Кахетию. Время было трудное. Мне уже были известны трудности поездки в общем вагоне в Телави.

Учитывая все это, я решил взять билет в мягкий вагон. Пришлось ограничить расходы по другим статьям до минимума, прежде всего расходы, связанные с питанием.

На вокзале много военных. Среди них раненные, возвращающиеся домой из госпиталей. У каждого вагона телавского поезда большое число людей, стремящихся войти в вагон. Некоторые садятся через окна. В этой суматохе кондукторам приходится наблюдать, как переполняются вагоны. Только посадка в мягкий вагон была свободная. Проводник грузин средних лет с некоторым удивлением посмотрел на меня, проверил мой билет. Недалеко от проводника стоял милиционер. Я поднялся в вагон и пропуская выходящую из вагона женщину, задержался в тамбуре. В это время кондуктор, обращаясь к милиционеру, сказал с оттенком то ли неудовольствия, то ли иронии:

— Из какой-нибудь семьи начальствующих, указывая на меня. Человек из простой семьи в наше время не заплатит столько за

билет для поездки в мягком вагоне.

Такие суждения кондуктора произвело на меня неприятное впечатление. Я сожалел, что поеду в мягком вагоне. К моменту моего прихода в купе никого не было. Я занял свое нижнее место и стал ждать соседей. После замечания кондуктора я с каким-то беспокойством думал о своих будущих попутчиках. Пришел пассажир лет пятидесяти, высокого роста в форме железнодорожного начальства. Он поздоровался со мной и занял нижнее место. Его сопровождал молодой человек, который нес два небольших чемодана. Положив чемоданы на верхнюю полку, он вышел из купе. За несколько минут до отправления поезда явился полковник в сопровождении молодого капитана. Они поздоровались с нами. Капитан положил портфель и маленький чемодан на свободную верхнюю полку и, попрощавшись с полковником, ушел. Полковник лет сорока пяти выглядел усталым и чем-то недовольным.

— Чуть не опоздал на поезд. Неожиданно получил приказ сегодня же выехать в Телави. Даже не успел собраться, как следует, — сказал полковник.

Мне было неловко занимать нижнее место, когда человек значительно старше меня вынужден был подниматься на верхнюю полку.

— Может быть, Вам будет удобнее внизу, а я займу верхнюю полку, — обратился я к полковнику.

— Спасибо, если можно, — ответил он.

Я заметил, что и мой сосед железнодорожник одобрительно относится к моему предложению. Вернулся и молодой железнодорожник с небольшой бочонкой вина.

— Николай Арсеньевич, один из ваших друзей, который не захотел сообщить свою фамилию (по грузинской традиции) просил передать вам эту бочонку свежего кахетинского вина, — сообщил по-русски молодой железнодорожник, обращаясь к своему старшему сослуживцу.

Принимая подарок, Николай Арсеньевич сказал, что бочонка вина — общее достояние едущих в купе и пригласил нас к столу. В разгаре нашего скромного пиршества полковник, на которого немного подействовало вино, с заметным чувством сожаления заявил, что он едет в Кахетию выполнить задание не из приятных. Дан приказ подготовить к выселению около трех тысяч человек, постоянно проживающих в Кахетии.

— За что? — в сердцах спросил Николай Арсеньевич.

— Точно не знаю. Думается, причина та же, по которой выселили чеченцев и ингушей, — ответил полковник.

— Вместе с семьями? — опять спросил Николай Арсеньевич.

Полковник с явным внутренним возмущением ответил:

— Да, вместе с семьями, стариками, детьми, женщинами. Мне рассказывали участники выселения чеченцев и ингушей, что им было приказано тяжело больных, в том числе стариков, детей, женщин в отдаленных горных районах расстреливать. Затем их закапывали в общей яме. Не знаю, смогу ли я выполнить такое бесчеловечное задание. Наступила пауза. Все были поражены тем, что рассказал полковник. Я не находил себе места. Но стремился к самообладанию, не выдавая себя. Но не выдержала, машинально воскликнул:

— Какая жестокость, подлость!

Полковник, обеспокоенный нашей реакцией, сказал, обращаясь к нам:

— Это был доверительный разговор. Пусть он останется между нами. Давайте провозгласим тост за нашу Великую Победу. Последние его слова прозвучали торжественно. Мы дружно поддержали его тост.

Перед рассветом мы решили отдохнуть. Я не мог заснуть. Во мне все больше и больше усиливалось убеждение, что более трех тысяч человек, о которых говорил полковник, — это кистины. Но как предупредить их о грозящей опасности. Эта мысль не давала мне покоя. После недолгого размышления я решил сначала остановиться в Земо-Алвани, затем через два-три дня поехать к кистинам и предупредить их. Поводом для поездки послужит необходимость ознакомления с языковой жизнью кистинского населения, язык которых относится к нахской группе, как и цоватуинский.

Кистинское гостеприимство

После трех дней пребывания в Земо-Алвани я решил поехать к кистинам и исполнить свое желание. Вместе с председателем сельского совета на его двуколке я поехал в Ахмети. Оттуда перебрался в село Дуиси (Дунсопели), где живут кистины. Туда я прибыл вечером. Перед сельским Советом стояла группа мужчин. Они оживленно спорили о чем-то. Сопровождавший меня работник райисполкома познакомил меня с председателем сельсовета Дуиси. Его звали Висарг. Он был одет по-чеченски (по-кистински). В черных сапогах. В белой рубашке, опоясанный кавказским ремешком, на котором висел наган. Поглаживая свои длинные усы, он испытующе посмотрел на меня и спросил по-русски.

— А вы знаете наш язык?

Несколько искажая слова искусственным акцентом и с трудом

произнося их, я ответил по-кистински (по-чеченски), что знаю, хотя не очень хорошо. Я помнил совет академика А.С.Чикобава не афишировать, что я чеченец.

Висарг отвернулся от меня и, обращаясь к своим, тихо сказал по-кистински:

— Ларлуш хила деза вай. Кху стага Х/ун Леладо да Хаа вайна мадарра (нам надо быть осторожными. Мы не знаем точно, зачем этот человек приехал).

Затем он повернулся ко мне и спросил.

— Мы не чеченцы, мы — кистины. Вы знаете это? Я ответил, что знаю, что они кистины.

Побеседовав со своими односельчанами, Висарг подошел ко мне с одним молодым человеком и сказал:

— Вы будете жить в доме Керима Картарашвили. Вот этот молодой человек Якуб пойдет с Вами в дом Керима. Он хотел, чтобы вы остановились у него. Керим Картарашвили встретил меня радушно. В моем распоряжении была прекрасно оборудованная кунацкая комната, т.е. комната для гостей-друзей. Угостили вкусным, обильным ужином. После ужина мы беседовали с Керимом часа два. Разговор носил общий полуофициальный характер. Я чувствовал, что он смотрит на меня с недоумением, сомнением, проявляя осторожность в беседе. Это осложняло мое поведение. Я не решался сразу сказать ему, зачем я приехал. Вдруг поймет неправильно. И тогда сильно осложнится мое положение. Так и не получился у нас откровенный разговор. Керим пожелал мне спокойной ночи и ушел.

Утром я, как всегда, рано встал и занимался своими научными делами. В начале девятого утра пришел Керим с завтраком (женщины не заходили ко мне по обычаям). Он поставил завтрак на стол и вдруг неожиданно обратился ко мне.

— Дела дуьхъа ала, нохчуо вуй хьо? (ради бога скажи, чеченец ли ты?)

— Дера ву со-м нахчуо,— сказал я (конечно, я чеченец).

Керим радостно улыбаясь, подошел ко мне и крепко обнял меня по-нахски. Я рассказал ему, с какой целью я приехал, как я был встревожен откровенным разговором полковника в поезде. Выслушав меня, Керим сообщил:

— Самагатде, оха дан дезарг дина. Тхо махках дохур дац (не беспокойся, все необходимые меры мы уже приняли. Нас не будут выселять). За завтраком мы по душам побеседовали. Керим с приподнятым настроением ушел на работу. Я тоже чувствовал облегчение, «разгрузку» нервной системы. До двенадцати часов я поработал и в первом часу дня вышел на веранду. Сын Керима освеживал барана. Готовятся к какому-то празднику, — подумал я.

После обеда на фургоне подвезли бочку вина. С работы вернулся Керим Абу. С ним пришли Висарг и еще несколько человек. По их настроению я понял, что Абу Керим рассказал им о нашей откровенной беседе. Все они обняли меня по-кахски и искренне рады были моему приезду. Называя меня по имени, ко мне обратился Висарг:

— Сегодня вечером торжественно отметим твой приезд. Будет вечеринка. Будет и пиршество.

Я поблагодарил их за внимание. Они сказали, что придут вечером и ушли.

Когда стемнело, гости стали собираться. Девушки и парни приходили в комнату, где будет вечеринка. В другой комнате — почтенные представители села. Мы вошли в эту комнату, где столы уже были накрыты: обильное угощение — блюда из баранины, жареные куры, вино, коньяк, виноград, фрукты и т.д.

За столами сидели человек десять-двенадцать. Разговор был нейтральный — для осторожности, бдительности. Произносились по-грузински искусные, сочные тосты; яркая по-народному образная речь тамады Висарга; шутки, пословицы, поговорки, народные изречения, словно подобранные специально для гостя. Было весело и приятно. В соседней комнате играли на гармонии. С шумом торжествовала темпераментная чеченская лезгинка.

После ужина мы перешли в комнату, где обычная кистинская вечеринка была в разгаре. Тамадой был Висарг. Он предложил мне танцевать. Я был плохим танцором. Тем не менее по настоянию тамады вынужден был танцевать. Мы с девушкой успели сделать всего два круга. Висарг встал, вытащил наган (он один только носил открыто оружие) и выстрелил два-три раза в потолок (как это было принято у нахских народов в честь почетного гостя или по другим торжествам). Затем он остановил меня — танцующего и крепко обнял, громко говоря:

— Теперь я убедился, что ты настоящий чеченец.

Поездка в село Дуиси, этот вечер и общение с кистинами оказались полезными для меня и моей работы.

На четвертый день я вернулся в Земо-Алвани и продолжил свою работу.

Одна из основных идей моей кандидатской диссертации подтверждалась новыми фактами и вторичной проверкой ранее собранного материала.

Довольный сделанной работой и особенно встречей с кистинами я через Тбилиси вернулся в Москву. В конце года я должен был выступить с заключительным докладом о поездках в Земо-Алвани по сбору и научной разработке новых лингвистических данных по вопросу об активном и пассивном строе

предложения, на котором (строение предложения) были основаны две теоретические концепции об активном и пассивном (в сущности мифологическом, «тотемистическом» в определенном смысле используемом некоторыми расистами) мышлении. Концепцию пассивного мышления пытались использовать для доказательства неспособности некоторых народов к высшим формам интеллектуального и морально-этического развития. Данные бацбийского языка показывали, что мы имеем дело не с пассивным, а с активным строением предложения. Это был важный для науки вывод. Вместе с тем это могло усилить мою позицию, мое положение: существовало опасение, что диссертация, где используются материалы из чеченского (называемого восточно-вайнахским) и ингушского (называемого западно-вайнахским) языков, могут не утвердить, отклонить. Диссертация моя была в основном завершена. Если диссертация будет утверждена, то меня могут оставить в Институте и поручить монографическое исследование бацбийского языка.

Ночная проверка

Когда я вернулся из Грузии поездом, меня встретили Мавлид и Рамнат на Курском вокзале. Рамнат уже привыкла к московской жизни. Они подготовились к моему приезду. В нашей маленькой комнате уже была перегородка из темно-синей материи, разделявшая ее (комнату) на две части. В одной части стоял диван, на котором ночью я спал, а в другой части — кровать. Днем перегородку отодвигали в сторону ниши, где стоял диван. Она была почти не заметна за диваном. Как всегда, я рано утром уходил в библиотеку и поздно вечером возвращался домой.

Однажды утром, когда мы все были дома, Рамнат пошла в магазин за продуктами. Она купила нужные ей продукты и возвращалась домой. На Дзержинской площади около метро ее остановили и попросили предъявить документы. Она показала паспорт и сказала, что приехала в гости, сообщила, где она живет. Рамнат вернулась домой расстроенной.

— Что со мной будет? Живу без прописки, без разрешения, — говорила она, рыдая.

Мы с Мавлидом старались успокоить ее, хотя и сами были обеспокоены этим случаем проверки документов. Стараясь успокоить Рамнат, я рассказал о нескольких комичном случае, когда утром меня остановили милиционер и военный на том же месте, на Дзержинской площади, где проверили документы Рамнат, и потребовали предъявления документов. Я торопился на

работу, поэтому сразу показал паспорт и удостоверение о месте работы. Они оба внимательно, не спеша, проверили мои документы и вернули. Недовольный их медлительностью и излишним старанием, я сердито брякнул:

— Плохо работаете, ежедневно два раза прохожу здесь — на работу и обратно.

Почему-то они оба были опешены таким замечанием и переглянулись. Военный зло плюнул и сказал милиционеру:

— Уйдем отсюда.

Мы посмеялись. Рамнат несколько успокоилась. Тем не менее мы с Мавлидом стали думать о том, что сказать, если придут домой проверять прописку. Сначала у нас были наивные соображения: сказать, что она только что приехала к мужу. Но это была неправда. Нас легко могли в лучшем случае упрекнуть в обмане и оштрафовать. Этот вариант не подходил. Тогда мы стали «прогнозировать» другой вариант поведения. Мы заранее подготовим шкаф, чтобы спрятать ее, как только постучат в дверь. Подумали и пришли к выводу: этот вариант слишком наивный и легко может скомпрометировать нас. Лучше всего рассказать, как все было. Мавлид ездил в Джембульскую область, женился на Рамнате. Несмотря на его настойчивую просьбу, ее не выписали и не дали ей разрешения выехать. Мавлид собирается обратиться в НКВД за разрешением во время своих зимних каникул и, если нужно, поехать в Джембульскую область выписать и оформить ее переезд в Москву к мужу на временное проживание. Мы остановились на этом варианте.

Примерно через несколько дней в третьем часу ночи стук в дверь разбудил нас. Я быстро встал и открыл дверь. Ко мне обратился майор в форме сотрудников НКВД, за которым стоял работник нашей районной милиции.

— Извините за беспокойство, проверка документов. Вы съемщик? — спросил он.

Я ответил. Затем спросил, есть ли в комнате посторонние. Ясно было, что они знают все. Пришлось сообщить им: у меня живет подполковник М.А.Висантов — слушатель Военной Академии Генерального штаба, посланный на учебу после встречи на Эльбе с американцами — нашими союзниками... я заметил едва уловимую улыбку на лице майора и понял, что напрасно я издавна начал и стараюсь всячески возвысить Мавлида и особо подчеркнуть его заслуги. Я почувствовал, что всего этого не нужно было. Майор все знал. К тому времени Мавлид успел встать и накинуть на себя не случайно китель, с погонами подполковника и многочисленными орденами медалями, в том числе с американским орденом. Когда я прервал свой «рапорт»,

майор обратился к Мавлиду, улыбаясь:

— Что же это товарищ подполковник, привезли жену без разрешения и не зашли в Управление НКВД за разрешением.

Мавлид также улыбаясь, извинился. Коротко рассказал как дело было.

— Съемщик, хозяин комнаты — аспирант. Он ни в чем не виноват. Во всем виноват я, — сказал Мавлид в заключение. Видно было, что майору все это понравилось.

— Вам нужно завтра же зайти в Управление к полковнику Кузнецову за разрешением.

Затем, улыбаясь, майор обратился к Мавлиду:

— Поздравляю Вас с нашей Великой Победой, с поступлением в Академию им. Фрунзе — мечтой каждого офицера и конечно, с женитьбой, желаю счастья и семейного благополучия.

Они ушли. Последние слова — поздравления майора были обнадеживающими. Мы ожидали худшего. Как бы ты ни было, с точки зрения проявления человеческих качеств, мы уже симпатизировали майору. Особенно рада была Рамнат. Она встала. Мавлид воспользовался этим. Он посмотрел на свои часы и обратился к нам:

— Хотя четвертый час, давайте отметим это важное событие. Сегодня — воскресенье. На работу и на учебу не нужно спешить.

Мы с Рамнат согласились. Она приготовила хорошую закуску. Мы весело отметили надежду на то, что Рамнат оставят в Москве и временно пропишут у меня.

На следующий день Мавлид был у полковника Кузнецова и получил необходимое разрешение на переезд Рамнат в Москву к мужу на время его учебы.

Поддержка ученых-учителей в научной деятельности

После благополучного завершения всей этой искусственно созданной вокруг Рамнат атмосферы я мог более или менее спокойно готовиться к заключительному докладу по всей диссертации.

Мой доклад по неизвестным для меня причинам был намечен на время приезда академика Ивана Ивановича Мещанинова в Москву из Ленинграда. В конце года проходили общие собрания Академии Наук СССР и ее отделений. На этих собраниях подводили итоги деятельности научных учреждений. Иван Иванович как академик-секретарь Отделения языка и литературы и член Президиума АН СССР участвовал в подготовке и проведении этих мероприятий. Меня предупредили, что на вторник следующей недели назначен мой доклад на расширенном

заседании сектора кавказских языков, которым заведовал мой научный руководитель профессор Н.Ф.Яковлев.

Зная, что моя судьба в значительной мере зависит от успеха моего доклада, я старался как можно лучше подготовиться. Во вторник утром я пришел в Институт и сидел в секторе кавказских языков. Заседание было намечено на 11 ч. утра. Около половины одиннадцатого в сектор зашел профессор Николай Феофанович Яковлев. Он положил портфель на свой стол и, предупредив меня, чтобы я не выходил из сектора до его возвращения, вышел из комнаты. Николай Феофанович вернулся в приподнятом настроении и предупредил меня, что заседание сектора будет не в его кабинете, как обычно, а в зале. Придет и Иван Иванович. Я был изволнован всем этим. И зал, и академик-секретарь — все это было необычно для аспирантского доклада. Николай Феофанович, заметив мое волнение, пригласил меня к кавказоведу зам. директора профессору Георгию Петровичу Сердюченко. Оба профессора посоветовали мне спокойно изложить свой доклад в течение тридцати минут и ограничиться основными итогами и выводами.

Иван Иванович интересуется прежде всего анализом нового материала по эргативному строю непереходного предложения и типовыми выводами. На это обратил особое внимание, — сказал Николай Феофанович.

Как я узнал несколько позже, в успехе моего доклада были заинтересованы и Николай Феофанович и Георгий Петрович как кавказоведы и мои учителя.

Проблема эргативного строя предложения, о которой говорилось выше считалась одной из важных проблем исследования взаимоотношения языка и мышления. Поэтому обоснованный на анализе нового материала ответ даже на частный вопрос, относящийся к указанной проблематике, представлял широкий научный интерес. С скромное достижение аспиранта в этой важной области являюсь в известной мере и их достижением как кавказоведов-наставников, моих учителей. Это имело определенное значение в то время, когда готовились к выборам в АН СССР (их сторонники называли Николая Феофановича кандидатом в действительные члены АН СССР, а Георгия Петровича — в члены-корреспонденты).

Обо всем этом я узнал значительно позже. В то время я думал о другом с глубокой благодарностью. Иван Иванович Мещанинов, Николай Феофанович Яковлев, Георгий Петрович Сердюченко — ученые, представители русской интеллигенции уделяли мне — аспиранту — представителю одного из репрессированных народов, оказавшемуся в тяжелом положении большое внимание. Чувство

искренней благодарности им сохранию в памяти до конца своих дней.

В зале заседания Института (на Волхонке, где в настоящее время находится Институт русского языка, когда-то составлявший часть Института Языкознания АН СССР), открылось расширенное заседание сектора кавказских языков. Председествовавший зав. сектором профессор Н.Ф.Яковлев пригласил меня выступить с докладом. Я начал читать свой доклад, сильно волнуясь.

— Вы не волнуйтесь, — в мягком тоне, характерном для него обратился ко мне Иван Иванович, сидевший в Президиуме — мы же все ваши коллеги, пришедшие послушать ваш интересный доклад.

После окончания доклада, мне задали ряд вопросов. Я старался спокойно ответить на них. В прениях первым взял слово Иван Иванович. Он положительно оценил мой доклад. И в заключение сказал:

— Более десяти лет я писал, что невозможно эргативное построение непереходного предложения. Вы убедительно показали, что это возможно путем научного анализа конкретного языкового материала. При этом в осуществлении действия в таком предложении субъект играет не пассивную, а активную роль. В научном обосновании концепция активной природы эргативного построения предложения, ваша основная научная заслуга. Вам следовало бы покритиковать меня — этими словами закончил свое выступление Иван Иванович.

Затем с одобрением моего доклада выступили профессора Л.И.Жирков, Г.П.Сердюченко, И.К.Кусикьян и Н.Ф.Яковлев. Мой доклад был рекомендован к печати. За всю мою почти 75-летнюю жизнь много раз мне приходилось выступать с докладами на научных заседаниях, региональных, республиканских, всесоюзных и международных конференциях. Но только это заседание так полно, с деталями и подробностями сохранилось в моей памяти. Как мне сообщил Николай Феофанович, по предложению Ивана Ивановича мне нужно было срочно переслать свой доклад в двух экземплярах в Ленинград для опубликования в очередном (одиннадцатом) номере периодического издания Института языка и мышления АН СССР, выходившего под названием «Язык и мышление». Такая неожиданная возможность опубликовать материал доклада обрадовала меня. Текст статьи довольно быстро был оформлен и перепечатан на машинке. Следовало ускорить пересылку статьи в двух экземплярах в Ленинград.

В дирекции нашего Института сообщили мне, что вернувшаяся из отпуска профессор Мирра Моисеевна Гухман собирается в Ленинград для участия в заседании редколлегии одиннадцатого

выпуска «Языка и мышления». Мне предложили отнести свою статью домой М.М.Гухман и просить передать ее И.И.Мещанинову, поскольку он просил срочно переслать ее. На мой звонок вышла Мирра Моисеевна. Извинившись за беспокойство, я передал просьбу дирекции передать статью И.И.Мещанинову по его просьбе.

— Что это за статья? — спросила она.

Я ответил, что это моя статья, на обсуждении которой присутствовал Иван Иванович и рекомендовал ее к печати.

— Где опубликовать? — последовал следующий вопрос. Я ответил, что Иван Иванович, сказал, что он представит ее для публикации в очередном номере «Языка и мышления». Мирра Моисеевна вдруг резко заговорила:

— Аспирантский доклад не может быть опубликован в теоретическом органе Института. Это недоразумение. Кто-то навязал ему ваш аспирантский доклад. Я не возьму его.

Такой резкий неожиданный разговор обескуражил меня. Сначала я подумал, что она чем-то сильно расстроена. Но, опомнившись, извинился за беспокойство и ушел. Сильно расстроенный я вернулся в Институт и сообщил Г.П.Сердюченко об отказе М.М.Гухман взять с собой статью. Он возмущенный этим, тут же позвонил И.И.Мещанинову в Ленинград и информировал его о случившемся. Георгию Петровичу было поручено переслать мою статью почтой.

В итоге моя статья «Особенности эргативного строя предложения в баббийском языке» была опубликована в очередном XI-м выпуске «Языка и мышления» (М.Л., 1948. Это была моя первая научная публикация).

Я остановился так подробно на начальном этапе своей научной деятельности, чтобы показать, что меня — представителя одного из репрессированных народов далеко не все поддерживали в то время. Без поддержки академика Ивана Ивановича и других моих учителей моя научная деятельность была бы прервана, загублена в зародыше. Далеко не все, в то время решились бы оказывать такую поддержку представителям репрессированных народов.

Грустное прощание с Висаитовыми

Мы жили дружно, стараясь не замечать трудностей, особенно квартирных. Мавлид учился в Академии им. М.Фрунзе. С утра до позднего вечера я работал в библиотеках над окончательным вариантом кандидатской диссертации. Рамнат занималась хозяйством. Правда, Мавлид сильно переживал несправедливость, проявленную по отношению к нему. Он узнал, что ему не

присвоили звания Героя Советского Союза на том основании что он являлся представителем репрессированного народа.

Чеченцы, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, не были лишены этого звания после депортации чеченского народа. Но семьи их, если они проживали в Чечено-Ингушетии, Дагестане, были репрессированы вместе со всем народом. Так, семья широко известного в то время Героя Советского Союза пулеметчика Ханиаши Нурадилова была выселена из Дагестана. В газетах писали, что весь полк, в котором он служил, провожал его в последний путь. В тяжелые дни отступления Хаипаша неоднократно защищал полк метким шквальным огнем пулеметчика. В официальных сообщениях подчеркивали его храбрость, отвагу, готовность пожертвовать собой в случае необходимости, верность солдатской дружбе.

Он участвовал в качестве пулеметчика в боях в южных районах Украины, на Дону, на Сталинградском направлении. В этих боях он был смертельно ранен. Не пощадили даже его семью - мать, сестру и других членов семьи репрессировали. М. Висантов часто говорил, что не видит для себя никаких перспектив в Академии. Но просто уйти из Академии он не хотел. Уход без объективных причин могли рассматривать как политическую демонстрацию, как протест против решения Верховного Главнокомандующего. Он решил подождать до летних каникул 1946 г. и добиться отчисления из Академии как несдавшего экзаменов.

К тому же осложнялась и семейная жизнь. Жена была в положении. Конечно, он мог найти отдельную комнату за недорогую оплату. Материально он в состоянии был сделать это. Так что не эта была главная причина его желания оставить Академию.

В нашей маленькой комнате мы собрались, чтобы устроить Мавлиду и Рамнат скромные проводы. Это были грустные проводы. Не знаем, куда едем, где будем жить и работать. К тому же трудно расставаться и с Москвой. Единственное утешение - там ждут нас наши близкие и надеются на нашу помощь. Здесь же мы ничего не можем сделать с нашей подготовкой для народа, для близких - говорил Мавлид. Мы привыкли друг к другу. Наши многочисленные соседи в большой коммунальной квартире хорошо относились к Мавлиду и Рамнат.

В 1946 г. я должен был защитить диссертацию кандидата филологических наук Мавлид и Рамнат знали об этом.

Мы надеемся на тебя - сказал мне Мавлид. Может быть, когда-нибудь сумеешь сделать полезное, важное для народа. Желаем тебе успеха. На Казанском вокзале их я проводил.

Через Северный Кавказ в Грузию

Однажды профессор Н.Ф.Яковлев вызвал меня в свой кабинет и сообщил:

— Существует мнение поручить тебе исследование бесписьменных языков, если твоя защита кандидатской диссертации пройдет успешно. Стало быть, надо готовиться не только к защите диссертации, но и к исследованию почти неизученных бесписьменных языков Кавказа. С этой целью тебе следовало бы свою последнюю командировку по диссертации сочетать с поездкой в Азербайджан и Дагестан для предварительного ознакомления с территорией распространения наиболее слабо представленных в науке языков из шахдагской группы (в Азербайджане) и андо-диодской группы (в Дагестане), реальными возможностями организации их исследования.

Охотно согласившись с таким предложением, я спросил Николая Феофановича, дадут ли мне хотя бы двухмесячную командировку для поездки на Северный Кавказ и в Грузию. В ответ Николай Феофанович сказал:

— Однажды в беседе с руководством АН СССР И.В.Сталин упомянул шахдагские языки и поинтересовался исследованы ли эти языки. Видимо, когда он вел революционную работу на Кавказе, он бывал в местах расселения «шахдагцев» или кто-то говорил ему тогда об этих языках. Поэтому, думается, на исследование этих языков дадут средства.

И действительно мне дали двухмесячную командировку. Кроме цели исследовательской работы я преследовал и другую цель. Мне хотелось узнать, живут ли чеченцы и ингуши в Дагестане и Азербайджане. Как относится к их выселению местное население.

В бывшей Чечне в 1946 году.

Точнее было бы сказать, что я прибыл в бывшую Чечню. Чечено-Ингульская АССР была ликвидирована, а территория переименована в Грозненскую область в составе РСФСР, где с февраля 1944 г. не проживали репрессированные чеченский и ингушский народы. Были приняты меры, чтобы стереть с «лица» этой земли даже следы о жизни там чеченцев и ингушей. В то время существовали не только современные но и исторические карты региона, на которых запрещено было указывать, что там проживали чеченцы и ингуши. Например, мне говорили в Грозном, что на карте древней истории Грозненской области, составленной для Музея, не было даже указано, что там жили чеченцы и ингуши.

По пути я решил остановиться в Грозном, посетить родные места. От вокзала до гостиницы «Кавказ» я дошел пешком. Никого из знакомых не встретил ни по дороге до гостиницы, ни в самой гостинице. Дежурила пожилая русская женщина. По ее произношению я заметил, что она из местного русского населения. Она встретила меня приветливо. Когда я предъявил командировочное удостоверение для получения номера в гостинице, она попросила паспорт перелистала его и была удивлена, узнав, что я — чеченец, живущий в Москве.

— Пожалуйста, приходите через часа два. Может быть, к тому времени освободится номер, — вежливо сказала она, возвращая мне документы; она разрешила мне оставить мой маленький чемодан, что было проявлением внимания. Ясно было, что она обязана кому-то сообщить о моем прибытии и узнать, можно ли мне предоставить место в гостинице. Такова была система, созданная для осуществления слежки за каждым представителем репрессированных народов.

Часа два я ходил по городу, побывал в разных магазинах. Затем вернулся в гостиницу.

— Пожалуйста, Ваши документы, — сразу обратилась ко мне дежурная, приветливо улыбаясь, как и прежде. На этот раз я принял эту приветливую улыбку за «добро пожаловать» в родные места. Мне показалось, что эта пожилая женщина обладает тонкой психологической реакцией на все происходившее в этом регионе. Возможно я ошибался.

Мне был предоставлен хороший номер на втором этаже со всеми удобствами. Около 20 ч. вечера какая-то женщина позвонила мне.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство. Я сама из Грозного и хотела поговорить с Вами по одному вопросу, если бы вы вышли. Я жду вас у входа в гостиницу. — С такой просьбой обратилась она ко мне. Неожиданный звонок и странная просьба озадачили меня. Тем не менее я согласился выйти. Действительно, я увидел молодую симпатичную женщину, одетую по-летнему, но в строгом стиле. Сразу мне бросилась в глаза на ее голове черная креплешинная тонкая шаль, из-под которой на меня смотрели большие черные доверчивые глаза. Я подошел к ней и спросил:

— Простите, не Вы ли позвонили мне?

— Да, я, — ответила она застенчиво. Я проходила мимо гостиницы, когда вы входили в гостиницу. Мне показалось, что вы мой старый знакомый. Извините, я ошиблась.

— Пожалуйста, всем людям свойственно ошибаться. Всего доброго вам, — так я откланялся и направился в гостиницу. В этот момент мой беглый взгляд не мог не заметить на ее лице

едва уловимую тень то ли смущения, то ли удивления.

Вернувшись в свой номер в гостинице, я попытался разобраться в том, что произошло только что, учитывая мое особое положение в городе в то время. Кто она? На женщину легкого поведения она не была похожа. Может быть, кто-то подослал ее? Но с какой целью. Эти вопросы не давали мне покоя. Может быть в моем поведении проявлялись мнительность, подозрительность по известным причинам. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, связанных с беспокоившими меня вопросами, я стал искать в справочнике телефоны моих бывших знакомых. Решил позвонить одному из них. Я сразу почувствовал, что мой учитель искренне обрадовался моему звонку. Это был один из моих любимых учителей. Он пригласил меня домой на следующий день вечером. Поэтому пришлось запланировать на утро поездку в бывшие чеченские села.

Ранним утром я выехал из Грозного. Таксист обещал выполнить все мои просьбы. Утро обещало хороший день — тихий, солнечный, но жаркий. Первос село, куда мы приехали, называлось по-чеченски Атагиа (Атаги). Дома запущенные; попадались разрушенные дома. Переселенцы — из Дагестана, горюдов, России. Видно было, что они еще не успели обосноваться. Мы забыли в городе купить несколько бутылок минеральной воды на дорогу. Остановились в центре села и зашли в продовольственный магазин. Но минеральной воды там не оказалось. К машине подошел местный житель. По одежде и акценту дагестанец из аваро-андо-дидойских народов. Он просил довести его до следующего села Гайта (чеченское название — Rhoitla)*. Он оказался словоохотливым полутчиком.

— Село у вас находится в запущенном состоянии. Видимо, переселенцы еще не успели навести порядок?, — спросил я.

— Да и это есть, — сказал наш полутчик. Но много случайных людей, которые приехали за чужим добром. Когда выселили чеченцев, село было разграблено. Некоторым переселенцам говорили, что они будут иметь хорошо меблированные дома, коров, лошадей. Наряду с трудягами приехали и любители жить на готовом, наслаждаться чужим добром. Но все ценное было конфисковано или разграблено. Поэтому у многих чемоданное настроение. Не хотят по-настоящему трудиться и обустроиваться.

Нам с таксистом многое прояснилось, пока мы приехали в

* После выселения чеченцев все села были переименованы. Не помню новых названий всех сел, в которых мы побывали. Но зато помню старые чеченские наименования всех этих сел. Поэтому называю их по чеченски (старые чеченские наименования).

село Гойта. Оно тоже находилось примерно в таком же состоянии, в каком мы увидели Атаги. В Гойте жили наши родственники. Я бывал там еще в детские годы. На окраинах села тогда паслись стада домашних животных — коров, буйволов, овец, табун лошадей. Сейчас всего этого не было. Село все еще находилось в запущенном состоянии, были разрушенные дома. Переселенцы еще не успели обосноваться. Одни приезжали, а другие — уезжали. Когда мы остановились у сельмага (сельского магазина), к нам подошли двое молодых мужчин из новых жителей села. Они просили разрешить им поехать с нами в Грозный. Я сказал, им, что мы едем в другом направлении и спросил:

— Почему так мало людей в селе?

— Еще не закончилось заселение села новыми переселенцами. Некоторые приезжают и тут же уезжают.

— Почему сразу уезжают? Спросил таксист.

— А потому что обещали золотые горы: уговаривая людей переселиться сюда, говорили им, что здесь много прекрасных домов, домашних животных, птиц и т.д., оставленных репрессированными. Когда мы приехали сюда, ничего подобного не было. До нас «похозяйничали» здесь другие, которые не собирались жить здесь.

Мы выразили им сочувствие и поехали дальше. Еще на окраине Гойты мы увидели впереди огромное село Урус-Мартан, утопающее в деревьях фруктовых садовых участков. День был ясный, солнечный. Слева от дороги, по которой мы ехали, в нескольких километрах от нас тянулась цепь гор, склоны которых внизу были покрыты лиственным лесом.

— Красивые места. Вы раньше не бывали здесь? — спросил меня таксист.

— Бывал еще в детстве. Последний раз приезжал сюда осенью 1943 года — ответил я.

— Вы — чеченец? — поинтересовался таксист.

— Да.

— А говорят, что чеченцам строго запрещено приезжать на свою родину. Их всех переселили в Среднюю Азию. Я — коренной житель Грозного. После окончания войны вернулся домой. С тех пор вы — первый чеченец, которого я увидел — продолжал таксист.

— Живу в Москве. Приехал на Кавказ в командировку. И вот решил побывать на Родине.

— Мне — русскому человеку не понятно, как могли поступить так жестоко с целым народом. Я ушел на фронт вместе с двумя чеченцами. Хорошие ребята были. Оба погибли на фронте.

Сколько я помню, мы, русские, всегда жили с чеченцами в мире и дружбе.

Таксисту было около пятидесяти лет. Звали его Василием Ивановичем. Я почувствовал, что он доверчиво относится ко мне. Тем не менее я старался быть осторожным. Мы уже приехали в Урус-Мартан — районный центр (ныне преобразован в город республиканского значения). Здесь разрушений было меньше, людей — больше. Чтобы не привлекать внимание начальства районного масштаба, попросил таксиста продолжать наш путь без остановки и минуя районный центр. За Урус-Мартаном находится село Гехи. Я не раз бывал в Урус-Мартане и Гехи. Раньше между этими двумя селами бросались в глаза стада крупного рогатого скота, табуны лошадей, кукурузные поля. Путники любовались королевой полей. Мы же ничего подобного не видели. Пастбища почти пустовали. Лишь кое-где бросались в глаза несколько свиней, небольшая отара овец, на нескольких гектарах редкими рядами росла затхлая кукуруза. Примерно на половине пути из Урус-Мартана до Гехи, мы догнали мужчину и женщину средних лет. Это были переселенцы — русские.

— Василий Иванович, — обратился я к таксисту, давайте посадим на машину этих людей и побеседуем с ними. Видимо, они — переселенцы.

Таксист остановил машину и пригласил женщину и мужчину сесть.

— Далеко вам идти? — спросил я.

— Мы с женой из этого села, — сказал мужчина, указывая на село Гехи.

— Давно там живете? — продолжал я свои вопросы.

— С прошлого года. Нас переселили из Рязанской области. И не рады, что приехали сюда. Жизнь тут плохо организована. Живем в полуразрушенном доме. Крыша протекает. Половину плетня растаскали на дрова. За дровами в лес ходить боимся. В лесу, говорят, чеченские абреки. У нас две свиньи и несколько кур — это все наше хозяйство. Все еще думаем уехать или остаться. Дом, где они живут, оказывается, находился на той улице, по которой мы ехали. Супруги попросили остановить машину у полуразрушенного дома. Это был их дом. Плетень, которым был обнесен двор, частично свалили на землю, частично был разрушен. Село в целом производило впечатление полуразрушенного селения. Проезжая через село Гехи, я вспомнил моего друга Магомеда Оздамирова, который был уроженцем этого села. Перед войной он учился в Москве. Магомед был значительно старше меня. Но это не мешало нашей дружбе. Он погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны. Его

каракулевою чеченскую шапку, которую он оставил у меня, уходя на фронт, позже я передал одному из его братьев.

Название следующего села, куда мы направлялись, увековечено знаменитым стихотворением «Валерик» Михаила Юрьевича Лермонтова. В то далекое время, когда М.Ю.Лермонтов был вынужденным участником Кавказской войны, всю территорию предгорного района, где расположено село Валерик, занимал лес. Говорят где-то в этом лесу был смертельно ранен генерал Слепцов, командовавший экспедиционными царскими войсками.

Село Валерик мало чем отличалось по своему состоянию от Гойты, Гехи. Такие же разрушения, мало домашних животных, птиц, следов человеческого труда, человеческих страданий. В моей памяти переплелись, перекликались унылое настоящее этого района с печальным далеким прошлым. Через Валерик протекает маленькая речушка «Валерик». На ее берегу мы остановили машину и вышли из нее.

— Может быть после жаркого боя М.Ю.Лермонтов стоял на берегу этой маленькой горной речки и кто-то переводил ему: Валерик (чеч. ВаларггIс) означает «река смерти». Этимологам еще предстоит доказать, что такой перевод не является народной этимологией. Василий Иванович вряд ли понял что-нибудь из моих этимологических рассуждений. Но он, конечно, понимал главное — мою попытку подчеркнуть связь времен. Заметно вспомнить стихотворение великого поэта:

«Раз — это было под ГихамI
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удалцов.

Голуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу, он был
Кунак мой: Я его спросил,
Как месту этому название?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевесть на ваш язык.
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми»
— А сколько их драюсь примерно
Сегодня? Тысяч до семи.

— А много горцы потеряли?
— Как знать? — зачем вы не считали!
«Да! Будет,— кто-то тут сказал,—
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал»

После селения «Валерик» мы отправились в село Катар-Юрт, в котором в детстве я бывал много раз. По своей запущенности и ослаблению жизнедеятельности населения и Катар-Юрт напоминал другие села, которые мы уже посетили. Здесь жили, хорошие, добрые люди. Мачеха Нана, которую я считал родной матерью, брала меня с собой в Катар-Юрт, когда она ездила к родной сестре Нанге. Помню ее сыновей: Мала, Папу и Халида. Они очень хорошо относились ко мне. Обычно младший из них Халид водил меня по фруктовому саду, угощал абрикосами, сливами, яблоками. Я вспомнил все это. Мы подъехали к двору, где они жили. Увы! Прежнего дома и садика не было. По двору ходили какие-то незнакомые люди. Одного из них я спросил, что произошло с садиком.

— Зимой прошлого года вырубili оставшиеся от старого сада фруктовые деревья для отопления. Ходить в лес за дровами опасно было,— ответил он.

Прошлое казалось раем, ныне превращенным в ад, в котором сгорели прекрасные люди. С таким тяжелым чувством я покинул Катар-Юрт. Недалеко от этого села протекала в то время полноводная небольшая река Нюттаг(Нюттаг). Она была пограничной рекой, разделявшей территорию моего родного большого села Ачхой-Мартана и Катар-Юрта. на левом берегу этой реки в кукурузном поле было большое обильно плодоносное грушевое дерево. На нем росли сладкие лесные груши. Однажды мы с Наной ранней осенью ехали в гости в Катар-Юрт к ее сестре на фургоне. Тогда мне было лет 10. Я выполнял роль кучера. С разрешения Наны я остановил фургон и побежал за грушами. Кукуруза находилась в молочной стадии развития. Я бежал по кукурузному полю, с трудом раздвигая стебли. Я бежал к груше с таким шумом, что человек в черном одеянии, собиравший груши под деревом, вскочил на встречу мне. Я так сильно перепугался, что чуть не упал в обморок.

Примерно в том месте, где тогда стоял наш фургон, мы остановили машину. Я рассказал об этом эпизоде Василию

(Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Издание второе, исправленное и дополненное. Ленинград, «Наука», 1979, с. 456.

Ивановичу. Было смешно и грустно. К сожалению, этого грушевого дерева уже не было.

Уже вечерело. Мы стали как бы спускаться вниз к Ачхой-Мартану. Слева на фоне ясного неба видны были снежные вершины гор. Далеко под ними в лучах стремительно несущегося солнца сверкали зеленые склоны, террасами спускавшиеся к лесистой равнине, переходившей в кукурузные и пшеничные поля. В эту отрадную пору на полях почти не было людей. Почему-то не чувствовался пульс прежней трудовой народной жизни. На окраине Ачхой-Мартана мы остановились. Я размышлял, по какой улице и куда нам отправиться. После недолгого размышления я решил поехать по улице, ведущей к бывшей главной мечети села. Затем спуститься вниз по улице, ведущей к южной окраине села. На этой же улице находились наш дом и дома наших родственников. До площади и на самой площади, где была мечеть, я не встретил ни одного знакомого. Наш старый дом находился в полуразрушенном состоянии.

В Ачхой-Мартане довольно много было разных переселенцев. Но на меня почему-то удручающее впечатление произвело отсутствие в родном селе хотя бы одного чеченца не говоря уже о родственниках. Трудно было психологически представить себе, осознать исконную родину не родиной, а отчужденным уголком села, бывшего родным.

По родной улице, мимо нашего (бывшего) двора, а также домов, в которых жили родственники, мы вышли на южную окраину Ачхой-Мартана, где мы — дети много раз играли на просторной лужайке. Если прямо поехать, то присдем в село Шаман-Юрт, откуда родом была моя мать Гизо. Там же она похоронена. Мы поехали налево к реке Мартан (чеч. Марта), переехали ее и остановились на ее левом берегу и вышли из машины. Здесь была лужайка, где мы — дети играли, расставив удочки в реке. В ясную солнечную погоду любовались снежными вершинами самих высоких гор Кавказа, Эльбруса и Казбека, сверкавшими на фоне яркого сияния солнца. В ясную солнечную погоду на вершине Эльбруса виден был пролом. По легенде пророк Али ударом сабли убил там огромного дракона, кровь которого заполнила все ущелья. От сильного удара Али саблей на вершине Эльбруса образовалась огромная яма. В счастливые годы детства мы верили в эту легенду.

Мы с таксистом немного постояли, любуясь окружающей нас природой. В 50—60-х годах XIX века исследователи этой части Малой Чечни называли ее Венецией по природно-климатическим условиям, но без моря. В 4--5 километрах проходил тракт Москва—Баку. Мы вышли на этот тракт и еще до захода солнца

вернулись в Грозный.

Вечером я был в гостях у моего учителя. В доверительной беседе он рассказал мне о некоторых фактах проявления жестокости и бесчеловечности со стороны высокопоставленных чиновников из органов НКВД во время выселения чеченцев и ингушей. Он был свидетелем фактов грубого нарушения человеческих прав и очевидцем страданий ни в чем не виновных людей, преследуемых только за то, что они являются представителями репрессируемых народов. Несколько чеченцев и ингушей, работавших с ним в одном учреждении, были вызваны, задержаны и через два часа посажены в товарные вагоны для выселения в Среднюю Азию. В горных районах разрушали и уничтожали все постройки, особенно жилые дома. Уничтожались и бесценные исторические памятники, чтобы не оставить никаких следов жизни чеченцев и ингушей на Кавказе. Его знакомый, работавший в органах НКВД рассказывал ему о совершенно секретных «деяниях карательных органов, жестоко истреблявших безоружных, мирных людей. В отдаленных высокогорных районах людей загоняли в сараи, убивали и сжигали их. После выселения чеченского и ингушского народов в горах остались немногочисленные группы мужчин из чеченцев и ингушей, не пожелавших покинуть родину и скрывавшихся органов НКВД. Этим органам было приказано истреблять чеченцев и ингушей, оставшихся в горах, а головы их привозить в Грозный в качестве доказательства их смерти. По словам моего учителя, названный им работник органов НКВД, однажды видел привезенный из горных районов мешок с головами убитых в горах чеченцев и ингушей. Пораженный увиденным чекист не мог больше работать в органах НКВД, стал симулировать болезнь и ушел оттуда на другую работу по своей основной технической специальности.

Что говорят в Грозном об основных причинах поголовного выселения всех чеченцев и ингушей? — спросил я у своего учителя.

— Официальная версия, — сказал мой учитель — распространяемая в Грозном, заключается в следующем: за отказ служить в Красной Армии.

— А какими фактами подтверждают эти тягчайшие обвинения? — продолжал я свои вопросы.

— В том-то и дело, что по каждому тягчайшему обвинению не приводят соответствующих фактов. Причем приводимые факты касаются не всего, например, чеченского народа, а отдельных его представителей, — отмечал он. — Один из чеченцев был предателем, изменником. Бежал из Грозного в горы, оставив свой пост. Его убили сами чеченцы. Приводили еще и такой пример. В

период первой массовой мобилизации в армию из около десяти тысяч призывников не явились на призывные пункты более 200 человек. Вот и все в основном. Уклоняющихся от призыва следует привлечь к ответственности. Но причем тут целый народ. Осенью 1942 г. немецко-фашистские войска стояли на границе между Ставропольским краем и Чечено-Ингушетией, между Северной Осетией и Чечено-Ингушетией, между Калмыкией и Чечено-Ингушетией на левом берегу Терека. Но в Чечено-Ингушетии не было никакого восстания, никакой поддержки фашистским захватчикам. В начале ноября 1942 г. именно с территории Чечено-Ингушетии также были переброшены танковые и другие соединения, разгромившие группировку немецко-фашистских захватчиков между городами Орджоникидзе и Нальчиком. Все это свидетельствует о беспочвенности обвинения двух близкородственных чеченского и ингушского народов в предательстве — убежденно заключил мой учитель. Как уже было отмечено, осенью 1942 года я находился в Грозном, куда прибыл из Москвы, и работал главным редактором Чечено-Ингушского республиканского радиокомитета. Поэтому могу подтвердить, как очевидец, и многое, из того, что говорил мой учитель.

Вернулся я в гостиницу от моего гостеприимного учителя около 23 часов. Через минут двадцать раздался телефонный звонок. Я поднял трубку, но никто не отвечал. По всей вероятности, это была проверка. В этом не было ничего неожиданного. Всюду чувствовалось, что следят в Грозном за каждым моим шагом.

На следующий день утром я уехал поездом в Дагестан (в г. Махачкалу). В Махачкале друзья приняли меня радушно. Осторожно выражали сочувствие, понимание духовной и материальной тяжести трагедии репрессированных народов. Один в пылу откровения даже воскликнул:

— Такое могло тогда произойти и с нашими народами. Что-то помещало.

В эту минуту мне вспомнились слова Н.С.Хрущева о том, что он (Сталин) сослал бы и всех украинцев, но их было много для такой операции.

Меня пригласил в гости Магомед-Саид Саидов-один из наиболее образованных арабистов Дагестана. Он был кандидатом филологических наук. Мы были с ним с давних пор в дружеских отношениях. Его гостеприимная жена Хабиат пригласила нас к столу. За щедрым аварским ужином зашла речь об ауховцах-чеченцах.

Ауховские дома, скот, машины, домашнее добро, за исключением того немногого, взятого ими с собой с разрешения

военных,— все было конфисковано государством и разграблено любителями чужого добра. Затем дома с земельными участками и хозяйственными постройками передавали горцам — переселенцам и другим, нуждавшимся в улучшении жилищных условий.

— По исламским традициям считается большим грехом присваивать чужое добро. Как могли идти на это горцы — мусульмане? — спросил я.

— Конечно, были и такие, которые, потеряв совесть, шли на это. Но многие не хотели переселиться туда, пользоваться чужим добром. Но боялись, что их заподозрят в сочувствии репрессированным народам. Дело было накануне полного разгрома фашистских захватчиков и в первые месяцы после Победы над фашизмом. Преступные силы пользовались плодами Победы над фашизмом и безнаказанно осуществляли изуверские действия, насилия над целыми народами,— так толковал Магомед-Саид Саидович ситуацию, сложившуюся в то трагическое время на Северном Кавказе.

— Магомед-Саид, простите меня за, мягко говоря, не совсем безопасные вопросы. Вы — один из немногих, который может сказать правду. Позволю себе задать еще один вопрос: как народы Дагестана оценили заявление руководства Дагестанской Республики, полностью одоббившего репрессии против депортированных народов?

— Это было кощунством, глубоким оскорблением соседнего народа в дни его национальной трагедии. Думается, во всей кампании партократии против репрессированных народов проявился страх, ее боязнь палачей. Один горец преклонного возраста, возмущенный рабским угодничеством некоторых наших руководителей, сказал, что эти руководители вели бы себя точно также, если бы департировали какой-нибудь дагестанский народ.

Поблагодарив Магомеда-Саида и его супругу за гостеприимство, радушие и сочувствие, я ушел в гостиницу. Честный человек-дагестанец Магомед-Саид убедил меня в том, что подавляющее большинство трудящихся Дагестана в глубине души осуждает репрессии против депортированных народов.

В последующие дни в Дагестане я занимался своими научными вопросами, касающимися культурных и языковых проблем бесписьменных дагестанских народов.

Когда я уезжал из Махачкалы, провожать меня приходил на вокзал М.С.Саидов.

Телеграмма из Москвы

Из Дагестана я решил поехать в Зимо-Алвани, не останавливаясь в Баку и Тбилиси. Как и прежде, приветливо

встретили меня Александр Федорович Цискаришвили, его супруга, внук и другие мои земо-алванские друзья. Сразу же приступил к продолжению своей исследовательской работы. Нужно было еще раз проверить часть материала, собранного в предыдущую поездку, и собрать новый дополнительный материал, по отдельным вопросам. Обычно я собирал языковой материал, отражающий современную языковую практику, фольклор, духовную и бытовую культуру цова-тушин, в разных частях села, среди представителей разных социальных и возрастных групп. Потом этот материал я проверял в школе, на собраниях сельчан, в сельском Совете, куда приходили цоватушины из разных уголков села.

Однажды я отправился в сельский Совет, чтобы побеседовать с цова-ттушинами, пришедшими туда. В Земо-Алвани довольно хорошо знали меня, поскольку я часто беспокоил их своими лингвистическими вопросами. Они всегда охотно отвечали на мои вопросы. И на этот раз я направился к группе цова-рушин (бацбийцев), сидевших на длинной скамейке перед Сельсоветом. Недалеко от них стоял крепко выпивший человек. Увидев меня, он бросился на меня, размахивая руками и громко говоря:

— Кто ты такой, зачем ты приехал сюда. Предъяви документы.

Цова-тушины, стоявшие там, резко реагировали на поведение этого человека.

— Отойди от него, пьяница. Какое тебе дело, сказали они.

Двое из цова-тушин подбежали к этому пьяному человеку, схватили его и отбросили от меня. Затем внушительно предложили ему немедленно убраться. Не говоря ни слова, перепуганный пьяница стал быстро уходить.

— Извините, это стукач, доносчик, способный на любую подлость. Он не цова-тушин, не грузин, не русский, не кистин, а представитель другого народа.

Выразив благодарность цова-тушинам за поддержку и помощь, я поинтересовался настоящим и прошлым пьяного человека, напавшего на меня. Мне рассказали о грязном и подлом прошлом и настоящем этого человека, а также о его национальности. Народ тут ни причем. У любого народа могут быть подонки. Что он не русский и не кистин я сразу понял. Но мне особенно приятно было, что он не цоватушин, не грузин. Но, может быть, это объясняется тем, что я находился в Грузии, в Земо-Алвани, где живут цова-тушины.

Этот «инцидент» расстроил меня довольно сильно. Почему-то впервые я почувствовал, что все время хожу по зыбкой почве, которая может в любую минуту «засасать» меня и, если не погубить, то может еще больше испортить мне жизнь, главное — лишить меня возможности помогать людям, нуждающимся в моей

посильной помощи.

Я мысленно представил себе встречу с этим пьяным в другом безлюдном месте. Рослый, упитанный, физически сильный стукач, старающийся отличиться перед начальством, в пьяном состоянии нападает на физически слабого приезжего, используя физическую силу, избивает его, сочиняет всякую клевету и передает ее как стукач, доносчик, клеветник своему начальству. Начинается расследование. Вясняется: откуда приехал преследуемый, представителем какого народа он является и т.д. Узнав все это, стукач даст волю своей фантазии. Сколько жизней, загубленных такими клеветниками.

Расстроенный, сильно переживая происшедший «инцидент», как я назвал нападение пьяного, я возвращался в дом Александра Федоровича, призывая самого себя к еще большей осторожности. У открытого окна сидевший Александр Федорович обратился ко мне:

— Вам телеграмма из Москвы. Вас срочно вызывают в Москву.

Я удивился этому сообщению, не зная в чем дело. на самом деле текст телеграммы был таким: «Срочно возвращайтесь в Москву для выполнения задания ЦК КПСС. Профессор Сердюченко». Никак не мог представить себе, для выполнения какого задания меня вызывают. Задача командировки в основном была выполнена. Признаюсь, после «Инцидента» скорее хотелось уехать отсюда. В прошлом никогда у меня не было такого желания. Правда, оно быстро прошло. Я стал глубоко переживать, что мне приходится так быстро возвращаться в Москву. Кроме того, меня беспокоило и то, что я не знаю, зачем меня вызывают. Вот с такими переживаниями я стал готовиться к отъезду.

Сразу после возвращения в Москву я зашел в дирекцию нашего Института, где мне сообщили, что я должен позвонить сотруднику одного из отделов ЦК КПСС. В ответ на мой звонок мне было сказано, что в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР нужно срочно перевести на чеченский язык Конституцию СССР.

А зачем, с какой целью? — наивно спросил я.

— Как зачем! — с недовольством и удивлением воскликнул сотрудник. Чеченцы будут участвовать в выборах в Верховный Совет СССР. Нужно создать им необходимые условия, чтобы они могли читать Конституцию СССР и Положение о выборах в Верховный Совет Союза ССР.

У народа отняли Родину, дома, домашних животных, птиц, все, что было нажито им тяжелым трудом. По существу была

ликвидирована письменность на родном языке. Были прекращены почти все издания на чеченском литературном языке. Профессиональная национальная художественная культура в основном была разгромлена. Чеченско-ингушское отделение Союза писателей СССР распушено. Ликвидированы национальные театры и другие культурные и просветительные учреждения. Репрессированные чеченский и ингушский и другие народы находились почти в условиях арестантов. С мест проживания их представители не имели права выезжать даже в другие населенные пункты.

В этих условиях предлагать народу участвовать в выборах означало очередное издевательство, оскорбление и унижение народа. Говорить об этом сотруднику ЦК КПСС было бесполезно по понятным причинам. Пришлось ограничиться следующей информацией:

— Конституция СССР переведена на чеченский язык уже давно. Перевод хороший. Высококвалифицированные переводчики с русского на чеченский язык были репрессированы вместе с народом. Они находятся в Средней Азии и могут внести соответствующие изменения в перевод Конституции, обусловленные, например, упразднением ряда автономных республик, областей и др., — сообщил я.

Сотрудник ЦК КПСС предложил мне выяснить, где находятся два-три наиболее компетентных переводчика и сообщить ему их фамилии и адреса. Нужно было как можно скорее выполнить это задание. В моем положении его выполнение было связано с рядом трудностей. Поэтому я обратился в Сектордел НКВД СССР. Меня принял начальник Отдела (или управления, точного названия не помню) полковник Кузнецов. Он спокойно и внимательно реагировал на мою просьбу. Мне подсказал, куда и кому следует обратиться в Казахстане и Киргизии. Разговор был короткий. Мне не задали ни одного вопроса. Правда, мне казалось при нормальных человеческих отношениях возникал законный вопрос:

— зачем переводить Конституцию СССР на чеченский язык, если она не защитила чеченский народ от незаслуженных насилий, конституцию, которая «молчала», когда целый народ, ни в чем невинные люди лишились Родины, собственного дома. После того, как совершился несправедливый суд, зачем еще больше травмировать изгнанных, незаслуженно репрессированных, издеваться над ними, заставляя их голосовать за правительство, которое осуществило дикие репрессии против чеченского и других народов, за то, что это правительство загнало их в «резервацию», отняло у них Родину, дома, все, что было добыто тяжелым трудом. Но таких вопросов у них не было и не могло быть, судя

по выражению их лиц, по их настроению.

Я также не обращался к работникам этого отдела с каким-нибудь общим вопросом, касающимся репрессий и современного положения репрессированных народов, хорошо зная, что все они всего лишь исполнители приказов и распоряжений.

Вернувшись из НКВД, я позвонил сотруднику ЦК КПСС и сообщил ему фамилии переводчиков, журналистов и писателей, которые занимались переводами с русского на чеченский, а также органы при Советах Министров Казахской ССР и Киргизской ССР, созданные для рассмотрения вопросов репрессированных народов. Только указанные органы могли дать точные сведения о месте нахождения названных мною журналистов, писателей, переводчиков.

Эти хлопоты, неожиданно навалившиеся на меня, отняли у меня довольно много времени. Освободившись от них, я стал готовиться к защите диссертации.

Подполковник А.Абадиев в Москве

Кажется, что Сакка Висантов познакомил меня с подполковником Абадиевым. Высокий, атлетически сложенный заразительно смеявшийся кавалерист, при первом же знакомстве располагал к себе. У него было имя, редко встречающееся среди чеченцев и ингушей, Японец. Хотя каждый из нас говорил на своем родном языке, когда это нужно было,— он на ингушском, а я на чеченском,— мы хорошо понимали друг друга. На родных языках мы говорили, когда предметами живой речи были темы национальной культуры и быта. Темы, относящиеся к политической, общественной и современной общей культурной жизни, обсуждались на русском языке. Так мы находили место и тематику для употребления наших первых живых разговорных родных языков, несмотря ни на что.

Японец жил в гостинице, где проживали офицеры, находящиеся в резерве. После отъезда Мавлида и Рамнат я жил один. Мы с японцем через день ходили обедать в нашу академическую столовую. Однажды Японец сказал, что он хотел бы переехать ко мне жить до его отъезда. Я охотно согласился. Его беспокоила неопределенность своего положения: направят ли его по прежнему командовать кавалерийским полком или ему дадут отставку как представителю репрессированного народа.

Пребывание Японца в моей комнате оказалось полезным для меня. Японец скучал без дела. И он по собственной инициативе взял на себя обязанности приготовления завтрака и ужина. Я рано уходил в библиотеку и возвращался поздно вечером. Меня

заставлял спать до 7 ч. 30 мин. — 8 ч. утра. Около девяти я уходил в библиотеку. Вечером я возвращался около 22 ч. Японцы ждали меня с готовым ужином. Благодаря ему я имел возможность почти нормально спать и экономить время для работы в библиотеке.

Открытие пути в науку

До последних двух—трех дней до защиты диссертации я сомневался в том, что мне разрешат защитить кандидатскую диссертацию, несмотря на то, что меня убеждали, что не будет никаких препятствий.

Защита диссертации происходила 26 ноября 1946 г. на заседании Ученого Совета нашего Института. Официальные оппоненты дали высокую оценку моей диссертации. В числе участвовавших был и член-корр. АН СССР русист Чернышев, поддержавший меня.

В то время даже защита кандидатской диссертации считалась довольно редким явлением. А я, насколько мне известно, в Советском Союзе был первым чеченцем, ставшим кандидатом наук вообще, а не только филологических наук. Этому факту, быть может, по своей молодости, придавал существенное значение. Время было трудное для меня во всех отношениях, в том числе в материальном. Тем не менее я решил отметить защиту банкетом. У меня были дружеские отношения с семьей Евгения Ивановича Колотилина. Несколько отвлечаясь, хочется коротко рассказать о нашем весьма показательном для этого времени знакомстве. В апреле 1942 г. мы с одним корреспондентом Московской газеты приобрели два билета (в мягком вагоне как тогда говорили) до Москвы, на поезд Куйбышев-Москва. Поезд пришел в город Ульяновск вечером. На вокзале было много военных моряков и офицеров. Поезд был переполнен. Свободных мест не было. Я ехал в мягком вагоне. На вокзале в Ульяновске я вышел в тамбур, чтобы встретить товарища. Проводника, стоявшего у вагона, окружили военные и гражданские лица. Они просили, умоляли его, чтобы он разрешил им ехать в вагоне, стоя в проходе. Проводник разъяснял, что в мягком вагоне нельзя ехать без билета. До отхода поезда оставалось немного времени.

В это время подошел к проводнику мужчина с рюкзаком, в рабочих сапогах и черной ушанке и сказал, что он руководитель целого эшелона с уникальным оборудованием, станками автозавода имени Сталина. Эшелон целый месяц стоит под открытым небом, оборудование портится. Ему нужно срочно сообщить об

этом Государственному Комитету Обороны. Проводник знал, что у меня есть билет для сослуживца, который не пришел. Поэтому он посоветовал мужчине, обратиться ко мне. Все присутствующие посмотрели на меня, видимо, полагая, что я распоряжаюсь каким-то свободным местом. Положение могло осложниться. Все не имеющие места, могли броситься в вагон занять свободное место. Поэтому пришлось обратиться к мужчине, чтобы он поднялся в вагон. Это был Евгений Иванович Колотилин, начальник литейного цеха завода. Мы посхали вместе. На пути делились всем съедобным, чем мы располагали. В шесть утра поезд прибыл в Рязань, где нам сообщили, что наш поезд дальше не пойдет. Каждый должен сам решить, как ему доехать до Москвы. Когда мы вышли из поезда, увидели довольно неприглядную картину. Огромное количество людей, эвакуированных и бежавших из западных районов. Много больных, они валяются всюду. Один за другим подходят машины скорой помощи, грузовики. Тяжело больных забирали машины скорой помощи, на грузовиках отправляли в город больных стариков, детей, ослабших. Много таких женщин и детей, которые ходили с протянутой рукой. Негде было сесть.

В справочном бюро нам сообщили, что около двенадцати часов должен прийти пассажирский поезд Ростов-Москва. Голодные, усталые мы с Евгением Ивановичем ходили по платформе со своими вещами, надеясь на то, что нам удастся уехать в Москву этим поездом. Увы! Надежда оказалась напрасной. Поезд был перегружен. Люди сидели на крышах вагонов, стояли на ступеньках входа в вагоны. Поезд быстро отправился. Мы остались на платформе. Вдруг к нам подошел начальник железнодорожной милиции и обратился ко мне:

Прошу на минутку ко мне в кабинет.

Мы с Евгением Ивановичем удивленно переглянулись.

Когда мы с начальником вошли в его кабинет, он запер дверь, важно сел в свое кресло, пригласил меня сесть и попросил предъявить документы. Он рассматривал их не всякому. Вдруг откинулся в кресле и расхохотался.

— Вы знаете, за кого я вас принял? — спросил он меня, смеясь.

Я сидел, несколько обиженный и глухо ответил ему:

— Не знаю.

— За Японца, — продолжал он, смеясь. — Усы сделали вас похожим на японца. Я прошел несколько раз по платформе и думал, зачем сюда приехал японец. Может быть, разведчик.

Я рассказал ему, как в Москве в одной еврейской семье пожилая еврейка приняла меня за еврея и пыталась заставить

меня заговорить по-сврейски, но безуспешно.

Мы вместе с начальником посмеялись. Затем я обратился к нему:

— Мы с моим попутчиком голодны. У нас есть продукты, мясо, которое может испортиться, пока мы доедем до Москвы. Хотелось бы, чтобы нам приготовили обед из этого мяса.

— К сожалению, я не имею возможности пригласить вас на обед. Мы с женой через день обедаем по моим талонам. Если хотите, я позвоню жене и попрошу ее приготовить вам обед. С благодарностью мы приняли это предложение. Его симпатичная жена пришла и забрала мясо, чтобы приготовить обед. Она также извинилась, что не может пригласить нас на свой обед.

Начальник милиции пригласил в свой кабинет и Евгения Ивановича, чтобы мы в ожидании обеда отдохнули спокойно.

Мы хорошо пообедали в доме начальника милиции. У нас были и напитки. Слегка выпили. После обеда начальник сказал, что вечером из Москвы придет дрезина. Он как начальник милиции обязан охранять ее. Посторонним не разрешается садиться на дрезину. Иногда военный комендант вокзала и представитель Комитета безопасности используют дрезину в экстренных случаях. Если вы договоритесь с механиком на дрезине, то я постараюсь не замечать вас. Попытайтесь, иначе и завтра не уедете. Пришла дрезина. Нам повезло. Механиком на дрезине оказался бывший рабочий литейного цеха. Он охотно согласился взять нас в Москву. В десятом часу вечера мы были в Раменске. Дальше на дрезине ехать нельзя было. Мы решили пересесть на электричку. Но в это время объявили воздушную тревогу. Минут 20—30 мы постояли. Неожиданно отправилась электричка. У нас появилась надежда, что мы до 23 часов доберемся до станции «Новые дома», недалеко от которой жили родители Евгения Ивановича. Отец его был главным бухгалтером на заводе «Серп и Молот». С 23 ч. до 4 ч. утра в Москве прекращалось движение.

Примерно без десяти минут одиннадцать наша электричка остановилась на станции «Новые дома». Ясно было, что мы не успеем добраться до своих домов. Двое подростков ходили по платформе с тачкой, предлагая свои услуги. Мы попросили их помочь нам добраться до нужного нам дома. Ребята согласились, но сказали, что денег они не берут. Помогут нам за половину буханки черного хлеба. При помощи этих ребят мы добрались до родителей Евгения Ивановича. Его мать — маленькая добрая, приветливая женщина с большой радостью встретила нас. Она предложила нам после дороги принять ванну, пока она приготовит ужин. После прекрасного ужина мы усталые,

измученные, сразу пошли спать, пообещав утром рассказать о нашей Одиссее.

После завтрака, рассказав о своем путешествии и поблагодарив гостеприимных хозяев, мы поехали домой. Когда попрощался со мной Евгений Иванович, он пригласил в гости. Через несколько дней побывал у него в гостях. Познакомился с его семьей. Здесь был организован небольшой банкет по случаю успешной защиты мною диссертации.

По совету моего научного руководителя профессора Н.Ф.Яковлева мне нужно было пригласить на банкет академика И.И.Мещанинова. Видно было, что Николай Феофанович переговорил уже с Иваном Ивановичем. Я обрадовался этому. И сразу пошел на прием к нему. Его референт сразу пустил меня в кабинет академика-секретаря. Иван Иванович спросил меня, когда и где будет отмычаться моя защита. Я объяснил. Иван Иванович попросил меня объяснить его шоферу, как доехать до Новых домов знаменитого автомобильного завода. Охотно выполнив это поручение, я сразу поехал к Колотилиным, чтобы рассказать им, что мне — аспиранту (про себя я говорил — сыну репрессированного народа) оказана большая честь. Нужно учитывать, когда все это происходило — в 1946 году! Мое сообщение, о том, что на банкете будет академик И.И.Мещанинов — герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии, академик-секретарь Отделения литературы и языка Академии Наук СССР, член Президиума Академии Наук СССР, произвело сильное впечатление на Колотилиных. Жена Евгения Ивановича сказала, что она никогда не принимала в своем доме такого заслуженного большого ученого. Мною были названы и профессора, которые будут на банкете. Мои дорогие друзья — хозяева дома подчеркнули, что будет сделано все, чтобы хорошо встретить почтенных гостей и создать им необходимые условия в их просторной квартире для отдыха и приятного проведения времени.

Колотилины жили на четвертом этаже пятиэтажного дома. Отсутствие лифта беспокоило меня. Все гости пришли, кроме Ивана Ивановича. Я спустился вниз, чтобы встретить его. Скоро подошла машина. Оказывается, шофер сразу не смог найти дом.

Когда узнал, что в доме нет лифта, Иван Иванович спросил, на какой этаж надо подниматься. Узнав, что квартира находится на четвертом этаже он, улыбаясь, сказал:

— Впервые в жизни поднимаюсь пешком на четвертый этаж. Это будет моим рекордом. Тогда Ивану Ивановичу было около 60 лет. Мы благополучно поднялись на четвертый этаж. Иван Иванович — сын одного из членов русского священного синода

- тепло познакомился с членами рабочей семьи Колотилиных.

— Иван Иванович, разрешите первый тост предложить за виновника нашей встречи, за диссертанта, — сказал Николай Феофанович.

— Нет, — возразил Иван Иванович, мягко улыбаясь — первый тост, Николай Феофанович, положено произнести за хозяйку этого дома, под чьим руководством накрыт богатый, роскошный стол в такое трудное время. Встал Иван Иванович. Вслед за ним встали все остальные. Он подошел к матери Евгения Ивановича, поблагодарил ее за внимание и прикоснулся своей рюмкой к ее рюмке.

Она была смущена и тронута таким вниманием. А мне казалось, что Иван Иванович так трогательно благодарил семью Колотилиных за внимание ко мне.

Вечер прошел непринужденно, весело. Наши гости уехали довольными. Этот вечер сохранился в моей памяти со многими деталями. Даже в эти радостные дни я не забывал о трагедии народов; одним из наиболее крупных из них был чеченский народ. Перед моими глазами стоял образ народа, загнанного в «резервацию», как бы закованного в кандалы.

Абадиев — Японец не захотел прийти на банкет. Он сказал мне, что будет ждать меня за праздничным столом в нашей маленькой комнатухе. Мы с ним также отметили мою защиту.

Но потом пошли дни особенно трудные для нас обоих в материальном отношении. Я уже израсходовал свой НЗ (неприкосновенный запас), а Японцу не переводили денег. С первого декабря я уже не получал стипендии. Еще в октябре 1946 года нам — аспирантам — дали по одному мешку картофеля. Пытаясь использовать неожиданно представившуюся возможность опубликовать статьи по диссертации, я продолжал, без отдыха после защиты, уходить рано утром в библиотеку и приходить домой поздно вечером. Японец, как и прежде рано вставал, варил картошку в мундире. Чай, хлеб, картошка в мундире — таковы были наши завтраки и ужины. Через день мы ходили обедать в академическую столовую. Японец не хотел по своим талонам обедать в столовой военных; они пропадали. У меня и японца на губах была лихорадка. Мы гадали, отчего это могло быть, разве от картошки в мундире, которую мы ели утром и вечером. Уже кончился и картофель. Я был на положении безработного. Японцу почему-то не переводили зарплаты. Мы оказались в критической ситуации. Взять деньги в долг мы не хотели — ни я, ни он.

Совершенно неожиданно я узнал, что меня включили в бригаду, которая должна была поехать в Чувашскую республику и Горьковскую область по вопросам избирательной кампании.

Бригада направлялась от имени Верховного Совета РСФСР. Вопрос о персональном составе бригады окончательно решал Президиум Верховного Совета РСФСР, как нам сообщили. Меня предупредили, что я на всякий случай должен подготовиться к отъезду. Мы с Японцем сомневались в том, что меня пошлют туда. Поездка была престижная и ответственная. Меня посылали как кандидата наук. Другого молодого кандидата наук моего возраста в Институте не было. К тому же я был заместителем председателя Профкома Института. В Президиум АН СССР были посланы документы с просьбой разрешить зачислить меня младшим научным сотрудником.

И тем не менее мы с Японцем сомневались в одобрении моей кандидатуры. Правда, о моей национальной принадлежности ничего не сообщили. Я был представлен в общем списке как один из активных общественников. К тому же желающих ехать в командировку в декабре на целый месяц почти не было. Не горел таким желанием и я. Но в моем положении мой отказ могли бы использовать против меня. Поэтому Японец посоветовал мне согласиться. Через несколько дней список членов бригады был одобрен в Верховном Совете РСФСР. Нам было предложено подготовиться к отъезду. У меня были одни туфли, и то не совсем подходящие для такой поездки. Дирекция Института написала письмо в Академторг с просьбой выделить мне одну пару туфель по государственной цене в связи с поездкой в важную командировку. Но в магазинах «Академторга» туфель не оказалось. На рынке они продавались очень дорого.

Наше меню (с Японцем) оставалось все еще прежним. Примерно за три-четыре дня до моего отъезда с Японцем вместе вышли из нашей комнаты. Я направился на совещание членов бригады, а Японец сказал мне, что он пойдет на почту, чтобы послать телеграмму с просьбой ускорить перевод его зарплаты.

Около семи часов вечера я вернулся домой. Японца не было. Я был обеспокоен этим. Несколько дней тому назад в Министерстве обороны намекнули ему на возможность его отправки в запас, т.е. демобилизации из армии. Он не хотел этого и намеревался поехать к генералу-командиру дивизии в составе которой он командовал полком. Генерал обещал ему поддержку в случае необходимости. «Может быть, он поехал к генералу», — подумал я.

Около восьми часов вечера сильный стук в общую дверь квартиры. Моя комната находилась довольно далеко от этой двери. Поэтому Японец иногда так сильно стучал. Я пошел открывать дверь, перед которой, оказывается, стоял Японец, прижимая обеими руками к груди свертки с продуктами и вещами.

Оказалось, что Японец получил перевод. Затем съездил на рынок, купил там мне новые туфли, зимние шерстяные носки, а также масло, сыр, сахар, белый хлеб и другие продукты. До моего отъезда мы были обеспечены хорошими продуктами питания.

Оставив Японца дома — в своей комнате, я уехал в командировку. В Чебоксарах я получил телеграмму, в которой сообщалось, что я зачислен научным сотрудником Института языка и мышления АН СССР. Если учесть мое положение в то время, это было важное для меня и приятное сообщение.

Однажды Японец пришел домой расстроенный. В Управлении кадров Министерства Обороны СССР его ознакомили с приказом об увольнении из армии. В расцвете сил он хотел остаться в армии, отдавая свой богатый опыт молодым офицерам. Японец был участником героической обороны Сталинграда, разгрома фашистских захватчиков под Сталинградом и других сражений на фронтах Великой Отечественной войны. Единственной причиной его увольнения он считал то, что он по национальности ингуш — представитель репрессированного ингушского народа. Много лет спустя Камбулат Паурузович Керефов, участвовавший в сталинградских боях в чине капитана в составе кабардинского полка, он кабардинец, которым командовал тогда Японец Абадиев, рассказал мне о своем командире: — Это был храбрейший офицер, не знавший страха в боях. Однажды зимой в морозную ночь в пургу командир дивизии приказал Абадиеву с кавалерийским полком выступить против наступающих фашистских танков. Если бы Абадиев стал выполнять неумный приказ, то это привело бы к гибели всего полка без какой-либо пользы. Но Абадиев не подчинился. Тогда в штаб полка примчался сам генерал, командовавший дивизией, и назвал Абадиева трусом, при подчиненных ему офицерах.

На это Абадиев ответил:

Я считал бы себя преступником, если бы послал на верную гибель людей, лошадей в эту темную морозную ночь, без какой-либо пользы для нас. Что же касается трусости, то давайте вдвоем пойдем с обнаженными клинками против танков и посмотрим, кто из нас трус. Если мы оба погибнем, небольшая потеря для Отечества, но зато будут спасены полк и дивизия для победных боев.

Обозленный генерал хотел отстранить подполковника Абадиева от командования полком за невыполнение неумного приказа и предать его военному трибуналу — продолжал К.Н.Керефов. Об этом немедленно доложили командующему корпусом, который тут же отменил приказ и вызвал генерала к себе. Действия Абадиева были признаны правильными. Он продолжал командовать полком,

который он спас от верной гибели, рискуя службой и жизнью.

В связи с демобилизацией Я. Абдиеву дали земельный участок в Куйбышевской области. Он уехал туда вместе с семьей на постоянное местожительство.

Новое ужесточение репрессий

Для репрессированных народов в материальном отношении тяжелым оказался 1947 год. Скромные запасы (денежные и проч.) которые они успели захватить с собой во время выселения иссякли. То, что можно было продать из вещей, видимо, уже продали. Ко мне шли в осторожной форме сигналы от родственников, что зимой 1946—1947 гг. плохо стало с питанием. Я помогал им по мере своих скромных возможностей. Но это, конечно, была мизерная помощь. И то не всем.

Однажды я получил письмо от сводного брата Хамида, в котором он намекал на полутоловое состояние репрессированных. Вместе с тем писал, что дети страдают без молока. Дойная корова стоит 1500—2000 рублей. Это в Семиозерном районе Кустанайской области Казахстана. Таких денег у них не было. В то время для несчастных репрессированных это была слишком большая сумма. Он ничего не просил. Я знал, что он не станет просить помощь, если даже ему, его семье станет хуже. К тому же он не знал о моих возможностях. В то время я был зачислен младшим научным сотрудником. И мои возможности были весьма скромными. Тем не менее мне удалось выслать ему 1700 рублей для покупки коровы. Примерно через месяц я получил благодарственное письмо, в котором брат писал, что получил мой перевод и уже купил корову. Не только сын его обеспечен молоком. Удастся выделять молоко детям соседей, родственников. Это было приятно. Но я не придавал этому факту особого значения.

Только через примерно 25 лет, я узнал, как много значила даже небольшая помощь в 1947 году в Казахстане для репрессированных. В начале 80-х из Москвы я приехал в родное село Ачхой-Мартан на похороны брата Хамида. После восстановления Чечено-Ингушской республики подавляющее большинство чеченцев вернулись на родину и хорошо обустроились. Бывшие соседи брата в Казахстане из соседнего села Катар-Юрт пришли на похороны Хамида. Узнав, что я приехал, они зашли ко мне выразить соболезнование. Мы не были знакомы. Старший из них, обращаясь ко мне, сказал:

— Мы помним, как вы прислали Хамиду деньги на покупку коровы. В то время это была большая помощь.

Слова жителя села Катар-Юрт лишний раз подтверждали, что репрессированные жили в ужасных условиях. Только этими условиями можно объяснить в данном случае то, что даже посторонние бывшие репрессированные через 25 лет помнят о такой незначительной денежной помощи брату.

После смерти Сталина в 1954 году брат приезжал ко мне в гости. Погостил и, довольный, уехал обратно в Казахстан. И после возвращения на Родину в 1957 г. он нуждался в поддержке, будучи пенсионером. Я был ему обязан многим, в детстве и ранней юности. Не забывал этого, и оказывал ему помощь. Его смерть, как и смерть другого брата, была большой утратой для меня.

В гости к репрессированным

Сакка Висантов — майор Советской Армии в отставке прислал мне письмо, в котором он приглашал меня в гости к фруктовому сезону в Тюлькубасский район Чимкентской области Казахской ССР, где он проживал после демобилизации вместе с репрессированной семьей и родственниками. Во время летнего отпуска я решил поехать в гости к Сакке. Поезд был переполнен. Тамбуры заполнены людьми, среди которых большинство составляли демобилизованные солдаты. В купе царил духота.

Однажды поздно вечером, в лунную ночь, поезд остановился на каком-то разъезде. Он стоял долго. В то время поезда шли медленно и часто долго стояли на остановках. С трудом я вышел из вагона, чтобы подышать свежим воздухом. На безлюдном разъезде в просторах Казахстана, где дул теплый степной ветер, двое дрались и бранились — один по-тюрски, а другой по-чеченски. Тот, который бранился по-чеченски, выглядел помоложе и более сильным, чем бранившийся по-тюркски. Быстро, каким-то глухим голосом. Вышедшие из вагонов пассажиры смотрели на них и спрашивали друг друга, о чем они говорят, на каком языке. По-чеченским обычаем считается позором бить слабого. Я подошел к ним и сказал по-чеченски:

— Ма етта цунна. Гийлачунна тохар иехьлу (Не бей его. Стидно бить слабого).

Тот, который говорил по-чеченски, мгновенно перестал драться и отошел от человека, с которым дрался. Последний, бранясь, быстро ушел. Говоривший по-чеченски, обращаясь ко мне и как бы чувствуя свою вину, на чеченском языке сказал:

— Аса-м чIогIа ца туьйхира цунна. Джим-джим бен.

— Я не сильно бил его. Чуть-чуть только.

— Кто он? — спросил я.

— Бродяга, — ответил он по-русски.
— Из-за чего вы дрались? — снова спросил я.
— Ша суна уллохула тӕхволуш цо элира (проходя мимо меня, он сказал):

— Нохчо-даймохк боьхканарг (чеченец — предатель).
— И боьху дош цо аларна аса туйьхира пунна (из-за этой грязной клеветы я побил его).

Вдруг он немного повселед и спросил:

— Хьо нахчо вуй? (вы чеченец?).
— Варе (Да) — ответил я.
— Ма хаза хета суна хьо гина — (как я рад, что увидел тебя) искренне говорил он.

Далее он рассказал мне, как плохо им живется здесь.

В разъезде и близко к нему проживают несколько чеченских семей, а также несколько чеченцев, оставших от своих семей во время переселения. Эти чеченцы не могут соединиться со своими семьями. До сих пор не знают, где находятся их семьи. Климат совершенно не подходящий для нас, недоедание. Местное население все еще не решается общаться с нами. Некоторые представители местных органов стараются внушить населению, что мы — опасные государственные преступники. Из-за всего этого большая смертность среди чеченцев. В соседнем разъезде умер родственник. Я еду туда на похороны. Даже для поездки туда нужно получить разрешение в спецкомендатуре. Я не успел получить такое разрешение. Если узнают, что я еду туда без разрешения, то посадят и осудят за нарушение режима «спенпереселенцев», как нас они называют. На самом деле это — почти тюремный режим. Слышим звонок. Скоро отправится наш поезд. Я приглашаю нового знакомого (его имя Халид) в наш вагон. Ему ехать до следующего разъезда. Мы с трудом вошли в вагон.

Мальчик похоронил бабушку

Наш поезд приближался к г. Чимкенту, где мне нужно было остановиться по личному делу. Я предполагал приехать туда из Тюлькубаса. Но решил сначала задержаться в Чимкенте, а затем поехать в Тюлькубас. На станции увидел чеченцев и чеченок. Одни собирались куда-то ехать поездом, а другие встречали родных, может быть, друзей. Никого из них я не знал, поэтому не говорил с ними. Сразу с вокзала направился в гостиницу. Вечером я был в гостях у Мааса Шамилева. Его семья была выселена из села Ведено Веденского района бывшей (тогда) Чечено-Ингушской АССР. Он оказал мне теплое гостеприимство.

Еще было светло. Жара спала. Но, казалось, духота невидимой пеленой закрывала безоблачное небо. Никакого ветерка. Мы с Маасом сидели на стульях во дворе перед одноэтажным домом, в котором жила его семья. Маас рассказывал мне о тяжелых испытаниях, выпавших на долю репрессированных народов. В это время мимо нас проходил мальчик лет 13—14 в белой шерстяной чеченской шляпе. Он обратился к нам со словами:

— Суьйр(е) дика хуида шун (Да будет у вас вечер добрым)

— Дукха вехийла хьо, Ваха (Да проживешь ты, Ваха, долго) — ответил ему Маас.

На моем лице автоматически появилась едва уловимая улыбка. Она была вызвана тем, что у чеченцев не принято было, чтобы дети такого возраста «беспокоили» старших своим приветствием. Маас заметил мою улыбку и сказал, что трагический случай сделал этого мальчика на целых десять лет старше его настоящего возраста. Я поинтересовался, что с ним произошло.

— Сам Ваха (так звали мальчика) лучше расскажет об этом, сказал мне Маас и позвал мальчика.

Ваха пришел и остановился в четырех-пяти шагах от нас, в знак уважения к нам как к старшим. Маас попросил своих, чтобы принесли стул для мальчика. Но Ваха не стал садиться из-за уважения к старшим, соблюдая чеченские обычаи.

— Ваха, наш земляк приехал из Москвы. Расскажи ему, как ты дедушку похоронил. Он — научный работник. Может быть, напишет для потомков о трагедии нашего народа и его жертвах.

Ваха опустил голову и упавшим голосом ответил:

— Тяжело вспоминать и говорить об этом, но, если нужно, расскажу. Он поднял голову и, страдальчески глядя на нас, начал свой рассказ.

— Отец мой погиб на фронте. Извещение о его смерти, мы получили примерно за месяц до нашего выселения. Дедушка болел. Когда он узнал о смерти его сына — моего отца, ему стало очень плохо. В таком тяжелом состоянии находился дедушка перед началом репрессий против нашего народа. Перед началом выселения чеченцев, к нам пришли солдаты и предложили немедленно собраться. Они сказали, что бабушка, моя мать и я должны взять с собой продукты питания и самые необходимые вещи и сейчас же садиться на грузовик, который ждет нас у ворот. Дедушка останется. Мы все сказали, что без дедушки никуда не поедем. Мне шел двенадцатый год. Я лег к ногам дедушки и заплакал, хотя было стыдно плакать в таком возрасте по нашим обычаям. Они схватили бабушку и маму, увели их с вещами. Через некоторое время они вернулись к нам. Офицер, обращаясь ко мне, сказал:

— Мальчик, не валяй дурака. А то можем тебя вместе с дедушкой пристрелить.

Дедушка, тяжело дыша, своим хриплым голосом глухо произнес, обнажая грудь.

— На, стреляй, но мальчика не смей обижать.

Солдат в сердцах резко крикнул на офицера.

Ты что, озверел! Нарушаешь приказ. Ты можешь заварить такую кашу, что сам ноги едва унесешь отсюда. Не забывай, с каким народом имешь дело. Затем он обратился к старику:

— Дедушка, ты сможешь поехать с внуком?

— С внуком могу, — едва слышно ответил больной.

Офицер, возмущенный замечанием солдата, вышел.

Солдат в летах обратился к другому солдату:

— Давай попросим, чтобы мальчика и дедушку отправили на последних грузовиках.

Младший солдат согласился с ним. В это время вернулся офицер с другим, как мне показалось, более старшим офицером. Я сидел у ног дедушки.

Вот нашелся защитник, — сказал вернувшийся офицер. Мальчишка закапризничал. Не хочет уехать без большого дедушки. А этот, — он указал на солдата — стал защищать его.

Немолодой солдат повторил слова офицера, своего непосредственного начальника. Пришедший старший офицер шопотом, но со скрежетом зубным щипнул на своего младшего офицера.

— Ты что, хочешь раскрыть секрет операции?

Перепуганный младший офицер извинился, сказал, что он поторячился, больше такой оплошности не допустит. Просил простить его.

Старший офицер приказал отправить мальчика и больного старика с последними грузовиками без всякого шума.

Солдаты помогли нам взять с собой теплые вещи, продукты, постельные принадлежности, необходимую посуду и больше пуда муки. Они привели дедушку к грузовику и посадили его. Когда нас пересаживали в товарные вагоны, нам помогали выселяемые вместе с нами чеченцы, а также солдаты.

В одном из углов вагона выделили место для дедушки, чтобы он мог лежать. Долго мы ехали. Не знаю сколько дней. Вагон был битком набит людьми. Душно было. Дедушка часто повторял: — очень душно. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. До Чимкента на какой-то станции остановился поезд. Вечерело. Нам сказали, что надо выходить; нас на машинах отвезут до населенных пунктов, где мы будем жить.

Дедушка не мог ходить. Чеченцы, ехавшие в нашем вагоне, помогли вынести дедушку из вагона и посадить его на грузовик.

Они помогали и мне перенести вещи на машину. Наши вещи положили рядом с дедушкой. Усталый после выноса вещей из вагона я стоял около машины и услышал разговор человека, дававшего распоряжение кому, куда отправить, с шофером грузовика, на котором мы должны были ехать дальше. Он сказал шоферу: тяжело больного туберкулезом старика вместе с его внуком оставишь в домике, где летом останавливаются пастухи. Старик болен заразной болезнью.

Мне стало страшно. Но я не знал, что делать. Открытый грузовик был перегружен людьми и их багажом. Большинство едущих стояли. Негде было сесть. Похолодало. Дул в лицо холодный ветер. Примерно через час остановился грузовик. Довольно далеко от дороги в поле стоял маленький глинобитный домик с плоской крышей. Шофер вышел из кабины и сказал, что нужно высадить больного старика с внуком и помочь им добраться с вещами до домика. Перегруженная машина застрянет, если попытаемся подъехать к домику.

Люди стали возражать. Они требовали, чтобы больного отвезли в больницу.

Откуда тут больница. Вы не знаете, где вы находитесь. — закричал шофер.

Репрессированные стали требовать, чтобы больного оставили с ними. Озлобленный шофер снова закричал:

— Перестаньте митинговать. Я выполняю распоряжение. Иначе это кончится плохо для вас. Это была угроза, возмущившая всех. Один из молодых чеченцев заговорил по-чеченски:

— Убить этого шофера-мерзавца нельзя. Если среди нас водитель есть, то мы можем связать шофера и положить его на грузовик. А когда приедем в село, развяжем его и отпустим. А больный старик с внуком будут с нами. Мы сможем помочь им.

И тогда своим слабым голосом заговорил дедушка:

— Неразумно, чтобы все пострадали из-за одного человека, особенно в нашем положении. Пожалуйста, оставьте меня с внуком в этом домике. Мне недолго жить. Только, пожалуйста, не забудьте о моем внуке.

Действительно, другого выхода из нашего положения не было. Нам с дедушкой помогли перебраться в домик, состоявший из одной продолговатой комнаты и небольшой веранды, на которой стояла маленькая глинобитная восточная печка. Дверь была закрыта на крючок. Я первым вошел в комнату. Пол земляной. Половину пола занимала солома, на которой, видно, спали летом чабаны. В комнате стоял большой чугунный кувшин с водой. На маленьком деревянном столике — кружка, чайник, кастрюля, две табуретки.

Попутчики завели дедушку. Из связки наших вещей я сразу взял дедушкины постельные принадлежности — маленькую подушку, простыню, одеяло. Быстро постелил ему. Дедушка с удовольствием лег. Он просил открыть окно. Наши попутчики — чеченцы из разных сел обещали забрать нас, как только они получат помещение. Нужно было затопить печку и вскипятить чай. Около печки лежали дрова и кизяк. Но не было огня. Вдруг я вспомнил, что солдаты сунули мне в карман две коробки спичек, когда выселяли нас, сказав при этом, — пригодятся. Я спрятал тогда спички в мешке с вещами. Я сразу нашел спички и с благодарностью вспомнил двух солдат, особенно старшего из них. Вскипятил чай. Дедушка поел бутерброд с сыром и выпил стакан чая. Он сказал, что впервые почувствовал себя лучше. Особенно приятно было ему, что в комнате свежий воздух. Окно оставалось открытым. Дедушка просил ночью не закрывать его. Усталый я сразу заснул. Рано утром я проснулся от сильной головной боли. Дедушка сильно храпел, и тяжело дышал. Пастежь открыто окно, в комнате гулял холодный ветер. Я быстро встал. Закрыл окно. Подошел к дедушке. Он весь в огне. У меня невыносимо болели голова, горло. Дышать было трудно. Мы оба сильно простыли. Я вышел на веранду затопить печку. Похолодало резко. Вскипятил чай. Подошел к дедушке и подал ему стакан чая. Он чувствовал себя очень плохо. С трудом выпил несколько глотков чая с моей помощью. Я не знал, что делать. Вышел из комнаты на веранду. Во дворе холод, дул пронизывающий холодный ветер. Кругом поле. Ни одной постройки. Проселочная дорога далека от домика, в котором мы находились. Сам еле-еле стою на ногах. Не в состоянии добраться до дороги. В отчаянии вернулся в комнату и лег на солому. Не заметил, как я уснул. Когда проснулся, уже стемнело. Зажег керосиновую лампу. Попытался покормить дедушку. Но он ничего не хотел. Дедушке стало значительно хуже. Он с трудом шопотом сказал:

— Похорони меня. Хорошие люди помогут тебе.

Я стал плакать, сначала тихонько, потом навзрыд. Ночью скончался дедушка. У меня начались судороги. К утру мне стало легче. Я встал, попробовал выйти на веранду в надежде увидеть кого-нибудь. Было холодно, дул холодный ветер. Кругом поле, ни единой души. Я вошел в комнату и стал размышлять, что делать, как и где похоронить дедушку. Решил похоронить его в комнате. У меня не было другого выхода из создавшегося положения. Во дворе, где было холодно и дул холодный ветер, я не мог бы копать могилу. В комнате под соломой я нашел маленькую лопату и топорик. В углу той части комнаты, где на полу не было

соломы, я стал копать могилу. Копал целый день и всю ночь. На следующий день утром я с трудом перетащил покойника вместе с постелью. Осторожно опустил его в могилу. Сначала укрыл его одеялом, затем соломой. После этого засыпал могилу землей. Долго пришлось повозиться, чтобы выровнять пол до перезахоронения. Самочувствие ужасное. У меня была температура. Пришлось заняться самолечением: чай, тепло, постельный режим. Стараясь пребороть страх, горе, я внушил себе, что со мной в комнате дедушка. Так прошли двое суток. На шестой день моего пребывания в этом домике приехали трое чеченцев репрессированных на грузовике. Свою поездку к нам они оформили официально для оказания помощи тяжело больному старику. Но дедушка уже не нуждался в их помощи. Я объяснил им, что произошло. Вместе с ними, со своими вещами, я уехал в село, где они обосновались. Я жил в семье одного чеченца. В 1945 г. весной при помощи знакомых — добрых людей были перенесены останки дедушки для перезахоронения на кладбище, где стали хоронить умерших чеченцев. В 1945 г. я переехал вместе с семьей чеченца, у которого я жил, в г. Чимкент, где живу до сих пор. По всему Казахстану письмами я разыскивал своих бабушку и мать. Весною 1945 года я узнал, что они были выселены в Карагандинскую область. Зимой 1944—1945 гг. они обе заболели и умерли. Так я остался один. Но добрые люди помогали и помогают мне.

Работаю там, где придется. На официальную работу меня не принимают из-за возраста. Говорят, «что еще маленький я для трудовой деятельности», как выражаются в отделах кадров. Сейчас помогаю конюху за определенное вознаграждение. Мальчик Ваха рассказал все это на чеченском языке. Я попытался по возможности точно изложить по-русски все, что он говорил. Суровый жизненный опыт сделал его уже взрослым. Он говорил как взрослый.

Рассказ почти четырнадцатилетнего мальчика произвел на меня неизгладимое, незабываемое впечатление. Даже Маас, который уже знал обо всем пережитом мальчиком, был растроган не только рассказом, но и внутренним переживанием Вахи, когда он вспоминал свое тяжелое прошлое.

В гостях у друзей в Тюлькубасе

Через два дня я уехал поездом из Чимкента. По казахстанским масштабам Тюлькубас, куда я направился, находится недалеко от Чимкента. Сакка был предупрежден о моей поездке. На Станции Тюлькубасс было много людей, в числе их и чеченцы. Когда

остановился поезд, на вокзале, я сразу увидел Сакку в каракулевой чеченской шапке, в окружении чеченцев. Его грудь украшали ордена и медали. Наша дружеская встреча была исключительно теплой. Сакка, улыбаясь, говорил:

— Вот сколько чеченцев собралось. Каждый из них хочет пожать тебе руку. Когда я пришел на вокзал, один знакомый чеченец спросил меня, кого я встречаю. Мой ответ несколько удивил его. Он почти воскликнул, спрашивая: чеченца оставили в Москве? Это значит, что он служит в каких-то спецорганах для информации, утверждал он. Ко мне подошли и некоторые товарищи из тех, которые тут стоят. Я сказал этому товарищу что он ошибается. Мой друг — научный работник и патриот, любящий свой народ. А остался он в Москве после схватки с некоторыми работниками НКВД Москвы. Это я хорошо знаю. Когда мой друг находился в научной командировке, сотрудники НКВД Москвы открыли его комнату, выбросили вещи в коридор и вселили в его комнату родителей одного из своих работников; они получили ордер на эту комнату, обманув Моссовет. В то время я был в Москве, куда был вызван в связи с выселением нашего народа. Я бывал в этой комнате. Я видел, как он ходил по инстанциям, требуя привлечения к ответственности этих черносотенных погромщиков, как мой друг назвал их в своем заявлении, которое он писал в ЦК КПСС.

Кто-то, перебивая Сакку, спросил:

— Так и были названы черносотенные погромщики?

— Да, я читал его заявление, где это было написано. Академия Наук СССР поддержала его, прежде всего русский академик Мещанинов. Мы все — я, подполковники Демалханов, Висантов, Абдиев уговаривали его, чтобы он сделал все необходимое, чтобы остаться в Москве. Такой человек может принести пользу своему народу.

Словом, Сакка произнес целую речь в мою защиту, настолько смелую в тех условиях, что я даже опасался, что какой-нибудь доносчик использует против Сакки и меня. Мне было и неудобно слушать такую речь. Понятно мое смущение. Но Сакка говорил все это с определенной благородной целью. И он достиг желаемого результата. Все, стоявшие вокруг нас чеченцы и их друзья, тепло попрощались с Саккой и со мной. Поверили его справедливому слову. Из Тюлькубаса мы приехали в село Ванновку (так кажется называлось это село), где жила семья Сакка. Рядом с домом Сакки находился дом его старшего брата Ахмата Висайтова, которого я хорошо знал. Он был министром просвещения бывшей Чечено-Ингушской АССР; был образованным государственным деятелем Чечено-Ингушетии. Впервые я

слушал его в Москве в 1937 г., где я учился в Институте. Он приехал в качестве руководителя чечено-ингушской делегации и участников декады искусства и литературы Чечено-Ингушетии в Москве; пригласил к себе студентов московских вузов из Чечено-Ингушетии и беседовал с нами. Он говорил о большой потребности Республики в высококвалифицированных кадрах и призывал студентов достойно представлять Чечено-Ингушскую Республику в вузах столицы. На студентов он произвел очень хорошее впечатление.

И вот вторая наша встреча произошла в Ванновке на территории Казахстана. В отличие от Сакки (невысокого роста) Ахмат был высокого роста, представительным мужчиной. Мы сидели в доме Сакки за обеденным столом. Ахмат говорил с возмущением о бесправии репрессированных, которых в Средней Азии и Казахстане называли спецпереселенцами.

Это чудовищная месть за дезертирство и неявку на призывные пункты определенной части призывников. Подавляющее большинство чеченцев и ингушей — продолжал он, самоотверженно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. В отличие от подразделений, состоявших из представителей некоторых других народов, в гитлеровской армии, не было ни одной части, состоявшей из чеченцев и ингушей, и воевавших в составе фашистских войск против нашей страны.

— Зимой 1943 года в разгар Сталинградской битвы мы с одним товарищем были в горах Чечни в командировке (в Веденском районе), — рассказывал я, — небольшая группа бандитов и дезертиров, представителей разных национальностей, была окружена воинской частью НКВД. Это было в ущелье недалеко от сел Бено и Дарго. В них все было спокойно. В селе Бено(й) мы провели собрание, на котором присутствовало несколько сот человек. Мы рассказали участникам собрания о положении на фронтах Великой Отечественной войны и призвали их послать войнам-зипциникам Родины подарки ко дню Красной Армии. Жители села откликнулись на наш призыв. Они отправили целый обоз с подарками. Выступавшие говорили, что жители села не имеют никакого отношения к тем, которые засели в мельнице, что многие сельчане на войне. Между тем распространяли клеветнические слухи о восстаниях в горах Чечено-Ингушетии. Никаких восстаний не было. Не могло быть и речи в этой обстановке о помощи или поддержке фашистским войскам, стоявшим за Тереком, как сообщали тогда, в основном на территории Ставрополя и Калмыкии. Тем не менее относительно близко к городу Грозному. Осенью 1942 г. в районе села Шаман-Юрт (20–25 км от Грозного) был сбит фашистский

самолет, совершавший разведовательный полет. Летчиков взяли в плен. Грозный жил спокойной, но напряженной трудовой жизнью прифронтового города. Таковы факты. Расскажите об этих фактах местным жителям, которые введены в заблуждение клеветниками, — закончил я свое затянувшееся выступление в селе Бено(й).

Ахмат как старший поблагодарил меня за эти факты. А Сакка дружески упрекнул меня за то, что я раньше не говорил ему обо всем сказанном. Мне пришлось извиниться перед Саккой, говоря:

— Поскольку я имел отношение к событиям, о которых рассказал, мне казалось нескромно информировать фронтовиков о них.

— Вот вам конкретные примеры грубейшего нарушения, извращения Конституции СССР — говорил Ахмат. Сакка воевал на фронте. В это время его семью, без предъявления каких-либо обвинений репрессировали, сослали в Казахстан. А я честно трудился на своей работе, дети прилежно учились в школе. Жена в основном занималась домашним хозяйством. Нам сказали, чтобы мы взяли с собой самое необходимое. Ни за что, ни про что в срочном порядке сослали сюда в товарных вагонах, в жутких условиях, конфисковав квартиру, десятилетиями созданное добро. Нам — репрессированным дали такое наименование «спецпереселенцы», которое как бы маскирует беззаконие. Мы не имеем право поехать в соседнее село без разрешения спецкомандатуры, созданной специально для нас. Какие же мы переселенцы. Мы сами не переселялись сюда. Мы — настоящие репрессированные, заключенные в «резервацию», в территориальную тюрьму; назовите, как хотите. Как бы мы ни назывались, это — лишение свободы, гражданских прав, грубейшее издевательство над людьми.

В беседу включился снова Сакка:

— Детей не учат родному чеченскому литературному языку. Об этом как-то говорил Ахмат как бывший министр просвещения.

— Ахмат продолжал разговор о национальной культуре:

Нас лишили национальной школы, где обучали родному языку, профессиональной родной литературы, профессионального чеченского искусства. Национальный театр, чеченское отделение Союза писателей ликвидированы. Я ставил вопрос об организации на родных языках школ для детей всех репрессированных народов — чеченских, ингушских, калмыцких, балкарских, карачаевских, крымских, татарских и других. Мне ответили, что нет указаний центральных органов по данному вопросу. Поэтому — не планируется обучение этим языкам. Это же настоящая ассимиляторская политика, учитывающая, что эти народы не имеют своих национальных территориальных образований, их представители не

живут компактно.

Наш народ крепко держится за родной язык — сказал Сакка. Дома, при встрече на улице, в общественных организациях в живой беседе они общаются между собой в основном на родном языке.

— Я то же так думаю, — продолжил эту тему Ахмат. Вместе с тем, конечно, нужно знать русский язык как общий язык народов страны, как единственный язык их взаимообщения, как язык мировой культуры, науки, техники. Нам — людям в возрасте трудно овладеть казахским языком. Но молодым людям, детям следует изучать и казахский язык в соответствии с жизненными потребностями. Что же касается народного искусства, фольклора, то наш народ их не забудет. Всюду сейчас свадьбы, вечеринки, лавзар (бал, вечеринка во дворе) происходят на чеченском языке, по чеченским обычаям.

После обеда мы вышли во двор, затем на улицу, где играли дети примерно семи, восьми, девяти лет. Все они, играя, общались между собой на чеченском языке. Отвечая на мой вопрос, Ахмат сказал:

— В этой части села, где мы живем, начальная школа работает на русском языке, поскольку большинство населения составляют русские, чеченцы и другие неказахи. Чеченские дети пока что не обучаются родному литературному языку. Поэтому не владеют чеченским алфавитом. Разговорным чеченским языком чеченские дети овладевают в семье, в общении между собой.

Сакка стал вспоминать Родину. Он сразу воспрянул духом и с захватывающим интересом начал свой короткий рассказ о Родине малой.

— Мы переселились в Грозный из горного села Шатой; зеленые склоны ближайших гор как бы общаются со снежными вершинами далекого главного кавказского хребта. Чистый горный воздух, чистая как слеза родниковая вода, которую мы нередко находили в ущельях, крутом дары природы — все это делало человека здоровым, счастливым, беззаботным. Тут все другое, непривычное. А ведь местность считается одним из лучших плодородных районов Южного Казахстана. Много солнца, много фруктов. Но это — не родина с ее ничем несобъяснимой притягательной силой.

Но главное было в другом. Спешкомендатура и официальные лица госучреждений, выражая официальное отношение к нам, за редкими исключениями, обращаются с нами как с преступниками, хотя знают, что наш народ не виноват. Среди населения много людей не только сочувствующих, но конкретно помогающих несчастным репрессированным. В то же время есть и такие

местные жители, которые смотрят на нас как на незваных гостей, как на «чужих», но общаются с нами по необходимости. Все это осложняет, омрачает жизнь репрессированных.

Через три дня я высал из Ванновки в Москву.

Командировка в Киргизию

Летом 1948 года я получил командировку в Киргизию. Она была связана с моей научной проблематикой и педагогической работой на кафедре кавказской филологии Московского Государственного университета им. М.Ломоносова.

Стояли жаркие летние дни. Я ехал в купейном вагоне. На территории Казахстана, Киргизии на многих железнодорожных станциях видел отдельных чеченцев и чеченок. Их легко можно было узнать по одежде, головному убору, не говоря уже о языке, который резко отличается своим грамматическим строем и звуковой системой от тюркских, иранских, славянских языков, на которых говорят подавляющее большинство населения Средней Азии и Казахстана. Не очень я старался переговорить с ними. Во-первых, мало времени для этого. Поезд на станциях не стоял так долго как прежде, когда ездил в Среднюю Азию, например, в 1946 г. Во-вторых, картина жизни репрессированных повторялась. Чувствовалось ужесточение режима. Мои попытки переброситься словами с отдельными чеченцами, встречающимися на вокзалах, воспринимались настороженно. Они неохотно отвечали по-чеченски на вопросы. Чувствовалось, что они напуганы, опасаются провокаций. Как мне показалось, это было следствием ужесточения режима.

После прибытия в г.Фрунзе (ныне Бишкек) сначала я устроился в гостинице, а затем побывал в Киргизском филиале АН ССР и в университете. Встречался во Фрунзе с отдельными балкарцами, карачаевцами и калмыками. Среди них были и бывшие научные работники, педагоги. Один из них доверительно предупредил меня, чтобы я вел себя осторожно. Он сказал, что режим ужесточился. Попадают осведомители, стукачи, которые иногда становятся и клеветниками в корыстных целях. С благодарностью я воспринял эту информацию и призыв к осторожности. От них я узнал, что в новых условиях взаимодействия языков не ведутся исследования по чеченскому, ингушскому, балкарскому, калмыкскому, карачаевскому языкам (сейчас балкарский и карачаевский считаются одним карачаево-балкарским языком), но и не ставится вопрос о преподавании их как родных языков в начальной школе.

Вечером выехал из Фрунзе в г.Токмак, где жил бывший директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского Института языка, истории и литературы кандидат филологических наук доцент Дошлуко Дохович Мальсагов (по национальности ингуш). Он был первым кандидатом филологических наук среди ингушей.

Дошлуко был признанным специалистом по вайнахским языкам, а также руссистом с большим стажем преподавания русского языка и общелингвистических дисциплин.

В г.Токмак я прибыл поздним вечером. Уже стемнело. Но ночь была лунная. Полная луна освещала город, утопающий в зелени. Я шел по улицам то в «тени» деревьев, то под лунным сиянием. Наконец, я прошел длинную улицу до конца, как мне показалось. Подхожу к маленькому домику. Во дворе сидел человек спиной в мою сторону. Когда я подошел к нему близко, понял, что передо мной сидит Дошлуко Мальсагов. Он увлеченно смотрел на снежные вершины высоких гор, освещенные ярким лунным светом.

— Сайра дика хийла хьа, Дошлакь (Добрый вечер, Дошлуко), — сказал я по-ингушски.

Он встал и, удивленно глядя на меня, воскликнул по-русски:

— Ты ли это, Юнус!

Мы крепко пожали друг другу руки и по-вайнахски обнялись.

— Как же ты сюда попал. Надеюсь, тебя не сослали?

Я засмеялся и ответил ему, что приехал в научно-педагогическую командировку в Киргизию. Одна из моих целей была — встреча с Вами. Прошу извинения, что я так поздно приехал.

— Ты не можешь представить себе, как я рад твоему приезду. Ты посмотри туда — продолжал Дошлуко, указывая на снежные вершины гор, сверкавшие под лунным сиянием. Я сидел, мысленно воспроизводя похожую картину, наблюдаемую, когда смотришь в лунную ночь на снежные вершины главного кавказского хребта из Пригородного района.

В это время вышел Якуб — сын Дошлуко. Своим высоким ростом, молодостью и представительным видом он отличался от Дошлуко. Но очень похож на Дошлуко лицом, мягкостью и корректностью человеческого общения, разговора. Он по традиции поприветствовал мой приезд и затем пригласил нас — Дошлуко и меня в дом. Супруга Дошлуко была доброй, заботливой хозяйкой дома. Она встретила меня радушно. Несмотря на возраст, она энергично занималась хозяйственными делами. В комнате мы с Дошлуко продолжали свою беседу.

Скажи, пожалуйста, как ты ухитрился сохранить меня —

репрессированного в докторантуре — спросил меня Дошлуко. Мне аккуратно высылают зарплату докторанта и хороший паек, месячный, т.е. докторантскую карточку на получение продовольственного пайка. Такого пайка не получает даже наше местное начальство.

— Этим вы (Дошлуко был значительно старше меня) обязаны начальнику Отдела аспирантуры и докторантуры АН СССР профессору — Каратаеву, — сказал я.

— Но ведь профессор Каратаев не знал моего адреса. Вероятно, никто в Академии Наук СССР (АН СССР) не знал моего адреса, кроме тебя, — Дошлуко, засмеялся и продолжал. Ты точно скажи мне, какие шаги ты предпринимал. Это даже полезно мне знать. Мне кажется, что я сам не решился бы так действовать, как ты это делал, если бы я находился в твоём положении. Это же был риск для тебя. Вряд ли твои коллеги, оставшиеся в Москве, стали проявлять такую неосторожность, — деликатно говорил Дошлуко.

— Ничего особенного я не делал. Как исполняющий обязанности заведующего отделом аспирантуры я иногда обращался к профессору Каратаеву. Он внимательно относился к моим просьбам, проявлял чуткость ко мне. После получения вашего первого письма я пошел к профессору Каратаеву и рассказал все, сообщение о ликвидации Чечено-Ингушской АССР еще не было опубликовано. Профессор Каратаев внимательно выслушал меня и сказал:

— Пусть наш разговор останется между нами. Принесите мне перепечатанное на машинке письмо, адресованное в отдел аспирантуры и докторантуры, где сказано, что докторант Д.Д.Мальсагов переехал на постоянное местожительство в Киргизию и проживает по следующему адресу. Далее укажите его новый адрес. И все. Что там произошло, мы не знаем.

— Так и поступил я. Когда стали выдавать талоны на промтовары, мне позвонили от профессора Каратаева и сказали, что нужно получить такие талоны и для докторанта Д.Д.Мальсагова. По ним я купил промтовары и выслал Вам их.

Тут все были поражены тем, что директор бани является докторантом АН СССР, получает паек более содержательный, чем те пайки, которые имеют местные начальники. Да еще дают зарплату, значительно превышающую зарплату директора бани. Словом в этой плуши, по сравнению с Москвой, я стал персоной номер один. — смеясь, шутил Дошлуко. Затем он грустно опустил голову и помолчал. Я понял, что он внутренне переживает все, что происходило и происходит с ним, видя во всем этом трагикомедию. Вдруг, как бы извиняясь за паузу в разговоре со мной, обратился ко мне, улыбаясь:

— Ты убедился в том, что внутренний голос правильно подсказывал мне, что главным «виновником» докторантских благ репрессированного «преступника», директора бани являлся ты. Спасибо большое за дружбу чистую мужскую, за внимание.

— Простите, Дошлуко, что перебиваю Вас, главный «виновник» профессор Каратаев. Все решал он, давая команду.

— Конечно, я отдаю должное профессору Каратаеву. Если бы его место занимал другой — бездушный человек, мы ничего не имели бы. Но начал все это ты. Кстати, я хотел бы сердечно поблагодарить его за все. Как это сделать? Может быть, следует написать ему письмо?

— Дошлуко, пока, как мне представляется, рискованно писать. Вся почта контролируется. Какой-нибудь недоброжелатель из органов может навредить ему и нам. Я передам ему Вашу огромную благодарность. Будем надеяться, что придет время, когда Вы лично скажете ему слова искренней благодарности, — говорил я.

— Ты на самом деле думаешь, что придет такое время при нашей жизни? — спросил Дошлуко.

— Убежден в этом. Для ряда народов, многих сотен тысяч людей страна стала тюрьмой. Так долго не может продолжаться. Он не вечен (Дошлуко сразу понял, о ком идет речь).

— Большой идеалист ты. К тому же не совсем осторожный. Земля под ногами может выдать нас.

Обращаясь к Дошлуко, я засмеялся, говоря:

— Точно знаю, что земля не станет выдавать нас.

Мы оба посмеялись над своими рассуждениями. Потом Дошлуко сказал.

— Шутки шутками. А мы — репрессированные доведены до такого состояния, что мы боимся даже земли, по которой ходим, опасаясь как бы она не выдала нас. Это следствие ужесточенного режима.

Дошлуко, конечно, знал о моей скромной роли в том, что его оставили в докторантуре. Я также понимал это. Но ему хотелось подчеркнуть эту роль, зная о той сложной ситуации, в которой я оказался.

Мы вышли во двор на свежий воздух. Ночь была чудесная, освещенная полнолунием. Тишина. Вдруг я увидел на лужайке Якуба. Он освежевал барана.

— Дошлуко, в такое трудное время зачем это. Такие расходы, беспокойство для всей Вашей семьи. Мы же свои люди.

— Не забывай, Юнус, мы вайнахи, со своими национальными традициями, нравами. Мы бы забили быка или буйвола, если бы они у нас были, по такому случаю.

На поздний ужин подали баранину жареную и вареную,

фрукты, ягоды, разные восточные травы. Когда мы ложились спать, уже рассветало.

Мы с Дошлуко сидели за ранним завтраком. Соблюдая традиции, ни супруга Дошлуко, ни сын Якуб вместе с нами не садились завтракать, обедать или ужинать. Я спросил у Дошлуко.

— Репрессированных используют ли на разных должностях в госаппарате Республики?

— Здесь большая потребность в кадрах, специалистах, — сообщил Дошлуко. Поэтому некоторых используют в госаппарате. В нашем маленьком городе, например, заместителем председателя Горсовета работает ингуш. При этом и он считается репрессированным, на местном жаргоне «спецпереселенцем» со всеми вытекающими из этого ограничениями. Он не имеет права выезжать из Токмака без разрешения спецкомендатуры. Вечером он придет к нам.

И действительно, вечером пришел высокий, представительный мужчина с густыми черными усами. За ужином он говорил в тоне глубоко оскорбленного человека:

— Я член правящей партии, заместитель председателя исполкома Городского совета не имею права выезжать из города без разрешения спецкомендатуры. Это издевательство. Иронически характеризуя положение местного начальства, Дошлуко заметил.

— Издевательство над местным начальством — это всего лишь легкий укус комара по сравнению с бесчеловечными репрессиями против целых народов. Голод, смерть, неисчислимые страдания обездоленных, находящихся в «территориально изолированных друг от друга железными воротами тюрьмах» — вот о чем мы должны думать прежде всего.

Слова Дошлуко заставили присутствующих глубоко задуматься о настоящем и будущем репрессированных народов.

Наша беседа за затянувшимся ужином продолжалась до глубокой ночи. Многое повторялось. Новых, свежих, перспективных мыслей, идей почти не было. Это и понятно было. Люди, находившись в безвыходном положении, отягощенные повседневными заботами о куске хлеба, о ночлеге, о помощи больным, голодным.

На следующий день, поблагодарив Дошлуко, его семью за сердечное гостеприимство, я уехал во Фрунзе. В течение нескольких дней я собрал нужный мне материал о начальном этапе влияния киргизского языка на чеченский и ингушский языки, о своеобразии воздействия русского языка на чеченский и ингушский языки в новых условиях. Ознакомился с состоянием практического применения чеченского и ингушского языков в процессе взаимообщения их носителей.

После истечения срока командировки я вернулся в Москву.

1948 год принес репрессированным народам новый удар. В районах их проживания режим был ужесточен. Распоряжение, подписанное В.М.Молотовым, требовало ужесточения режима, жестокого наказания за малейшее нарушение установленного в «резервации» порядка.

Даже тех представителей репрессированных народов, которые не подверглись выселению, снова стали «проверять». Меня, например, вызвали в милицию по месту жительства и заставили заполнить новый документ. Спрашивали, есть ли у меня связь с репрессированными, о чем пишут, несмотря на то, что прекрасно знали о чем мне пишут, о чем я пишу. Органы НКВД все проверяли. Это знали все. Некоторые недобросовестные, нечестные люди, узнавшие обо всем этом в корыстных целях, сочиняя доносы, старались дискредитировать таких уцелевших в разных районах страны отдельных представителей репрессированных народов. Одним из наших аспирантов был сочинен донос и против меня и отправлен в Управление кадров ЦК партии, т.е. в самую высшую партийную инстанцию в государстве в то время. Автором этого доноса являлся Т.— представитель одного из народов Северного Кавказа (не хочу писать о том, представителем какого народа он был, клеветник может быть представителем любого народа).

В этой неприятной истории больше всего меня расстроило то, что доносчиком оказался аспирант, которому я оказал максимум поддержки, когда его принимали в аспирантуру. Я исполнял обязанности заведующего отделом аспирантуры по совместительству (на общественных началах), будущий научный руководитель Т. известный профессор сомневался в целесообразности его приема в аспирантуру. Я ходил к профессору, в осторожной форме стал говорить, что Т. только недавно демобилизован из армии, он бывший фронтовик, обещает наверстать упущенное.

— Вы вместе служили в армии? — спросил меня профессор.

— Нет — ответил я, — Я пришел к Вам по его настойчивой просьбе сказать Вам о его обещании оправдать Ваше доверие. Он значительно старше меня. Неудобно было не удовлетворить его просьбу. Извините, пожалуйста.

— В таком случае, может быть, стоит посмотреть, сумеет ли он проявить себя в течение аспирантской подготовки, учитывая, что он фронтовик, — заключил профессор.

На основании такого заключения будущего научного руководителя Т. был принят в аспирантуру.

В течение трех лет он сдал кандидатский минимум, но

диссертации не представил к защите, как положено. Он был представлен к отчислению без представления диссертации. Дирекция еще не успела переслать документы о его отчислении из аспирантуры в Президиум АН СССР, как это в то время было положено, но Т. поторопился подать заявление в самый высший орган по кадровым проблемам. В этом заявлении Т. писал, что его — бывшего фронтовика отчисляют из аспирантуры. Между тем после окончания аспирантуры оставили в Институте такого-то представителя репрессированного народа. Далее клеветнические измышления политического характера против меня.

Сначала я не поверил всему этому. Подумал, что это дело рук какого-нибудь кляузника. В Управлении кадров ЦК партии был вызван профессор, зам. директора. Он вернулся оттуда чем-то очень возмущенный. В личной беседе со мной профессор подтвердил, что автором заявления является Т. Он сообщил мне, что на следующий день к десяти часам утра меня вызывают в Управление кадров ЦК партии.

— Нет основания волноваться. Расскажите о себе и постарайтесь кратко ответить на вопросы, так профессор успокаивал меня.

Заведующий сектором (или Отделом) управления ЦК партии профессор-биолог Степан Афанасьевич Балезин как мне говорили, совмещал работу в управлении кадров и научно-педагогическую деятельность в Государственном педагогическом институте им. В.И.Ленина. Его пордевшая и поседевшая шевелюра закрывала оголенную часть темени. Ему было примерно лет пятьдесят — пятьдесят пять. Он смотрел на меня добрыми, пронизательными глазами. С.А.Балезин принял меня приветливо. Он сказал, что хотел побеседовать со мной, узнать, как проявляют себя аспиранты из разных республик, как мы готовимся к новому приему аспирантов. Я кратко ответил на эти вопросы, как мог. Подумал, что следующий вопрос будет касаться существа дела, по которому я вызван. В этот момент зазвонил телефон. Я сидел недалеко от профессора за столом. То ли случайно, то ли сознательно трубка была повернута в мою сторону. Я явственно услышал голос Т. Он спрашивал, когда он получит ответ и будут ли приняты меры по его заявлению. Затем он сказал, что обратился в управление кадров ЦК партии, потому что придает политическое значение своему заявлению. Как я заметил, последние слова произвели на профессора С.А.Балезина негативное впечатление. Он в официальном тоне ответил Т.:

— Через два—три дня вы получите ответ на ваше письмо.

Затем он обратился ко мне и сказал:

— Мы придаем большое значение подготовке научных кадров

для национальных республик. Чувствуется, что вы на своем скромном участке понимаете это и стараетесь успешно выполнять свои обязанности. Спокойно работайте, желаю вам успеха в науке и в работе с аспирантами. Он тепло простился со мной.

Я вышел из Управления, окрыленным и благодарным профессору С.А.Балезину. Все могло бы кончиться печально для меня. Но мне и на этот раз повезло. Несколько позже, когда я вспомнил телефонный разговор Т., меня глубоко возмутили клевета и подлость Т.

Через два дня позвонили из Управления кадров профессору заместителю директора Института и сообщили, что, все, что Т. писал обо мне, не подтверждается. Отчисление его из аспирантуры осуществлено в соответствии с существующими правилами. Несомненно, Т. звонил в Управление кадров и ему сообщили результаты проверки его доноса. Он вынужден был уехать из Москвы.

В конце 50-х годов мне пришлось участвовать в работе Всесоюзной конференции, посвященной проблемам развития национальных культур и языков народов СССР, в качестве одного из ее руководителей. Она проводилась в городе, где жил Т. с семьей. В конце одного из вечерних заседаний ко мне подошел Т. с супругой. Он сказал, что с благодарностью вспоминает, как я помогал ему, при поступлении в аспирантуру. Он и его супруга пригласили меня домой на ужин. В эту минуту на меня хлынули тяжелые воспоминания — трагические дни в моей жизни, его донос... Мой народ уже был реабилитирован и вернулся на родину. Что ему нужно от меня? — подумал я — «Может быть, он хочет извиниться за свою клевету или рассказать мне, как его кто-то заставил оклеветать меня. Пойду и узнаю» — решил я про себя. Т. и его супруга стояли рядом со мной, ожидая моего ответа.

— Извините, я размышлял про себя, как у меня со временем. Думаю, что смогу прийти к вам. Благодарю за приглашение.

Т. заехал за мной в гостиницу. В его квартире за столом сидели Т., его супруга и я. Говорили о чем угодно, но только не о доносе. Родители рассказали, что их дитя учится в университете, на отлично, обещают рекомендовать в аспирантуру. Вечер прошел нормально.

Не знаю, жив он сейчас или нет. Но у него есть дети, родственники. Поэтому не сообщаю его фамилии, чтобы не травмировать ни в чем невинных людей. Из этой истории видно, как трудно жилось представителям репрессированных народов, жившим даже за пределами «резервации» или «концлагерей».

Поездка в Горную Тушетию и к перекильцам (в поисках следов древней культуры нахских народов)

Меня интересовал вопрос: чем обусловлены столь суровые меры, принятые против не только репрессированных народов в районах их переселения, но и новая проверка их представителей, живущих в разных уголках страны. Неужели многие вернулись в горы Кавказа и ведут вооруженную борьбу в горных условиях? Если такие события там происходят, то это безумие. Нет предела жестокости существующей власти. Так думал я в то время.

Необходимо было предупредить этих людей, что в то время их борьба в горах ничего полезного для народа не может дать, кроме их гибели и серьезного осложнения и ужесточения положения всего репрессированного народа в Средней Азии.

Моя работа над монографией «Бацбийский язык» находилась на завершающем этапе. Но вопрос о том, живут ли цова-тушины (бацбийцы) среди перекильцев, оставался не выясненным. Перекильцев, живущих на границе между Грузией и Чечней, некоторые считали огрузинившимися чеченцами и цова-тушинами. Этот вопрос нуждался в научном освещении. Для этого надо было побывать там, изучить местный материал, ознакомиться с жизнью жителей этого пограничного района. Одновременно я хотел побывать в бывшей (тогда) Чечне и попытаться увидеть, что там происходит. С этой целью я планировал поездку из «Перекильи» в горную Чечню и возвращение в Москву через Грозный. Для осуществления этого плана я выехал из Москвы 20 июля 1948 г. поездом в Грузию (по моим дневниковым записям). В Земо-Алвани работал две—три недели и готовился к поездке в горы. Из Горной Тушетии приехали чабаны за продуктами для семей чабанов и солью для овец. Там на альпийских пастбищах паслись более 100 тыс. колхозных овец, как мне говорили. В качестве вычных животных они использовали лошадей, а не ослов. Мне нужно было поехать с чабанами, о чем нужно было договориться с ними. Два молодых чабана из Земоалванского колхоза Арсен и Резо охотно согласились взять меня с собой в Горную Тушетию. Они спросили, умею ли ездить верхом на лошади. Я ответил утвердительно. Затем сообщил им, что уже ездил верхом на лошади в Горную Тушетию через Алазнистави.

— Мы поедем по другому маршруту через Пшавский перевал — сказал один из них. Там высокая гора, подъем крутой, трудный, но зато проложена дорога, которая выглядит узкой тропинкой по краю пропасти: справа (когда едешь туда) пропасть, на дне которой протекает речушка. А слева отвесная высокая гора с круглыми поворотами. Он сделал небольшую паузу, улыбнулся и продолжал:

— Сообщаю эти дорожные трудности не для того, чтобы напугать вас, а чтобы вы знали, по какой дороге мы будем подниматься. Я тоже улыбнулся и сказал:

— Знаю, что предстоит не прогулка по тбилисскому проспекту имени Руставели.

Это рассмешило их обоих.

Через два — три дня около восьми часов утра мы выехали из Земо-Алвани (по моим дневниковым записям 9 августа 1948 г.). Всего было, как помнится, десять лошадей. Из них три оседланы. На одной из них сидел я в тушинской тюбетейке, а на остальных двух — два чабана Арон и Резо. На спинах других лошадей лежали переметные сумы с продуктами и солью. Мне было предложено ехать впереди. Лошади пойдут за мной. А два чабана поедут позади и будут следить за навьюченными лошадьми.

Утро было ясное, солнечное, теплое. Мы проехали через Квемо-Алвани и приблизились к селу, которое расположено у подножья Пшавского перевала (Абанастави?). По дороге шли два человека — один из них был нерусский, а другой — русский. Когда я проезжал мимо них нерусский, с кавказским акцентом неслестно отозвался по-русски о тушинах. Обращаясь к этому нерусскому, я сказал:

— Вы не правы. Тушины — честные, добрые, трудолюбивые люди. Нерусский остановился, повернулся ко мне и крикнул:

— Ва! Ты тоже знаешь русский язык.

— Это вызвало гомерический смех моих двух чабанов, ехавших за лошадьми. Нерусского подвела моя тушинская тюбетейка. Он принял меня за тушина.

Мы стали подниматься по Пшавскому перевалу, по берегу реки. У подножья горы подъем не был высоким. Попадались красивые лужайки. В тринадцатом часу мы остановились на одной из таких лужаек, где пообедали и дали лошадям отдохнуть, сами отдохнули.

Примерно через час мы тронулись в путь. Чем выше, тем труднее становилось подниматься, особенно лошадям. Временами делая передышки, приходилось давать возможность лошадям передохнуть. Да и сами мы нуждались в передышке. Следуя примеру двух чабанов, я тоже то ехал верхом, то шел пешком. Когда сидел на лошади, я не пользовался стремями для осторожности. Уже вечерело. Солнце освещало только вершины гор. Я сидел на лошади усталый. Впереди на повороте вдруг слева показался черный выступ горы, похожий на черную стену. Лошадь, которая шла по узкой тропинке между отвесной горой и пропастью, перепугавшись отбросилась назад. Ее правая задняя нога, оторвавшись от земли, повисла над пропастью. Я

мгновенно спрыгнул с лошади на землю и схватил ее за седло, стараясь помочь ей. В этот момент подбежали два чабана, они схватили маленькую лошадь за заднюю часть тела и помогли ей поставить на землю заднюю правую ногу. Она пошла быстро вперед. В ту же секунду я взглянул на лошадей, которые шли за мной. Они поразили меня больше всего. Лошади остановились, тревожно, страдальчески глядели на нас. Когда моя лошадь пошла вперед, как мне показалось, успокоившись пошла за ней, вместе с нами радуясь тому, что все кончилось благополучно. Лет через десять в Тбилиси я встретился с Арсеном. Он сказал:

Память об этих тревожных секундах так сильно запечатлелась в моем сердце, что и через несколько лет вдруг неожиданно вспоминая о них, я вздрагивал, прежде всего, из-за вас — Вы ведь тогда отправились в этот трудный путь, поверив нам и надеясь на нас.

Мы немного отъехали от этого места и остановились, чтобы самим отдохнуть и дать отдохнуть лошадям. Ко мне подошли Арсен и Резо.

— Вы нас ошеломили тем, что в эти страшные секунды вместо того, чтобы бежать подальше, стали решительно помогать лошади, словно часто вам приходилось заниматься подобным делом.

— Откровенно говоря, перепутался я довольно сильно — сказал я. Но мне деваться было некуда. Слева — отвесная скала, справа — пропасть, позади — лошади, впереди моя лошадь, старавшаяся вытащить заднюю ногу, загораживала путь. Надо было либо стоять дрожа от страха, либо помогать лошади. На размышление не было времени. Если бы вы так быстро не подбежали и не помогли, лошадь и я были бы на дне пропасти. Трудно было бы собрать наши кости.

Они оба засмеялись.

Обстановку вы обрисовали точно. Но нашу роль преувеличиваете. — обратился ко мне Арсен, протягивая руку, чтобы поздравить с благополучным выходом из трагического положения.

— А раньше, что-нибудь случалось с Вами, когда вы ездили верхом? — спросил меня Резо. — Как же. И не один раз. Конечно, не так страшно и опасно. В детстве я любил ездить верхом на лошади. У нас был конь для верховой езды с кличкой «Мишка». Однажды вечером после сильного дождя водил лошадей на водопой на реку Марта. Сидел на нашем красивом коне «Мишка» и любовался им. На обратном пути решил немного поскакать на нем. На перекрестке дорог напротив дома муллы Магомеда, который учил меня арабскому языку, в момент поворота я слетел с лошади. К моему счастью после дождя на улице была грязь «по колено». В это время несколько человек,

стоявших на майдане перед домом Магомеда, бросились ко мне на помощь. Но я был невредим и бросился к коню, который остановился и ждал меня. Весь в грязи я сел на коня и умчался.

Нас мальчишек посылали пасти лошадей. В таких случаях иногда мы устраивали «скачки». В один из таких дней во время падения с коня я испытал жуткие боли от вывиха в области локтя правой руки. Деревенский врач — самоучка, ставя кость на свое место, допустил неточность. В результате, как видите (я показал им локоть правой руки), на локте небольшой выступ кости. Я хорошо ездил верхом, был худеньким, небольшого роста. Поэтому иной знающий меня владелец лошади из села, участвующий в деревенских скачках, сажал меня на свою лошадь. Так я принимал участие и в скачках. После скачек две-три недели не мог нормально ходить. На спину лошади клали кусок тонкой материи, чтобы до минимума сократить груз на лошади. В результате ссадины, болячки в соответствующей части тела наездника. Арсен и Резо внимательно выслушали меня и убедились в том, что я не в первый раз сел на лошадь. Они посмеялись над некоторыми фактами, связанными с моим увлечением в детстве верховой ездой и его последствиями и с сожалением говорили о моих неудачах. Так несколько отвлеклись мы от недавнего печального эпизода, чуть ли не ставшего трагическим для нас.

Арсен заметил где-то очень далеко на вершине гор небольшой туман. Над нами небо было ярко голубым, чистым. Лучи солнца игриво сверкали на склонах гор.

— Здесь часто вечером и ночью бывают сильные туманы. Нам надо попытаться до темноты подняться на вершину горы — предупредил нас Арсен. Глядя на меня, он улыбнулся и продолжал,

— Но черной горы больше не будет. Повыше дорога несколько просторнее. Собираются расширить эту дорогу, чтобы можно было ездить на машинах.

Как и положено было, моя лошадь пошла за мной, впереди всех остальных лошадей. Хотя дорога стала просторнее, удобнее, но подниматься становилось труднее, тяжелее. Кажется, мы вышли на четвертый километр по линии подъема на вершину горы. Начался довольно крутой подъем. Затем, как мне показалось, появилась поляна, что-то вроде лужайки. Кончалась лесная зона. Начинались альпийские луга. Лошади на ходу на обочинах щипали траву.

Мы остановились. До макушки горы становилось все ближе и ближе. Я отпустил лошадь и, стоя на обочине дороги, посмотрел вниз, в сторону Кахетии. Как на ладони перед нами лежала вся

Кахетия. Арсен и Резо не первый раз видели эту чудесную панораму. Я, как новичок в этих местах, был очарован не только живым обозрением Кахетии с вершин гор, но и тем, что меня окружало в эту минуту: начало зоны альпийских лугов между двумя вершинами зеленых гор, находившихся ниже нас, открылась панорама Кахетии, залитой лучами заходящего солнца, на крутых склонах горы, на вершину которой мы должны были подняться, росла сочная ярко зеленая трава, рядом же на этом зеленом массиве паслись уставшие и проголодавшиеся лошади, слева от нас примерно метров 200 ниже кончалась зона хвойных лесов. До высшей точки перевала, казалось, оставалось считанные метры. Небо над нами было чистым. Кругом стояла величественная тишина, нарушаемая пасущимися лошадьми. Но мои товарищи сказали, что до макушки горы еще остается около километра. Огорченный этим я стал обозревать окружающие нас горы. И вдруг заметил, что из-за одной горной вершины, как серо-черное чудовище, начинал выползать туман.

— Смотрите, не туман ли надвигается на нас, сказал я, обращаясь к Арсену и Резо.

— Да, это туман. Он будет скоро здесь. Нам надо срочно снять груз с лошадей, найти здесь наиболее подходящее место для ночевки, — сказал Арсен. — Здесь туманы бывают сильные. Нельзя при таком тумане подниматься.

Для меня все это было так неожиданно. Солнце скрылось за горизонтом, за горами. Быстро стало темнеть. Арсен выбрал место, где мы будем ночевать. Он кинжалом покосил траву, которую мы должны положить под себя. Затем он сказал, что мы сначала приведем сюда лошадей, снимем с них седла и отпустим их. А потом приведем остальных лошадей и снимем с их спин груз. Всех лошадей отпустили свободно пастись недалеко от нас.

Едва мы успели обосноваться на месте ночлега, как «щупальца» тумана достигли нас. Мы сидели в густом тумане, на бурках, которые захватили с собой Арсен и Резо на всякий случай, и ужинали: вареная баранина, тушинский сыр, зелень фруктов, чеснок, тушинский лаваш (хлеб), тушинское сухое вино и чача (грузинская водка). Мы хорошо поужинали и рано усталые легли спать, завернувшись каждый в отдельности в бурку. Впервые тогда я почувствовал, испытал все достоинства горской бурки. Она служила нам и матрацем, и одеялом, и подушкой. Я сразу крепко заснул. Около шести часов утра я проснулся и услышал разговор Арсена и Резо. Они собирались идти за лошадьми, которые довольно далеко ушли от нас. Когда они ушли, я раздвинул перед глазами бурку: уже рассвело, но солнце, от нас скрывается за горами, туман стал постепенно рассеиваться,

распасться на «клочки». Я снова соединил края бурки, почувствовав холодный утренний воздух, и решил полежать, пока чабаны придут.

В это время я услышал шаги приближающегося человека. Наверное Арсен или Резо возвращается за чем-то — подумал я. Вдруг легкий удар ногой по спине заставил меня отвести бурку и открыть голову. Я увидел высокого мужчину с черной бородой, в палаше. Он держал в руках ружье, дулом направленное на меня.

— Кто ты? — спросил он меня по-грузински.

Я по-русски ответил, что из Москвы, объяснил в двух-трех словах чем занимаюсь и зачем приехал сюда.

— Значит гость, доброе утро! — это приветствие сопровождалось улыбкой на его суровом лице. После этих слов я почувствовал себя лучше. Он несколько отвел дуло ружья от меня и отодвинулся. В этот момент я встал. Он спросил, есть ли оружие у меня с собой. Я ответил, что нет у меня оружия. Объяснил ему, что еду с двумя чабанами, которые везут продукты семьям пастухов и соль овцам.

— Холодно, давайте выпьем вина? — сказал я незнакомцу, указывая на маленький бочонок вина.

— Можно — улыбаясь ответил он.

Налив вино в два стакана, один из них я передал ему.

Наступила пауза. Я не знал, что сказать, что мне делать дальше.

Он понял это и обратился ко мне:

— Прошу извинения. Я должен был первым тостом вас приветствовать, но обстоятельства такие, что я должен просить вас выпить сначала.

Он намекал на то, что ему надо быть осторожным.

Могут отравить его.

— За ваше здоровье! — произнес я, исполняя его желание.

Он последовал моему примеру:

— За ваше здоровье. За успешное завершение вашей научной работы в Грузии.

Я был удивлен хорошим знанием этим человеком русского языка. Он произносил почти все фразы правильно, но, конечно, с характерным грузинским акцентом. Я взял кусок лаваша, разделил его на две части. Сначала сам стал есть лаваш с сыром. Потом протянул ему своеобразный бутерброд с сыром. Он также начал есть этот «бутерброд». Все время он держал ружье под левым плечом, прижимая его к телу, а левую руку держал на затворе. Осторожность была исключительная.

В это время мы слышали голоса чабанов, возвращавшихся. Туман еще не совсем рассеялся.

— Спасибо за угощение. Я пойду. До свидания, сказал он на прощание.

Он взял ружье под правое плечо и, держа правую руку на затворе, пошел, повернувшись лицом в мою сторону. Альпийский луг доходил ему до груди. Но он осторожно двигался назад по склону горы. Я стоял, не решаясь ни согнуться, ни сесть, чтобы он не подумал, что я беру мнимое спрятанное оружие. В то же время я тревожно ждал смертельного для меня выстрела со стороны незнакомого человека. «Скорее бы дошел он до леса», — думал про себя. «Незванный гость» скрылся в лесу, но я еще не успокоился. «А вдруг начнет стрелять из леса», — подумал я. Но на опушке леса все было спокойно.

Подожли мои друзья. Мы быстро оседлали лошадей, переметные сумы положили обратно на спины лошадей.

— Теперь мы можем продолжить наш путь. Скоро будем на перевале. А там начнется спуск в глубокую горную долину.

Позавтракаем где-нибудь внизу на берегу реки, — обратился к нам Арсен.

Когда мы поднялись на макушку горы (ее высота около 3,5 км), мы дали возможность лошадям отдохнуть и сами отдохнули. На этот раз обширная кахетинская котловина ярко освещенная восходящим солнцем, лежала под большим белоснежным покрывалом из белых облаков. Местами на горных вершинах лежал туман несколько ниже от того места, где мы находились. Солнце поднялось над горами, его лучи заиграли на макушке «нашей» горы, где мы стояли. Мы немного погрелись на солнце и начали спускаться. Дорога была проложена по живописному ущелью, на дне которого протекала речка. Мы остановились на лужайке недалеко от берега этой реки. За завтраком я рассказал Арсену и Резо о встрече наверху с незнакомым человеком.

— Это бывший начальник районного отделения милиции — сообщил Резо. В 1937 году во время арестов (в то время опасно было говорить о Сталинских репрессиях 1937 года) он убежал в лес. С тех пор скрывается в лесу.

Мой рассказ о встрече с незнакомым человеком Арсен и Резо почему-то приняли близко к сердцу. Для меня это осталось тайной.

— Простите, пожалуйста, за мой вопрос, неужели только научные интересы заставляют вас переносить такие трудности и riskовать жизнью? — поинтересовался Резо.

В то время неуместным риском явился бы откровенный разговор на эту тему. Поэтому мой ответ был туманным:

Научные исследования могут представлять интерес для современной жизни людей, проживающих в том или ином

государстве, районе, для истории народа, для будущего общества, для выяснения взаимоотношения народов, людей, живущих в конкретном регионе, например, в Кахетии, в Горной Тушетии, Перекительском пограничном районе — почти на границе с бывшей Чечней.

— Не знаю, за что неожиданно весь чеченский народ выселили. У меня там друзья. Мы ездили к ним в гости. Они приезжали к нам погостить — рассказывал Арсен. Один мой перекительский знакомый говорил мне о трагическом случае, продолжал Арсен. — Не зная о выселении чеченцев, он поехал в одно из пограничных чеченских сел в гости к своим кунакам (друзьям). В селе никого не было. По некоторым дворам ходили и были одичалые собаки. Кос-где на улицах разлагались застреленные собаки, кошки. Он подъехал к дому своих знакомых. Зашел в дом. В одной комнате на полу разлагался труп застреленного глубокого старика — дедушки его друга. Мой знакомый рассказывал: я знал этого болезненного, очень доброго старца. Поэтому не мог оставить его тело в таком ужасном состоянии, но в комнате стоял такой смрад, что невозможно было войти в комнату. Я зашел в другую комнату. Там на столе лежали заброшенные старые вещи. Рот и нос закрыл старым большим женским головным платком. В этой же комнате нашел две заброшенные скатерти, рваное пальто и валявшийся за шкафом кусок бязи. В эти лохмотья завернул труп, чтобы не чувствовать смрада и вынес его из комнаты. Во дворе выкопал могилу и положил туда труп, накрыв его сверху бязью, почти по обычаям. Закрыл могилу. Это была ужасная работа, но я должен был выполнить как человек, — так закончил свой рассказ об этой трагедии мой знакомый.

— Чабаны, побывавшие в некоторых горных районах Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, после выселения чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев, рассказывали, что в горных населенных пунктах разрушены и сожжены многие дома и хозяйственные постройки. Особенно много таких разрушений в Чечне и Ингушетии, — со страданием к униженным оскорбленным, разоренным и изгнанным с родной земли говорил Арсен.

Тяжело было все это слышать и ограничиваться жалостью и состраданием к репрессированным и убитым. Но мое положение заставляло меня выражать чабанам лишь в глубине души, от всего сердца идущую благодарность за посильную помощь и сочувствие, внешне, словами не подчеркивая этого.

Солнце уже поднялось над горами. Вся долина, где мы находились, была залита его ярким сиянием. Нас окружала

радующая сердце природа. Пели птицы, до нас доходило тихое журчание маленькой реки. Мы отдохнули. Нужно было добраться до вечера до горного села Дартло. Здесь я ночевал в доме Петра Давидовича Цакидзе — отца Резо (бригадира колхоза). Ему около 80 лет, а его жена примерно 75—78. Несмотря на свои старческие болячки, они оказали нам кавказское гостеприимство. Ознакомился с сохранившимися крепостями. Вечером меня пригласили на встречу с дартловцами у костра. Угощали пивом горным. Играли на гармонии. Молодежь танцевала. Танцы и мелодии похожи на чеченские и дагестанские. Удивились, когда узнали, что я понимаю цова-тушинскую речь.

В село Парсма приехал 11 августа 1948 г. около 16 ч. Сразу меня пригласили к начальнику поста НКВД. Это было совершенно неожиданно. Паспорта у меня не было. Я оставил его в Земо-Алвани, памятуя слова академика А.С.Чикобава — не брать с собой паспорт в горы. Этот совет не раз помог мне в горах Грузии. Как мне объяснили, пост был создан после выселения чеченцев. Село Парсма расположено очень близко к границе Грузии с Чечней. В помещении, куда меня привели, было три человека — майор, капитан (Шота — запомнил его имя) и, видимо, рядовой. Я извинился за то, что не успел привести себя в порядок после дороги, поскольку меня сразу вызвали сюда. Начальник поста, высокий, худощавый майор 40—45 лет с черными усами сразу понял, на что я намекаю.

Предъявив свое командировочное удостоверение и письмо академика В.Т.Тонуриа (директора Института языкознания АН Груз. ССР), я объяснил начальнику, что с 1945 г. приезжаю в Кахетию, как это видно из письма академика, исследуя язык, культуру, быт, историю цова-тушин. В будущем году должен представить монографию о бацбийском языке. Все это произвело впечатление на начальника, суровым взглядом испытующе смотревшего на меня. По мере чтения документов изменялось выражение его лица. После ознакомления с моими двумя документами майор заговорил по-другому, почти как с гостем.

— Извините, что мы поторопились побеспокоить вас, — сказал он, улыбаясь. Такая у нас служба. Выселили чеченский народ, а остались бандиты. Наши недруги называют их народными мстителями. И вот приходится все время быть начеку.

— Много осталось таких, которые вас беспокоили? — Спросил я.

— В течение первого года, после выселения чеченского народа их было больше, — продолжал он, — но тогда они нас не беспокоили. там оставалось много овец, крупного рогатого скота, домашних птиц, муки и другого добра, оставленных населением.

Оставшиеся преимущественно мужчины были обеспечены питанием, одеждой в таких условиях. К тому же они были заняты борьбой против карательных отрядов, действовавших со стороны Грозненской области, созданной на базе бывшей Чечено-Ингушской АССР Северной Осетии и Дагестана. В последующие годы многие погибли в схватках с карательными отрядами. Некоторые уехали разными путями в Среднюю Азию к своим. Те, которые остались, стали беспокоить и нас. Но сейчас их немного там.

Затем майор пригласил меня в следующую комнату, где хозяйничали капитан и рядовой. Маленький стол был накрыт по-горски: вареная баранина, жареная курятина, сыр, брынза, фрукты, травы, вино, чача (грузинская водка).

— Прошу быть гостем — обратился ко мне майор, указывая на место за столом, где мне было положено сидеть как гостю.

Мы покушали хорошо, обмениваясь тостами. Поскольку эта встреча была организована экспромтом, мне неудобно было долго задерживаться. К тому же я устал после трудной дороги. Поблагодарив хозяев за внимание и гостеприимство, я встал, чтобы вернуться в квартиру, где я остановился.

— Я провожу вас, — сказал капитан Шота. Внимательный Шота производил хорошее впечатление. Высокий, стройный, с мягкой улыбкой и уважительным тоном в обращении к собеседнику, он казался человеком из совершенно другой среды. Ему было около 30 лет. Почти мой ровесник.

— Завтра здесь местный праздник. Если хотите, вместе сходим туда, — сказал Шота, обращаясь ко мне.

Я охотно согласился. Мы условились встретиться перед началом праздника у меня.

На рубежах Горной чечни.

В течение следующего дня я ознакомился с крепостями. Побывал в селе Чонтио, находящемся в глубине ущелья. Точнее говоря, это не село, а сохранившиеся в разном состоянии крепости. Одна крепость сохранилась. Все крепости, построенные здесь, напоминают крепости Горной Тушетии. Это каменные строения высотой примерно четырех-пяти этажного дома. Во время нападения противников все население села скрывалось в крепости. Их называют еще боевыми башнями. Некоторые из них были соединены подземными ходами. Делали подземные ходы к реке. При длительной осаде крепости находящихся в ней людей снабжали водой, используя подземные ходы. Все это свидетельствует о тяжелом и суровом образе жизни горцев, живших там в прошлом. По данным А.Ф.Цискаришвили, Цова-тушины высели-

лись из Горной Тушетии в местность Тбатани примерно в 30-х годах XIX века, когда в Тушетии свирепствовала чума.

Среди развалин цова-тушинского села сохранился маленький каменный сарай с плоской крышей. На одной стене этого сарая было отверстие шириной примерно полтора метра, высотой около метра и почти метра от земли. На нижней части этого отверстия лежала доска. Цова-тушины, которые были со мной, когда я осматривал развалины села Царо (босвые башни и т.д.), рассказывали мне словами их предков о трагедии малочисленного народа, в дни эпидемии чумы. Каждый заболевший чумой в тяжелом состоянии приходил к сараю, осторожно отталкивал вниз мертвого, лежавшего на доске и ложился на его место, чтобы умереть там, как поступали, видимо, чтобы не заражать других. Следующий заболевший поступал таким же образом. Потом их хоронили жители села.

Подобного сарая мы не обнаружили в развалинах села Чонтио в Перекительских горах. Со мной вместе в Чонтио ходили три молодых жителя села Парсма. На обратном пути на склоне горы лежала огромная каменная глыба, на которую мы втроем поднялись и сфотографировались. Одного из моих попутчиков, кажется, также звали Рэзо.

До начала праздника перед домом жителя села Парсмы собрались старики, молодежь. Старейший из них обратился ко мне:

— Расскажите нам о жизни в Москве.

Пришлось рассказать им кратко только о положительном в Москве, как тогда было принято. В конце своей беседы попросил аксакалов разрешить сфотографировать всех присутствующих. Они охотно согласились. Прибежали дети. Я сфотографировал их всех вместе 12 августа 1948 г. (по моим записям см. фото на стр.). После фотографирования молодежь ушла готовить праздник, а дети разбежались. Остались старики и несколько человек из молодых. Воспользовавшись ситуацией, я спросил:

— Недалеко отсюда жили чеченцы. Вы общались с ними. В Парсме были ли жители, знавшие чеченский язык, а среди чеченцев встречались ли владевшие грузинским языком?

— Как же, мы часто ходили к ним в гости, а они приходили к нам. Среди них было много хороших людей. Не знаем, за что всех выселили, ответил один из стариков.

Один из молодых, извинившись, сказал:

— Когда выселяли чеченцев, мне шел шестнадцатый год. Такие же молодые чеченские ребята, как мы, ходили в школу, помогали родителям. Мы дружили с ними. Они ничего плохого не делали.

Отцы двух из них погибли на фронте.

Кто-нибудь из вас знает чеченский язык, спросил я, опасаясь доносчика, чтобы направить разговор в сторону моих профессиональных интересов. Один из стариков произнес по-чеченски, улыбаясь:

— Джам-джам, т.е. немного знаю).

В этот момент я заметил капитана Шота, который шел к нам. Один из молодых обратился ко мне доверительно:

— При нем ничего хорошего не говорите о чеченцах.

— Капитан, вообще говоря, хороший человек. Но кто знает что у него на душе, — заметил старейший из стариков.

Поблагодарив их за беседу, я подчеркнул, что учту их предупреждение.

Капитан Шота любезно поздоровался со всеми и, обращаясь ко мне, напомнил:

— Праздник начинается. Мы с вами собирались побывать там.

Участники праздника собрались на лоне природы. Жаркий день уже угасал, но солнце еще не скрылось за горами. Оно ярко освещало зеленые склоны гор, где находятся сочные альпийские пастбища, на которых пасутся отары овец. Празднично одетые девушки, весело разговаривающие между собой, стоят с одной стороны. В противоположной стороне молодые ребята в национальных костюмах о чем-то спорят, смеясь и бросая беглые взгляды в сторону девушек. Почтенные сидят, обсуждая какие-то важные вопросы. Мы с капитаном подошли к ним и почтительно приветствовали их. Нас посадили среди них как гостей. Появились клоуны, привлечшие общее внимание. И вдруг, словно по команде, заиграл гармонист, призывая молодежь к танцам. Барабанщик начал барабанить в такт музыке. Молодые парни в такт быстрому танцу стали бить в ладоши. Молодой человек и девушка вышли в середину круга и стали танцевать увлеченно, то плавно идя навстречу друг другу, то стремительно неслись в вихре танца. Танцы, мелодии танцевальной музыки перекитальцев были очень похожи на танцы и музыку Дагестана и Чечни. Я не хотел говорить об этом, не зная, как те, среди которых я находился, будут реагировать на это.

Сидевший рядом со мной капитан Шота, обратился ко мне.

— Танцы, и танцевальная музыка жителей этого района похожи на танцы и музыку Дагестана и Чечни. Грузины, живущие в этих местах веками жили по соседству с дагестанцами и чеченцами. У них много общего в культуре, быте. Иногда даже трудно бывает отличить их друг от друга. Это значит существовали брачные, родственные связи. Трудно было не согласиться с ним. Его суждение мне показалось более

убедительным, чем предположение об огрузившихся чеченцах.

Мы с капитаном ушли до окончания веселья. Я выразил свою благодарность Шотэ за приглашение на праздник, где пополнились мои сведения о перекителцах и их жизни. За время пребывания в перекителских горах я убедился в том, что в Чечено-Ингуштии нет сколько-нибудь значительной части чеченцев и ингушей, скрывающихся в горах. Ознакомился с жизнью и бытом перекителцев — прекрасных, гостеприимных людей. Собрал полезный для моего исследования материал.

Вынужденное знакомство с членами поста НКВД в перекителских горах оказалось также бесполезным для меня. Майор представлял официальную точку зрения, допуская резкие высказывания о представителях репрессированного народа. Напротив, местное население только положительно говорило об этом народе, с которым оно жило в согласии и дружбе.

Особенно сильное впечатление произвел на меня рассказ чабана о своей поездке в Чечню сразу после поголовного выселения народа. Он привел убедительные факты о жестокости, тех, которые выселяли все чеченцев. Поездка была очень трудная, но весьма полезная.

Неожиданная встреча в Алазнистави.

На следующий день мы должны были выехать из Парсмы. Нам предстояло вернуться в Кахетию через Горную Тушетию, Алазнистави и Тбатани. Эти чудесные уголки горной природы, утопающие в зелени и альпийских пастбищах, возвышались над Кахетией. Я бывал в этих местах впервые в 1947 году. Поэтому трудно представлял себе обратный путь. Из Парсмы выезжали дети, женщины, приехавшие сюда на летнее время, сопровождаемые опытными мужчинами, хорошо знавшими обратный путь в Земо-Алвани и Квемо-Алвани. Наш «табор» отправился в путь длинной цепью. Село Парсма находится на высоте 2400 метров (над уровнем моря). В сторону Кахетии есть еще более высокие перевалы и горные вершины: кодорская горная вершина (3356 м.), Борболо (круглая гора — 3294 м), из недр которого вытекают реки Алазань, Риони, Сулак, с Горной Тушетией связаны гора Буланчи Цвери (3255,9 м), Банский перевал (3297,0 м), Сакорнский перевал (2790 м). Высокие горные вершины остаются в стороне. Наш путь лежит через перевалы.

На горных лошадях сидели и женщины по-тушински. А маленькие дети находились в переметных сумках. Двое мужчин на двух лошадях ехали позади «колонны», в середине — женщины, дети на лошадях, впереди — двое мужчин на двух лошадях и я с

ними на смирной лошади, предусмотрительно предназначенной заботливыми хозяевами для меня, как гостя и новичка в этих местах. Наш руководитель шутливо назвал нашу группу «цыганским табором». И действительно, группа в чем-то напоминала цыганский табор. Женщины везли постельные принадлежности, кастрюли в мешках, продукты питания для сущих на двое суток. Дорога была довольно трудная, подъемы, спуски, снова и снова подъемы и спуски. Наконец, к вечеру мы стали спускаться в долину Алазнистави, где мы должны были переночевать. Двое маленьких ребят, сидевшие в переметных сумках, перекинутых через спину лошади, заплакали. Двое чагминцев, ехавших со мной впереди группы, остановились, чтобы выяснить, почему заплакали малыши. А я впереди группы продолжал спускаться в долину, где паслись тушинские отары овец, вокруг которых в вечерних сумерках ходили кавказские овчарки-большие собаки-волкодавы. Увидев нас, три из этих собак с лаем бросились нам навстречу. Поскольку я ехал впереди, несколько оторвавшись от «колонны», собаки бросились к моей лошади. Признаюсь, эти крупные собаки с ожесточением и мощным лаем мчавшиеся на нас, напугали меня особенно в тот момент, когда я увидел двух чабанов, которые с огромными палками побежали за собаками, сильным криком отгоняя их. Раз чабаны побежали за собаками, стараясь остановить их, значит опасно — подумал я. Когда собаки приблизились, лошадь вела себя довольно спокойно. К тому же собаки пытались наброситься на меня, сидевшего на лошади. Прибежавшим чабанам удалось отогнать овчарок. Чабаны оказались моими знакомыми, у которых я жил в 1947 г., когда приезжал сюда. Мы встретились как друзья. Я очень рад был этой встрече. В ответ на мою попытку сойти с лошади они посоветовали мне ехать верхом до их стоянки, чтобы еще не привыкшие ко мне собаки, не беспокоили нас. Впереди я увидел небольшой шалаш на земле. Около него стоял высокий представительный мужчина. Видимо, услышав русскую речь, он пошел навстречу нам. Один из чабанов сказал мне на бацбийском языке, что этот человек руководитель военной охраны. Ближе подойдя ко мне, мужчина, улыбаясь, заговорил:

— Приветствую гостя. Вы, видно, из России?

— Я из Москвы. Приехал в Грузию в научную командировку.

Затем я коротко рассказал ему о цели своей командировки, почувствовав, с какой целью он подошел ко мне, проявляя при этом грузинскую вежливость.

— А я вас сначала принял за Иби,— смеясь, продолжал он в деликатном тоне,— который лет десять скрывается. Он пожилой

человек. Вы же, я вижу, молодой человек. Будете моим гостем. Мы с моим другом убили серну. Она варится в котле и жарится на углях. Вон видите наш костер,— он указал на костер, горевший за шалашом.

Чабаны с мягко выраженным удивлением и еле заметной улыбкой посмотрели на меня. Сначала я про себя воспринял это приглашение в гости как выход на сторожевой пост для проверки документов. Потом быстро сориентировался в обстановке и, улыбаясь, ответил:

— Благодарю, с удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством, если мои друзья, у которых я жил здесь в прошлом году, не будут возражать. Еще ни разу не ел мяса только что убитой серны.

— Спасибо, — сказал мой новый знакомый, который был несколько удивлен моему сообщению, что я в прошлом году уже побывал в Алазнистане.— Я думаю, что ваши и мои друзья чабаны не будут возражать.

Чабаны, очевидно, поняли, что приглашение моего нового знакомого было связано с его служебными обязанностями, и не стали возражать. Один из чабанов, помогавший мне выгнать из переметных сумок мой скромный багаж, тихо сообщил, что мой новый знакомый — майор.

Чабаны вместе с подъехавшими членами нашей группы ушли на свою стоянку. Воспользовавшись этим моментом, я, предъявляя свои документы, обратился к моему новому знакомому.

— Гостеприимный хозяин должен иметь необходимые сведения о своем госте.

— Рад буду ближе познакомиться с Вами,— сказал майор, принимая для ознакомления мои документы, командировочное удостоверение, письмо директора Института языкознания АН Грузинской ССР академика В.П.Топурия на имя руководства Ахметского района и письмо заведующего отделом кавказских языков этого Института академика А.С.Чикобава, обращенное к учреждениям, отдельным лицам, в помощи которых я буду нуждаться в Кахетии. После ознакомления с этими документами майор заметил:

— Академики Чикобава и Топурия — крупные ученые, широко известные в Грузии и глубоко почитаемые. У вас хорошие рекомендации больших людей.

— Они известны не только в Грузии, на Кавказе. Их знают языковеды Советского Союза и зарубежных стран как выдающихся ученых, такими словами, поддержал я мнение майора о моих покровителях.

Как я убедился в дальнейшем, майор был любознательным человеком. Он спрашивал меня о народах, языках Кавказа, их культурно-историческом прошлом. Я попытался кратко ответить на его вопросы в той мере, в какой позволяли мои тогдашние познания. Видно было, что после ознакомления с моими документами и беседы со мной, майор изменил в лучшую сторону свое мнение о цели моей командировки, и стал относиться ко мне как к человеку, имеющему отношение к науке.

Пока мы ходили около шалаша, беседуя, уже стемнело. Над вершинами окружавших долину Алазнистави появились звезды. Долина приобрела сказочный вид. В многовековом молчании обозревала долину Алазнистави гора Борбало (круглая гора), из глубины которой вытекают известные на Кавказе реки Алазань, Риони, Сулак... К нам подошел помощник моего гостеприимного хозяина, с которым еще раньше познакомил меня майор, и сообщил, что ужин уже готов. Мы, нагнувшись, вошли в шалаш. На полу на клеенке были расставлены блюда: вареное и жареное мясо серны, сыр, лаваш, травы, прекрасное сухое кахетинское вино.

Поужинав, мы вышли, а помощник майора, убрав посуду, в середине шалаша поставил раскладушку, а около раскладушки на бурке постелил еще для одного человека. Сам помощник майора ушел спать в другое место.

После сытного ужина легко и приятно было подышать свежим воздухом в долине Алазнистави. Ночь была тихая, теплая, безоблачная. На небесах сверкали звезды. А какой был воздух! Чистый, горный, «первозданный»!

— Люблю я горы, горный воздух, — сказал майор, — обращаясь ко мне. — Когда я вернулся из Москвы в Тбилиси, через день уехал в горы к родственникам.

— Да, я служил в Москве. Даже входил в состав личной охраны Сталина на Ялтинской конференции — ответил он.

Наверное, на Ялтинской конференции было очень интересно — сказал я, намекая на то, что хотелось бы услышать от очевидца что-нибудь интересное о Конференции.

— Там было много интересного. Меня, конечно, не допускали к «кухне» политических переговоров. Многих больше всего интересовали внешние проявления взаимоотношений Сталина, Рузвельта и Черчилля, — продолжал майор. — Известно, что Черчилль до фашистов считался врагом номер один Советской власти и Сталина. Он был одним из главных организаторов похода Антанты против Советской России. И в то же время именно Черчилль первым объявил, что Великобритания окажет помощь Советской России, подвергшейся фашистской агрессии.

Поэтому меня также больше всего интересовало, как относятся друг к другу Сталин и Черчилль — бывшие враги. Даже на снимках, публикуемых в газетах, бросались в глаза некоторые факты. Например, между Черчиллем и Сталиным, чаще всего сидел Рузвельт. Не помню ни одного снимка, где между Рузвельтом и Черчиллем сидел бы Сталин.

— Мне тоже не приходилось видеть такой снимок, — присоединился я к мнению майора.

— Сталин с большим уважением относился к Рузвельту. Это бросалось в глаза, — продолжал майор. Однажды после ужина Сталин, обращаясь к Рузвельту, заметил, что президент очень мало ест во время завтрака и ужина. Может быть, у вас есть другие любимые блюда на завтрак и ужин. Мы постараемся обеспечить вас такими блюдами.

Рузвельт поблагодарил за заботу и внимание Сталина, старавшегося быть гостеприимным хозяином. Президент подчеркнул, что он вообще мало ест и в Ялте все прекрасно. Между прочим он назвал рыбу, которую ему подают на завтрак, но она водится только в реке Миссисипи. Вернувшись к себе в номер, Сталин приказал срочно выяснить у специалистов водится ли такая рыба в реках Советского Союза. Из Москвы пришел ответ, что такая рыба встречается в маленькой речке, кажется, в Таджикистане. Немедленно туда направили самолет с заданием к утру доставить оттуда эту рыбу в Ялту. Каково было удивление Рузвельта, когда утром на завтрак ему подали эту рыбу в надисшем приготовлении.

— Вряд ли Рузвельт, если бы он узнал, позволил бы побеспокоить столько людей в разных уголках СССР ради его завтрака, — сказал я.

— Может быть. Вот еще пример, показывающий, как гостеприимный хозяин старался проявить внимание к обоим его гостям, продолжал майор. После успешного завершения Ялтинской конференции Сталин спросил Рузвельта и Черчилля, перед их отъездом, что они пожелали бы взять с собой из Ялты в качестве сувенира. Президент США высоко оценил крымские вина и выразил желание иметь бутылку такого вина. Премьер-министр Великобритании заявил, что он охотно купил бы ящик армянского коньяка. Сталин приказал подготовить ящик отборных крымских вин для Рузвельта и один ...вагон лучшего армянского коньяка для Черчилля — в качестве дара Советского Правительства. Трудно утверждать, что все было так, как рассказал майор. Но я поверил ему, когда он показал снимок группы из числа людей, обслуживавших Ялтинскую конференцию, по разным линиям. Среди них был и майор. Я не пытался

выяснить по какой причине майор оказался в Алазнистави.

Было поздно. Ночную тишину нарушал где-то далеко от нас беспокойный лай кавказских овчарок. Мы подошли к шалашу, чтобы ложиться спать. Как гостеприимный хозяин майор предложил мне спать на кровати. В категорической форме возразил я, мотивируя свое возражение тем, что я значительно моложе майора. Но майор настоял на своем. Его фамилия — неразборчиво написана в моих дневниках. Поэтому не привожу ее.

Мы встали рано утром. Позавтракали. Перед отъездом я сфотографировал майора с его помощником и маленькую девочку (майор из Мингрелии, его помощник — кистин, а девочка — цова-тушинка, у шалаша. К нашей отъезжающей группе присоединилось несколько семей цова-тушин, находившихся в Алазнистави.

— Как мы подем, будем спускаться и подниматься, как мы спускались в ущелья, долины и поднимались на склоны гор — в прошлом году (1947 г) по плохой дороге, когда ехали сюда из Кахетии? — поинтересовался я. Старший в нашей колонне, старался не расстраивать меня, но не стал скрывать трудности пути:

— Будут и спуски, и подъемы по плохой дороге, но не будет черной горы — последние слова он произнес подчеркнуто. Ясно было, что кто-то из чабанов рассказал ему, о несостоявшейся трагедии со мной у «черной горы».

Во второй половине дня, когда мы ехали по безлесной горной вершине, далеко впереди появились тучи, спустя некоторое время загремел гром. Неожиданная гроза, как это бывает в горах. Сильные раскаты ярко сверкавшей молнии. Мы были обеспокоены тем, что вскоре грозовой ливень достигнет и нас. Но небо стало очищаться от грозowych туч, которые быстро уходили от нас в сторону. Показалось солнце, уже направившееся к закату. Дышать стало легче после трудных спусков и подъемов по горным склонам. Мы остановились, чтобы позволить лошадям отдохнуть. Да и сами мы устали. К тому же мы доехали до того места, где недавно шел дождь. Дальше по мокрой земле лошадям будет трудно двигаться вниз.

Впереди мы увидели тушин, возвращавшихся домой. Несколько человек из нашей группы пошли к ним (они собрались отправиться после отдыха в Тбатани, куда направлялись и мы). Когда вернулись наши мужчины, они рассказали нам о несчастье, которое произошло. Оказывается, тушинский мальчик лет 12—13 находился недалеко от дерева, подвергнувшегося удару молнии, которая задела и мальчика. Он упал потеряв сознание. Тушины

быстро выкопали яму и закопали мальчика по шею. Через некоторое время он заговорил; онб раскопали мальчика. На спине лошади устроили ему своеобразную постель. Затем осторожно перевязав его на спине лошади, отправилв в Тбатани. Об этом рассказали нам наши тушины, вернувшиеся к нам. Меня удивило большое неожиданное несчастье, которое произошло с мальчиком. И я, забыв об осторожности, сел на мокрый камень, где просидел, может быть, минут двадцать, до нашего отправления в Тбатани, где раньше жили цова-тушины. В то время (в 40-х годах) они присажали туда летом с семьями, чтобы провести лето в этом прекрасном утолке природы.

15 августа 1948 г. около 18 часов мы прибыли в Тбатани, где я был гостем Тиго (к сожалению, не помню его фамилии). Он хотел, чтобы я спал в его доме. Но ночь была настолько прекрасная, что мне удалось уговорить его (вопреки всем правилам гостеприимства), чтобы он разрешил мне спать на лоне природы. Тиго укрыл меня черной буркой.

Утром 16 августа мы выехали из Тбатани. В Земо-Алвани мы вернулись около 21 часа. Так закончилась моя трудная поездка в перекитальские горы.

Весь сентябрь работал в Земо-Алвани. В начале октября съездил в Дуиси, чтобы узнать, не повлияло ли ужесточение режима для репрессированных в Средней Азии на жизнь кистин, проживающих в Кахетии. В с. Дуиси остановился в доме Керима Картарашвили. В кистинских селах в Панкисии также была усилена слежка за появлением в этих селах чеченцев, прибывших из гор и Средней Азии. Были брошены дополнительные силы против чеченцев, оставшихся в горах, а также вернувшихся в горы после демобилизации из армии. Кистинское население оставалось в своих селах.

В эту поездку в Кахетию, Горную Тушетию и перекитальские села я узнал больше, чем планировал: о том, что происходило с Чечено-Ингушенин до переселения чеченцев и ингушей и после их выселения в пограничных с Грузией районах. Собрал значительный уникальный материал для своего исследования.

Однако моя командировка, мое пребывание в Кахетии были омрачены тревожной (как я ее воспринял) телеграммой из Москвы за подписью заместителя директора Института и секретаря партбюро с требованием срочно вернуться в Москву. «Чем вызвана подпись секретаря партбюро?» — такой вопрос

Это было время (с 1944 по 1954 г.) когда над каждым ни в чем не повинным, но репрессированным висел домоклов Меч.

задавал я самому себе. Горький опыт показывал, что ответ на этот вопрос может быть только один. Срочный вызов в Москву связан с каким-то политическим делом. Я вернулся в Москву. И действительно телеграмма о моем срочном возвращении в Москву была вызвана требованием органов НКВД. И снова была проверка. Убедились, что я никуда не убежал, занимался своим делом.

По неизвестной тропе в Горную Тушетию

Меня давно интересовали проблемы происхождения горских кавказских народов, называемых еще коренными народами Северного Кавказа -- дагестанских (аварского, даргинского, лакского, лезгинского и др.), абхазско-адыгских (абазинского, абхазского, ингушского, чеченского) народов. Науке известно, откуда пришли на Северный Кавказ предки иранских и тюркских народов, живущих ныне в этом регионе. Что же касается исторического прошлого горских кавказских народов, то по этому вопросу существуют различные гипотезы, теоретические концепции.

Конечно, трудно себе представить, что этот райский уголок земли четыре тысячи лет тому назад не был заселен. А между тем суть почти всех гипотез и теорий в конечном итоге сводится к тому, что предки горских кавказских народов появились на Северном Кавказе в первом или во втором тысячелетии до н.э. По одной гипотезе у предков нахских народов существовало свое государство на берегу Средиземного моря, разгромленное Карфагеном еще до его падения под ударами римлян. Авторы исследований об урартском государстве и урартохурритских племенах считают доказанным, что предки горских кавказских народов были родственны урарту-хурритским племенам, прежде всего -- предки нахских народов (чеченцев, ингушей и баббийцев). С этим утверждением перекликается мнение одного армянского священника, писавшего, что название Нахичеван происходит от нахчо (самоназвание чеченцев) и армянского слова ван-страна, т.е. страна чеченцев. Отсюда он делает вывод, что предки чеченцев в своем движении из Ближнего Востока на Северный Кавказ прошли через нынешнюю территорию Нахичеванской республики. Вместе с тем существует мнение (о чем говорил покойный академик А.С.Чикобава автору этих строк), что предки чеченско-ингушского народа когда-то являлись обитателями некоторых районов Западной Грузии и Абхазии. По данным

армянского географа Анани Ширакаци (VII в. н.э.), чеченцы проживали в VII в. н.э. на территории нынешней Чечено-Ингушетии (на его карте Северного Кавказа). Следовательно, в районах Западной Грузии и Абхазии они могли появиться позже в VIII—XII вв. (если вообще они были там).

Перечисление гипотез о происхождении чеченцев и ингушей, их прародине можно продолжать, но проблема остается нерешенной. Для того, чтобы пролить свет на эти проблемы, нужны не только исторические гипотезы, но и попытки исторического анализа данных современных языков. Одним из первых авторов таких попыток был П.К.Услар — личность весьма интересная. Его предки были из Австрии. По словам П.К.Услара, дед его «...служил ротмистром в 70-х годах (18 в.— Ю.Д.) в кавалерийском полку, который расположен был в Киеве. В Киеве около 1777 года женился на девице фон Аппель, моей бабушке... Деда моего звали Карл-Генрих-Людвиг.»

Воспитанный инженер-топограф по образованию, полковник П.К.Услар — начальник штаба Главнокомандующего Кавказской армией в Тифлисе приступил к изучению кавказских языков. Он создал первые монографические исследования по абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому, лезгинскому (жоринскому) и табасаранскому языкам. Его лингвистические исследования были высоко оценены научным миром. П.К.Услара избрали членом-корреспондентом Российской Академии Наук.

Биограф П.К.Услара Загурский писал: «в 1858 г. по ходатайству Главнокомандующего Кавказской армией на П.К.Услара, по высочайшему повелению, возложено было составление истории Кавказа» (см. П.К.Услара. Чеченский язык, Тифлис, 1888. Приложение). Для выполнения этого поручения Услар пытался найти ключ к научному объяснению истории народов Кавказа. По его мнению, наиболее ценным, наиболее надежным источником древней истории народа является язык (курсив наш — Ю.Д.). «Летописи и предания, на недостаток которых так жалуются постоянно, составляют самое сомнительное и скудное пособие для изучения древней истории народа... Но ни язык, ни местность подделывать нельзя. Они — правдивы и неисчерпаемы, таковыми летописями обладают все кавказские народы, как и все народы на земле. Быть может, какому-нибудь неизвестному языку, на котором говорят два—три десятка семей в глубине Дагестана, суждено бросить неожиданный свет на доисторические времена. Для филолога нет языка не занимательного; подобным образом, геологу, окаменелая раковина, отпечаток водоросля повествует о тайнах земледания.

Если тем, что я напишу, мне удастся хотя(бы) несколько

способствовать указанию настоящего пути для будущих исторических исследований на Кавказе, вроде исследований Гриппа, Бопла, Лассена, Потта и других, то уже заслуга моя будет велика» (П.К.Услар, Указ. соч.).

Как молодой научный работник-кавказовед я находился в то время под сильным влиянием этих суждений П.К.Услара, о чем свидетельствует и моя статья, посвященная 80-летию со дня его смерти.

На воображение и повышенный интерес к научным поискам воодушевляюще действовали и высказывания античных и новых авторов о Кавказе. По словам Услара, физическая природа Кавказа в глазах древних народов приобрела фантастическую законченность. Эсхил называл вершины Кавказа, соседками звезд. Фантастические деяния самых выдающихся героев древнегреческой и римской поэзии и мифологии были связаны с Кавказом. На Кавказе боги Олимпа вели борьбу со старыми богами, Титанами. По рассказам древних греков, на Кавказе происходила борьба между Зевсом и Тифеем, огнем небесным и огнем земным.

Отец истории Геродот считал самой замечательной чертой кавказских горцев его времени, то, что они разрисовывают свои одежды изображениями животных. Известно также, что многие религиозные мифы также связаны с Кавказом. Не только в древние времена, но и в наше время на Арарате искали Ноев ковчег. В 60-х годах прошлого века англичане побывали на Кавказе в поисках яслей спасителя.

По данным Страбона, на Кавказе было около трехсот языков.

По словам Услара. Пликий, который писал не более как лет 30 после Страбона, говорил:

«Диаскурия уже опустела, но некогда была так знаменита, что, по словам Тимосерона, в нее приходило с гор до 300 разноязычных народов. Наши (т.е. римляне) вели в ней дела с помощью 130 переводчиков» (там же).

В Примечании к этому тексту Услар указывает: «Вероятно, эти переводчики жили в Диаскурии и для политических, а не торговых целей. Известно, что Нерон собирался покорить кавказских горцев и разослал предварительно лазутчиков по Кавказу для собирания о нем сведений. Диаскурия была окном, сквозь которое римляне смотрели на Кавказ; подобным окном служил для нас Кизляр в первой половине прошлого века.

Лет 900 после Страбона, арабский писатель Массуди, обладавший весьма положительными сведениями о Кавказе, восклицает: «Един Бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабох (Кавказских) Гора Кабох — Гора языков».

Теперь (т.е. В 1868 г. — Ю.Д.) прошло 900 лет после

набожного восклицания Массуди, — продолжал Услар, — и если бы г. Паули, составивший для тысячелетия России этнографию всех народов, живущих в ее пределах, обратился к нам с вопросом: сколько различных языков на Кавказе?, то мы ответили бы: Един Бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабох. Гора Кабох — Гора языков (Там же).

Иоган Фридрих Блуменбах (1752--1840 гг.) в своей классификации человеческих рас утверждал, что существует белая раса, к которой относятся европейцы. Эту расу следует называть кавказской, поскольку наиболее древними и чистыми представителями этой расы являются коренные народы Кавказа; были и такие авторы, которые полагали, что коренные народы Кавказа — это застрявшие в горных ущельях остатки европейских народов во время их движения из Азии в Европу. Как видно, наряду с естественным восхищением величественной природой Кавказа, выдвигались гипотезы, которые были отвергнуты наукой.

Прошлое Кавказа, населяющих его народов вызвали большой интерес у тех, которые способствовали появлению «высочайшего повеления» о создании истории Кавказа. Тем более велик был интерес к прошлому Кавказа, языкам и культурам его народов у молодых исследователей, начавших свою научную деятельность в середине 40-х годов XX в. К их числу относился и автор этих строк. Мои интересы переплетались с прошлым и настоящим народов Кавказа вообще, нахских народов (прежде всего чеченцев, ингушей и баббийцев) — в особенности.

В Горной Тушетии я надеялся увидеть исторические памятники, следы прошлого, современную жизнь живущих там людей.

Прошлое народов Кавказа мною рассматривалось довольно широко. По одной концепции горские кавказские народы когда-то пришли на Северный Кавказ со стороны Ближнего Востока по двум направлениям: во-первых, через урартское государство, территорию нынешних Арминии, Азербайджана, во-вторых, через Грузию. Какие народы шли через Урарту и Грузию? На этот вопрос не было и нет ответа.

Можно считать доказанным, что предки нынешних цова-тушин пришли в Грузию из района города Владикавказа примерно в XV в. Кистины переселились в Кахетию в XIX веке. Вместе с тем по легенде цова-тушин чеченцы были строителями боевых башен в Горной Тушетии. Боевые башни (крепости), построенные в горах Чечено-Ингушетии, Горной Тушетии и Перекителли, однотипны. Наука не располагает точными данными о времени постройки этих крепостей (боевых башен).

Этническая карта Кавказа подверглась сильным изменениям.

Наиболее существенным изменением является исчезновение с карты, например, Северного Кавказа отдельных этносов и частей этносов. В 60-х годах XIX в почти полностью в Турцию переселили убыхский народ — один из абхазско-адыгских народов. По данным отдельных научных работников, убыхи в основном уже ассимилировались там. Словом, убыхский народ как этническая единица уже не существует. В 60-х годах XIX в. в Турцию переселили одно из чеченских племен.

Наиболее значительные изменения на этнической карте Кавказа произошли после поголовного выселения чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Были заменены все названия населенных пунктов, местностей, улиц, напоминающие о жизни этих народов на Кавказе. Вся литература о них, периодические издания на местах были уничтожены. Директор Грозненской городской библиотеки на свой риск и страх спрятал значительную литературу о чеченцах и ингушах и периодические издания на русском, чеченском, ингушском языках и сохранил. Даже с исторической карты Чечено-Ингушетии, изданной в период их выселения как карта Грозненской области, исчезли все названия, напоминающие о жизни чеченского и ингушского народов на Северном Кавказе. Эти мероприятия преследовали одну цель — полное и окончательное удаление с этнической карты Северного Кавказа чеченского и ингушского народов, как и других репрессированных народов. В истории редко наблюдались такие действия, рассчитанные на полную ликвидацию исторического прошлого этих народов на Северном Кавказе.

Все это интересовало меня. Поэтому нужно было сочетать сбор материала по цова-тушинскому языку, материальной и духовной культуре цова-тушин с ознакомлением с прошлым и настоящим Горной Тушетии, а также выяснить уничтожают ли там все, что напоминает о чеченцах, ингушах и их жизни в Чечено-Ингушетии, об их связях с жителями этого региона Кавказа. Разумеется, не рассчитывал на многое, но даже самые незначительные материалы (хотя бы типа «отпечатков водорослей») представляли бы научный, исторический интерес, особенно для тех, которые собирают бесценный материал, касающийся трагической судьбы репрессированных народов.

В июле 1947 г. вместе с группой цова-тушин я выехал из Земо-Алвани в Горную Тушетию через Панкисию, где живут кистины. Когда мы проезжали через кистинские села, я нигде не останавливался, поскольку был предупрежден, что нам надо добраться до Тбатани до темноты. Но на улице села Души ко мне подошел кистин, который узнал меня. Он, оказывается, был на вечеринке, которую устроили мои друзья в доме Керима

Картарашвили в 1945 году, когда я приезжал туда впервые. Он очень просил, чтобы я остановился и хотя бы переночевал у них в качестве гостя. Я объяснил ему, куда и зачем еду. Отвечая на мой вопрос об их жизни, он сообщил:

— Нас никто не беспокоит. Но приехал с фронта один чеченец после демобилизации. Пока мы его скрывали. Не знаем, как с ним быть.

— Его могут сразу арестовать. Мой совет, чтобы он скорее уехал в Россию или в Среднюю Азию. Здесь ему не дадут нормально жить. Потом и ваши могут пострадать из-за него,— сказал я.

— Нам неудобно так говорить ему, он наш гость. Если бы вы сказали ему это, то он правильно понял бы ваш совет — ответил он.

Он говорил так деликатно, не просил меня словами, но смотрел на меня умоляющим взглядом. В ответ на мой вопрос, кистин сказал, что чеченец находится в доме рядом с нами.

— Можно ли пригласить его сюда,— спросил я.

Почувствовав, что я собираюсь говорить с этим чеченцем, кистин явно обрадовался.

— К сожалению, в его положении он днем не выходит на улицу. Можно было зайти к нему,— таково было желание кистина.

Времени было мало. Пришлось предупредить своих цова-тушин, с которыми я ехал в Горную Тушетию, что скоро догоню их.

В сопровождении кистина я вошел в дом. К этому моменту уже успели предупредить чеченца, что я буду говорить с ним. Это был молодой человек, примерно моего возраста. Я поздоровался с ним по-чеченски. Его чеченский язык показывал, что он из горного Ножай-Юртовского района бывшей (тогда) Чечено-Ингушской республики. Младший лейтенант. Имел правительственные награды. Неудобно было спрашивать его, как он приехал в Дуиси. Ясно стало то, что он прибыл в Дуиси не через Тбилиси и Телави. Молодой чеченец высокого роста, с мужественным выражением лица, доверчивым взглядом и с печалью в глазах, перзавший его душу, производил трогательное впечатление.

Извинившись за то, что у меня нет времени побеседовать с ним, я повторил ему то, что сказал кистину:

— Здесь оставаться вам опасно. Вам следует скорее уехать отсюда в Россию или в Среднюю Азию, к своим. Молодой чеченец поблагодарил меня за совет и сказал, что он воспользуется этим советом. Заботливый кистин открыл дверь в соседнюю комнату, где уже был накрыт стол, и очень просил перекусить.

Еще раз извинившись и поблагодарив кистина я простился с чеченцем, а также с кистином и уехал.

Мне удалось догнать своих цова-тушин еще до прихода их в кистинское село Джокало.

Уже стало темнеть, когда мы прибыли в Тбатани. Мой учитель по баббийскому языку Александр Федорович Цискаришвили восторженно рассказывал мне о Тбатани как о прекрасном курортном месте. Весною и летом семьи цова-тушин приезжают сюда на несколько месяцев. Девственные леса, прекрасная родниковая вода, чистый горный воздух — все это бесценное богатство Тбатани.

Рано утром мы покинули Тбатани. В то время я еще не представлял себе трудностей пути от Тбатани до Алазнистави. Довольно долго мы ехали по почти оголенному гребню гор. Затем стали спускаться. Вскоре последовал исключительно трудный подъем по каменистому склону горы. Между каменными глыбами была проложена тропинка, усеянная раздробленными пусками глыб. Лошадям, на спинах которых лежали переметные сумы с тяжелым грузом, особенно трудно было подниматься. Но они шли, не жалуясь на свою судьбу, как это явствует из нашего изложения. Впервые я поднимался по такой тропинке. Конечно, было нелегко. Чабаны видели это и уговаривали меня, чтобы я сел на лошадь. Вычным животным и без меня было трудно подниматься. Поэтому я не воспользовался добрым пожеланием моих чутких попутчиков.

Наконец, мы стали спускаться в долину Алазнистави. Перед нами лежала знаменитая долина с неописуемой красотой природы. На снежных и зеленых вершинах гор играли лучи заходящего солнца. В долине и на ее склонах паслись отары овец. Слева от нас над долиной возвышалась большая гора.

— Это гора Борболо, откуда берет начало наша река Алазань — объяснил мне подошедший чабан.

Кажется, гора почти рядом с нами. Но идти туда довольно далеко. Говорят, в районе Борболо часто появляется чеченский абрек Иби. Он пожилой человек, но никак не могут его поймать.

— Кроме него, есть ли там еще люди, скрывающиеся от властей? — полюбопытствовал я.

— Одни говорят, что с ним целая группа чеченцев, другие утверждают, что Иби один как вояк бродит в лесу, горах. Никому не доверяет. Точно никто не знает. Однажды наши товарищи чабаны поздно ночью сидели и беседовали у костра в Алазнистави. Вдруг подошел пожилой бородатый человек небольшого роста. В руках держал ружье. Он поздоровался. Когда приходит пожилой человек, принято молодым вставать в знак

уважения. Чабаны попытались встать.

— Прошу не вставать. Обстоятельства заставляют меня быть осторожным,— сказал им пожилой человек.

— Он присел — продолжал чабан — и спрашивал, что нового в Кахетии, в Тбилиси. Чабаны хотели угостить его поздним ужином, но не захотел. Чабаны предложили ему взять с собой мясо, хлеб, сыр, вино. Он поблагодарил их и взял сверток с мясом, сыром и хлебом, но вина не стал брать, сказав, что он не пьющий. Уходя, он попросил их не вставать, извиняясь за то, что ему приходится быть очень осторожным. С тех пор больше никто не видел его.

Мы подъехали к стоянке чабанов, где нас встретили с радостью. На следующий день мои попутчики уехали в Горную Тушетию. В течение нескольких дней мне удалось собрать необходимый для моей научной работы материал. Затем я поехал в Горную Тушетию вместе с цова-тушинами, ехавшими туда на местный августовский праздник.

Горная Тушетия производит неизгладимое впечатление. Почти все горные вершины и их склоны представляют собой альпийские пастбища. Внизу речка, протекающая недалеко от развалин (боевых башен) на территории бывших небольших цова-тушинских сел. Индурты, мозарты, Сагирты, и этелты, расположенных в живописной котловине. Расстояние между этими населенными пунктами примерно от 500 м до 1 км. По преданию цова-тушин, эти села были основаны братьями, переселившимися из села Царо, находившегося в 4—5 км от данных поселений. Развалины Царо сохранились до сих пор.

В Цовате я жил около двух недель, описывая археологические памятники, наименования местностей, горных вершин, растений и т.д., а также наблюдая за работой чабанов, когда пасли овец, доили их и затем производили знаменитый тушинский сыр. На снимке, сделанном мною, запечатлен автор этих строк, момент ознакомления с развалинами боевых башен в Индурте.

В Цовской котловине есть небольшая поляна, где происходят праздники. На нашем снимке представлена небольшая часть участников праздника, среди них был и я в очках. На снимке видны остатки боевых башен в селе Мозарта.

Вечером мы с двумя тушинами поехали к чабанам, которые пасли отары овец на склонах гор. Они тепло приняли нас. Чабаны выразили пожелание сфотографироваться. Автор этих строк надел папаху и пальто чабана и сфотографировался с тремя чабанами. Когда мы собрались уехать, старший чабан встал и, показав нам двух своих помощников, которые освежали барана, сказал:

— К нам еще никто не приезжал из Москвы.

Проводите с нами вечер. Мы расскажем вам о Горной Тушетии, о нелегкой доле чабана. У нас не положено так отпускать гостя.

Нам пришлось задержаться. Уже стемнело. Голубое небо казалось очень близким. Мои попутчики вместе с чабанами пошли ускорить приготовление ужина. Я остался один и, стоя, обозревал горные вершины и тихие долины. Кругом стояла тишина. И я вспомнил стихотворение Гете в переводе Лермонтова на русский язык:

Горные вершины спят во тьме ночной

Тихие долины полны мглой

Не пылит дорога, не дрожат листы

Подожди немного отдохнешь и ты.

Меня пригласили к костру, вокруг которого были расставлены самодельные скамейки. В огромном медном котле варилась баранина. Недалеко от костра стоял бочонок с пивом, вино, чача и другие блюда тушинской кухни, в том числе маринованный чеснок. Следуя, местным обычаям, молодые ребята вытаскивали из котла большие куски баранины и в глиняных мисках подавали их каждому из нас. Обстановка была романтическая. Чабаны рассказывали о Горной Тушетии и своей жизни. Мы были в хорошем, повышенном настроении.

— Говорят, во время войны чеченцы и ингуши угоняли у вас целые отары овец в Чечено-Ингушетию. Это правда? — спросил я.

— Такого случая не было не только у нас, но и в других районах на границах с Чечено-Ингушетией, — подчеркнуто ответил на мой вопрос старший чабан. Бывали случаи, когда мелкие воришки угоняли одного-двух баранов.

— Когда стараются обвинить кого-нибудь в чем-нибудь, всегда находят надуманные факты, — присоединился другой чабан к мнению старшего чабана.

Трудно было не говорить этим простым, честным людям слова благодарности.

Прекрасная ночь была на исходе. Уже рассветало. Мы поблагодарили наших гостеприимных хозяев и на рассвете вернулись в маленькую постройку на поляне, где происходил праздник. Всего я провел в эту поездку примерно три недели в Горной Тушетии и Алазистави и вернулся в Земо-Алвани по тому же пути, по которому ехал туда.

Путешествие с гвардейцами — представителями репрессированных народов по Волге

В 1949 году мой трудовой отпуск был запланирован на июль и август. Во время отпуска я собирался путешествовать по Кавказу, сочетая отдых с выполнением задания по плановой теме научно-исследовательской работы. С этой целью нужно было совершить поездку в Шагдагские горы к хиналутцам. Они живут в селе Хиналут Конахкентского района Азербайджанской ССР. Мне было поручено исследовать хиналутский язык. Затем нужно было побывать в селе Земо-Алвани для уточнения некоторых материалов по лексике цова-тушинского языка и флорьктору цова-тушин перед сдачей в печать книги «Бацбийский язык». После пребывания в Грузии я собирался поехать в г. Николаев (Украинская ССР) к Хаджи-Мурату Тулаеву, который работал заместителем начальника Николаевского Областного управления связи.

В двадцатых числах июня вечером ко мне домой пришел молодой чеченец в форме капитана Советской Армии на вид ему было лет тридцать. Высокий, стройный. Это был Дедаев Альви. Извинившись, за то, что так неожиданно пришел ко мне, он рассказал:

— Мои родители, братья и сестры подверглись репрессиям, как и весь наш народ. Они живут в Казахстане. Получил письмо от брата. Он встречался в Казахстане с майором в отставке Саккой Висаитовым, который просил посоветовать мне познакомиться с вами и передать привет вам от него.

Из беседы с Дедаевым Альви я узнал, что его, молодого офицера, демобилизовали из армии в 1948 г. как представителя репрессированного народа, без предъявления каких-либо обвинений (в период нового ужесточения режима для репрессированных народов). Родился в Москве, рос в Москве и он имел переписку с москвичкой Анной. Когда она дала согласие выйти за него замуж, он вернулся в Москву, после демобилизации и женился на ней. Они жили в семье ее родителей.

— Мы с женой собираемся переехать в Среднюю Азию к моим родителям — сказал Альви.

— Чем-то вызвана, видимо, необходимость поездки — спросил я.

— Родители жены относятся ко мне хорошо, уговаривают нас, чтобы мы не поехали туда. Но на меня угнетающе действуют эти постоянные проверки, вызовы в милицию, слежку как за каким-то преступником. Съездим туда, посмотрим, как к нашим там относятся, и вернемся. Сослуживцы убедятся в том, что нас

не задержали, а разрешили вернуться обратно в Москву. Это важно.

В учреждении отдельные лица смотрят на меня косо, как на какую-то подозрительную личность. Понимаю их. Я новый человек в учреждении, присматриваются на всякий случай. Поэтому хочется поехать и рассеять их сомнения.

Вы — другое дело. Давно живете в Москве. Вас хорошо знают. К тому же вы имеете дело постоянно с научными работниками, которые хорошо понимают трагедию народа, отдельных его представителей.

У меня появилось желание сообщить Альви, что в Средней Азии, где живут репрессированные народы, будет значительно хуже: слежка усилится, часто придется ходить в спецкомендатуру, отмечаться, чтобы показать, что живешь там, где тебе предписано и т.д. Но я воздержался, чтобы не огорчить его. Вместо такого сообщения решил рассказать ему о том, какие переживания вынужден переносить, когда бываю в научной командировке на Кавказе.

— Через несколько дней снова выезжаю на Кавказ. Еду один, — с сожалением пришлось констатировать.

— Мы тоже собираемся уезжать с группой товарищей. Сначала мы хотим совершить экскурсию до Астрахани — начал Альви свой краткий, но интересный рассказ. — В 1948 году в период нового ужесточения режима для репрессированных народов из одной армии демобилизовали ряд представителей репрессированных балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского, крымско-татарского, чеченского народов. Мы все были мобилизованы не из своих республик, а из тех городов России, в которых давно жили наши родители. Нас было семеро: старший лейтенант балкарец Алимов Ахия, (из Казани), старший лейтенант ингуш Оздис (из г. Куйбышева), лейтенант калмык Илишхэн Георгий (из г. Астрахани), лейтенант карачаевец Сакхев Амин (из г. Ставрополя), капитан немец Карл Услар (из г. Ульяновска), старший лейтенант крымский татарин Мусинов Дасыр (из г. Казани) и капитан я (из г. Москвы). Мы все вместе приехали в Москву. Чтобы не осложнять себе жизнь, в устном обращении изменили национальность каждого до возвращения к своим народам. Мы решили балкарца называть кабардинцем, ингуша и чеченца — дагестанцами, калмыка — бурятом, карачаевца — ногойцем, немца — австрийцем и крымского татарина — башикиром. Нас отправили в Москву поездом. На Киевском вокзале меня встретила моя невеста Анна. Мы с Анной всех друзей по несчастью пригласили на нашу свадьбу.

После нашей свадьбы все ребята разсхались по своим

городам, где жили их родители. Каждого из них ждала невеста. Теперь они все женаты. Мы постоянно переписывались. Всех оскорбляли и мучили одни и те же «болезни» — слезка за ними, вызовы, подозрительное отношение к нам, как к бывшим или потенциальным преступникам, некоторых окружавших их людей, вызванное действиями представителей определенных государственных органов.

Все это вызвало у нас желание поехать туда, где живут наши народы, в Среднюю Азию и помочь им как сможем. Общая беда сближает людей. Но перед этим мы все решили встретиться в Астрахани и оттуда разъехаться по районам и городам Средней Азии, где как «в резервации» живут репрессированные под наблюдением спецкомендатур. На днях мы с женой собираемся уплыть на экскурсионном теплоходе по Волге до Астрахани. К нам присоединятся Ахия и Басыр с женами в Казани, Арнольд в Ульяновске, Амиран в Куйбышева, Амиран в Сталинграде. В Астрахани встретят нас Георгий с женой. Жаль, что вас не будет с нами — так закончил свой рассказ Альви.

Невозможно было равнодушно выслушать этот удивительный рассказ о своеобразной эпопее верных друзей. Когда Альви говорил о пережитом, на его лице отражалась глубокая душевная печаль. Воодушевление звучало в его голосе, в котором чувствовалось, что он предвкушает радость предстоящих встреч с друзьями — победителями на фронтах Великой Отечественной войны.

Меня очень заинтересовала встреча с бывшими воинами Советской Армии — друзьями Альви. Еще в то время я надеялся, что будет время, когда появится возможность написать книгу о трагедии репрессированных народов, основанную на фактах и живых наблюдениях очевидцев. С этой целью я вел личные наблюдения, собирал фактический материал, делал дневниковые записи нейтрального характера по понятным причинам, связанным с тем, что я сам находился под постоянной слежкой и контролем. Почему бы не поплыть мне с ними на теплоходе до Астрахани. Оттуда пароходом до г. Махачкалы, затем поездом до станции Хачмас, откуда я могу поехать к хиналупцам" — подумал я. После такого внутреннего размышления я обратился к Альви.

— Жаль, что я не знал о вашем плане. Я бы мог поплыть с вами на теплоходе до Астрахани. А сейчас за несколько дней до отплытия теплохода невозможно купить билет.

Альви воодушевился и уверенно сказал:

— Билет я достану вам. Нам — демобилизованным дают билет через воинскую кассу даже за счет брони.

Как видно из моего дневника, 25 июня 1949 г. в 12 часов дня

наш теплоход покинул Речной вокзал. Моя каюта находилась в первом классе, а каюта Альви и Анны — во втором. Внешний вид Анны, ее речь, взгляд — все в ней вызывало уважение. Она была красивой женщиной среднего роста, белокурая, одетая со вкусом, застенчивая. Глядя на Альви и Анну, я вспомнил декабристов и их жен, уехавших в Сибирь вместе с мужьями. Провожать Анну и Альви пришла ее мать, брат с женой (отец Анны погиб на фронте). У матери Анны градом катились слезы, когда она прощалась с дочерью и зятем. Стараясь в какой-то мере утешить мать Анны, я сказал:

— Спасибо Вам, Вы воспитали прекрасную дочь. Анна и ее супруг Альви должны быть счастливыми. Может быть, мои слова звучали старомодно, и напоминали чеческую традицию, когда старший брат жениха произносит подобные слова, обращаясь к родителям своей невестки. Все же я почувствовал, что эти слова несколько успокаивающе подействовали на мать Анны.

Утром 26 июня мы были в Угличе. Погода была прекрасная, как говорили пожилые пассажиры. Низко плыли грозовые тучи. Временами моросил дождь. Около двенадцати часов дня наш теплоход находился в районе Рыбинского моря. Мы с Альви и Анной стояли на палубе, восхищались красотой типичного русского Северного Поволжья, широкого водного зеркала Рыбинского моря.

Двадцать седьмого июня мы побывали в Костроме, Кинешме, а также посетили Глес, где дача великого русского певца Шаляпина. Погода была ясная, солнечная. Мы любовались красотами Волги-Матушки.

Около восьми часов утра двадцать восьмого июня наш теплоход причалил к пристани в городе Горьком (ныне Нижнем Новгороде). Погода испортилась. Моросил дождь. Изредка сквозь тучи пробивалось солнце. И тем не менее мы пошли в город и ознакомились с его достопримечательностями. Около шестнадцати часов мы оставили пристань в Горьком и направились в Казань по Волге, где Ахия Алимов и Басыр Мусиной присоединились к нам.

Вечером двадцать девятого июня мы причалили к пристани Казань. Я стоял на палубе и старался найти среди встречавшихся теплоход тех, кого мы хотели видеть. Заметив двух молодых мужчин в военной форме, упорно стал разглядывать их. На груди каждого из них были орденские ленты. Они оба весело улыбались и сильно махали руками, увидев знакомых. Рядом с ними стояли две молодые девушки, празднично одетые. Улыбались они — Азия и Басыр" — подумал я. В это время я увидел Альви и Анну, рвущихся к ним. На берегу произошла радостная встреча боевых

друзей и их жен. Провожавшие Ахию и Басыра занесли их вещи в каюты. Альви познакомил меня с нашими новыми полутчиками.

Время стоянки теплохода на пристани мы решили использовать для экскурсии на машинах по вечерней Казани. Ахия и Басыр выступали в качестве «хозяев» и экскурсоводов. Мы успели только увидеть достопримечательности города. Тем не менее мы получили представление о большом городе — политическом, научном, культурном центре Татарии.

После того, как поужинали все пассажиры, Ахия, Басыр и их жены устроили своеобразный ужин-банкет в честь встречи с друзьями. Ужин прошел весело, но «окрашенной» тихой, внешне едва замечаемой печалью безгрешного, но оскорбленного и униженного человеческого достоинства.

Мы простились с Казанью. Наш теплоход взял курс на г. Ульяновск. Погода неустойчивая. Шел дождь. В г. Ульяновске к нам присоединился немец Карл Петер, которого мы называли австрийцем, с супругой Светланой. В отличие от своего деликатного и пунктуального супруга в характере супруги — волжанки обнаружились два несочетаемых казалось бы, качества: серьезный вид и веселый нрав. Она была искусной мастерицей на всякие выдумки. Познакомившись со всеми членами нашей группы, она торжественно, под хохот всех членов группы, провозгласила новый интернационал в лице нашей небольшой группы. Она внесла заметное оживление в нашу группу, и до их прихода не отличавшейся качеством от группы скучающих людей. Благодаря присоединению новой пары наша группа не только количественно увеличилась, но и обогатилась качественно.

Мы восхищались первые три дня нашего путешествия красотой природы Верховья Волги.

Иная была картина (в отличие от Верховья Волги) еще в то время от района г. Ульяновска до района города Куйбышева. В этих местах вдоль берегов Волги человек уничтожил многое, украшавшее природу этих районов: берега оголены, местами разрушены. К вечеру 30 июня наш теплоход находился в районе жигулевских гор. С большим опозданием теплоход причалил к пристани города Куйбышева.

Хотя мы прибыли в г. Куйбышев около 24 ч., все члены нашей группы были на ногах и с волнением ждали встречи с лейтенантом Оздисвым Амираном и его супругой. Увидев лейтенанта, члены нашей группы помчались на встречу ему. Я стоял на палубе и любовался той искренней радостью, с которой они бросились в объятия друг другу. Несколько дальше от них стояла молодая женщина в белом головном уборе. Слабое электрическое освещение не позволяло разглядеть ее так, чтобы

увидеть выражение ее лица, излучение глаз. Амиран, вырвавшись из объятий друзей, подошел к этой женщине и пригласил ее познакомиться с его друзьями.

Когда они поднялись на теплоход, я подошел к Амирану, его супруге и познакомился с ними. Энергичный и общительный Амиран, извинившись перед друзьями, заговорил со мной на ингушском языке. Давно я не говорил по-ингушски, — сказал он, несколько смущаясь. Его милостивая и очень скромная жена Айшат молча стояла рядом с нами, стараясь показаться понимающей ингушскую речь. Она была дагестанкой.

Друзья Амирана еще вчером договорились в ресторане о позднем ночном «ужине». Когда мы пришли в ресторан, столы уже были накрыты. Амиран рассказывал мне на ингушском языке о своих духовных страданиях.

— Стараюсь морально не травмировать семью, скрывая от нее частые вызовы в органы НКВД, слежку — говорил он.

Словом картина повторялась всюду. Из-за национальной принадлежности все находилось под строгим наблюдением органов НКВД.

Под хохот присутствующих Амиран рассказал, как он захватил в плен фашиста.

— Я отстал от своих разведчиков, заблудился в лесу. Вдруг слышу немецкую речь. Фашистский солдат что-то сказал своим и завернул в лес по личному делу. Я лежал в кустах, усталый. Он, не замечая меня, остановился недалеко от меня. Ночь была темная. В тот момент, когда он, прошу извинения, поднатужился сильно по неотложному делу, я подошел к нему и стал ждать до определенного момента.

Раздался гомерический смех присутствующих.

— Я бросился к нему, — продолжал Амиран, — свалил его и заткнул ему рот большим носовым платком. Фашистский солдат оказался худощавым, нижесреднего роста, слабым. Ему было под пятьдесят лет. Жестами дал ему понять, что если попытается сопротивляться, то убью его. Солдат оказался спокойным. Я свалил его на спину и пошел в противоположную сторону от фашистов. Через некоторое время вышел в лесу на лужайку, покрытую травой. Положил «языка» на траву. Он лежал как мертвый, боялся двигаться. Сначала я сел рядом с ним. Очень устал. Сильно хотел спать. Время было позднее. Я спрятал ружье в лесу, недалеко от того места, где я сидел, предварительно убрав патроны. Свой пистолет сунул в правый карман, в котором держал и правую руку. Рядом с собой посадил солдата. Ремнем привязал его правую руку к своей левой. Солдату объяснил, как мог, чтобы он сидел рядом со мной и охранял меня, пока я буду

спать. После меня, мол, он поспит. Я сразу уснул. Когда я проснулся уже рассвело. Каково было мое удивление, когда увидел солдата, спящего безмятежно, наклонившись на меня. Я посмотрел на него. Мне показалось, что у него доброе лицо. Может быть, он был насильственно мобилизован. Может быть у него дома семья, которая ждет его, нуждается в нем. Мне стало жалко его. Если приведу его в часть, то его расстреляют или отправят в каторгу. Сначала я принес его ружье, которое спрятал ночью. Затем разбудил его, вернул ему ружье. Показал ему, куда идти и отпустил его. Он все еще не верил, что я его отпустил. Он часто останавливался и оглядывался, не собираюсь ли я стрелять в спину. Когда он дошел до леса, прежде чем скрыться в лесу, он остановился, посмотрел в мою сторону и как-то особенно помахал мне рукой, прощаясь со мной. Для меня, думаю также и для солдата, это была по-человечески трогательное расставание. Так я вернулся в свою часть без языка.

Перед нами сидел сильный, рослый человек, довольный своим гуманным поступком. В этот момент мы смотрели на него с еще большим уважением.

Уже рассветало. Мы вышли на палубу. Немного погуляли и пошли спать.

Без особых встреч побывали мы первого июня в г. Сызрани и второго июня в г. Саратове. В памяти «оживилась» Сталинградская битва, когда мы стали приближаться к г. Сталинграду (ныне Волгоград). Как сильно его разрушили! Я видел его осенью 1943 года. Но тогда не так резко бросалось в глаза все его «прорехи», не такой сильный ужас производили разрушения, все громче кричащие зверства фашистов в этом городе и на его окраинах. В 1943 году война еще продолжалась, кровопролитные сражения на огромной территории также продолжались. Основное внимание людей занимали театры военных действия. Может быть, поэтому сильно разрушенный Сталинград не производил столь сильного впечатления, как в 1949 году.

Участниками Сталинградской битвы были гвардейцы, старший лейтенант Алимов, лейтенант Георгий Идишкин, старший лейтенант Оздиев Амиран, лейтенант Сакиев Амин. Некоторые из них уже на окраинах Сталинграда стали показывать нам места, где сражались части, в которых они служили.

Почти все пассажиры — старые и молодые вышли на палубы. Одни встревожены радостью встречи со знаменитым городом, у других слезы на глазах, может быть, останки их родных и близких лежат в братской могиле здесь — в Сталинграде.

— Вот здесь,— сказал Ахия Алимов, указывая на берег Волги, перешла наша часть на правый берег под сильной бомбежкой

немцев в разгар битвы за Сталинград осенью 1942 года. Многие наши войны погибли во время переправы. Фашисты пытались занять правобережье Волги. Рукопашные схватки с озверелыми фашистами здесь были жестокими и кровавыми. Вот след этих схваток, он указал на большой шрам на левой щеке.

Теплоход вошел в зону города. Крутом одни разрушения. Не видим ни одного целого старого дома. Но уже появились новые дома, новые постройки. Город быстро восстанавливали:

Под натиском сильно превосходящих сил противника дивизия, в которой я служил, с боями отступила и остановилась на Северной окраине Сталинграда. Фашисты подвергли массированной бомбардировке территорию, которую занимала наша дивизия. Во время этой бомбежки я был тяжело ранен и эвакуирован вместе с другими ранеными на левый берег Волги — рассказывал Ахия Алимов.

Мы с нетерпением ждали встречи с Амином Сакиевым, который должен был присоединиться к нам в Сталинграде. В момент нашего приближения к пристани кто-то из наших заметил на берегу Амина Сакиева. Он стоял с биноклем в руках, разглядел нас среди пассажиров на палубе и сильно махал руками. Наши быстро спустились вниз, чтобы скорее встретиться с Амином и его супругой. Встреча боевых друзей и их подруг в жизни, конечно и на этот раз была исключительно теплая, дружеская. Несколько позже подошел и я к ним. Познакомился со Амином и супругой Тамарой.

Многие пассажиры готовы были выйти на берег и совершить экскурсию по городу, как это было предусмотрено, когда теплоход причалил к пристани.

Нас повезли к Мамаеву Кургану. Город восстанавливался очень быстро и хорошо.

Экскурсовод с захватывающим интересом рассказывал нам о битве за Сталинград, о боях в районе Мамаева Кургана. Но для нас особенно интересным был рассказ непосредственного участника боев в этом районе Амина.

— В те суровые и незабываемые дни в Сталинграде было так много войск и военной техники, что часто трудно было отличить территорию, занимаемую одной частью от территории другой части. Но когда ожесточенные бои развернулись в самом городе, на каждой улице, в каждом доме, тут, как говорится, каждый должен был не звать своего места. На подступах к Мамаеву Кургану, шли ожесточенные бои. В местах плотного сосредоточения живой силы фашисты стреляли разрывными снарядами. Во время одной из психических атак фашистов я был ранен в бедро осколком вон в том районе,— он указал рукой в левую сторону

от Мамасва Кургана.

Мы ходили по городу, гордясь и восхищаясь великой победой советских войск в смертельной схватке с противником, захватившим почти всю Европу и значительную часть Советского Союза. Еще в те дни, когда мы посетили Сталинград много было сделано по восстановлению города. Но предстояло сделать еще не мало, чтобы по существу заново построить большой город.

Из г. Сталинграда наш экскурсионный теплоход плавно направился в конечный пункт — в г. Астрахань. Территория между Сталинградом и Астраханью была одним из районов, где накапливались силы для контрнаступления и окружения Сталинградских группировки фашистских войск.

Где-то в этих местах — начал свой рассказ Алимов, — нашу часть по Волге перебросили на правый берег Волги темной ночью. Мы не знали, где мы находимся, к чему конкретно готовится. Это была военная тайна. Но мы знали, что впереди кровопролитные схватки с наступающим противником. Сильно похолодало, но большого снега не было. Зато пронзительно дули холодные степные ветры. На следующий день мне приказали взять с собой двух бойцов и на машине доставить на имя командира соседнего кавалерийского полка. Что в пакете написано я не знал. К вечеру мы добрались до штаба полка. Командиром кабардинского кавалерийского полка оказался ингуш подполковник Абадиев. Я вручил ему пакет. Он был чем-то взволнован. Поднялась буря. Мы вынуждены были задержаться там. К штабу полка подъехала машина, из которой вышел генерал, командующий дивизией. На встречу ему шел командир полка. Генерал не дал ему слово сказать и резко заговорил:

— Почему вы не наступаете, вы трус, будете преданы военному трибуналу за невыполнение приказа.

Потрясенный угрозами генерала, подполковник ответил в таком же резком тоне:

— Пойдемте с Вами, обнажив шашки против наступающих танков, тогда узнаем, кто из нас трус. Только безумный мог издать приказ, чтобы я бросил навстречу танкам конницу в такую погоду.

Обескураженный неожиданным ответом подполковника генерал остановился. Подбежали офицеры, опасаясь дальнейшего осложнения инцидента. Они знали крутой нрав и решительный характер своего командира подполковника Абадиева. Пока офицеры объясняли генералу обстановку, начальник штаба полка доложил командующему корпусом о случившемся. Командующий корпусом тут же отменил приказ командира дивизии и срочно вызвал его к себе. Абадиев продолжал командовать полком.

— Об этом случае рассказал мне, заметил я,— доктор биологических наук профессор Камбулат Керсфов, который в то время воевал в составе этого полка в звании капитана.

4 июля наш пароход причалил к пристани Астрахань. Своих боевых друзей встретил лейтенант Илишкин Георгий. После радостной встречи Георгий пригласил всех своих друзей и меня домой. Но мне надо было сначала устроиться в гостинице. Меня отвезли в гостиницу «Волга» и обещали заехать за мной, чтобы и я был на торжественном ужине.

Вечером за мной заехали и отвезли меня на одну из тогдашних окраин Астрахани, где в маленьком доме жили родители Татьяны — жены Георгия. Меня завели в комнату, где сидели отец Тани — Василий Сергеевич и ее мать Анастасия Ивановна. Они уже были пенсионерами. Василий Сергеевич — высокий степенный мужчина лет 60—65 с покладистой седой бородой. Он потомственный волжанин — казак. Возможно казаки — его далекие предки были бурлаками.

— Смотрю на этих молодых людей,— говорил он с грустью, бесстрашно дравшихся на фронтах с фашистами. Они вынуждены скрывать свою национальность, чтобы некоторые блюстители порядка и им подобные не портили им настроения. До чего мы дожили. Целые народы лишены гражданских прав, свободы. Стыдно, позорно за тех, которые стоят у власти.

Реагируя на его доверительный разговор, я старался быть с ним откровенным, разделяя его мнение. Почувствовав наше общее настроение, в разговор включилась и Анастасия Ивановна:

— Такой хороший человек мой зять Гриша. Я отношусь к нему как к родному сыну. Но душевно надломлен, оскорблен выселением своего народа. Его — гвардейца, офицера — демобилизовали как представителя сосланного народа,— говорила она, вытирая слезы.

У этой доброй, чувствительной к чужой боли старой женщины с заметно выдававшимися скулами далекие предки как мне говорили, были казаками. Таких людей, вобравших в себя лучшие человеческие качества всех других народов, много в России.

За ужином собралась кампания друзей. Я не чувствовал себя чужаком среди них. Песни, шутки, прибаутки, фронтовые эпизоды. Присутствовал и национальный колорит. Вечер еще больше сблизил, сплотил боевых друзей.

Основные участники вечера обменялись мнениями о том кто, куда и когда поедет из Астрахани. Регионы Казахстана, Киргизии — таковы были их предполагаемые маршруты. Мы договорились по возможности в полном составе встретить новый 1950-й год в Москве.

Поблагодарив своих новых друзей за дружбу, за совместную поездку и внимание, я попрощался с ними, а также с глубоко человечными Анастасией Ивановной, Василием Сергеевичем и вернулся в гостиницу.

Через два дня — 7 июля 1947 года в 8 часов утра на старом пароходе из Астрахани по Каспийскому морю я отправился в г. Махачкалу.

Проверка документов пограничниками

Пароход шел медленно. Было душно, тесно. Каюта напоминала какое-то заброшенное складское помещение. Мой сосед по каюте и я предпочитали стоять на палубе и любоваться стаей крупных осетровых рыб, сопровождающих пароход. Пассажиры бросали им в море хлеб и другие остатки пищи. Рыбы как бы резвились то выплывая на поверхность ярко сверкавшего в лучах солнца зеркала моря, то уходя в глубь толщи морской воды.

Мы с соседом поздно легли спать. Наши «кровати» находились у самого потолка каюты. Взобраться туда было нелегко. Мы рано встали. Но каково было наше удивление, когда мы увидели свои туфли: всю верхнюю часть их погрызли крысы. Мы вынуждены были надеть «остатки» туфель, у нас не было другой обуви.

Настроение у нас было прескверное. Мы вышли на палубу. Утренняя прохлада, яркое сияние солнца, лучи которого играли на поверхности тихого моря, несколько успокоили нас. Через некоторое время помощник капитана предложил всем пассажирам занять свои места в каютах. Будет проверка документов пограничниками. Странно прозвучало это сообщение. Ведь морская граница находилась очень далеко. Не знаю, всегда ли проверяли пограничники документы на этом пароходе или эта проверка была вызвана какой-то причиной.

Мы с соседом зашли в свою каюту и ждали проверки документов. Пришли два пограничника, поздоровались с нами и вежливо попросили предъявить документы. Наблюдательные пограничники обратили внимание на наши туфли и улыбнулись справившаяся, что случилось с вашими туфлями. Я показал командировочное удостоверение и удостоверение личности. Старший пограничник внимательно ознакомился с ними и затем обратился ко мне.

— Предъявите, пожалуйста, Ваш паспорт, сказал мне старший из них.

Паспорт мой я забыл в Москве — ответил я.

Судя по выражению его лица, мой ответ несколько удивил пограничника.

— Скажите, пожалуйста, кто вы по национальности, фамилия у вас оригинальная,— допытывался проверяющий. Ситуация была такова, что мне нельзя было скрывать свою национальность. Пограничник легко смог бы проверить и точно узнать представителем какой национальности я являюсь. Если бы я скрыл свою национальность, то это могло явиться поводом для расследования, почему, с какой целью я скрыл свою национальность, почему я поехал в командировку и отпуск без паспорта и т.д.

После моего ответа на его последний вопрос пограничник сказал мне:

— Мы еще раз встретимся с Вами в Махачкале.

После ухода пограничников странно повел себя мой сосед. Ни сказав ни слова мне, он вышел из каюты. Когда я вышел, увидел, что он стоял там же на палубе, где мы вдвоем останавливались и беседовали. Отойдя от нашей каюты на значительное расстояние, он оживленно беседовал с двумя пассажирами. По всему пароходу поползли слухи, что среди пассажиров оказался представитель репрессированного народа без паспорта, может быть с фальшивыми документами и т.д. Его хотят арестовать после прибытия в Махачкалу.

Только в эти минуты я по-настоящему оценил советы академиков В.Т.Гопуриа и А.С.Чикобава не брать с собой в горы паспорта. Я также понял целесообразность поступка бывших воинов-фронтовиков, взявших с собой вместо паспортов документы по демобилизации из армии, изменив даты их выдачи.

Я еще стоял на палубе, когда мой сосед зашел в каюту, взял свои вещи и, не прощаясь со мной, пошел к выходу. Я ждал, пограничников, они, оказывается, ждали меня у выхода.

— Не пора ли вам выходить? Улыбаясь, спросил меня старший пограничник.

— Я жду вас. Вы же сказали, что до выхода в Махачкале встретимся.

— Мы ждали вас у выхода. Видимо, мне надо было сказать вам точнее, где мы встретимся.

На меня произвело успокаивающее впечатление и та, «мелочь» которая была связана с местом встречи до выхода с парохода. Пограничник взял на себя вину за неточность установления места встречи.

Когда мы вышли на берег, там нас ждала машина, на которой мы приехали в какое-то учреждение. Я не интересовался этим учреждением. Мы зашли в дом, а затем в приемную какого-то начальника. Через некоторое время из кабинета вышел пограничник старшего звания, поздоровался с нами. Обращаясь

ко мне, он извинился за беспокойство и сказал, что им нужно было кое-что выяснить. Попросил у меня документы. Я передал ему свои удостоверения. Примерно через 20—30 минут тот же пограничник вышел из кабинета, подошел ко мне и вернул документы. Он сказал, что все, что нужно было выяснить, уже выяснили. Он еще раз извинился за беспокойство и спросил, куда меня отвезти. Я назвал гостиницу, где я собирался остановиться. Меня после всего этого на машине доставили в гостиницу.

После такой трепки нервов не могло быть и речи о хорошем самочувствии. Но мне стало легче, когда я увидел в гостинице моего старого друга аварского ученого Магомеда Саида Саидова — крупного специалиста по аварскому языку, автора значительных научных трудов, в том числе большого русско-аварского словаря, широко известного дагестанского арабиста. Он приходил в морской порт встретить меня. Но я вместе с пограничниками вышел не там, где все выходят с корабля. Он решил, что мы с ним разминулись, и пошел в гостиницу, где он заказал мне номер. Я рассказал ему, какая история со мной произошла на пароходе. Он возмущался таким преследованием человека по признаку национальной принадлежности и старался успокоить меня. Поблагодарив Магомед-Саида за внимание и проводив его, я решил немного отдохнуть в номере.

Встреча с сыном знаменитого абрека Зелимхана

В этой же гостинице произошла моя встреча с сыном знаменитого чеченского абрека Зелимхана. Если мне не изменяет память, его звали Умар-Али. Не помню точно, когда это было. Выходя из гостиницы, я увидел двух мужчин, стоявших у входа в гостиницу. Один в гражданской форме, а второй — в милицмейской. В гражданской форме был Умар-Али, работавший начальником Веденского районного отделения КГБ (НКВД) и начальник Веденского районного отделения милиции Магомедов (или Магомадов), как он представился. После выселения чеченцев и ингушей и ликвидации Чечено-Ингушской АССР Веденский район, кажется, был присоединен к Дагестанской АССР. Мы тепло поздоровались. Я коротко сказал о своей командировке, а Умар-Али в нескольких словах сообщил о своей работе. Магомедов куда-то торопился и, попрощавшись со мной, ушел. Мы с Умаром-Али остались вдвоем.

Умар-Али знал меня. В конце января—начале февраля 1943 г., когда я приехал в Ведено для выяснения положения в селах Бено и Дарго, Умар-Али работал в Веденском райкоме партии. Он собирался вместе со мной поехать в опасную поездку в названные

села. Но сильная простуда не позволила ему участвовать в этой поездке. С тех пор я ничего не знал о нем. И вот состоялась неожиданная встреча. Он был одет просто. Среднего роста, худощавый. Производил впечатление уравновешенного человека. Говорил спокойно. Обрадовался нашей встрече.

— Как они могли доверить вам такую работу, полушутя для осторожности, спросил я его.

Он сразу откровенно ответил:

— Я сам удивился этому вначале, даже обидился. Подумал, за кого они принимают меня. Когда я стал возражать, меня вызвали к начальству, где мне было сказано с соответствующей интонацией:

— Прежде чем отказываться от почетной должности вы должны подумать о возможном последствии отказа лично для вас и для вашей семьи. Это была явная серьезная угроза. О себе я не думал. Но погубить семью я не мог. Пришлось согласиться, намотав на ус то, что следовало намотать.

— Говорят, при выселении нашего народа много жертв было, особенно в горных районах. Верно ли это — спросил я снова.

— Да, были жертвы, особенно в горах. С престарелыми и больными любого возраста обращались очень жестоко. Их расстреливали в горах. Язык не поворачивается, чтобы говорить о некоторых приемах проявления жестокости. Я узнал обо всем этом после моего назначения, когда я более или менее хорошо ознакомился с тем, что происходило в районе во время выселения нашего народа. Меня ведь назначили на эту должность фактически после выселения. К тому же среди оставшихся в горах были и мои родственники, оказывавшие сопротивление местным властям. Цель моего назначения в том, чтобы использовать имя моего отца, а также меня самого, как бывшего работника районного масштаба, хорошо знавшего район.

— Как семья относится к тому, что произошло и происходит в районе? — поинтересовался я.

— Очень плохо, — ответил он. — Семья настаивает, чтобы мы уехали отсюда в Среднюю Азию, к своим. Выросла дочь. Ее надо выдавать замуж, мать хочет, чтобы она вышла замуж за парня, который ей нравился. До выселения наших людей дочь утилась в одной школе с этим парнем. Они хорошо относились друг к другу. За случайного парня не хочется выдавать ее замуж. Словом, думаю о том, когда подавать заявление с просьбой разрешить переселиться в Среднюю Азию к своим. Осуществить свое желание Умар-Али не успел. Как мне рассказали в свое время, он погиб при трагических обстоятельствах.

В течение двух—трех дней побывал в научных учреждениях

Махачкалы. Поработал в университете. Всюду оказывали мне дружеский прием, хорошо зная меня. Нигде не касались вопроса о моей национальности.

В Махачкале — столице Дагестанской Республики меня больше всего интересовали проблемы многоязычия. В Республике проживают около 30 так называемых коренных национальностей, не говоря уже о представителях других народов. Все они говорят на разных языках. В повседневной жизни народов основное место среди социально-лингвистических проблем занимает проблема многоязычия. В этих условиях единственным языком межнационального общения в широком смысле служит русский язык в этой функции. В Дагестане особо важное значение имеет разумное сочетание социальных функций русского и других языков. Этой проблемой я и занимался в Дагестане, изучая объем общественных функций русского и других языков.

Неожиданные встречи в Кубе

Из Дагестана я прибыл в соседний Азербайджан, — в город Хачмас, откуда на автобусе поехал в город Кубу, где остановился в гостинице. Прежде всего нужно было выяснить, как мне поехать в отдаленные горные села в Шахдагских горах. Там проживают носители так называемой Шахдагской группы языков. Предстояла большая научно-исследовательская работа по теоретически обоснованному определению количества языков, диалектов и говоров в составе Шахдагской группы. Одни утверждали, что там всего пять языков, другие авторы находили четыре языка. Краткие сведения о языках Шахдагской группы, собранные и опубликованные сотрудником Института языка и мышления АН СССР в Ленинграде Шаумяном, показали, что в составе Шахдагской группы всего три языка — будухский, крызский и хиналутский. Была поставлена задача: уточнить данные Шаумяна и начать работу по углубленному, разностороннему исследованию этих языков, о которых наука знала очень мало.

Небольшой город Куба расположен на правом берегу горной реки. Территория от станции Хачмас до Кубы утопает в садах. Почти напротив Кубы на левом берегу этой реки находится село Красная слобода, в котором жили горские евреи. В то время там функционировала синагога. После краткого ознакомления с городом и его окрестностями я вернулся в гостиницу, надеясь на то, что обещанное мне место освободилось. Сразу меня поселили в двухместный номер, в котором я познакомился с доцентом (к сожалению, его фамилию забыл), приехавшим из Баку в качестве председателя госкомиссии по приему экзаменов от выпускников

Кубинского техникума. Доцент кратко рассказал мне о своей работе в техникуме. Я также сообщил ему, откуда и с какой целью я приехал. Как это часто бывает при нормальных взаимоотношениях между проживающими в одном номере в гостинице, мы информировали друг друга о своей работе.

Вдруг мой сосед задал мне неожиданный вопрос:

— Что это за языки, которые вы собираетесь исследовать. В этом районе Азербайджана функционирует только один азербайджанский язык. Разве вы не знаете положения товарища Сталина о национальных языках и нациях?

Я был смущен этим нелепым вопросом. Мои попытки объяснить ему, что в Азербайджане функционируют много разных языков, не увенчались успехом. Время было такое, когда логика, здравый смысл не действуют на местных руководителей партии, государства. Опасаясь того, что мой собеседник может дойти до приема доноса, я пересказал ему то, что мне рассказали в нашем Институте.

— Товарищ Сталин интересовался этими языками. На приеме президента Академии Наук СССР, доложившего Сталину об основных направлениях деятельности АН СССР, товарищ Сталин спросил, в Шагдагских горах Азербайджана живут малочисленные народности. У них есть свои языки. Изучают ли языковеды эти языки? Следовало бы исследовать их и выяснить, что это за языки. Поэтому Институт языкознания АН СССР и приступает к исследованию этих языков. Видимо, товарищ Сталин бывал в этих местах, когда вел революционную работу в Азербайджане.

Мой собеседник замолчал. Но по его поведению я понял, что он недоверчиво относится к тому, что я рассказал ему. Если повторится то, что произошло на пароходе, то мое положение может значительно осложниться. Я знал, что здесь не могут раздуть отсутствие у меня паспорта. Когда получал место в гостинице, я соответствующим образом отблагодарил дежурного администратора, поэтому он не стал требовать паспорта. Я чувствовал, что мой сосед, самолюбие которого задето, предпримет какие-то действия по дискредитации моей работы. Но что конкретно, я не знал. Случайно на улице города я встретил лезгина — учителя, с которым я познакомился в Махачкале. Он сказал мне, что первым секретарем Кубинского горкома партии работает человек честный, внимательный к просьбам посетителей. Я решил на следующий день побывать у него. Узнав, что я из Москвы, первый секретарь горкома сразу принял меня. Когда я вошел в кабинет, он встал и, приветливо глядя на меня, протянул руку. Мне показалось, что он уже знает о моем приезде. Я коротко рассказал ему о себе, о цели своей командировки. Затем

попросил его помочь мне, если можно, поехать в села Будух, Алык, Хапутль, Хиналут и Крыз. Я просил также предупредить руководителей сельских советов или колхозов в указанных селах, чтобы они с пониманием отнеслись к моей скромной научно-исследовательской работе. И в этой связи я рассказал ему о разговоре с соседом в гостинице (в этом заключалась цель моего посещения секретаря горкома партии).

— Ваш сосед по комнате был у меня, — начал секретарь горкома партии (к сожалению, я забыл его фамилию). — Напрасно он вмешивается в дело, которое не входит в его компетенцию. Я бывал в тех селах, о которых вы говорите. Жители этих сел действительно говорят на разных языках, похожих на лезгинский. Лезгины их не понимают. Речь жителей сел Алык, Хапут, как они сами признают, похожа на речь жителей села Крыз. Но лингвистическая характеристика их взаимоотношений входит в компетенцию языковедов. Мы сообщим органам власти в этих селах и попросим, чтобы они оказали вам помощь. Кстати, в Кубе находится председатель колхоза — в селе Будух Шахкеримов. Советую Вам сначала поехать вместе с ним в Будух. Оттуда вам помогут перебраться в другие села, о которых вы говорили.

Поблагодарив секретаря горкома за помощь и совет, я вернулся в гостиницу, где остановился и Шахкеримов. Дежурный по гостинице помог мне познакомиться с Шахкеримовым. Он производил хорошее впечатление. Уравновешенный, приветливый горец 40—50 лет. Хорошо владел русским языком. Внимательно выслушав мой короткий рассказ о том, с какой целью я приехал, Шахкеримов, улыбаясь, произнес слова, высоко оцениваемые приезжими, любым обществом.

— Буду рад видеть вас гостем в своем доме.

Я выразил ему благодарность за готовность оказать мне гостеприимство и спросил, когда и как мы поедем в Будух.

— Нужно ехать завтра, сказал он — есть два пути. Один через районный центр Конахкенд, до которого можно доехать на машине. Оттуда до Будуха на лошадях. На это потребуется два дня. Второй путь более короткий, но и более трудный — через леса и горы. Если выедем на конях утром, то в тот же день вечером будем в Будухе. Для вас интересный второй путь. Вы увидите красивые места. Я согласился воспользоваться вторым путем.

Утром 10 июля 1949 г. мы с Шахкеримовым выехали на лошадях из Кубы в Будух через леса и горы. Это был прямой кратчайший путь в это село. Погода была хорошая. Сначала мы ехали по пешеходному пути, тянувшемуся белой полосой через колхозные сады.

— Видите, вон, где высокая гора соединяется с небом — начал свои комментарии к нашей поездке Шахкеримов, — где туман лежит на горе, там начинается наша земля.

— Видно не так далеко до вашей земли, — заметил я.

— Это кажется недалеко, на самом деле далеко, — объяснил мой попутчик.

— Что говорят народные предания, старейшие жители сел о шахдагских народностях? — спросил я Шахкерима.

— По-разному толкуют. Одни говорят, что мы остатки народов, двигавшихся с юга в сторону Дагестана. Другие полагают, что мы переселенцы из Дагестанских гор по разным причинам в далекое прошлое. Точно никто не знает, кто из них прав.

— Когда вы говорите по-будухски, вас понимают жители сел Джека, Алыка, Хапуга, — продолжал я свои вопросы.

— Нет, не понимают. Они говорят на языке жителей села Крыза. Считают, что предки джекцев, алыкцев, хапутцев когда-то выселились из села Крыза. Речь жителей каждого села по-своему отличается от речи жителей других сел. Это разновидности крызского языка, как говорят. Раньше жители одного села враждовали с жителями других сел из-за земли, альпийских лугов. Поэтому очень редко общались между собой жители разных сел.

В результате у них, как думают, появились различия в языке.

Мы спустились в русло реки Алчйай, что означает «Белая река», и направились по руслу вверх. Сады доходили до самой реки и спускались вниз по ее плоским берегам, точнее по склонам небольшой горы, у подножия которой протекает эта река. Здесь горы и их склоны покрыты лесами. Это почти ущелье, долина Белой реки, прекрасная своей пестрой чарующей человеческий глаз природой. Оставляя внизу реку, мы стали подниматься. Огромные камненные глыбы, обросшие мхом, валялись там и сям — глухие молчаливые жители многовековой истории этих гор. Дуб, чинара и другие породы деревьев, достигшие большой толщины, поднялись высоко в небо. Дальше лес стал редеть. Чем выше, тем меньше его становилось. Мы вышли из леса. Перед нами раскинулись живописные альпийские луга. По словам Шахкерима Шахкеримова, они занимают около 12 тыс. га. Мы встретили здесь подростков — будухских маленьких пастухов. Решили остановиться здесь, чтобы лошади отдохнули. Да и сами мы устали. Я попросил ребят разрешить сфотографировать их. Они охотно согласились. С высоких гор надвигались тучи.

— Надо ехать. Скоро дождь будет — сказал Шахкерим.

Когда мы поднялись на хребет, увидели впереди за ущельем,

по которому течет река Кхарачай (Черная река), горы, еще более высокие. Затем мы спустились с хребта. Скоро мы увидели село Будух. (Будад). Оно расположено на склоне этой большой горы. Ниже Будуха гора выглядит как мрачный, суровый обрыв, возвышающийся над рекой Карачай.

В Будухе дома, как почти везде в этих местах, имеют плоские крыши, заботливые хозяйки аккуратно побелили их внешние и внутренние стены. Большая семья Шахкерима тепло, гостеприимно приняла меня (см. фотографию семьи Шахкерима на с.).

Будухцы — небольшая народность. В то время всего их было более двух тысяч человек (по неофициальным данным). В паспорте они называют себя азербайджанцами. Поэтому в переписи населения Азербайджана они не названы. Взрослое население двуязычно: говорят на будухском и азербайджанском языках. Многие владеют и русским языком. Родной язык будухов относится к лезгинской группе иберийско-кавказских (или кавказских) языков. Первая более или менее развернутая характеристика будухского языка была представлена в моей работе, опубликованной в четвертом томе пятитомного труда «Языки народов СССР» (М., 1967).

Около недели я провёл в селе Будух, напряженно работая по 15—16 часов в сутки. Исследуя будухский язык, старался выявить его основные особенности, исторические и современные связи с другими языками. В информантах — представителях разных поколений не было недостатка. Фольклор, обычаи, быт, нравы, материальная и духовная культура будухов широко были представлены в материалах, привлеченных для исследования на будухском языке.

В Будухе бываю́т летом чудесные ночи. Под лунным сиянием сверкают снежные вершины гор. Доносится какой-то печальный шум Черной реки. Чистый воздух. Дом Шахкерима стоял недалеко от обрыва. Внизу, протекала река Карачай. Я любил сидеть у этого обрыва до поздней ночи. Однажды, когда я сидел у самого края ко мне подошел Шахкерим и сказал, что пришли гости. Видимо, они были приглашены, чтобы сообщить мне интересные факты из прошлой и современной жизни будухов. Один почтенный бывалый старик завел речь о народах Кавказа. Он хорошими словами охарактеризовал их. Затем с глубоким огорчением сказал:

— На Кавказе народов стало меньше. Выселены ближайшие соседи лагестанцев — чеченцы и ингуши. Я бывал у них. Гостеприимные, добрые люди, верные в дружбе. Не может быть, чтобы весь народ был врагом государства. Не пожалели ни стариков, ни детей, ни женщин. Это несправедливо, жестоко. Все согласились с аксакалом.

Только я сидел молча, слушая их. Было заметно, что их смущает мое внешне безразличное отношение к тому, что говорил старец об изгнанных с Кавказа народах. Это было по меньшей мере бестактно с моей стороны. Мой внутренний голос благодарил их за сочувствие к трагедии этих двух и других репрессированных народов. Но дальше скрывать свой внутренний голос, не доверять этим честным горцам, которые были со мной искренни, как с гостем, которого они принимали как друга, было бестактно и оскорбительно для них. Это заставило меня заговорить откровенно:

— Благодарю вас за добрые слова о моем и других народах, за сочувствие, к их страданиям.

— Вы чеченец? — удивленно спросил меня тот же старец, который говорил о чеченцах и ингушах. Я откровенно ответил на его вопрос.

В доме Шахкерима собрались уважаемые в селе люди. Непростительно было бы не воспользоваться их присутствием, чтобы узнать их мнение о судьбе будухского языка и культурных традициях будухцев.

— Хотелось бы узнать вашу точку зрения относительно будущего будухского языка,— обратился я к присутствующим.

Они переглянулись сначала. Потом все посмотрели на старейшего из них.

— Трудно сказать о будущем нашего языка. Кроме нас никто его не знает. Мы даже не знаем, что с нами будет. По паспорту мы азербайджанцы, сами называем себя будухцами. Дома и при встрече говорим на будухском языке; наш язык не похож даже на азербайджанский.

— Нужно ли создать письменность на будухском языке? — снова обратился я к присутствующим.

— Об этом лучше скажут более молодые,— сказал старейший.

Один из молодых заявил:

— Мне кажется, что нет смысла воздавать письменность с обучением в школе на будухском языке, с делопроизводством на нем, и т.д. для жителей одного села. Как говорится, овчинка не стоит выделки. А вот алфавит нам пригодился бы: для записи наших сказок, преданий, пословиц, поговорок, а также для писем. Можно было бы научить наших детей читать и писать по-будухски в школе.

Все согласились с этим мнением.

Старики произнесли молитвы за благополучие и возвращение репрессированных народов на родину. Они тепло простились со мной и ушли. Остались мы с Шахкеримом и два его ближайших родственника.

Принесли коньяк, вино. При стариках нельзя было гить. Первые посты были посвящены многострадальным репрессированным народам, за их благополучие. Один из родственников Шахкерима сообщил, что завтра приезжает уполномоченный районного отделения милиции.

Он человек неплохой, но мне кажется, что не следует говорить ему, кто вы — сказал Шахкерим, обращаясь ко мне.

Все согласились с этим. Долго мы сидели; уже стало рассветать. Гости стали расходиться. Мне не хотелось спать. Я пошел к обрыву и сел у самого его края. Недолго пришлось ждать выхода солнца... Люди здесь трудолюбивые, встают рано. В основном занимаются скотоводством.

Днем приехал уполномоченный районного отделения милиции, которого ждали. На следующий день, он должен был поехать в село Алык. Будухцы общались с ним на азербайджанском языке. Он — азербайджанец, не владел будухским языком.

О судьбах малочисленных народов

О тех местах, где живут будухцы, джекцы, алыкцы, хангутцы, крызцы и хиналутцы. Шахдагские горы очень красивы (Шахдаг означает шахская гора). Почти всюду горные вершины, долины занимают луга, иногда леса. В хорошую погоду видны далекие — далекие снежные вершины главного кавказского хребта, тянувшегося из южных районов Закавказья до самой Адыгеи. В ясное солнечное утро мы выехали из села Будуха. Когда мы поднялись на вершину небольшой горы, отделяющей Будух от сел Джек и Алык, я решил заснять все три села. Они лежали перед нами как на ладони, только с разных сторон горы.

В маленьком населенном пункте Джеке почти все взрослое население работало на полях. Мы решили не останавливаться в Джеке и поехать в Алык. Оба села расположены на левом берегу реки Алыкчая. Чем дальше от Джека в сторону Алыка, тем больше сужалось ущелье. День был очень жаркий. По мере нашего углубления в ущелье, казалось, жара спадает. Когда довольно близко подошли к Алыку, мы увидели на веранде человека, игравшего на балалайке. — Это председатель колхоза Бахшиев Алыбала, — сообщил сопровождавший нас Пулат Исаев. Уполномоченный милиции также знал Алибала.

— Бахшиев — малограмотный, но он хороший организатор и пользуется большим уважением односельчан, — так охарактеризовал Алибалу уполномоченный районного отделения милиции.

Увидев нас, Алибала отложил балалайку и направился навстречу нам, слегка хромя.

После обмена приветствиями Алибала пригласил нас на веранду, где мы, сидя на стульях, начали нашу беседу. Алибала даже обрадовался, узнав с какой целью я приехал.

— Это хорошо, что вы напишете о нашем языке. Мне уже сказали, что Вы изучаете языки. Наш язык как секретный язык. Кроме нас никто его не знает.

После маленькой паузы, он улыбнулся и продолжал.

— Вначале мне показалось что вы ищите говорящих на каком-нибудь секретном языке. Недавно я был в Кубинском районе. Там в одном селе жила балкарская или карачаевская семья. Эту семью выселили, так как ее члены не захотели писать в паспорте, что они азербайджанцы.

Очень плохо то, что целые народы объявлены врагами — чеченский, ингушский, балкарский и некоторые другие. Это большой грех. Аллах за это кого следует накажет.

Хотя власти старались держать в секрете репрессии против целых народов, о них знали даже представители этих малочисленных народов, живущих в горах, и искренне обсуждали эти репрессии. Я старался не акцентировать внимание на этой теме, помня слова Шахкери: «Уполномоченный милиции, хотя человек не плохой, но ему не нужно говорить о вашей национальности».

Мое пребывание в Алыке не обошлось и без «приключения». Уполномоченный милиции поинтересовался, почему Алибала хромает. Отвечая на вопрос, хозяин дома Алибала сказал:

— Утром я был на сенокосе. Беседуя с колхозниками, я сел на кучу скошенного сена. Вдруг меня больно укусило какое-то существо. Я вскочил. Оказалось, я сел на ядовитую змею. Колхозники тут же убили ее. Хотел сразу поехать в Кубу, но до Кубы надо ехать прямым путем семь-восемь часов. Если яд змеинный попал в организм, то за это время он успеет сделать свое жизненно опасное «дело». Прошло три-четыре часа. Болит, но держусь.

Выразив сочувствие и сожаление ему, я сообщил, что у меня есть пенициллиновая мазь, но вряд ли она поможет. Услышав этот разговор подбежала жена Алибалы и стала умолять меня чтобы я вылечил ее мужа пенициллином. Пришлось выполнить роль лекаря поневоле. Утром, когда я встал, Алибала ходил, не хромя, жена его была в хорошем настроении, а сын во дворе освежал барана. Был приготовлен торжественный обед. Мы пообедали хорошо, прославляя Аллаха за его милость и отмечая мое «искусство лечения».

— Не хотели бы Вы, Алибала иметь письменность на вашем родном языке? — спросил я.

— Не думаю, что нам нужна письменность на нашем почти «одиоульном» языке с преподаванием на нем в школе, с изданием литературы и т.д. А вот не мешало бы иметь алфавит, созданный вами для записи наших слов, фольклорных произведений, для написания письма в случае необходимости. Может быть, вы оставите нам созданный вами алфавит с объяснением, как им пользоваться.

— Конечно, я оставляю вам алфавит, текст на вашем языке. Объясню, как применять алфавит — ответил я.

В течение нескольких дней я выяснял наиболее существенные расхождения между крызским языком (по данным Шаумяна) и его алыкским говором. Перед отъездом сфотографировал семью Алибалы перед его домом. Затем, простившись с гостеприимной семьей Алибалы, по долине реки Алыкчая верхом на лошадях я и сын Алибалы отправились в Хагут. Мы ехали по руслу реки Алыкчая по направлению к селу Хапуту. Над ее берегами возвышались горы. Вскоре впереди показалось это небольшое село. Дома и здесь одноэтажные глинобитные с плоскими крышами, как и в других шахдагских селах.

Я остановился в доме Хаджибека Аквердиева. Он бывший председатель сельского Совета. Говорит по-русски. Его сын Муьсенев — председатель колхоза. Он служил в армии. Имеет звание старшего лейтенанта. Хорошо владеет русским, азербайджанским языками и хапутским говором крызского языка (в Хапуте называют его хапутским языком, как жители Алыка свою речь алыкским языком).

Хаджибек уже вышел на пенсию. Бодрый, общительный. Проявляет большой интерес к моей работе. Охотно помогает мне. Просил оставить ему разработанный мною алфавит для записи слов и текстов на хапутском говоре. Я с интересом слушал его нестандартные рассуждения о народах, языках, культурах.

Хаджибек интересовался судьбой своего народа и его языка. Он рассуждал так:

— Часто думаю о нашем народе и его языке, которым, кроме нас самих, никто не владеет. Никому он не нужен. Если бы мы не владели никаким другим, более распространенным языком, то мы были бы полностью изолированы от других народов. Но ведь в наше время нельзя жить в такой изоляции. В Азербайджане мы пользуемся азербайджанским языком. А Азербайджан — всего лишь маленькая часть великого Советского Союза. Как у нас говорят, с азербайджанским языком дальше Баку не поедешь. Многие наши владеют и русским языком, но большинство не знают его. Даже я плохо говорю по-русски. У нас есть женщины, которые не знают ни азербайджанского, ни русского языков,

владеют только своим родным языком.

Хотелось утешить его какими-то добрыми словами. Но не найдя таких слов, я сказал:

— Очень жаль, что так сложилась судьба вашего народа.

— Это наша исторически сложившаяся трагедия. В определенном смысле она труднее, трагичнее, чем у недавно репрессированных народов — чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, карачаевцев — продолжал он.

— У этих народов трагедия худшего типа. Этого никому не пожелаешь — ответил я.

Согласен с Вами. Но мы тоже находимся в своеобразной «резервации», исторически созданной нашим прошлым в пределах маленькой территории, ее границами ограничено функционирование нашего языка, нашей самобытной культуры. Но ведь это микромир небольшой группы первобытных людей. На них похож один 120-летний старец, вся жизнь которого прошла в нашем селе и на его окраинах. Он — неграмотный. За пределами окраин Хапута он нигде не был. При всей красоте нашей природы в наш иск замкнутое существование стало «тюрьмой» не лучшего типа для материальной и духовной жизни нашего народа, если мерить мерками современного развитого общества. Мы формально пишем в паспорте, что мы азербайджанцы. Азербайджанский народ, его язык и культура много дали нам. Но мы по традиции дома говорим на своем родном языке, пользуемся своими обычаями, нравами. Плохо знаем азербайджанский язык; некоторые из нас вообще не знают его. Немного и таких, которые должным образом владеют русским языком. В этих условиях мы остаемся в стороне от столбовой дороги мирового развития. Во всем этом также проявляется специфическая трагедия нашего народа.

Мой собеседник, как бы собираясь перейти к следующей, новой, в какой-то мере печальной для него мысли, сказал:

— А может быть в этой трагедии представлен единственно возможный путь к наиболее целесообразному для нашего народа будущему — путь растворения в составе крупного народа. Нас ведь очень мало. Вы говорите о нашей культуре. Что это за культура? наша хапутская одноаульная бытовая и духовная культура, пропитанная инокультурными элементами, наши горы, альпийские луга, жизнь чабанов на пастбищах. В основном — это все. Наши самобытные элементы культуры мизерны. Это говорю я, — весь пропитанный хапутским духом. Иным я и стать не могу, живя безвысочно в Хапуте, говоря по-хапутски в основном, все время общаясь с хапутцами, следуя их обычаям, нравам в каждодневной жизни. И все же трудно согласиться с искусственным ускорением нашей ассимиляции в составе

азербайджанского народа.

Признаюсь, впервые слышал такие рассуждения. Я был поражен этим. Но не стал излагать ему — почтенному человеку свою точку зрения. Это было бы бестактным с моей стороны — дискутировать с ним по данному вопросу (по местным традициям).

Интересной была моя встреча со старцем, которому было 120 лет. Он слеп. Это произошло в 1947 году. С тех пор он жил мечтой снова увидеть прекрасный мир. Всю сознательную жизнь он провел на альпийских пастбищах, работая чабаном. Он встретился и с Шамилем.

— Однажды Шамиль со своим отрядом подъехал к стоянке наших чабанов. Они были на прекрасных конях. Шамиль говорил с нами. Весь его небольшой отряд был вооружен. Мы хотели их угостить нашей едой. Шамиль поблагодарил нас, сказал, что у них нет времени. Они уехали.

За всю свою долгую жизнь он не выезжал с территории своего села. Он не видел ни железной дороги, ни автомашин. Владел только халутской речью.

Не обижали ваш маленький народ? — спросил я.

— Нет, — ответил старец. Но были и бываюот стычки, споры, связанные с использованием пастбищ, земли. Нас очень мало. Поэтому нас не будут так жестоко выселять, как чеченцев, ингушей, балкарцев и другие народы. Это было бесцеловечно.

Меня удивляло то, что каждый, с кем я беседовал, в той или иной форме упоминал репрессированные народы, при этом выражая свое осуждение этой жестокой расправы с целыми народами. Открыто осуждать это варварство в то время было опасно. Они знали, что я из Москвы, но не зли, кто я по национальной принадлежности. Значит они доверяют мне, думал я. Это было приятно.

Через несколько дней, завершив свою предварительную работу в Хапуге, я уехал, в село Хиналуг.

Село Хиналуг находится на высоте 2300 метров над уровнем моря. В то время в нем жили более одной тысячи человек (по данным сельского Совета). Это было трудное послевоенное время. Многие вынуждены были уехать из села на временные работы. Село возвышается над ущельем, на дне которого протекает небольшая речка. Близжайшие горные вершины и склоны покрыты лугами. А дальше, за зелеными вершинами гор, далеко от Хиналуга сверкают снежные отроги Главного Кавказского Хребта, ярко освещенные лучами солнца, как в Будухе, но в другом районе. Село находится в районе альпийских пастбищ, где летом пасутся отары, стада колхозов, совхозов равнинных районов

Азербайджана и Дагестана.

Мухтар Хаджимурадович Насруллаев — бывший участник Великой Отечественной войны, старший лейтенант — медицины в отставке пригласил меня в свой дом. Он прекрасно говорил по-русски. Его жена Фатимат — русская по происхождению. Маленькой пятилетней девочкой привезли ее в Хиналуг. Родственник Мухтара был сослан в Алтайский край. Там он женился на русской женщине Марии, которая была разведена с первым (русским) мужем, от которого она имела дочь. По истечении срока ссылки дядя Мухтара вернулся домой — в Хиналуг, вместе с женой, удочерив ее дочь. Девочке дали новое имя Фатимат. Она росла в Хиналуге, где окончила сельскую школу. На Фатиме и женился Мухтар. В 1949 г. у них было четверо детей — два мальчика и две девочки. Фатима прекрасно знала хиналутский язык, но слабо с акцентом говорила по-русски. Я был приятно удивлен, когда Мухтар, как говорится природный хиналутец стал обращаться к Фатиме, чтобы она сказала на хиналутском языке названия предметов домашнего быта, утвари. Арчил! — обращался он к Фатиме, скажи, как называется такой-то предмет по-хиналутски.

После войны отец Фатимы вернулся домой (в Алтайский край), кажется, полковником и узнал, что его бывшая жена вышла замуж за хиналутца и уехала на родину мужа (в Азербайджан) с дочерью. Говорили, что он приезжал в Азербайджан за дочерью. Но уехал без дочери. (фото: Фатима с матерью и детьми). Младший сын Мухтара и Фатимы женат на русской и постоянно живет в г. Владимире (в России).

Даже в изложенных выше необычных условиях личные (личностные) отношения оказываются выше житейских, классовых, национальных факторов. Эти примечательные факты из реальной жизни, заставили меня несколько отвлечься от основной темы и остановиться на некоторых чрезвычайно интересных деталях семейной истории Насруллаева, представляющих и социальный интерес, а не только интерес с точки зрения межнациональных отношений.

Историческое прошлое и современная жизнь малочисленного хиналутского народа заслуживают особого внимания. Прежде всего хиналутский язык показывает, что его народ-носитель представляет, по всей вероятности, сохранившуюся часть особой ветви горских кавказских народов. Может быть, наиболее показательно выражает правомерность этой гипотезы, хиналутский язык, относящийся генетически к горским кавказским языкам и существенно отличающийся от всех других групп. Забегая вперед, укажу на то, что в этом убеждает осуществленное мною его

развернутое монографическое исследование в книге «Грамматика хиналутского языка» (Москва, «Наука», 1961). Но в 1949 г. я еще не мог так утверждать, т.е. до создания данного труда.

В Хиналуге еще сохранились развалины старых каменных зданий — домов и других построек. По рассказам долгожителей, в 1926 году в селе было болес 90 тысяч овец, свыше 27 тысяч крупного рогатого скота, табуны лошадей. Хиналут являлся одним из наиболее богатых сел региона.

В 1949 году в Хиналуге мы видели одноэтажные дома с плоскими крышами, как в азербайджанских селах. Языком обучения в начальной школе служил азербайджанский. С разрешения учителя я пришел в первый класс, чтобы понаблюдать, как хиналутские дети говорят по-азербайджански. Со мной был директор школы Ахмед Ибрагимов. Учитель — хиналутец. Дети с трудом говорят по азербайджански. Преподавателю очень часто приходится объяснять детям азербайджанские слова на хиналутском языке.

После урока мы с Ибрагимовым пришли в учительскую и беседуем с учителями. Я спросил их:

— Не следовало бы создать письменность на хиналутском языке и издать букварь, чтобы в первом классе обучать детей грамоте на родном языке?

Ответ учителей был единодушным: этого не следует делать. Нет никаких перспектив практического применения хиналутской письменности. Такая практика только осложнит процесс обучения. Дети должны еще изучать и жизненно необходимый им русский язык. А затем и один из иностранных языков.

На этой встрече с учителями Ибрагимов обратился ко мне со следующей просьбой.

— Мы будем вам благодарны, если оставите нам алфавит, который вы создали, чтобы записывать слова на хиналутском языке. В случае необходимости будем переводить для школьников непонятные азербайджанские и русские слова и писать их по-хиналутски. Сможем писать друг другу письма на «секретном» хиналутском языке. Последние слова Ибрагимова вызвали общий смех. Пришлось пообещать им, что оставлю такой алфавит с объяснением, как им пользоваться.

Несколько лет позже я познакомился с хиналугцем — учителем и поэтом Рагимом Халмасом, который писал хорошие стихи на хиналутском языке, живя в другом селе. Он специально приезжал в Москву с предложением перевести на хиналутский язык одну книгу. Для этого, конечно, ему нужна была письменность на хиналутском языке.

Однажды я ходил к хиналутским чабанам на альпийские

пастбища на склонах гор, недалеко от Хиналуга. Мне нужно было записать названия полевых цветов, разных растений на хиналугском языке. Во второй половине солнечного дня я возвращался в Хиналуг. На небольшой высоте на склоне горы горел огонь. Пламя поднималось всего примерно на полметра. Я подошел ближе к огню и увидел, что горит подземный газ. Из-за своей некомпетентности я был сильно расстроен. «А вдруг произойдет низвержение вулкана или сильный взрыв газового потока. Я поспешил в село.

Мухтар стоял на плоской крыше своего дома и увидел меня, торопливо поднимавшегося из ущелья к селу. Он стал спускаться с крыши и вышел на улицу навстречу мне. Видимо, у меня был вид человека, чем-то сильно расстроенного:

— Что случилось, — удивленно спросил он меня, подходившего к нему.

— Там горит газ, идущий из-под земли, сообщил я. Мухтар засмеялся, поняв, чем я расстроен, и, перебив меня, рассказал:

— Этот газ горит уже несколько лет. Приезжали специалисты из Баку. Они установили, что наш газ не имеет промышленного значения. Мы устраиваем там масвки. Собираюсь вместе с Вами провести там один из ближайших выходных дней.

И действительно через несколько дней вечером на конях мы поехали туда; нас было человек пять. Газовый очаг находился под небольшим выступом горы, защищавшим очаг с постоянно горящим газом от северо-восточных ветров; как мне показалось, кругом росла все еще зеленая трава, доходившая нам до груди. Одни из нас стали накрывать газовый очаг снопом сухих дров, а другие разделять баранью тушу, привезенную с собой из Хиналуга. Расположились мы недалеко от очага, расстелив ковер на траве. Овец отпустили пастись на окружающих нас альпийских лугах. Окружала по-летнему ярко разодетая — вся в зелени — природа, а вдали сияли снежные вершины высоких гор.

В разгаре нашего пиршества к нам подъехал незнакомый человек. По местным традициям все встали, показывая свое уважение к гостю. Встал, конечно, и я. Он оказался чабаном из Дагестана. На отведенном им участке пастбищ находились дагестанские чабаны с отарой овец. Наш гость оказался кумыком. Его попросили присоединиться к нашей компании. Он охотно принял приглашение. Мухтар заговорил с ним по-азербайджански. Заметив, что меня интересует язык их общения, Мухтар объяснил, что он, владеющий азербайджанским языком, понимает кумыкскую речь, правда, далеко не все слова.

— На фронте в нашей части были два лейтенанта — один балкарец, а другой чеченец. В балкарской простой речи были

слова и словосочетания, понятные мне, а в чеченской речи ничего не понимал, хотя мой родной хиналугский и чеченский языки являются кавказскими. Чем это объяснить? — обратился он ко мне.

Как мог, я попытался ответить ему. Затем я спросил Мухтара о судьбе бывших его сослуживцев — балкарца и чеченца.

— Трагическая была их судьба — начал он. — После выселения чеченского, балкарского и других народов, командиру нашей части настойчиво предлагали демобилизовать их как представителей репрессированных народов. Оба они безупречно выполняли свой воинский долг. Трудно было заменить их в конце войны равноценными кадрами. В конце концов командира заставили демобилизовать их. Перед их демобилизацией балкарец получил письмо, в котором сообщалось, что его родители вдали от родственников умерли от голода в Средней Азии, куда они были выселены. В этот же момент ему вручили приказ о его демобилизации и направлении в Среднюю Азию для постоянного места жительства. Отважный защитник Родины, подавленный всем этим, настрелился. Такой же отважный защитник Родины чеченец после демобилизации в пути в Среднюю Азию попал в автомобильную аварию и погиб.

Чабан из Дагестана включился в разговор на эту тему. Он рассказал о том, как безжалостно осуществлялось выселение чеченцев-ауховцев из Дагестанской Республики. В течение двух часов они должны были собраться в дальнюю дорогу, захватив с собой самое необходимое. Они лишились всего того, что было заработано за десятилетия — домов, домашнего хозяйства, скота, домашних птиц и т.д.

— Особенно тяжело было видеть испуганных плачущих детей, женщин, оставленных без присмотра больных — закончил свой рассказ чабан.

Так большая трагедия рождала маленькие трагедии, т.е. трагедия целого репрессированного народа осложнялась трагедиями семей, отдельных личностей.

— Пора мне ехать. Большое спасибо за такое необычное гостеприимство. Предстоит дальняя дорога до наших чабанов — обратился к нам дагестанский чабан. — Если стемнеет, могу заблудиться, как та пожилая женщина из вашего села, которая заблудилась и пришла к дагестанским чабанам. У вас такой особый язык. Как мне рассказывали, никто из чабанов не мог понять ее язык. Они считали, что язык, на котором говорила пожилая женщина, не похож ни на один из дагестанских языков. Она же не знала другого языка, кроме своего родного — улыбаясь, продолжал он, пастухи решили, что эта женщина из

Азербайджана и отправили ее в Баку. Надеюсь, такое со мной не случится, — сказал чабан, вставая.

Мы дружески попрощались с кумыкским чабаном.

Пока мы увлеченно беседовали на разные темы, наши кони, которые паслись недалеко от нас, ушли куда-то. Альпийские дуга простирались во все стороны. Не сразу нашли лошадей. Мы оседлали только что пригнанных коней. Они выглядели сытыми и отдохнувшими. Мы тоже хорошо отдохнули. Приятно действовала на настроение вечерняя прохлада в горах после знойного дня.

Когда мы возвращались домой, я спросил Мухтара:

— А есть ли сейсч хиналутцы, владеющие только своим родным хиналутским языком?

— Конечно, есть. Довольно много таких. Могу помочь вам поговорить со старой женщиной, напоминающей ту пожилую заблудившуюся хиналутскую женщину, которую отправили дагестанские или какие-то другие пастухи в Баку, чтобы выяснить, на каком языке она говорила.

На следующий день Мухтар устроил мне встречу с пожилой женщиной. Во время моей беседы с ней он сфотографировал нас на улице перед домом, в котором она жила.

В Хиналут мы вернулись перед заходом солнца.

Поработав несколько дней в Хиналуте и отдохнув в течение одного дня на лоне прекрасной высокогорной природы, я выехал верхом в село Крыз. Через несколько часов мы с моим проводником прибыли туда. Крыз довольно большое для горных районов село. Оно расположено на склонах и впадине горной вершины, называемой Белой горой, возвышающейся над долиной реки Джескчай (эта река в Алыке называют Алыкчай, Хапуте — Хапутчай. Когда смотришь вниз с высоты джекской горной вершины, видна большая зеленая котловина в районе между Крызом и Джеком. Естественная радость охватывает человека, обозревающего этот красивый пейзаж, созданный природой.

В Крызе я остановился в доме председателя колхоза Ярмamedова. Он интересовался прошлой и современной жизнью крызцев. В то время, по его словам, крызцев было свыше восьми тысяч человек. До войны в селе было 194 двора, а тогда (т.е. в 1949 г.) осталось всего 40 дворов. По словам председателя колхоза, до революции население Крыза составляло 700 хозяйств. Многие крызцы переселились в кубинский и другие районы Азербайджана. Переселенцы живут примерно в тридцати поселках. Все пишут в паспорте, что они азербайджанцы. Таким образом, созданы благоприятные условия для растворения (ассимиляции) их в составе азербайджанского народа. Никаких возражений против этого процесса я не слышал.

— Крызцы, живущие в этих поселках, говорят, по-крызски? — спросил я Ярмамедова.

— Да. Особенно хорошо владеют представители старшего поколения. Но уже появились молодые люди, которые не знают крызского языка или знают его плохо, — ответил он.

— Есть ли крызцы, которые осуждают соотечественников, забывшие язык своего народа, своих родителей? — Снова я обратился к Ярмамедову.

— Некоторые крызцы старшего поколения осуждают молодых людей, не владеющих языком своих родителей. Но таких стариков немного. Остальные видят в постепенном переходе молодых крызцев на азербайджанский язык естественный процесс. Правда, и среди молодых были энтузиасты, требовавшие создания крызской письменности и организации обучения крызскому языку в первых классах начальной школы. Но редко кто поддерживал их. В этом не видят будущего и практической пользы. Но мне кажется, что не мешало бы иметь крызский алфавит, чтобы написать письмо, записать песни, сказки, предания. Вот вы записываете наши слова своим алфавитом. Если вы оставите свой крызский алфавит и объясните, как им пользоваться, я бы воспользовался им, — обратился он ко мне.

Охотно выполнил просьбу Ярмамедова и двух—трех человек, пожелавших иметь крызский алфавит во время моей беседы с группой крызцев в сельском Совете. Ярмамедов был наблюдательным человеком. Примерно за два дня до моего отъезда мы сидели вечером дома и ужинали. У нас сложились хорошие, доверительные отношения. Вдруг он задал мне неожиданный вопрос:

— Вы кавказец?

Пришлось сказать ему правду. Он сначала удивился. Потом сказал:

— Из нашей республики выселили почти всех представителей репрессированных народов с семьями. Это несправедливо и жестоко, — возмущался Ярмамедов.

Затем Ярмамедов рассказал мне следующее:

— В 1944 году я был в гостях в одном поселке, где живут крызцы. (Это доверительный разговор — подчеркнул он). Младший брат моего приятеля, у которого я остановился, лежал в тяжелом состоянии. Его звали Шамсаддин. Как мне рассказали, воинская часть, в которой он служил, была направлена в Чечено-Ингушетию для выселения чеченцев и ингушей. Его, как горца, направили в горный район. Машины не могли подъехать к одному селу. Всех жителей этого села заставили спуститься с вшами вниз к грузовикам. После ухода жителей, войны должны

были проверить все дома, не остались ли там люди, которые потом могли уйти в леса и горы и стать абреками (т.е. мстителями). Шамсадин вместе с воином русским вошли в добротный кирпичный дом. В одной из комнат лежал больной старик. Он сам не мог идти. Старик по-русски объяснил, что его родственники отнесут вещи к машинам, затем за ним придут. Старец был добрый и приветливый. Русский сказал Шамсадину, что придет их командир — жестокий человек, увидит, что старец сам не может идти, и тут же может застрелить его. Такой приказ есть. Алексей — так звали русского — предложил Шамсадину вместе отнести старца к грузовикам. В тот момент, когда они подошли к выходной двери со стариком, завернутым в одеяло, подошел командир и закричал на них:

— Почему вы не выполняете приказа? Вас надо под трибунал. Положите старика на кровать.

Алексей был высокий, сильный человек. Он ответил командиру:

— Старик вполне здоровый. Он недавно ногу сломал, поэтому сам не может спускаться с горы.

— Кто вам позволил рассуждать. Почему не выполняете приказ.— опять закричал командир. Затем командир схватил одеяло и попытался оттолкнуть Алексея. Русский воин одеяла не выпустил, а командира оттолкнул. Раздраженный этим командир вытащил из кобуры пистолет и застрелил старика, а потом рукояткой пистолета ударил Алексея по лицу. С окровавленным лицом Алексей бросился на командира, отнял у него пистолет и застрелил его. Потом он сказал Шамсадину:

— Уже мертв старец, которого мы с тобой хотели спасти по-человечески. Мертв и этот командир — зверь, тоже мертв. Нам с тобой не миновать военного трибунала. Надо бежать.

Они положили мертвого старца на кровать и укрыли его одеялом. Затем убежали.

Они шли целый день и всю ночь по горам и ущельям. Ночью не решались уснуть в незнакомых местах. На второй день они увидели дорогу. Обрадовались и побежали к дороге. Шамсадин споткнулся, упал в яму и сломал ногу. Алексей с трудом донес его до дороги. Оказалось, они находятся на территории Дагестана. Сверху шла грузовая машина. Шофер — дагестанец остановил машину, разрешил им сесть и довез их до станции Хасав-Юрт. Там они сели на бакинский поезд. Алексей помог Шамсадину высадиться в Хачмасс, вместе с ним поехал к нему домой. Он погостил несколько дней. Ему помогли переодеться. Дали денег и еду на дорогу. Отвезли его на станцию Хачмас. Он уехал поездом домой.

Дружески попрощавшись с гостеприимной семьей Ярмамедова и с новыми крызскими знакомыми, утром 22 июня 1949 года мы с моим проводником выехали на конях из села Крыза. Мы спустились с гор по альпийским лугам. день был очень жаркий. За все время пути — с девяти часов утра до 18 часов, мы два—три раза останавливались на короткое время у речки на лужайке, давая возможность коням отдохнуть и пастись на альпийских лугах. Около девяти часов мы спустились под палящим солнцем. Это было очень утомительно. Но чарующая своей красотой природа способствовала тому, что я особенно не ощущал усталости до самого города Кубы. Здесь впервые почувствовал сильную головную боль и усталость.

Восьмого июля, когда я находился в Махачкале проездом, узнал, что в конце июля будет совещание с участием работников просвещения и учителей из сельских школ. На это совещание приедут представители из андо-дидойских районов и сел. Представлялась прекрасная возможность выяснить, какие языки и в каком объеме применяются в школах андидойских народностей носителей бесписьменных языков, хотя ли они имеют письменность на своих родных языках. Одновременно можно было узнать, какая часть андодидойцев переселилась в чеченские села, не смешались ли переселенцы — представители разных народностей в этих селах. Все это можно было осуществить с минимальной затратой времени. Поэтому я решил из Кубы поехать в Хачмас, оттуда поездом в Махачкалу.

В Махачкале у меня были удачные встречи с учителями из сел андо-дидойских народностей.

В многонациональном Дагестане

В Дагестане я бывал много раз. В нынешнюю поездку мне нужно было белю ознакомиться с фактическими материалами, касающимися решения тех же вопросов, которыми интересовался в Шахдагских горах. В то время Дагестан (что означает Горная страна или Страна гор) представлял собой наиболее многонациональный регион по численности младописьменных и бесписьменных народов среди всех автономных республик, областей и округов. Как любил подчеркивать профессор Б.А.Бокарев, в маленьком Дагестане жила четвертая часть народов многонационального СССР. Таковым остается Дагестан и в настоящее время. Общим языком взаимообщения Дагестана служит русский язык. Большинство бесписьменных народностей относятся к аваро-андо-дидойской группе. Из дагестанских языков наиболее распространенных среди носителей андо-дидойских бесписьменных языков

является аварский. Общий интерес вызывает судьба малочисленных народов, их языков и культур. В отличие от шахдагской группы здесь картина более сложная. По данным переписи населения в 1926 году всего аварцев было 144 680 чел. В это число в то время не входили носители бесписьменных андо-дидойских языков: андийцы — 7953, ахвахцы — 3720, багульцы — 3301, ботлахцы — 3379, годоберинцы — 1512, дидойцы — 3333, кзыучинцы — 2549, каратинцы — 5391, тиндалцы — 4095, хваршинцы — 1168, чамалинцы — 4028. Нет данных за 1926 г. о гунзсбах, гинухах.

Начиная, примерно, с 50-х годов, носители андо-дидойской группы языков во время переписи населения стали называть себя аварцами с этого времени из официальной печати исчезли названия примерно 14—15 этносов, хотя продолжали существовать и функционировать их языки, культурно-бытовые особенности, а также этническое сознание.

В этом я убедился во время встреч с учителями из сел андодидойских народов. На мой вопрос представителями какого народа или каких народов вы являетесь, андиец, дидоец и ахвахец сказали, что они являются представителями соответственно андийского, дидойского и ахвахского народов. Важно, чтобы в таких случаях не раздваивалось самосознание народа. С тех пор прошло много времени. Может быть ситуация изменилась там. В 1990 году, во время научной командировки в Махачкалу, мне говорили, что некоторые андийцы требуют создания письменности на андийском языке. В 1991 году на конференции в Махачкале сообщали, что андийцы отвергли идею создания письменности на андийском языке. Как показала перепись населения 1989 года, численность андийцев увеличилась до 18—20 тысяч чел. т.е. по сравнению с 1926 годом увеличилась почти в три раза. В 1989 г. аварцев стало 495721 чел. т.е. по сравнению с 1926 годом население увеличилось почти в три раза. В это число входят и представители андо-дидоевских народов, которые не были выделены как особые этносы. Но они не драматизировали будущее своих этносов, как некоторые носители языков шахдагской группы, сравнивающие в определенном смысле будущее своих этносов с будущим репрессированных (в 1949 году) чеченского и ингушского этносов.

В конце 40-х годов, как и в начале 90-х годов, в Дагестане обсуждались вопросы современного состояния и перспектив будущего языков, культур и других этносов: младописьменных даргинского, лакского, лезгинского, табасарского, кумыхского, ногайского, татского народов, а также носителей других бесписьменных языков. В начале 90-х годов были приняты меры

по созданию агульской, рутульской и цахурской письменности без конкретного определения возможных масштабов развития языков и культур этих народов.

После предварительного ознакомления с такой запутанной и многоаспектной культурно-языковой ситуацией в Дагестане я отправился из Дагестана в Грузию через Северную Осетию по военно-грузинской дороге. В столице Республик Дзаулжикау (ныне Владикавказ) остановился в гостинице «Интурист». Без особого осложнения мне дали номер. Никаких подозрительных телефонных звонков не было. Спокойно провел одну ночь в гостинице и утром следующего дня нанял такси и поехал в Пригородный район, где жители ингуши. В одном из ингушских сел таксист остановил машину перед Сельским магазином. У входа в магазин стояли мужчины о чем-то увлеченно рассуждая. Поздоровавшись с ними, следуя местным традициям, я вошел в магазин, но там ничего особенного не было. Когда я вышел из магазина, один из тех мужчин, мимо которых я проходил, обратился ко мне:

— Вы так же, как и мы вышли без покупки. Я приехал за дешевыми фруктами и овощами, а в магазине пусто. Эта поездка сюда из города мне — инвалид ничего не дала, кроме лишних расходов.

— Скажите, пожалуйста, живет ли в селе ингушская семья? — спросил я.

— Что вы, все ингуши выселены. Они не имеют права проживать здесь, — ответил другой мужчина, судя по акценту, осетин.

Инвалид (русский) прихрамывая подошел ближе к осетину и в сердцах сказал:

Это преступление обвинить всех без разбора в предательстве по национальному признаку и выселить, отняв все: родину, дом, хозяйство.

— Будь осторожен. Опасно так рассуждать — заметил тот же осетин.

— Я правду говорю. Наплевать мне на доносчиков и стукачей. Видишь тот дом. Там жила семья моего фронтового друга ингуша, погибшего под Сталинградом. Там я был тяжело ранен и вернулся калекой домой. Я приезжал сюда, чтобы выразить соболезнование родителям своего друга. Мне тоже предлагали дом в этом селе, когда репрессировали ингушей. Но я наотрез отказался воспользоваться чужим домом, добром.

— Ты зачем мне все это говоришь — в обиженном тоне сказал тот же приезжий осетин. — Мне тоже предлагали бесплатно дом в этом селе. Но я отказался воспользоваться чужим домом и добром, как и ты.

В разговор вмешался третий мужчина — осетин, видимо, житель села.

Многих осетин из горных районов заставили переселиться в бывшие ингушские села.

Чтобы они не приняли меня за подозрительного человека, я обратился к ним:

Мой фронтовой товарищ — житель этого села; собирался вернуться в это село. Мы расстались с ним еще в Москве, куда он приезжал с фронта в командировку.

— Как его фамилия — спросил инвалид.

Вопрос был неожиданный для меня. Не зная как ответить, я назвал фамилию ингуша, который действительно приезжал с фронта в Москву. Это был Абдулла Цароев, хотя я не знал, из какого села он.

Мы с таксистом побывали еще в нескольких бывших ингушских селах, в которых в основном жили осетины. Они во второй половине дня вернулись в Дзеджикау.

На следующий день в 7 ч. 30 м. утра на автобусе я по военно-грузинской дороге уехал в Тбилиси. День был безоблачный, жаркий. Но когда мы ехали по военно-грузинской дороге в горах, не чувствовали жары. Пассажиры любовались, восхищались красотой «кавказских» гор и не замечали недостатков плохой дороги. Около 17 часов прибыли в Тбилиси, где стояла невыносимая жара.

Через день вечерним поездом я уехал в Кахетию. Около восьми часов утра без приключений прибыл в Телави, откуда сразу автобусом отправился в Земо-Алвани. Александр Федорович Цискаришвили, земо-алванские друзья и знакомые тепло, приветливо встретили меня.

Это была моя последняя поездка в Земо-Алвани. Еще раз проверил подлежащий проверке материал по всем частям моей книги «Бацбийский язык», впоследствии изданной издательством Академии Наук СССР (Москва, 1953). В течение двух недель работал я напряженно.

Утром 16 августа наше расставание с Александром Федоровичем было трогательным. Мы столько лет дружно работали вместе, вели интересные беседы. Он говорил, что в годы нашей совместной работы по изучению языка, истории, культуры, быта цова-тушин (бацбийцев), жил, не замечая старости. Александр Федорович был моим основным консультантом и информантом по крупнейшей, после РСФСР, союзной республики (УССР) к массовым репрессиям против целых национальных республик с ликвидацией их автономии, поголовным выселением жителей по национальным признакам с родной земли.

В начале огромный корабль «Россия» плывал по волнам Черного моря. Сухумский порт принял нас спокойно. По кораблю молниеносно распространился слух, что в Сухуми села на корабль Ю.А.Жданов с супругой Светланой (дочерью Сталина) Мне приходилось видеть Ю.А.Жданова в Москве, когда он моодой кандидат наук, заведовал Отделом вузов и научных учреждений (кажется, так назывался этот отдел) ЦК КПСС. Его характеризовали как мягкого и доброжелательного. Но на корабле я его не видел. После Сочинского порта наш корабль вышел в зону все усиливающегося шторма. Многие до сих пор помнят этот сильнейший шторм. Ялтинский порт не смог принять наш корабль из-за шторма. Как говорили, 217 человек не смогли высидеться в Ялте. Корабль поплыл дальше. Экскурсионные теплоходы в то время не заходили в военный порт Севастополя. Но нашему кораблю темной ночью разрешили укрыться от волн в бухте Севастополя.

Одна немолодая пара выдававшая себя за супругов, пристала ко мне, требуя уступить ей каюту, которую занимал я. Эта пара вела себя довольно развязно. Поэтому я не освободил им каюту. И вот мужчина, выдававший себя за супруга женщины, заходившей вместе с ним в мою каюту, решил воспользоваться выборочной проверкой документов на корабле, находившемся в этот момент на территории закрытого военного порта, ходил к проверяющим документы и наговорил на меня. Ко мне в каюту зашли два военных моряка, проверявших документы, и потребовали предъявления документов. Старший из них, узнав по удостоверению личности, что я работаю в Институте языка и мышления Академии Наук СССР, спросил:

— Вы знаете Алексееву, которая работает в этом Институте.

— Екатерину Ивановну? — задал я ему вопрос.

— Да, Катя — моя двоюродная сестра — сказал моряк, улыбаясь.

— Мы с ней работаем в профкоме — почему-то обрадовался я, предчувствовавший, что кто-то послал моряков ко мне.

Тут же возвращая мне документы, моряк спросил, знаком ли я с парой, которая заходила ко мне. Я рассказал им, как «познакомился» с этой парой. Старший моряк брезгливо плюнул и сказал:

— клыузники.

Моряки пожелали мне счастливого плавания, а старший моряк попросил передать привет Екатерине Ивановне от ее брата Владимира. Так удачно для меня закончилась проверка документов. После всего этого я успокоился и решил совершить прогулку по кораблю. Палуба производила ужасное впечатление.

Всюду лежали люди, страдавшие морской болезнью. Рвота, тошнота, кашель замучили пассажиров. Врач бессилён был помочь. Он сам заболел. Жалко было мне — не страдавшему морской болезнью, детей, женщин, пожилых мужчин, измученных этим недугом.

К утру море более или менее успокоилось. По радио объявили, что корабль вернется в Ялту, чтобы высадить 270 пассажиров. Одни пассажиры заводновались, говоря, что родственники, знакомые, которые придут в Одесский порт встречать их, будут в сильной тревоге. Другие же были довольны тем, что бесплатно продлится их морское путешествие.

С опозданием почти на сутки наш корабль причалил к пристани в Одессе. Встречавших было очень много. Они запридумали выход; слезы радости, горячие объятия, восторги встречи. Оказывается в Одессе распространили упорные слухи, что корабль взорвался на подводных минах. Мне удалось сразу пересесть на местный катер, курсировавший между Одессой и Николаевым. Через несколько часов в Николаевском порту меня встретил Хаджимурад Тулаев. Мы не виделись два года. Встреча с семьей Тулаевых была радостная. Нас ждали дома Надя и маленькая Жанночка. В самые трудные дни мы были вместе и делили, как говорится, последний кусок хлеба.

— Вечером придут друзья — мои сослуживцы. Твой приезд повод для встречи, — сообщил мне Хаджимурад.

Такая встреча отвечала одной из целей моей поездки в СССР по такому сложному и трудному маршруту. После депортации репрессированных народов я не был на Украине. Нужны были конкретные факты, показывающие отношение представителей крупнейшего (после русского народа) Советского Союза к чудовишной операции диких репрессий против около десяти народов, поголовно изгнанных с родных земель и загнанных в своеобразную «резервацию» под контролем спецкомендатур.

Теплый августовский вечер. Окна комнаты открыты настежь. Завели патефон. Приходят празднично одетые гости: Начальник Николаевского Областного Управления связи Украины Мишин, его заместители и просто друзья и товарищи Хаджимурада.

Первый тост произнес хозяин дома. Он поздравил меня — гостя с благополучным прибытием по трудному и длинному маршруту, пожелал всем присутствовавшим весело провести время. Затем слово попросил Мишин.

— Я хочу пожелать нашему народу, — начал он, обращаясь к Хаджимураду и ко мне, — скорейшего возвращения, подлинной свободы, благополучия и счастья. Не может быть, чтобы целый народ был изменником Родины. Здесь была допущена какая-то

большая ошибка, как у нас иногда случается. Я слежу за работой Хаджимурада, замечательного работника, за его отношением к людям. Подчиненные ему сотрудники относятся к нему с большим уважением. Он один из моих заместителей. Я очень доволен им. За счастливое будущее вашего народа!

В то время не каждый осмелился бы произнести такой тост. Тем более он был приятным особенно для Хаджимурада и меня.

Во время перерыва один из присутствовавших подошел ко мне и сказал:

— Хочу рассказать вам о том, о чем не говорил во время поста. В 1944 году я находился на фронте. В частях нашей армии служили воины из чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, калмыков. Они были хорошими воинами. Вдруг по части распространился слух, что балкарский, карачаевский, ингушский, крымско-татарский, чеченский народы выселены.

Поэтому почему-то направляют в распоряжение командования всех воинов-представителей репрессированных народов. Сначала мы — воины были удивлены этим. Потом стали открыто выражать недовольство. Один бывалый старшина возмущенно заявил:

— Завтра какие-нибудь мои земляки, которых я даже не знаю, натворят что-нибудь, а потом меня будут преследовать по национальному или другому признаку. Это неправильно. Целые народы не могут быть предателями — нашими врагами.

Потом стали отправлять в распоряжение командования отдельных украинцев из разных областей Украины. И пошел слух, что из таких областей выселяют всех украинцев. Этим слухом были обеспокоены воины — украинцы. Вскоре запретили обсуждать эти вопросы под страхом строгого наказания. А старшину наказали: его перевели рядовым в штрафной батальон.

Спустя много лет, я ознакомился с докладом Н.С.Хрущева о культе личности Сталина и его тяжелых последствиях, где было сказано, что Сталин выселил бы всех украинцев, если бы их не было так много. Вспомнил рассказ украинца — участника вечера на квартире Тулаевых в городе Николаеве.

В семье Тулаевых я провел несколько дней. Хорошо отдохнул и узнал много интересного и важного, показывавшего резко отрицательное отношение на Украине к репрессиям против целых народов.

Новогодняя встреча с бывшими фронтовиками-гвардейцами

С волнением я ждал намеченной встречи с бывшими гвардейцами Советской Армии в новом 1950 году. Об этой

встрече была договоренность еще летом 1949 года, когда мы, после путешествия по Волге, расставались с ними на Речном вокзале Астрахани. С августа 1949 года никого из них я не видел и не имел с ними письменной связи, хотя мне очень хотелось узнать, как их встретили в Средней Азии и Казахстане, какое впечатление произвела на них жизнь репрессированных народов.

Примерно 28-29 декабря неожиданно пришел ко мне Альви Дадаев. Он вернулся из Казахстана еще осенью, и все еще находился под тяжелым впечатлением, которое произвели на него невыносимые условия жизни, унижения, оскорбления, которым подвергались представители репрессированных народов.

— Они оказались в исключительно тяжелом положении. Живут как преступники в спецпоселениях — говорил Альви. Репрессированные находятся под строгим контролем спецкомендатуры. За посещение без специального разрешения родственников, знакомых, даже в соседнем населенном пункте, привлекаются к уголовной ответственности. Тяжелое материальное положение осложнено моральными, духовными страданиями.

Альви сообщил, что все бывшие гвардейцы вернулись из Средней Азии и Казахстана. Наши друзья хотели бы, чтобы мы встретились не перед Новым Годом, а в первых числах января 1950 года в ресторане на Арбатской площади, — так выразил он пожелание гвардейцев.

В назначенный день около семи часов вечера я пришел в ресторан на Арбатской площади. Когда я вошел в просторное гардеробное помещение на первом этаже, увидел там своих друзей — молодых гвардейцев с женами. Все они были одеты по-праздничному. Грудь каждого гвардейца была украшена боевыми орденами и медалями. Гвардейские знаки, по две-три цветные нашивки ранений на гимнастерке, свидетельствующие о ранах, полученных в сражениях с фашистскими захватчиками. Встреча наша была дружеская. Мы поднялись на второй этаж и зашли в большой банкетный зал. В углу за маленькой «оградой» стоял наш накрытый праздничный стол. Рядом с нами за другим столом уже пиновала шумная женская компания. Наши гвардейцы в военной форме привлекли общее внимание. Замечное оживление наблюдалось в женской компании. Одна из них громко крикнула:

— Сколько прекрасных кавалеров! И все заняты!

Раздался дружный смех всей женской компании, подхваченный сидящими за другими столами в зале.

Мы заняли места за столом. Жены присланных из других городов капитана Ахия Алимова, старшего лейтенанта Амираана Озиева и Георгия Шиликина были в национальных народных женских формах. Старшим по возрасту за нашим столом был я. Гвардейцы

дружно провозгласили меня тамадой, несмотря на мой «протест». Старшим среди гвардейцев был капитан Ахия Алимов. Обращаясь ко мне как к тамаде и старшему товарищу, с нетерпением ждавшему этой встречи, Ахия сказал:

— После нашего прекрасного путешествия по Волге и расставания в Астрахани мы пережили тяжелые потрясения в Средней Азии и Казахстане. Наши репрессированные народы там находятся в тяжелейшем положении. Они морально подавлены. Местное население к ним относится сочувственно, пытается помочь нашим людям, но представители официальной власти, особенно уголовные и коррумпированные элементы, еще больше отравляют им жизнь. Надо принять какие-то меры, чтобы материально и морально поддержать их. Но не знаем, что делать.

— Я был в Северном Казахстане и граничащих с ним, районах Сибири. И там живут репрессированные немцы,— начал свой рассказ капитан Генрих Услар.— Наверное не все знают о страшной трагедии, которая произошла там. Многие тысячи уголовников — представителей разных народов были выпущены и направлены в эти места на постоянное метожительство. Среди репрессированных переселенцев большинство составляли чеченцы. Днем, когда все трудоспособные мужчины находились на работе, уголовники организованно начинали нападать на жилища репрессированных, убивать всех находившихся в домах — детей, женщин, стариков, и захватывать их дома. Узнав об этом, мужчины — представители репрессированных народов старались освобождать свои дома от уголовников, защищая свои семьи, жилища. Они убивали уголовников, но по традиции не трогали детей, женщин и престарелых из семей уголовников. Возмущенное жестокими действиями уголовников местное население стало обращаться в Москву. По указанию из Москвы представители спецкомандатуры с оружием в руках вынуждены были защищать репрессированных, ведя вооруженную борьбу против уголовников. Прибывшая из Москвы специальная воинская часть изолировала уголовников. Они были осуждены и сосланы в лагеря строгого режима, а их семьи выселены из этих районов.

Многие семьи репрессированных, проживавших там, были истреблены уголовниками, стремившимися овладеть домами, квартирами наших людей. После этой новой трагедии чеченским и другим семьям репрессированных было разрешено переехать к своим родственникам в Южный Казахстан, Киргизию. Как видите, трагедия за трагедией. Неизвестно, что будет завтра с многострадальными нашими народами.

Все мы, затаив дыхание, слушали страшный рассказ Генриха. Какое-то глубокое оцепенение охватило нас. Тем временем

официанты стали разливать шампанское для первого праздничного тоста. Но на наших лицах лежала тень печали и горя. Не чувствовалось сияния радости новогоднего праздника. Это замечали и присутствовавшие в банкетном зале. Дама из соседней женской кампании, обратилась к нам:

— Вы что там сидите как на трауре. Пригласили бы наших красавиц на танцы, конечно, с разрешения ваших подруг.

Остальные женщины из этой кампании зааплодировали.

Мы тоже, встряхнув с себя печаль, засмеялись. Поскольку я уже был провозглашен тамадой, мои друзья смотрели на меня, что я скажу.

— Обязательно пригласим вас на танцы — ответил я женщине. Только дайте нам тост провозгласить за Новый год, выпить и немного закусить.

В знак одобрения моего ответа аплодировали женская кампания и мои друзья за нашим столом.

Мы провозгласили тост за уже наступивший Новый 1950 год, за здоровье, счастье и будущее наших репрессированных народов. Среди других тостов особым, интимным был тост за нашу заветную мечту — тост за возвращение репрессированных народов и восстановление их автономий. Этот тост мы произнесли тихо, чтобы нас никто не слышал. В то время он был очень опасным для нас. За него тогда мы могли бы поплатиться жизнью без всякой пользы для наших народов. Такова была в то время общая обстановка в Великой Стране, созданная царствующим культам личности.

Женская кампания была уже в весьма припониютом настроении. Не дождавшись приглашения от наших гвардейцев, три дамы из этой кампании, смеясь и упрекая, пригласили наших товарищей на танец, предварительно попросив разрешения их жен. Наши гвардейцы извинились перед дамами за свою медлительность и поблагодарили женщин за приглашение. Это были Генрих Услар, Амиран Оздиев и Басыр Мусинов.

Узнав, что большинство сидящих за нашим столом составляют кавказцы, вся женская кампания закричала:

— лезгинку, кавказские пляски!

Одна из женщин подбежала к джаз-оркестру и попросила их сыграть лезгинку.

Женскую кампанию составляли ткачихи из одной московской фабрики. Это простые в своем большинстве русские женщины; вели себя просто, обаятельно. Они заметили, что из приглашенных ими на танцы гвардейцев лучше всех танцует Амиран Оздиев, и попросили его танцевать кавказский танец с супругой. Амиран и его жена Раиса вышли в середину зала. Сидевшие за

маленькими столами сами раздвинули свои столы. В роскошном национальном бальном платье прекрасна была Раиса.

Ее супруг — стройный гвардеец Амиран в военной форме старшего лейтенанта выглядел как настоящий танцор, грудь его украшали ордена и медали — награды за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны. Раиса плавно, красиво, но немного потанцевала с супругом и как положено, первой вышла из совместного танца. Стоявший среди ткачих, вышедших в середину зала, Георгий Илишкин сказал женщинам, что Амиран прекрасный танцор, попросите его, чтобы он один сплясал. Эти женщины подошли к нему и стали уговаривать его. Амиран согласился. Он снял планку с орденами и медалями, чтобы они не оторвались во время пляски. Это был приуроченный джигит — танцор, вызвавший общий восторг. Затем приглашали других гвардейцев. Пошли национальные танцы. Георгий Илишкин и его супруга исполнили калмыцкий танец, Амин Сакиев с супругой — карачаевский танец, Басыр Мусинов — татарский. Благодаря участию гвардейцев праздничный вечер стал своеобразным интернациональным вечером дружбы.

На вечере и после гвардейцы сообщили мне много интересного о жизни репрессированных народов в районах их поселения, которые (районы) стали для них местами заключения, резервации. Расставаясь, мы условились обращаться друг к другу в случае необходимости.

Непосредственно я был связан с Альви Дадаевым и через него с другими. Со всеми иметь телефонную или письменную связь в то время было опасно. Даже между аспирантами в одном и том же Институте органы осуществляли практику взаимной слежки.

Через два—три года во время автокатастрофы погибли Альви Дадаев, его жена и сын. Я потерял связь с оставшимися гвардейцами. В 1956 г. во время формирования первой делегации репрессированных народов я пытался найти гвардейцев. Они очень нужны были тогда. К сожалению, мои попытки установить контакт с ними оказались безуспешными.

Десятилетие великих перемен

Встречая Новый 1950 год в ресторане на Арбатской площади, мы говорили:

— Пусть уже наступившее новое десятилетие будет для репрессированных народов десятилетием их полной реабилитации. Наши слова оказались пророческими. Именно в 50-х годах XX в. в Советском Союзе произошли события, которые, имели далекие идущие последствия не только для Советского Союза, смерь

И.В.Сталина, начало «хрущевской оттепели», реабилитация репрессированных народов, их возвращение на исконную родину, восстановление их национальной государственности, выход человечества в космос, новые веяния в геополитике, дискуссия в биологической науке и ее последствия, лингвистическая дискуссия и ее последствия. Конечно, эти события разного политического и научного значения, «разного калибра». В политическом аспекте смерть Сталина создала условия для разоблачения культа личности в бывшем СССР и бывших социалистических странах, а также появления «хрущевской оттепели» и новых веяний в геополитике. В научном плане первые советские спутники земли произвели крупную научную «революцию» в космической науке и технике, а биологическая и лингвистическая дискуссии, имевшие не только позитивные, но и негативное значение, показали, что грубое вмешательство политиков и государственной власти в процесс развития науки, борьбы мнений приводит к тяжелым последствиям.

В те трудные годы в моей жизни мне — тогда молодому научному работнику пришлось стать одним из активных организаторов и руководителей первой делегации репрессированных народов, побывавшей в Кремле и обоснованно потребовавшей от правительства СССР реабилитации репрессированных народов, возвращения им исконной родины и восстановления их национальной государственности.

В то же время я находился в «гуще» двух борющихся между собой лагерей в области языковедческой науки. К тому же я не знаю ни одного человека, который был бы так тесно связан, как я, с главными деятелями обоих направлений в языкознании (марристов и антимарристов) и располагал бы такой разносторонней информацией об их деятельности. Я старался по мере моих скромных возможностей не допустить обострения отношений между ними, снять политическую окраску этой борьбы и придать острой дискуссии чисто научное значение. К сожалению, мои усилия, как и усилия других, оказались безрезультатными. Вынужденным было участие в борьбе двух течений в лингвистике.

В 1948—1949 гг. борьба между марристами (сторонниками «Нового учения» о языке) и антимарристами достигла высокого напряжения. Этой борьбе придали политическую окраску. Н.Я.Марр был провозглашен основателем советского марксистского языкознания. Противников академика Н.Я.Марра объявили антимарксистами, последователями буржуазного языкознания, т.е. идейными противниками марксизма-ленинизма со всеми последствиями, вытекавшими из этого. Отсюда до репрессии против антимарристов оставался, как говорится, всего лишь один шаг. В

области языкознания была создана очень сложная атмосфера. Одни ученые — языковеды были запуганы, а другие — сторонники «Нового учения о языке» становились все более агрессивными. Они требовали провозглашения Н.Я.Марра знаменем советского языкознания. Профессор Г.П.Сердюченко опубликовал в «Правде» остро политическую статью против антимарристов. В этой статье он утверждал, что один из выдающихся кавказоведов-языковедов академик АН Грузинской ССР А.С.Чикобава «оболгал Н.Я.Марра». В то время выступал как убежденный последователь «Нового учения» о языке. К сожалению, марристы допускали нередко недозволенные в науке приемы борьбы с инакомыслящими.

Представители обоих направлений хорошо относились ко мне. Когда один из аспирантов Института языка и мышления АН СССР подал на меня клеветническое заявление, указывая в нем, что я являюсь представителем репрессированного народа, все они поддержали меня. Я ценил поддержку и старался оказывать им помощь, конечно, не изменяя своим принципам и убеждениям. Однажды обвинили без всякого на то основания в морально-бытовом разложении и был поставлен вопрос об освобождении одного из них от должности заместителя директора Института. В эту клеветническую кампанию вовлекли некоторых аспирантов и младших научных работников. Я был убежден в том, что профессор может стать жертвой клеветы. Узнав об этом, организаторы этой кампании попытались запугать меня, явно намекая на то, что я как представитель репрессированного народа, в первую очередь пострадаю за поддержку. Но они ошиблись. Клевета была разоблачена. Подготовленный проект приказа об освобождении профессора от должности замдиректора не был подписан.

Вместе с другими марристами, претендовавшими на роль ортодоксальных теоретиков «Нового учения» о языке, профессор усилил нападки на противников Н.Я.Марра. Среди них и те, которые явно были соучастниками клеветнической кампании против него. Он стал громить всех критиковавших Н.Я.Марра даже за его научно несостоятельные утверждения. Это особенно ярко проявилось на расширенном заседании Ученого Совета Института языка и мышления в Москве. На нем председательствовал названный профессор. В президиуме вместе с ними сидели еще трое так называемых ортодоксальных марристов и секретарь партбюро. Поскольку председатель профкома болел, вместо него пригласили и меня в Президиум как заместителя председателя профкома, избранного от молодых научных сотрудников и аспирантов. В качестве основного докладчика выступил профес-

сор. Директор Института языка и мышления АН СССР академик И.И. Мещанинов, живший в Ленинграде, не приехал на это заседание.

Совещание проходило на ул. Волхонка, в доме, где в настоящее время помещается Институт русского языка РАН. Зал был переполнен. Присутствовали языковеды из московских вузов, научных учреждений, приглашенные марристы из других городов, а также философы, литературоведы, историки.

В докладе профессора была дана резкая критика академика В.В. Виноградова, профессоров П.С. Кузнецова, Р.И. Аванесова, М.Н. Петерсона за их антимарризм. С поддержкой этой критики выступили в прениях М.М. Гухман, Н.С. Чемоданов и некоторые другие марристы. В своих выступлениях В.В. Виноградов, П.С. Кузнецов, Р.И. Аванесов, Петерсон с достоинством критиковали утверждения Н.Я. Марра, которые они считают научно несостоятельными. В то же время они подчеркивали заслуги Н.Я. Марра, его теоретические положения, которые следует дальше развивать. Они честно выразили свое отношение к научной деятельности Н.Я. Марра. Но не было «полного покаяния» противников «Нового учения» о языке, чего добивались организаторы Совещания. Это послужило поводом для некоторых организованных и стихийных развязных выступлений. Так, один адъютант из военного института иностранных языков заявил, рукой указывая на свои погоны, что, мол, мы не позволим вам (т.е. антимарристам) дискредитировать «Новое учение» о языке и Н.Я. Марра, хотя никто из выступивших так называемых антимарристов не сделал попытки дискредитировать кого-либо.

В зале была создана нервная обстановка. Чувствовалось, что подавляющее большинство присутствующих не разделяют резкой, незаслуженной критики антимарристов. Но никто не решился выступить с объективной научной оценкой выступлений антимарристов. Только проф. Е.М. Галкина-Федорук сказала в осторожной форме, что нам не следует превращать Н.Я. Марра в святого, идеализировать все его научные положения. Мы знаем по собственному опыту, что путь научной деятельности ученого бывает тернистым. Но этого было мало, чтобы дать возможность критикуемым антимарристам спокойно работать. Надо было прямо заявить, что В.В. Виноградов и другие выразили готовность дальше развивать разделяемые ими научные положения академика Н.Я. Марра. Но никто не сказал об этом. В мою задачу входило выступление от имени профкома. Учитывая свое положение, мне следовало ограничиться общими фразами, никого и ни к чему не обязывающими. Но я был возмущен несправедливостью и развязными выступлениями некоторых ораторов, оскорблявших

крупнейших, заслуженных ученых. Развязным было и выступление оратора, после которого я вышел на трибуну. В зале стоял шум. Многие осуждали резкие выпады этого оратора против анакомыслищих.

— Прежде всего хотелось бы отметить,— начал, я сильно волнуясь, что академик В.В.Виноградов, профессора П.С.Кузнецов, Р.И.Аванесов, Н.Петерсон ясно выразили желание дальше разрабатывать те научные положения академика Н.Я.Марра, которые они признают правильными и имеющими прямое отношение к профилю их научной деятельности.

В зале раздался голоса одобрения. Но громче всех сказала профессор Е.М.Галкина-Федорук.

— Совершенно правильно.

-- Считаю, что заслуживают осуждения незаслуженно резкие выступления некоторых ораторов против наших виднейших ученых.

Снова возгласы, одобряющие изложенную оценку. Я посмотрел на тех, которые сидели в президиуме. У них лица были хмурыми. Особенно недовольным мне показался профессор Г.П.Сердюченко. Закончил я свое выступление краткой характеристикой заслуг Н.Я.Марра в области исследования языков народов Кавказа, отметив при этом, что мы должны учиться у Н.Я.Марра глубокому исследованию изучаемого языкового материала.

Когда я вернулся в Президиум и сел на свое место, меня удивил вопрос рядом со мной сидевшего секретаря партбюро.

— Кто тебе дал указание так выступать? Почему мне ничего не сказал об этом указании?

Никакого указания не было. Это было веление сердца. Но чтобы успокоить секретаря партбюро, я ответил ему: не сейчас, после совещания расскажу. Но больше всего меня тронуло поведение тех, в защиту которых я сказал всего несколько слов. Академик В.В.Виноградов, сидевший в задних рядах, почти у входа в зал, после завершения работы Совещания, направился в сторону Президиума. Все обратили на него внимание. Идущие к выходу из зала уступали ему дорогу. Он неожиданно для меня подошел ко мне и сказал:

— Большое спасибо Вам за добрые слова.

Так поступили профессора Р.И.Аванесов, П.С.Кузнецов, Н.Петерсон.

Мне было ясно, что я не заслужил такой их благодарности. Приводя слова благодарности академика В.В.Виноградова и других, хотелось показать, что заслуженные ученые были доведены до такого состояния, что даже слово, сказанное в их защиту, звучало, воспринималось ими как большая поддержка.

Последняя «сцена», показывающая этих ученых, идущих через большой зал, переполненный людьми к Президиуму Совещания, чтобы выразить «благодарность за доброе слово», лучше всего характеризует обстановку, нравственно подавляющие условия, которые были созданы для инакомыслящих в то время. Мучило угрызение совести, было тяжело видеть все это, быть свидетелем «духовного избиения» инакомыслящих. Таков был один из этапов развития отечественного языкознания.

Активность ортодоксальных марристов возрастала. Их главной целью стало проведение совещания или дискуссии «государственного» значения типа биологической дискуссии, где были объявлены антинаучными основные положения Менделизма. Ортодоксальные марристы добивались провозглашения «Нового учения» о языке академика Н.Я.Марра основным идеологически признанным направлением в советском языкознании. При этом антимарристы должны быть подвергнуты официальному осуждению. Первым шагом подготовки к такой дискуссии должно было явиться обсуждение доклада о «Новом учении» о языке на заседании Президиума Академии Наук СССР. Оно (такое обсуждение) состоялось в мае 1950 г. Докладчиком был директор Института языка и мышления АН СССР академик-секретарь Отделения литературы и языка академик И.И.Мещанинов. На этом заседании, где присутствовал заведующий отделом ЦК КПСС ортодоксальные марристы упрекнули даже самого продолжателя дела Н.Я.Марра И.И.Мещанинова в нерешительности в борьбе за торжество «Нового учения» о языке Н.Я.Марра.

Сразу после заседания заведующий отделом ЦК КПСС предложил заместителю директора Института языка и мышления и зам. директора Института русского языка на следующий день прийти в ЦК КПСС с конкретными предложениями по усилению пропаганды «Нового учения» о языке и борьбы с его противниками.

— Около десяти часов утра в ясный солнечный день я вышел из дома и в киоске перед станцией метро «Кропоткинская» купил свежий номер газеты «Правда», — рассказывал наш профессор, — и вдруг вижу огромную статью А.С.Чикобава, направленную против «Нового учения о языке» и академика Н.Я.Марра.

Такая статья могла появиться в «Правде» — Органе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) только по указанию высшего руководства партии, страны. Поэтому вопрос о ее публикации и дискуссии должны были быть согласованы со Сталиным. Скорее всего ему принадлежит инициатива организации дискуссии и публикации статьи А.С.Чикобава, думал я, — продолжал профессор. — Поэтому

я считал, что нам не нужно идти в ЦК КПСС к заведующему отделом со своими предложениями. Поскольку мы условились с «напарником» встретиться в бюро пропусков ЦК КПСС, я направился туда. Когда мы встретились с представителем Института русского языка АН СССР, я спросил его, читал ли он статью Чикобава. Он сказал, что он не читал ее и с удивлением спросил, где она опубликована.

Когда пришли в ЦК КПСС, они спросили заведующего отделом, для какой цели нужны были их предложения, когда была подготовлена к печати статья А.Чикобава?

Так же, как и вы, я узнал об этой статье только сейчас, когда пришел в ЦК и увидел ее в «Правде».

Справедливости ради следует сказать, что потребность в такой дискуссии давно ощущалась. Некоторые марристы дошли до того, что требовали лишения антимарристов права руководить аспирантами, читать теоретические курсы по языкознанию, занимать административные должности по языкознанию (например, в Армении, Грузии). Резкой критике за антимарризм подвергался и А.С.Чикобава. Он вынужден был обратиться к И.В.Сталину. Первым секретарем ЦК компартии Грузии являлся свояк А.С.Чикобава Чарквиани. (они были женаты на сестрах). Через него Чикобава послал свою статью Сталину.

Вскоре в Москву вызвали А.С.Чикобава. Ему дали номер в гостинице «Москва». С ним была и его супруга Тамара Ивановна.

В два часа ночи нас разбудили два чекиста и сказал мне, что я должен поехать с ними, вспоминал А.С.Чикобава. Но не сказали, куда надо ехать и зачем. Мы с Тамарой Ивановной были несколько обеспокоены. В голову приходили всякие мысли. Я попрощался с Тамарой Ивановной, которая была очень расстроена. Попытался успокоить ее, но безуспешно. На машине мы выехали из Москвы и приехали в какой-то незнакомый населенный пункт. Машина остановилась у небольшого дома. Один из чекистов предложил мне выйти из машины. Когда мы подошли к входной двери этого дома, чекист сказал:

— Вы нажмете на эту кнопку. Вам откроет дверь товарищ Сталин.

— Я был удивлен и поражен. Этого не ожидал,— продолжал Чикобава.— Я нажал на кнопку. Дверь открыл товарищ Сталин и пригласил меня в дом. Он был в гимнастерке, брюках галифе, на ногах были домашние тапки. Мы вошли в рабочий кабинет, в середине которой стоял продолговатый стол. Когда мы сели, Сталин сказал, что он прочитал мою статью. Если будет открыта свободная дискуссия на страницах газеты «Правда», то согласитесь опубликовать свою статью? Я ответил, что готов опубликовать

свою статью.

— Не следует ли вам бояться марристов? — спросил Сталин.

Отвечая на вопрос Сталина, Чикобава сказал и о своем опасении:

— Марристов я не боюсь. Но опасаясь, что после публикации статьи меня могут арестовать, поскольку Марр провозглашен основателем советского марксистско-ленинского языкознания, Сталин слегка улыбнулся и дал понять:

— Мы постараемся, чтобы Вас не арестовали.

Так появилась неожиданная для марристов и их покровителей статья А.Чикобава в «Правде».

Статье А.Чикобава было предпослано сообщение об организации свободной дискуссии о «Новом учении о языке» Н.Я.Марра. Все противники и сторонники Марра и его «Нового учения о языке» могли участвовать в ней. Вслед за А.С. Чикобава выступил академик И.И.Мещанинов в защиту Н.Я.Марра и его учения. Затем последовали другие выступления за и против «Нового учения о языке». По словам профессора В.Л.Шербины, работавшего в то время в редакции газеты «Правда», авторы около 80% материалов, поступивших в редакцию, защищали «Новое учение о языке» и Н.Я.Марра.

После публикации своей статьи А.Чикобава решил вернуться домой — в Тбилиси. Но ему сказали, что нужно подождать с отъездом. Он не осмелился спросить, с какой целью он должен задержаться в Москве. Статья опубликована, дискуссия открыта. Ясно было одно: его задерживают по указанию высокого начальства. Но для чего, с какой целью? Этого не знал А.Чикобава. Именно это обстоятельство стало сильно беспокоить А.Чикобава и его супругу. Время было тревожное, внезапно возникали подозрения, людей арестовывали. Недавно арестовали нескольких ученых, крупных государственных деятелей за какие-то прошлые грехи. Арнольд Степанович и Тамара Ивановна вспомнили эпизод из студенческой жизни Чикобава. В 1918 г. он участвовал в каком-то мероприятии студентов, организованном одной партией против большевиков в Грузии.

— Может быть, кто-нибудь из противников А.Чикобава, прочитав его статью в «Правде», из зависти или чувства мести из Тбилиси прислал телеграмму об этом эпизоде, — подумали они. Их тревожили неизвестность и ожидание чего-то непонятного. Им рекомендовали ограничить общение со знакомыми в Москве до минимума.

Ночью Арнольд Степанович упал в номере. Ему стало плохо. В первом часу ночи нам домой позвонила Тамара Ивановна и сообщила об этом. Я срочно вызвал терапевта профессора

Шпирта, к которому обращался за консультацией Арнольд Степанович, когда приезжал в Москву. Скорая помощь не смогла выяснить причину внезапного заболевания Арнольда Степановича. Профессор Шпирт сразу установил причину болезни, дал соответствующее лекарство. Арнольду Степановичу стало легче.

Шли дни и ночи в тревожном ожидании. Примерно через десять-двенадцать дней около двух часов ночи снова пришли чекисты и сказали Арнольду Степановичу, что они приехали за ним. На этот раз супруги подумали, что Арнольда Степановича повезут не к Сталину, а в другое место... Арнольд Степанович попрощался с Тamarой Ивановной, попросил ждать сообщения о его судьбе. Когда они выехали из гостиницы, А.Чикобава заметил что его везут по тому же маршруту, по которому везли его к Сталину.

— Может быть к нему, на допрос? — подумал Арнольд Степанович.

Наконец, они прибыли на дачу Сталина. Как и прежде Чикобава нажал на кнопку. Дверь открыл Сталин и приветствовал гостя. Они вошли в тот же кабинет и сели за стол. Сталин передал Чикобава закрытый конверт, в котором была его статья «Марксизм и вопросы языкознания». Он попросил Чикобава прочесть статью и затем при следующей встрече сообщить свои замечания. Через два-три дня снова повезли Чикобава к Сталину. Уже после смерти Сталина Арнольд Степанович рассказывал об этой встрече со Сталиным:

— Первые два посещения Сталина показали, что плохо и поддакивать и возражать. На этот раз я должен был изложить свое мнение о статье Иосифа Виссарионовича. Но я не знал, как изложить свое мнение ему, не отмечая положительного и критического. Все же я решил высоко оценить статью. Два основных замечания касались проблемы мышления глухо-немых и вопроса о курско-орловской диалектной основе русского литературного языка. Выслушав мои замечания, Сталин внимательно прочитал соответствующие места в статье и дал мне понять, что он не находит основания для пересмотра своих положений.

Чикобава был приглашен и на заседание Политбюро ЦК КПСС, где должны были обсудить статью Сталина и одобрить ее. Открывая заседание Политбюро, Сталин сказал, что присутствует специалист-лингвист, который может изложить перед членами Политбюро свое мнение о статье. В руках каждого члена Политбюро была статья Сталина. Чикобава изложил свое, конечно, весьма положительное мнение о статье. Иначе не могло быть при Сталинской свободной дискуссии. Все члены Политбюро рекомендовали статью, разумеется, к печати.

В итоге всех этих встреч и обсуждений А.С.Чикобава получил разрешение вернуться в Тбилиси. В день публикации статьи Чикобава я находился в городе Гродно Белорусской республики. Там в государственном педагогическом Институте я читал лекции по общему языкознанию. Аудитория была довольно пестрая. Слушателями были студенты пяти-шести кафедр, в том числе кафедр белорусского, русского, английского, французского языков. Обычно в большом зале присутствовало много студентов, задававших самые различные вопросы. Возможно некоторые студенты успели ознакомиться со статьей Чикобава в «Правде», опубликованной в этот день. Поэтому и задали мне вопросы о Н.Я.Марре, его четырех элементном анализе. В тот момент, когда я заканчивал свои ответы на вопросы студентов, ко мне на трибуну поднялся несколько расстроенный проректор Института и сказал: — Вам следует сейчас отпустить студентов, затем сразу зайти к ректору, он вызывает Вас.

В ответ на первый вопрос я кратко рассказал студентам об основных общепризнанных достижениях Н.Я.Марра и об известных его заблуждениях, которые были признаны им самим. Марр на основании сложных таблиц лингвистических фактов кавказских (картвельских, т.е. грузинского, мегрело-чанского или занского и сванского) и семитских (арабского и других) сначала считал, что он доказал родство кавказских и семитских языков. Даже такой известный лингвист Бодуэн де Куртене признал, что Марр сделал крупное открытие в истории лингвистической науки, имеющее огромное научное значение. Это способствовало избранию Марра академиком Российской (императорской) Академии наук в 1909 г. Но позже сам же Марр опроверг свое открытие, показал его несостоятельность. Отвечая на второй вопрос, я отметил, что Марр не раз заблуждался в определении (по его мнению) количества первичных элементов человеческой речи. Сначала их было, по его мнению, 12, потом 10, затем 8, 6. Наконец, он остановился на четырех элементах. Элементный анализ Марра до сих пор остается в конечном счете одной из его научных гипотез. Так я старался оставаться в рамках объективной истины, отвечая на вопросы студентов. Поэтому, не было основания обвинить меня в недооценке или переоценке заслуг и заблуждений Марра. Тем более мне показался странным срочный вызов к ректору.

Вдруг я вспомнил историю на пароходе в Махачкале, когда меня повели в местный орган Комитета госбезопасности. Может быть, и сейчас кто-нибудь сочинил донос на меня и опять вызывают на допрос в местный орган Комитета госбезопасности. С таким испорченным настроением я последовал за проректором

Института.

— Юнус Дешериевич, сначала зайдем в мой кабинет, сказал проректор, открывая дверь своего кабинета, (к сожалению забыл его фамилию, имя и отчество) и пропускаю меня вперед. Мы сели за стол. Шопотом, доверительно начал проректор:

— Вы знаете, Юнус Дешериевич, к вам отношусь хорошо, верю Вам. Дело серьезное.

Так и есть, опять донос,— подумал я.

— Я имею в виду статью Чикобава. Вы читали ее?,— продолжал проректор.

— Нет, не читал. Где она опубликована?,— спросил я.

— Сегодня, в «Правде». В ней резко раскритикованы Н.Я.Марр и его «Новое учение о языке». Эта критика направлена прежде всего против вашего Института, его директора Мещанинова. Вы — из этого Института. Мы пригласили вас как представителя этого Института для чтения лекций студентам. Вы, надеюсь, понимаете в каком положении мы оказались — расстроено говорил он. Совершенно неуместно я улыбнулся. Хотел посмеяться над самим собой. Я ведь думал, что меня вызвали к ректору по другой причине. Мне стало легче. Я внутренне успокоился.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Это старая история,— обратился я к проректору.

Я кратко охарактеризовал языковую ситуацию в стране в той крайней мере, в какой я ее знал в тот начальный период моей научной деятельности. Затем остановился на основных теоретических принципах Марра и Чикобава, желая успокоить проректора, заметил, какую большую помощь мне оказывает Чикобава, когда я бываю в Тбилиси по научным проблемам. После этого проректор несколько успокоился и попросил меня подождать в его кабинете, пока он сходит к ректору и проинформирует его обо всем, что я ему рассказал. Вскоре он вернулся и мы вместе зашли к ректору, с которым я встречался впервые. Относительно молодой ректор производил приятное впечатление. Когда мы вошли в его кабинет, он встал и пошел нам навстречу:

— Простите за беспокойство,— сказал он, улыбаясь и приветствуя нас.— Мы были обеспокоены статьей профессора Чикобава. Проректор рассказал мне о беседе, которая у вас состоялась. Я понял, что мы напрасно волновались.

В конце нашей беседы ректор (к сожалению, не помню его фамилии, имени и отчества) попросил меня выступить перед профессорско-преподавательским составом с краткой информацией о причинах лингвистической дискуссии и ее основных возможных участниках. Эта просьба была мною удовлетворена.

После встречи с профессорско-преподавательским составом ко мне подошел профессор Гурло, который приезжал в Москву и по рекомендации дирекции нашего Института пригласил меня читать курс лекций. Профессор Гурло был уже в летах, добрый, осторожный человек.

— Утром прочитали мы статью профессора Чикобава на кафедре. Я сильно расстроился. Поэтому не подходил к Вам.— признался профессор Гурло. После вашего выступления успокоился. Оказывается, вы хорошо знаете Чикобава, заметил он, склоняя несклоняемую фамилию Чикобава.

Прощаясь со мной, Гурло сообщил, что через три дня начнутся экзамены, зачеты. Я рад был этому сообщению. Значит лингвистическая дискуссия не помешает проведению экзаменов по общему языкознанию.

Любопытные ситуации складывались во время проведения экзаменов и моего отъезда из Гродно, представляющие интерес для характеристики человеческих отношений, состояния общества и науки в разные исторические периоды. Поэтому хочется добрым словом вспомнить и этот «Эпизод» из истории моей жизни.

В ясный теплый солнечный день к 9 часам утра я пришел в Университет принимать экзамены. Меня повели в маленькую комнату, где я должен был принимать экзамены. На столе стояли ваза с цветами, графин с водой и стакан. Около стола — четыре стула.

Уровень подготовки студентов, их возможности подготовиться к экзаменам я знал. Не было программы и стабильного учебника.

К тому же открылась лингвистическая дискуссия. В этих условиях я учитывал трудности студентов. По своему социальному составу студенты в основном дети крестьян и рабочих. Одеты они скромно. И вели они себя скромно, в отличие от многих студентов — детей столичных чиновников, среди которых встречаются развязные, требующие высоких оценок за их скромные достижения в усвоении азов науки. С одним из таких студентов я имел дело в Москве. Он пришел сдавать экзамены, сел, буквально бросил зачетную книжку на стол и потребовал, чтобы скорее принял у него экзамен. Он, видите ли, должен пойти к папе.

— Оценка должна быть не ниже четверки, мой папа так сказал,— заявил он. Хорошая или плохая оценка зависит от ответа студента, сказал я...

Перебивая меня, студент потребовал, чтобы я задавал ему легкие вопросы, как другие преподаватели, которые знают, что его папа — заместитель министра. Я был возмущен поведением студента. Возвращая ему зачетную книжку, предупредил его, чтобы

он хорошо подготовился, иначе я поставлю двойку ему.

— Если поставите мне двойку, то вылетите из Института, ответил он. Возмущенный этими словами студента, я выставил его из аудитории. Из бесед с другими преподавателями, я узнал, что его отец — шеф Института. Студент, используя служебное положение отца, вынуждает преподавателей ставить ему незаслуженные высокие оценки. Я позвонил заместителю министра и сообщил ему о безобразном поведении его сына и предупредил, если его сын будет продолжать так вести себя, то я вынужден буду позвонить в Центральный Комитет, под контролем которого он находится. Он просил не звонить никуда, он примет меры. Его сын не будет больше вести себя так безобразно. В этом Институте я работал по совместительству. На следующий день я пришел в Институт и продолжил принимать экзамены. Неожиданно ко мне в аудиторию зашел проректор, попросил, чтобы студенты, готовившие ответы на заданные им вопросы, вышли из аудитории на одну минуту. Он просил, чтобы я не звонил в Центральный Комитет партии. Заместитель министра обещал призвать к порядку своего сына.

И действительно через две недели пришел сдавать экзамен этот студент. Он заявил, что он «наизусть» знает всю программу и готов ответить на любой вопрос». Он получил заслуженную «четверку», но не «пятерку». Иного типа были студенты «провинциального вуза», как тогда некоторые называли вузы в разных регионах страны. Подавляющее большинство студентов Гродненского пединститута, которые приходили сдавать экзамены добросовестно готовились. Но возможности у них получать хорошие и отличные оценки были ограничены причинами, указанными выше. Многие студенты, отвечавшие на тройку, скромно просили разрешить им продолжить подготовку к экзамену и прийти второй раз сдавать экзамен, чтобы получить четверку. Иначе за тройку не дадут стипендии. Мы вынуждены будем бросить Институт. Некому помогать нам. В таких случаях я всегда шел навстречу студентам. Правда, обычно присутствовавший профессор Гурло спрашивал:

— Не могут ли нас обвинить в либерализме при оценке знаний студентов.

В такой постановке вопроса была доля правды. Но я, в свое время, не получавший никакой помощи, хорошо знал, как трудно учиться в вузе и аспирантуре без помощи. Поэтому старался поддержать студентов.

Наконец, я завершил прием экзаменов. Студенты приходили и спрашивали, когда я уезжаю, номер поезда. Ничего не подозревая я точно отвечал на их вопрос. Нас (я был с женой) подвезли на

машине к вечернему поезду. Каково было наше удивление, когда увидели вокзал, переполненный студентами. Когда остановилась наша легковая машина, подбежали студенты и спросили, в каком вагоне мы едем. Мы сообщили вагон. Они сразу взяли наши вещи и побежали к вагону. Жена спросила меня:

— Ты знаешь студентов, которые взяли наши чемоданы?

Я, конечно, не мог запомнить фамилии более трехсот студентов. На вокзале их было так много, что невозможно стало свободно проходить через здание вокзала. Все студенты были с букетами цветов. Платформа также была занята студентами. Мы с трудом добрались до вагона. Кто-то из пассажиров спросил:

— Что творится на вокзале, откуда и зачем собралось здесь столько молодых людей. Другой пассажир ответил:

— Говорят, какого-то доцента из Москвы провожают студенты.

Мы с трудом вошли в вагон, который был переполнен букетами цветов, главным образом из сирени. В соседних двух вагонах (в переднем и заднем) во всех купе на столиках лежали букеты цветов. Мы искренне поблагодарили студентов и тепло попрощались с ними. Когда отправился поезд, один из пассажиров подумал, что мы возем цветы продавать в Москве. Мне пришлось заходить во все купе нашего и двух соседних вагонов и просить пассажиров принять букеты цветов как подарки родненских студентов. Предложение вызвало оживление среди них и удовлетворение. Проводники, купе которых тоже были переполнены букетами цветов, охотно и с благодарностью приняли «подарки» студентов.

За всю мою жизнь я не получал столько букетов цветов. До сих пор не могу понять, чем была вызвана такая необычная «щедрость» студентов по отношению ко мне. Возможно, сыграла свою роль моя встреча с профессорско-преподавательским составом филологов Института, где мы все нашли общий язык и взаимопонимание в условиях начавшейся лингвистической дискуссии. Как мне сообщили тогда, многие из них интересовались и моей национальностью. Узнав, что я являюсь представителем одного из репрессированных народов, они выражали мне сочувствие. Об это свидетельствовало их исключительно приветливое, доброжелательное и сочувственное отношение ко мне. Вполне вероятно, что подчеркнутое внимание ко мне студентов всех кафедр было вызвано не столько моим пониманием трудного положения студентов и готовностью помочь им, сколько влиянием профессорско-преподавательского состава на высокую оценку студентов моих скромных усилий по повышению их профессиональной теоретической подготовки по специальности.

Дискуссия же, начатая Чикобава, продолжалась. В один из

июльских дней я пришел в Институт около десяти часов утра. В коридоре с кем-то беседовал приехавший из Тбилиси в Москву член-корр. Академии Наук СССР профессор Георгий Сариданович Ахвледиани, один из ярых противников А.С.Чикобава. Он держал в руках в развернутом виде газету «Правда» и говорил в шутливом тоне:

— Знаете, сегодня вышли два номера «Правды», один номер с моей статьей и второй номер со статьей товарища Сталина.

Колоритная фигура Георгия Саридановича ярко выделялась среди тех, с которыми он беседовал. Высокий, стройный, селеющийся шевелюра и коротко постриженные усы, широкое продолговатое лицо, весьма специфичные для него интонации в его русской речи придавали импозантный характер его внешнему облику. Он владел в совершенстве русским языком. Но когда он говорил по-русски здорово подводила его грузинская фонетика. Как теоретик по общей фонетике, видимо, он очень любил звучащую речь. Поэтому, может быть, так четко произносил каждый звук. Но в русской речи вместо русских звуков к, п, т, ц, подчеркнуто произносил грузинские так называемые абруптивные, иначе смычногортанные звуки. Это, как говорится, сильно «резало» слух русского человека, когда Ахвледиани говорил по-русски. Увидев меня, он сказал:

— Вот идет молодой кавказовед. Пусть тоже знает, что сегодня вышли два номера «Правды». Это я говорю шутя. На самом деле вышел один номер со статьей товарища Сталина. Он подверг уничтожающей критике «Новое учение о языке» и академика Н.Я.Марра, которого я собирался защитить в своей статье. Теперь придется писать новую статью,— с грустью закончил он свое сообщение.

Спорить с обожествленным Сталиным невозможно было. Поэтому судьба так называемой «Свободной лингвистической дискуссии» была предрешена после публикации его статьи.

Арнольда Степановича, которому недавно даже не доверяли руководства аспирантами, из-за его антимарризма, после возвращения из Москвы назначили директором Института языкознания Академии Наук Грузии. Этот шаг должен был положить начало вытеснению сторонников «Нового учения о языке» из руководства в лингвистических учреждениях. Видимо, исходя из горького опыта проведения предшествующих кампаний «чистки» руководством ЦК КПСС решило ограничить эту кампанию освобождением от занимаемых должностей ортодоксальных марристов. Были освобождены директор Института языка и мышления Академии Наук СССР академик И.И.Мешанинов, его заместители профессора Г.П.Сердюченко, В.А.Аврорин, зам.директора Института

русского языка Академии Наук СССР профессор Ф.А.Филин, а также некоторые заведующие отделами. Аналогичные меры были приняты и в республиках.

Пересмотру подверглась вся научная проблематика, а также подготовленные к печати научные труды. Моя монография «Бацбийский язык» была завершена и утверждена к печати еще до начала «Лингвистической дискуссии». После заседания Ученого Совета профессор Ф.П.Филин приехавший из Ленинграда, сказал мне:

— Перелистал Вашу монографию. Вы обстоятельно исследовали язык, о котором мало знала наука. Ваше исследование — ценный вклад не только в лингвистическую науку, но и разработку проблем взаимоотношения развития языка и мышления. На основании анализа конкретного языкового материала Вы пролили свет на природу так называемых активной и пассивной конструкций предложения и доказали возможность эргативного построения непереходного предложения. Все это очень ценно. И все же Ваше исследование написано в плане описательного традиционного языкознания. Очень жаль, что вы не владеете марровским методом элементного анализа.

Речь шла об элементах, т.е. звуковых комплексах. По мнению академика Н.Я.Марра из этих четырех звуковых комплексов и их вариантов возникла звуковая человеческая речь. Эти наши рассуждения и профессиональная терминология — мало понятны широкому читателю. Но они отражают ту действительность, которая кратко охарактеризована здесь. В ответ на сожаление профессора Ф.П.Филина я не стал рассказывать ему о том, как мы аспиранты слушали лекции старшего научного сотрудника Иосифа Карповича Кусикьяна об элементном анализе Н.Я.Марра. Нас было пять аспирантов. Мы все молча отрицательно отнеслись к этому анализу. К тому же сам Кусикьян отмечал, что теория элементного анализа Н.Я.Марра еще до конца не разработана. Некоторые аспекты этой теории рассмотрены на уровне гипотез. Отсутствие попытки применения элементного анализа при исследовании бацбийского языка способствовало продвижению в печать моей монографии.

В стране разворачивалась борьба против марризма, бывших сторонников «Нового учения о языке», несмотря на то, что почти все они отреклись от этого учения полностью после появления статьи Сталина в печати:

Через несколько дней после опубликования этой статьи в газете «Правда» из Отдела науки и высших учебных заведений ЦК КПСС позвонили в наш Институт и предложили собрать отклики наиболее известных ученых-языковедов на статью Сталина. Среди

тех, которым было поручено собрать такие отклики, был и я. Каждый отклик начинался со слов: о великом, выдающемся или гениальном труде Иосифа Виссарионовича Сталина и т.д. Все это было понятно. Иначе и не могло быть в стране, где царил культ личности, культ Сталина. Было признано, что статья Сталина подвела итоги дискуссии, и наметила пути дальнейшего развития Советского языкознания. Все знали, что газеты и журналы не опубликуют статьи, оспаривающей какое-нибудь высказывание Сталина. Профессор Н.Ф.Яковлев при жизни Марра и после его смерти выступал против некоторых основных положений «Нового учения о языке», за что его называли противником Н.Я.Марра и преследовали. В конце концов его вынудили в 1949 г. опубликовать в журнале «Вопросы философии» статью с резкой критикой противников Марра. Эта статья послужила основанием для его преследования как марриста в условиях господства сталинского учения о языке. На одном из заседаний в Институте языкознания его резко критиковали сторонники сталинского учения о языке как ярого марриста. Возмущенный этим Н.Ф.Яковлев воскликнул:

— Нам могут сказать: из огня да в полымя.

Он имел в виду смену культа «Нового учения о языке» Марра культом сталинского учения о языке. За это его освободили от работы в Институте языкознания и отправили на пенсию.

Была сделана попытка помешать публикации моей монографии «Бадбийский язык». На ученом Совете нашего Института второй раз обсудили вопрос о возможности ее издания. Зам. директора Института языкознания АН СССР Б.А.Серебренников ознакомился с моей монографией и не нашел в ней ничего марристского. Он согласился стать ответственным редактором моей монографии. После этого ее второй раз одобрили к печати. Мытарство моего труда этим не кончилось. Один сотрудник Издательства АН СССР придрался к цитате из кавказоведческой работы Марра и обвинил меня в пропаганде марризма. Я не мог согласиться с таким обвинением и отказался снять цитату. Издательский работник обратился в дирекцию нашего Института, обвиняя меня в попытке пропаганды «Нового учения о языке» Н.Я.Марра. Меня вызвали в дирекцию. Я объяснил суть необоснованного обвинения работника Издательства. Вместе с тем отметил, что согласие с некомпетентным обвинением этого работника означало бы признание наличия в книге пропаганды научно несостоятельного положения Марра. Это бросило бы тень не только на меня, но и на ответственного редактора и Ученый Совет. В дирекции со мной согласились и отвергли измышление издательского работника. В результате единственная в литературе после публикации

статьи Сталина цитата из произведения Марра была оставлена (см. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953 г.).

Дискуссия о законах развития языков

В области науки о языках в 1950 г. была проведена дискуссия по указанию Сталина. В день открытия дискуссии я находился в городе Гродно в Белорусской ССР, куда я был приглашен для чтения лекций по языкознанию студентам Гродненского пединститута. Итоги этой дискуссии были подведены в статье Сталина, а не специалистами лингвистами. Тем не менее, и это следует подчеркнуть справедливости ради, в статье были разумные, правильные положения (некоторые из них не раз высказывали и языковеды еще до Сталина), способствовавшие отказу от научно-несостоятельных утверждений Н.Я.Марра и его последователей. Он поддержал обоснованную критику марризма. Вместе с тем языковеды и лингвистические научные издания оказались в скропанном положении. Скрытая обида языковедов была вызвана тем, что не им поручили проведение дискуссии, а политическому органу. Но дело в том, что в тех условиях, и это также следует подчеркнуть, дискуссия вряд ли могла быть успешной на страницах малоизвестного научного журнала, поскольку Н.Я.Марр считался основателем марксистского языкознания. Может быть, поэтому 80% статей, присланных в редакцию газеты, были промарристскими. Поэтому, может быть, успех дискуссии объяснялся статьей Сталина, провозглашенной «гениальным творением» вождя. При этом замалчивался диктаторский тон статьи, совершенно не свойственный научным дискуссиям.

В марте 1953 г. умер Сталин. К власти пришел Н.С.Хрушев. Началась борьба против последствий культа личности Сталина.

В научных учреждениях, учебных заведениях, издательствах и редакциях газет развернулась новая кампания борьбы с цитатами из книг, статей и выступлений главным образом Сталина и его комментариев. Находившиеся даже в печати книги были задержаны, особенно по гуманитарным наукам. Моя монография: «Бацбийский язык» также находилась в издательстве. Примерно, в июне 1953 года состоялось расширенное заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, на котором выступил с сообщением на тему о борьбе с цитатничеством заведующий Отделом филологии Издательства «Наука» Владимирский. Он сообщил, что все работы по литературоведению и языкознанию сняты с подготовки к изданию, за исключением двух книг: одной по литературоведению и одной по языкознанию, т.е. моей монографии «Бацбийский язык», в которых нет много цитат. Он

не сказал о каких цитатах идет речь. Но все присутствующие понимали, что речь идет главным образом о цитатах из работ Сталина. Вдруг кто-то из присутствовавших задал вопрос:

— Почему у этих двух авторов не было цитат?

Наступила тишина. Вопрос был совершенно неожиданный и небезопасный в условиях культа личности. Но в условиях борьбы с цитатничеством такой опасности не было.

Председествовавший академик В.В.Виноградов с улыбкой на устах искал взглядом одного из двух авторов монографии которых не страдали цитатничеством. Я сидел почти у входа в его кабинет, за спиной высокого В.В.Иванова, работавшего в ЦК КПСС. Его присутствие означало, что обсуждаемому вопросу придается политическое, государственное значение.

Вдруг академик Виноградов обратился ко мне, с той же улыбкой на устах:

— Юнус Дешериевич, скажите, пожалуйста, почему в Вашей книге нет большого количества цитат.

Вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что сказать. Улыбка на устах Виноградова показалась мне ехидной. Значит он считает вопрос неуместным и нелепым,— подумал я. Пока я размышлял в кабинете наступила тишина. Мне показалось, что все присутствующие интересуются моим ответом. Я не знал, как ответить на этот нелепый, а в других условиях — провокационный вопрос. Но что-то я должен был сказать. И я ответил:

— Потому что товарищ Сталин ничего не писал о баббийском языке.

Прозвучал гомерический смех. Все засмеялись, в том числе и академик Виноградов. Комичность ситуации заключалась в том, что Сталин ничего не писал и о других языках. Тем не менее его «обильно» цитировали, опасаясь обвинения в недооценке его статьи. Из моего ответа формально вытекало, что Сталин писал о всех других языках. Судя по моему ответу, я находил или искал себе поддержку в этом ложном утверждении. Это рассмешило всех присутствовавших, понимавших, что в воздухе все еще витал культ личности. Поэтому надо быть осторожным. Еще не было XX съезда КПСС и разоблачительного доклада Н.С.Хрущева о культе личности и его трагических последствиях.

Чтобы больше не возвращаться к вопросу о сталинских методах обсуждения научных проблем, хотелось бы, забегая вперед, показать здесь же, как был найден более спокойный, без крайностей, взвешенный научно-демократический путь рассмотрения сложных вопросов в истории отечественной науки последних десятилетий. Такая новая постановка проблемы была осуществлена на расширенном заседании Ученого Совета Института языкозна-

ния 20 февраля 1962 года.

Разоблачение культа личности Сталина и его трагических последствий способствовало активизации бывших ортодоксальных марристов. Они пытались отвлечь от лингвистической дискуссии, требовали смены антимарристского руководства Отделения литературы и языка (т.е. академика В.В.Виноградова) и Института языкознания. В Отдел науки и высших учебных заведений ЦК КПСС пригласили академика В.В.Виноградова и предложили ему провести расширенное Совещание ведущих языковедов всех направлений с докладом об отношении к статье И.В.Сталина по языковым проблемам, к итогам лингвистической дискуссии и к «Новому учению» о языке Н.Я.Марра в новых условиях.

После возвращения из ЦК КПСС Виноградов вызвал директора Института языкознания Б.А. Серебренникова и меня как заместителя директора. Виктор Владимирович сообщил нам о предлагаемом Совещании ведущих лингвистов Москвы и докладе на нем.

Рекомендуют мне — сказал он — выступить на этом Совещании с таким докладом. Но я много раз выступал с восторженной оценкой статей Сталина и итогов лингвистической дискуссии по языкознанию, поэтому мне сейчас просто неудобно выступать с их критикой. Вам, Борис Александрович, следовало бы выступить на этом совещании с таким докладом, обратился Виноградов к Серебренникову.

— Мне также неудобно, Виктор Владимирович,— я тоже выступал более 70 раз с восхвалением трудов Сталина и итогов лингвистической дискуссии.

— Тогда, Юнус Дешериевич, вам придется выступить на этом совещании с докладом. Вы же не выступали с такими оценками соответствующих работ Сталина и итогов лингвистической дискуссии,— обратился ко мне академик Виноградов.

Мое согласие выступить с таким сложным докладом на намечаемом совещании ведущих языковедов, представителей других общественных наук объяснялось тем, что я считал нужным попытаться поддержать академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии Наук СССР академика В.В.Виноградова и директора Института языкознания члена-корр. АН СССР Б.А.Серебренникова, поскольку они оба считали неудобным для них выступить с предложенным докладом.

Конечно, не требовалось особой одаренности, чтобы понимать всю сложность сложившейся ситуации и необычные трудности докладчика. Следовало попытаться объективно оценить не только «Новое учение о языке», но и обстановку, которая была создана в

научных учреждениях и высших учебных заведениях в условиях культа Марра и культа Сталина. При этом без ярлыков, научно обоснованно отвергнуть несостоятельные положения и методы, а также несвойственные науке приемы грубого произвола и подавления свободомыслия, характерные для обоих направлений. Вместе с тем мы призывали ученых к спокойной научно-исследовательской деятельности, используя все положительное в трудах как марристов, так и всех участников лингвистической дискуссии. Принцип свободы мнений в науке должен осуществляться последовательно.

Между тем оппозиция, особенно некоторые бывшие марристы, со злорадством рассчитывали на то, что Виноградов или Серебренников выступят с указанным докладом, чтобы обвинить их не только в приспособленчестве, но и в беспринципности. В то же время они надеялись на то, что доклад могут поручить представителю оппозиции, который основное внимание может уделить критике роли Виноградова и Серебренникова в популяризации и пропаганде работ Сталина по языкознанию. Поскольку я не занимался популяризацией и пропагандой «гениальных трудов» Сталина или Марра в качестве ортодоксального марриста или сталиниста, они полагали, что мне не поручат этого доклада.

Предложенное направление преодоления пережитков прошлой идеологизированной борьбы в науке нашло одобрение почти всех участников расширенного заседания ученых. Так, профессор М.М.Гухман, которая относилась к ярым сторонникам «Нового учения о языке» Н.Я.Марра, в своем выступлении по докладу отметила: «В докладе... дана не только критика неверных положений, имеющих в работе И.В.Сталина, но и намечена конструктивная линия дальнейшего развития советского языкознания» (см. Выписку из Протокола № 1 заседания с. 3). Профессор В.Н.Ярцева, на которую в свое время ортодоксальные марристы смотрели косо, заявила: «Достоинством доклада... было то, что это был научный, серьезный и профессиональный разбор работы И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Беда в том, что работа И.В.Сталина была для нас — профессионалов, не только руководством, но и единственно возможным образцом. Самым тяжелым моментом эпохи культа личности было то, что догма мешала развитию науки» (Там же, с.4).

Вместо совещания было решено провести расширенное заседание Ученого Совета, чтобы расширить круг участников. В докладе отмечалось: «Заслуживают самого решительного осуждения жестокие массовые репрессии против ряда малых народов, осуществленные по указанию лично Сталина, много раз

писавшего о равноправии, расцвете наций, их языков и культур. Одним росчерком пера были ликвидированы их национальные автономии, прекращено функционирование их литературных языков, учреждений национальных культур». Многие присутствовавшие на этом заседании научные работники впервые узнали о репрессиях против целых народов. В печати почти не писали о них.

Даже на объединенной сессии отделений общественных наук АН СССР в 1958 г. авторы специальных докладов по национальным проблемам не смогли уделить должного внимания проблеме сталинских репрессий против малых наций. Да и в нашем докладе они были лишь кратко осуждены, как это видно из материалов Сессии, опубликованных издательством Академии наук СССР в 1959 г. (см. с. 334).

Вот почему мы уделили столь большое внимание разностороннему осуждению беспрецедентных в истории массовых репрессий, а также наиболее жестокой реализации поголовного выселения всею «малых» народов, осуществленных в СССР в 40-х и 50-х годах. Ради этой высоко гуманной цели мы старались использовать любую трибуну и аудиторию.

1953 год — год рождения надежды репрессированных народов

Сообщение о смерти Сталина привлекло внимание всего мира. Трудно назвать человека, смерть которого имела столь далеко идущие не только для Советского Союза, но и всего мира последствия. Он относился к числу наиболее жестоких государственных деятелей в истории. Вместе с тем он занимает одно из первых мест среди руководителей антифашистской, антигитлеровской коалиции осуществивших, разгром фашизма и великую победу в самой кровопролитной и разрушительной мировой войне. При нем и под его руководством Советский Союз стал величайшей мировой державой.

Уинстон Черчилль — бывший премьер-министр Великобритании, которого в одно время у нас в стране называли врагом Сталина номер один, после смерти Сталина писал о нем: «Сталин был человеком необыкновенной энергии, эрудиции и не сгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным (курсив наш — Ю.Д.) как в деле, так и в беседе, которому даже я воспитанный в британском парламенте, не мог ничего противопоставить... Он принял Россию с сохой, а оставил — оснащенной атомным оружием. Нет, чтобы ни говорили о Сталине, таких история и народ не забывают», (Газета «День», 29 июня — 3 июля 1993, с. 2). Газета не приводит слов Черчилля, в которых подчеркивается,

что Сталин был величайшим диктатором в истории. Вместе с тем его называли наиболее выдающимся деятелем мирового коммунистического движения, провозгласившего борьбу против эксплуатации и гнета, за светлое будущее всего человечества.

Трагикомическое во всем этом проявлялось и в том, что человека, создавшего в стране концлагеря типа Гулага, небывалых масштабов, ставшего наиболее жестоким в мировой истории диктатором, по указанию которого были осуществлены беспрецедентные репрессии против малых народов, сопровождавшиеся убийством и сожжением ни в чем невинных больных, слабых, людей, не могущих покинуть свои дома во время депортации народов, кощунственно называли самым человеческим человеком.

В то же время следует отметить, справедливости ради, что при нем были осуществлены небывалые по масштабам не только в истории России, но и всего мира, мероприятия по просвещению народов, развитию их национальных культур, языков, экономики.

Реакция на смерть этого человека как внутри страны, так и во всем мире, была весьма «пестрая», если можно так выразиться. В Институте на своем рабочем месте сидел почтенный профессор, милейший человек Иосиф Карпович Кусикьян. По его щекам текли слезы.

— Не стало Иосифа Виссарионовича. Что с нами будет? — вопрошал этот старый, добрый человек, — вытирая слезы. Известный русский писатель М. Шолохов в те дни, выражая свою скорбь писал:

— Мы осиротели.

Для всенародного прощания с товарищем Сталиным, как тогда писали, огромный поток людей устремился в Дом Союзов. Колонны москвичей, идущих в Дом Союзов по разным улицам, столкнулись на Трубной площади из-за слабого контроля за движением колонн. В результате, по некоторым данным, на этой площади было «растоптано» до смерти более двух сот человек.

Делегации от предприятий, учреждений подвозили к Дому Союзов на машинах. Меня тоже включили в состав делегации от Института АН СССР. На машинах через Манежную площадь мы подъехали к парадному входу в Дом Союзов. Этот район был оцеплен милициейскими и армейскими силами. Движение транспорта и пешеходов прекращено. Мы вошли, сняли верхнюю одежду в гардеробе, нас снабдили траурными повязками и затем повели в зал, показали место, где мы должны ждать своей очереди. Огромный поток людей двигался мимо постаментов, где лежал покойник, вокруг которого были расставлены большие венки, от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, Совета Министров СССР и т.д. В почетном карауле стояли члены ЦК,

Верховного Совета.

Некоторые члены нашей делегации тихо плакали. У многих текли слезы по щекам. Я смотрел на них с каким-то любопытством. Я не плакал, не текли слезы по моим щекам. «Почему так страдальчески ведут себя эти научные работники по поводу смерти человека, с которым ни один из них, наверняка, никогда не разговаривал», — думал я. — Почему у меня не текут слезы, «леденят» неисчислимые страдания, которым он подвергал ни в чем неповинных людей, в том числе мой народ». В то же время другой внутренний голос говорил: «Он сделал много великого для страны, для победы над фашизмом».

— Ваша очередь, становитесь один за другим, сказал молодой человек, следивший за порядком.

Мы пошли тихо, медленно, «вошли» в поток идущих мимо покойника. В глаза бросились широкие ноздри (как и на снимках опубликованных в газетах), через которые, видимо сердце и легкие снабжались «обильным» кислородом. «Может быть, поэтому он мог и в пожилом возрасте работать почти 20 часов и спать только четыре часа в сутки, как писал о нем французский писатель», — подумал я.

Взоры всех были устремлены к беспомощному покойнику, перед которым (когда он был жив) трепетала великая страна, миллионы людей за рубежом. Его считали вдохновителем и организатором сталинградской битвы, великой Сталинградской победы над фашистскими войсками. За эту победу премьер-министр Уинстон Черчилль, или кто-то другой вручил ему золотой меч, как тогда говорили, от имени благодарной Великобритании за славную победу. Человек, не имевший в детстве даже детской кровати и спавший на сундуке (я видел этот сундук в музее на его родине), стал одним из наиболее сильных повелителей мира.

На лице застыло едва заметное, недовольное, сердитое выражение, как будто говорившее: «вот я лежу беспомощный, мертвый на радость моим врагам...».

Мы уже приближались к выходу из Дома Союзов. Число рыдающих становилось все больше и больше. Но у меня не появились слезы, как и у некоторых других.

В тот момент, когда выходил из Дома Союзов, я уже думал о другом, заветном: о надежде на освобождение ни в чем неповинных репрессированных народов и их возвращении на исконную родину.

Репрессии против малых народов осуждало все прогрессивное человечество.

Как ни старалось сталинское руководство скрыть от мировой общественности чудовишные репрессии против пяти малых

народов, их трагедия стала достоянием всего мира. Как говорится, шило в мешке не утаишь. Тут не шило, а пять народов, изгнанных с родной земли, униженных, оскорбленных, загнанных в «резервацию» под строжайшим контролем спецкомендатуры. Протесты в Организации Объединенных Наций, в других международных организациях. в разных государствах мира. Советским представителям в международных организациях устраивали обструкцию. Авторитет Советского Союза сильно подорван в мире. Нашу Конституцию, которую советские идеологи пропагандировали как самую демократическую в мире, провозгласившую свободу и равноправие народов, называли филькиной грамотой. Сам Н.С.Хрущев — руководитель Советского Союза во время своих зарубежных командировок не раз оказывался в трудном положении, когда ему прямо говорили о концлагерях, созданных в СССР для репрессированных народов. Ему приходилось краснеть и страдать за сталинские репрессии.

Да и внутри страны, особенно на национальных окраинах, нарастала тревога. При упоминании о репрессиях против целых народов нередко говорили: «Это прецедент. Так могут поступать с любым народом. Объявлять целые народы, включая детей стариков, женщин, врагами государства, обвинять в государственной измене и терроризировать их — это беззаконие и клевета».

Н.С.Хрущев, став главой Государства, побывал в республиках, зарубежных государствах и убедился в том, что репрессии против целых народов, осуществленные по указанию Сталина,— это черное пятно на «теле» государства, позорящее великий Советский Союз. Его надо снять и дать свободу народам, восстановить все их права.

Но такое решение проблем репрессированных народов оказалось неприемлемым для его соратников, ближайшего окружения. Были случаи в Политбюро ЦК КПСС, когда за осуждение репрессий, репатриацию репрессированных народов, восстановление их государственности голосовал только один Н.С. Хрущев, а все остальные члены Политбюро голосовали против. Этот позорный факт говорит сам за себя. При этом один из членов Политбюро, голосовавших против осуждения репрессий, воскликнул:

— Возвращение репрессированных народов на их исконную родину, означало бы пустить волков в горы.

Исключение из состава Политбюро членов так называемой антипартийной группы обеспечило победу политической линии Хрущева и признание осуждения диких репрессий против пяти народов, необходимости возвращения их на родину и восстановления их автономии. В такой сложной политической ситуации в

стране надежда на свободу и возвращение на Родину репрессированных народов стала реальностью. Практическая реализация этой надежды началась в 1957 году.

Н.С.Хрущев был первым руководителем Советского государства осознавшим необходимость ликвидировать черное пятно на «теле» страны, позорившее великий многонациональный Советский Союз.

Благодарные народы увековечили имя Хрущева. Например, его именем названа одна из площадей города Грозного — столицы Чеченской Республики.

Письмо из издательства Большой Советской Энциклопедии.

Это письмо сыграло большую роль в ускорении подготовки материалов о реабилитации репрессированных народов, возвращении их на исконную родину и восстановлении их национальной государственности. В то время я часто обсуждал вопрос о репрессированных народах с научными работникам АН СССР — со знакомыми юристами, философами, историками. В доверительной беседе все осуждали эти репрессии. В конце беседы мы всегда приходили к единодушному мнению: чудовищные репрессии должны быть осуждены, а народы реабилитированы. При этом мы не касались вопроса о возвращении репрессированных народов на исконную родину и восстановлении их национальной государственности. Но я внутренне был убежден, что из осуждения репрессий и реабилитации народов с логической необходимостью вытекает возвращение репрессированных народов на исконную родину и восстановление их национальной государственности.

Письмо, о котором идет речь, поступило в Институт языкознания АН СССР в 1954 году, где я работал в качестве заведующего отделом, имея ученую степень доктора филологических наук и звание профессора. К письму были приложены гранки статей «Население СССР» и «Языки народов СССР» для Большой Советской Энциклопедии. Заместитель главного редактора издательства Лев Степанович Шаумян просил прислать отзыв об этих статьях. Я работал со Львом Степановичем в редакции газеты. Он хорошо знал меня.

Статью «Население СССР» нужно было переслать в Институт этнографии или Институт истории АН СССР. Я позвонил Льву Степановичу Шаумяну (к слову, он был сыном Степана Шаумяна — руководителя 26 Бакинских комиссаров) и сказал, ему, что статью «Население СССР», видимо, прислали нам ошибочно, ее следовало послать в Институт истории или этнографии АН СССР.

В ответ Шаумян с сожалением подчеркнул:

— Мы послали. Шлют восторженные отзывы без всяких замечаний. А я решил послать тебе. Так что не было никакой ошибки. Сначала прочти статью, а потом позвони мне.

Ясно было то, что Лев Степанович — опытный работник печати обращал вниманис на какие-то серьезные факты. Но он не хотел называть их по телефону. Это обострило мое внимание к статье «Население СССР». Положив трубку телефона, я стал внимательно читать статью. В ней были названы народы численностью от 150 до 360 человек и охарактеризованы. Это было сделано правильно. Но даже не упомянуты репрессированные народы, — балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, в том числе чеченцы, составлявшие несколько сот тысяч человек. Возмущенный этим я написал письмо на имя Н.С.Хрущева. Позволю себе повторить здесь ту часть этого письма, где излагаются факты, касающиеся статьи «Население СССР».

«В таблице № 2 «Национальный состав населения» на странице 9 названы такие народности как алеуты, насчитывающие 350 человек, ороки — около 150 человек (и это сделано, как мне кажется, правильно), но совершенно не назван ряд народов (и их языков), численность которых в СССР достигает десятков и сотен тысяч человек (например, балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, чеченцы). Известно, что у этих народов в условиях СССР существовала своя государственность. О них существует большая литература у нас и за рубежом. Поскольку Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) призвана отражать действительное положение вещей, то совершенно ясно, что неправомерно молчать о них на страницах БСЭ. Тем более, что Указ о выселении этих народов официально был опубликован в нашей печати.

Некоторые наши издательские работники (например, в издательстве Академии Наук СССР, в издательстве БСЭ дошли до того, что считают чуть ли не преступлением, если в той или иной работе, подготовленной к печати, встречается наименование какого-нибудь из этих репрессированных народов или их языков» (с. 1).

Так при первой возможности была подчеркнута необходимость осудить вопиющие факты беззакония и извращений реальной действительности в СССР. Против изложенных фактов, (поскольку в них была выражена правда), тона изложения их в письме не возможно было возражать. В то же время я хотел выяснить, как новое руководство страны относится к сталинским репрессиям, к трагедии репрессированных народов. Сначала отправил письмо на имя Н.С.Хрущева, а потом копию этого письма послал Л.С.Шаумяну и затем позвонил ему.

— Ты правильно поступил,— сказал мне Лев Степанович. Я был убежден, что ты так и поступишь, поэтому послал тебе эти статьи. Сначала мы попросили историков и этнографов прислать отзывы о статьях. Получили хвалебные характеристики. О народах, о которых ты справедливо написал, ни слова. Чувствовалось, что авторы отзывов опасаются возможных последствий, если они коснутся репрессий. Спасибо за честный, мужественный отзыв.

Мне стало как-то неудобно от похвальных слов Льва Степановича. Прежде он был очень скупым и сдержанным на похвальное слово.

Примерно через 10 дней я получил почтовую открытку из Центрального Комитета КПСС, отправленную 24 декабря 1954 года. (она приложена к приводимым мною документам). В ней было написано: «В связи с Вашим письмом прошу позвонить по телефону К-6-15-00 К.Богомолу». Открытка обрадовала меня. Известно, что ЦК КПСС получает ежедневно десятки писем. Далеко не каждому автору письма посылают открытку с просьбой позвонить в ЦК КПСС. «Значит обратили внимание на мое письмо»,— подумал я.

Сразу позвонил К.Богомолу по указанному телефону. Он сначала поблагодарил меня за письмо, а затем сообщил, что в связи с моим письмом будет издан дополнительный 51-й том Большой Советской Энциклопедии, где будут охарактеризованы все пять народов, о которых я писал.

Затем К.Богомолу спросил меня, знаю ли я что-нибудь о действительных событиях в Чечено-Ингушетии в период Великой Отечественной войны. Я ответил, что знаю многое, в том числе свидетельства о грубом извращении фактов, реальной жизни трудящихся Чечено-Ингушетии в годы войны. Если я напишу обо всем этом, то руководители местных органов НКВД попытаются оклеветать меня и посадить. К.Богомолу желая успокоить меня, сказал:

— Там давно нет старых руководителей органов. Сейчас работают новые руководители, которые нуждаются в объективной информации. Напишите, пожалуйста, обо всем на имя Н.С.Хрущева.

Я послал на имя Н.С.Хрущева письмо, составившее 12 машинописных страниц, в котором охарактеризовал и клеветническую кампанию в то время против горных районов Чечено-Ингушетии, а также рассказал о своей поездке в горные районы, в Беной и Дарго в январе—феврале 1943 года и многом другом.

К сожалению, я уничтожил копию этого письма, когда после снятия Н.С.Хрущева была сделана попытка развернуть антихру-

щевскую кампанию, осуждая его политику против культа личности Сталина и практические действия по реабилитации репрессированных народов.

Подготовка первой делегации репрессированных народов в Кремль.

Успех письма на имя Н.С.Хрущева ободрял и поощрял на новый «шаг» по спасению от деградации и исчезновения репрессированных народов как этносов по еще «свежим» следам. Таким новым «шагом» должна была стать подготовка, во-первых, материалов о репрессиях и их последствиях не только для репрессированных народов, но и для Советского Союза и ни в чем неповинного русского народа, дискредитированных перед мировым сообществом фашистской идеологией преследования и уничтожения целых народов, во-вторых, подготовка делегации репрессированных народов в Кремль с обоснованным требованием официального осуждения репрессий против целых народов, возвращения их на исконную родину и восстановления их национальных автономий.

О необходимости таких действий свидетельствовали просьба К.Богомолова написать письмо на имя Н.С.Хрущева с обстоятельной характеристикой обстановки в Чечено-Ингушетии во время войны, а также факты, показывавшие наличие серьезного сопротивления в Политбюро против попыток Н.С.Хрущева осудить репрессии (о чем свидетельствовали слова одного из членов Политбюро: «нельзя пускать волков в горы»). Все эти материалы были призваны стать факторами, поддерживающими и укрепляющими позицию Н.С.Хрущева, стремившегося осудить репрессии против депортированных народов.

Прежде чем приступить непосредственно к подготовке делегации нужно было ответить на три вопроса: а) о содержании Обращения в Советское правительство, т.е. об основных требованиях делегации, 2) о тяжелом положении репрессированных народов в местах их поселения, 3) о составе делегации.

Еще до организации делегации нами были продуманы основные положения Обращения к Советскому правительству. Более детальная характеристика этого Обращения будет дана в следующем параграфе. Здесь же отметим, что оно явилось в известной мере продолжением содержания моего письма на имя Н.С.Хрущева о положении в Чечено-Ингушетии в годы войны.

Нужно было отразить в Обращении основные факты, характеризующие тяжелое положение репрессированных народов в местах их поселения. С этой целью необходимо было попытаться включить в состав делегации представителей репрессированных

народов из разных районов их проживания. Особенно трудным для нас оказался третий вопрос о составе делегации. В то время еще было опасно и трудно организовать «официальную» делегацию, т.к. делегатов от народа нужно было выбирать в местах поселения репрессированных. Мы не решились организовать такую «выборную» делегацию. Местные власти стали бы препятствовать проведению таких выборов, запрашивать вышестоящие органы, требуя официального разрешения. Это вызвало бы сильное возбуждение среди репрессированных народов. Такая попытка могла бы принести вред вместо пользы.

Поэтому целесообразной представлялась собственная инициатива отдельных представителей репрессированных народов.

Идея организации делегации представителей всех репрессированных народов не увенчалась успехом. В Москве я обратился к одному балкарцу. Он категорически возразил против организации такой делегации, заявив:

— Это не наше дело.

Почти то же самое сказал один крымский татарин. Их надо правильно понимать. Они, конечно, хотели, чтобы возвратили на родину народы, представителями которых они являются. Но опасались новых репрессий. Отставной генерал-полковник калмык Городовиков часто отдыхал у памятника Гоголю (на Арбатской площади). Однажды я подошел к нему, представился и попросил возглавить нашу делегацию в Кремль. Городовиков совершенно не знал меня. Поэтому мне была понятна его осторожность. Он отказался войти в состав делегации по причине плохого состояния здоровья.

После этих неудачных попыток включить в состав делегации представителей всех репрессированных народов пришлось ограничиться включением в состав делегации чеченцев и ингушей, охотно согласившихся принять активное участие в этом важном мероприятии.

Мы с известным ингушским писателем Идрисом Базоркиным подбирали будущих членов нашей делегации среди приезжих в Москву чеченцев и ингушей, а также остановившихся в Москве проездом. При этом обращали внимание на социальный состав делегации, а также на охват всех основных районов их поселения.

Наша делегация, состоявшая из 13 человек, проявляла осторожность, старалась не рекламировать все, к чему мы стремились. Мы не собирались в гостиницах и на вокзалах. К тому же некоторые члены делегации остановились в подмосковных населенных пунктах. Многие из них приехали, рискуя быть обвиненными в нарушении режима спецкомендатуры.

Первая наша деловая встреча произошла в скверике перед

Большим театром. У меня собраться мы* не смогли из-за ограниченных квартирных возможностей. Беспокоило то, как отнесутся члены делегации к основным положениям «Обращения к Советскому правительству». Я знал, что большинство членов делегации мечтают в первую очередь о снятии с них позорной «клички» — спецпереселенцы. В проекте «Обращения» даже не было этого слова. Осуждение репрессий автоматически снимало кличку «спецпереселенцы». Пришлось сначала объяснить это делегатам, прежде чем зачитать «Обращение», затем были разъяснены следующие три основных положения «Обращения»: а) Осуждение репрессий, б) возвращение чеченского и ингушского и других народов на их исконную родину и в) восстановление национальной автономии. Некоторые делегаты усомнились в возможности удовлетворения такого законного требования. Они предлагали ограничиться просьбой снять с них кличку «спецпереселенцы» и восстановлением свободы передвижения. И. Базоркин сразу поддержал все три основных положения «Обращения». Мы вместе с И. Базоркиным разъяснили, членам делегации, что снятие клички «спецпереселенцы» и восстановление свободы передвижения ни в какой мере не удовлетворят чаяния чеченского и ингушского народов. В итоге обсуждения проект «Обращения» в целом был одобрен. В его окончательный вариант внесли дополнения и изменения И. Базоркин и некоторые другие члены делегации. Все эти дополнения нужны были, поскольку я не жил в Средней Азии, естественно, не имел полного представления о всей трагичности положения «спецпереселенцев».

«Обращение» заканчивалось следующими словами: «Нельзя медлить с окончательным решением вопроса о судьбе наших народов. Нынешнее состояние вызывает тревожное настроение наших народов. Они убеждены в том, что очень скоро окончательно и бесповоротно восторжествует и победит правда — чеченскому, ингушскому и другим народам будет возвращена их исконная родина, и будет восстановлена их национальная автономия».

Прием первой делегации репрессированных народов в Кремле.

Хотя наша делегация называлась чечено-ингушской, фактически она выполняла роль первой делегации всех репрессированных народов. Это подтверждается результатами ее деятельности. Были осуждены репрессии против всех, например, пяти народов (балкарского, калмыцкого, карачаевского, ингушского и чеченского). Все они были возвращены на родину, восстановлены их автономии.

Нашей делегации было предложено 9 июня 1956 года подойти

к Спасским воротам в 14 часов. В указанное время наша делегация в полном составе подошла к Спасским воротам. Старший офицер охраны у Спасских ворот с некоторым удивлением посмотрел на нас:

— Все члены вашей делегации? — спросил он.

Мы подтвердили, что все члены делегации. Среди нас были и молодые, и аксакалы — представители всех социальных групп. Каждый был одет в соответствии со своими возможностями. Все это вместе взятое, может быть, создавало пеструю картину и смущало старшего офицера. Он брал у каждого паспорт, не спеша знакомился с его содержанием. Затем спрашивал владельца паспорта:

— Как ваша фамилия? Откуда приехали?

Каждый член делегации отвечал на эти вопросы. Иногда он задавал отдельным лицам и другие вопросы.

— Как же вы все могли собраться вместе из разных районов Казахстана и Киргизии? — спросил он, улыбаясь.

— Дело у нас очень важное, народное, — ответил ему кто-то из нас.

— И все говорят чисто по-русски. Желаю успеха, — попрощался с нами офицер, продолжая улыбаться.

После такой тщательной проверки документов все члены делегации в сопровождении представителей комендатуры Кремля направились в Дом Советского правительства. Когда мы вошли в Дом Советского правительства, нас часто останавливали и проверяли документы. Наконец, нас привели в кабинет первого заместителя председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна. Он тепло поздоровался со всеми членами делегации (представляя их в той же последовательности, в какой написаны их фамилии в письме на имя Н.С.Хрущева: Зязикова Жанетта, Гайсумов Аббас, Шатаев Магомед, Ташгиев Осман, Муталиев Хаджибикар, Тайсумов Алаудин, Саидов Ахмад, Хамиев Султан, Ташухаджиева Асет, Базоркин Идрис, Магаев Аки, Хаматханов Хаджибикар, Дешериев Юнус).

Мое положение было особенно щекотливым. По ходатайству академика И.И.Мещанинова меня оставили в Москве для продолжения научно-исследовательской работы (об этом я уже писал в соответствующем параграфе). Благодаря незабвенному И.И.Мещанинову я не был выслан в Среднюю Азию. Поэтому просил поставить мою фамилию последней в списке.

В кабинете А.И.Микояна мы заняли места за длинным столом. Я сидел между нашими двумя аксакалами — муллой Гайсумовым Аббасом и муллой Матасвым Аки. Члены делегации уполномочи-

ли меня изложить перед А.И.Микояном основное содержание нашего обращения к Советскому правительству. Я кратко изложил наши основные требования: Осуждение репрессий против депортированных народов, возвращение их на исконную родину, восстановление их национальных автономий. В заключение своего краткого выступления от имени делегации я просил Анастаса Ивановича передать Н.С.Хрущеву письмо на его имя и «Обращение», а также поддержать наши конкретные предложения. А.И.Микоян взял эти два документа и сказал: «Вы хорошо сделали, что изложили подробно все ваши предложения. Я передам их товарищу Хрущеву и, конечно, поддержу вас».

Затем Микоян спросил:

Где сейчас находится товарищ Зязиков?

— С нами его вдова Зязикова Жанетта, — ответил я. Жанетта рассказала о трагической судьбе ее покойного мужа. Потом выступили несколько других членов делегации, приехавших из разных регионов Казахстана и Киргизии. Они рассказали Микояну о тяжелом материальном положении и морально-психологических страданиях репрессированных народов.

Вдруг раздался телефонный звонок. Микоян, подняв трубку, ответил:

— Я принимаю сейчас Чечено-Ингушскую делегацию.

В этот момент ко мне наклонился Гайсумов Аббас и сказал по-чеченский:

— хИинцам нахч-гIалгIайн делегацин хила вайх! (теперь мы стали Чечено-Ингушская делегация).

До этого мы не решались говорить, что мы — Чечено-Ингушская делегация. Нас могли спросить: кто вас направил, кто уполномочил? Это была наша инициатива, которая впоследствии горячо и с благодарностью была поддержана не только чеченским и ингушским народами, но и балкарским, калмыцким, карачаевским народами.

А.И.Микоян беседовал с нами более двух часов. Около 18 часов он позвонил директору Оружейной палаты и попросил задержать сотрудников палаты, чтобы дать возможность Чечено-Ингушской делегации побывать в Оружейной палате. Члены делегации были тронуты таким вниманием.

Вместе с делегацией я дошел до Оружейной палаты. Поскольку я уже бывал там, предупредил делегатов, что иду заказать банкет, чтобы отметить успешный прием в Кремле. Рассказал им, как прийти в ресторан «Арабат» (в моей статье о нашей делегации, опубликованной в газете «Голос Чечено-Ингушетии» от 21 июня 1991 года допущена опечатка, вместо ресторана «Арабат» назван ресторан «Арагви»). В то время я в состоянии был устроить

банкет для нашей делегации.

Все члены делегации из Оружейной палаты пришли в ресторан «Арабат», чтобы торжественно отметить присм, оказанный нам в Кремле. У всех было прекрасное настроение. Перед ужином чеченский мулла Аббас и ингушский мулла Аки, как мы их дружески называли, помолились в банкетном зале.

На следующий день я снова отправился на Арбатскую площадь, надеясь на встречу с генерал-полковником в отставке Городовиковым, который во время прогулки останавливался в сквере, и отдыхал. К счастью, я застал его там. Как и прежде я подошел к нему, поздоровался и извинился за беспокойство.

— Наша делегация вчера была принята в Кремле. Я хотел сообщить Вам об этом — информировал я его.

Городовиков сразу заинтересовался и попросил сесть рядом с ним.

— Кто принял вашу делегацию?, — спросил Он.

Я рассказал ему о приеме нашей делегации Микояном, о материалах, которые мы передали ему и об обещании Микояна поддержать нас.

— Микоян обещал поддежать Вашу делегацию? — подчеркнуто поинтересовался Городовиков.

Я повторил свои слова о поддержке Микояном нашей делегации и снова обратился к Городовикову с прежним предложением о направлении в Кремль и Калмыцкой делегации. Городовиков был взволнован. Он поблагодарил меня за информацию и встал.

— Пойду, посмотрим, что получится. До свидания.

Через несколько дней в Москву прибыли Калмыцкая делегация. Затем Балкарская, Карачаевская.

Эти дни навсегда останутся в памяти членов первой Чечено-Ингушской делегации, по существу первой делегации репрессированных народов, в нашей памяти, в памяти народной.

Репрессированные народы рукоплескали приему в Кремле

После нескольких телефонных звонков из Москвы членов делегации в места своего проживания по всей Средней Азии и Казахстану распространилась весть о приеме делегации репрессированных народов в Кремле и проявленном к ней внимании. Еще члены делегации не успели вернуться, там уже радостно приветствовали друг друга, устраивали собрания, митинги, выражая на них благодарность Хрущеву, Микояну, Советскому правительству, XX съезду КПСС за разоблачение культа личности, осуждение репрессий.

Возвратившихся из Москвы членов делегации встречали торжественно. «Обращения» в Президиум Верховного Совета, ЦК КПСС и Совет Министров было размножено и распространено почти по всем районам проживания представителей репрессированных народов. В поддержку этого «Обращения» устраивали митинги, собрания.

Идея создания Чечено-Ингушской автономии в Казахстане сразу была отвергнута двумя народами.

Научный Совет Академии Наук СССР по проблемам развития национальных языков и культур, руководство которым было поручено мне, проводил научно-практическую конференцию в Алма-Ате осенью 1956 года. Узнав об этом, в Алма-Ату приехали мои друзья, знакомые и незнакомые, студенты. Среди них был и студент Р.И.Хасбулатов. Приходилось встречаться, беседовать с ними, успокаивая их, и просить их, чтобы они спокойно выполняли свои служебные обязанности и ждали решения правительства СССР. Иначе деструктивные элементы могут навредить нормальному разворачиванию процесса ликвидации последствий чудовишных репрессий.

Помню ночные звонки на квартиру, одного из наших казахских друзей, где мы отмечали успешное окончание работы Конференции. Приехавшие из Киргизии чеченцы и ингуши настойчиво просили встретиться с ними. Это было в десятом часу ночи. Каким-то образом они узнали, где я нахожусь. Приезжие, по их словам, должны были вернуться утром во Фрунзе. Пришлось извиниться перед друзьями и на целый час отлучиться. Среди приезжих был и подполковник Мавлид Висаитов — один из Героев Великой Отечественной войны (правда, Указ о присвоении ему Звания Героя Советского Союза был издан посмертно в 1991 году). Вместе с депутатом Верховного Совета СССР молодым Автархановым, сыгравшим активную роль в организации пересмотра дела Висаитова о присвоении ему звания Героя Советского Союза, я присутствовал на заседании специальной комиссии Верховного Совета, где единогласно была принята положительная рекомендация. Во время войны ходатайство командования фронтом о присвоении звания Героя Советского Союза Висаитову было отклонено в Москве на том основании, что он является представителем репрессированного народа.

Все народы Советского Союза (в подавляющем большинстве) одобряли и приветствовали осуждение небывалых в истории жестоких репрессий против целых народов. В этом я убедился и во время командировок в республики Средней Азии, Кавказа, Прибалтики, на Украину, в Молдавию. Это было время так называемой «Хрущевской оттепели».

Поездка в Кабардинскую, Северо-Осетинскую и Дагестанскую республики

Осуждение репрессий против депортированных народов, вытекающие из него мероприятия касались прежде всего Северного Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Но оба региона, т.е. во-первых, Казахстан и Средняя Азия, во-вторых, Северный Кавказ по-разному реагировали на столь важное событие. В первом регионе горячо обсуждали вопрос о возвращении на исконную родину репрессированных народов и восстановлении их автономий. Во втором регионе, т.е. на Северном Кавказе, была довольно сложная ситуация. Подавляющее большинство населения региона приветствовали осуждение репрессий. Местное русское население, осведомленное о зарубежных попытках бросить тень на русский народ в связи с репрессиями, увидело в осуждении репрессий подтверждение несостоятельности этих попыток. Вспоминали сказанные во время выселения чеченцев слова великовозрастного русского старца.

Представители горских народов говорили:

— Прецедент репрессий против целых народов, осужден. Это хорошо и справедливо.

В трудном положении находились те, которые были переселены на территорию выселенных народов. В этих районах чувствовалось беспокойство переселенцев за свое будущее.

В городе Нальчике я должен был принять участие в подготовке к печати «Грамматики кабардино-черкесского языка» в качестве одного из членов редакционной коллегии. В состав редколлегии входил и известный кавказовед-специалист по абхазско-адыгским и картвельским языкам профессор Георгий Виссарионович Рогава. Членами редколлегии являлись и молодые тогда кабардинские языковеды.

Директор Института доктор биологических наук профессор Камбулат Наурузович был инициатором создания этого научного труда. Он хорошо понимал, что национальный язык — выразитель духа народа, его культуры. Работали мы дружно с чувством ответственности за порученное дело.

В один из рабочих дней в кабинет, где работала редколлегия, зашел К.Н.Керефов и сообщил, что позвонили из Москвы и просили передать мне, что я должен сегодня поехать в город Орджоникидзе и завтра принять участие в совещании, посвященном вопросам алфавита, орфографии и терминологии осетинского литературного языка. К 14 часам за мной приедут на машине из Орджоникидзе. Это сообщение застало меня врасплох. Из Совета Министров Северо-Осетинской АССР в Москву обратились с

просьбой командировать на указанное совещание крупнейшего ираниста и главного специалиста по языку, истории и культуре осетинского народа профессора В.И.Абасва, являвшегося старшим научным сотрудником Отдела кавказских и иранских языков, руководство которым было поручено мне. В.И.Абаев не смог поехать на это совещание из-за болезни. Мне предложили участвовать в работе указанного кворума. Я считал, что в Орджоникидзе должен поехать специалист по осетинскому языку. После этого разговора я выехал в командировку в Нальчик. Здесь я чувствовал себя хорошо — среди своих учеников, товарищей, которым я оказывал посильную научную и научно-организационную помощь. Я дружил с кабардинцем кандидатом филологических наук Мухабом Абитовым — моим «однокашником» по аспирантуре.

Для меня неожиданным был звонок из Москвы, обязывавший меня участвовать в кворуме в Орджоникидзе.

Примерно через два часа после прихода к нам директора замкой приехали из Орджоникидзе. Я вынужден был отправиться в Северную Осетию без всякой подготовки.

В пути в Орджоникидзе меня беспокоили два вопроса: о подготовке к выступлению, как меня примут в Северной Осетии. Заботливые хозяева обеспечили хорошим номером в гостинице. Меня снабдили необходимыми материалами по совещанию. Я имел возможность почти всю ночь работать и подготовить выступление. В 10 ч утра открылось совещание. Мое выступление было воспринято хорошо, вопреки моему ожиданию. Как мне показалось, это объяснялось тем, что я подошел к рассмотрению осетинского алфавита с более широкой точки зрения, которая, как я заметил, не была представлена ни одним из двух лагерей, каждый из которых отстаивал свой подход к оценке достоинств и недостатков алфавита. Когда я вошел в зал, знакомые и незнакомые языковеды, прекрасно владеющие своим родным осетинским языком, встретили меня любезно, дружелюбно, но на лицах некоторых я прочитал:

— Зачем ты приехал, ты же не специалист по осетинскому языку.

Свое выступление я начал с приветствия Совещанию и пожелания ему успеха от имени Василия Ивановича Абаева. Последовали аплодисменты. Затем отметил, что приехал, выполняя поручение В.И.Абаева — из этого стало ясно, что у меня нет «директивного указания» сверху. Переходя к алфавитным проблемам, подчеркнул, что осетинский алфавит является одним из лучших алфавитов, созданных на русской графической основе. Последовала реплика из зала:

— Совершенно правильно!

Ясно было, что автором этой реплики является один из тех, которые полагали, что осетинский алфавит не нуждается в ломке под предлогом совершенствования. Я привел ряд примеров, показывающих достоинства осетинского алфавита по сравнению с алфавитом некоторых других народов.

Вместе с тем необходимо было сказать, что в мире нет алфавита, который не нуждался бы в улучшении. Снова реплика из зала:

— Правильно!

Автором этой реплики мог быть сторонник устранения недостатков алфавита родного языка. Открывая первое заседание, заместитель председателя Совета министров Северо-Осетинской АССР Х.Черджиев — председатель Оргкомитета по проведению Совещания, призвал участников спокойно, по деловому обсудить спорные вопросы. Но чувствовалось его беспокойство, как бы не кончилось Совещание «дракой» противоборствующих двух групп специалистов. После двух реплик из зала видно было, что он несколько успокоился. Я тоже стал говорить с меньшим волнением. Мне показалось, что и аудитория поняла, что я приехал не с какой-нибудь «директивой сверху». Стараюсь рассказать им об опыте улучшения алфавитов других народов. Важно было напомнить, что нет и не было абсолютно совершенных алфавитов. Кроме того, нужно учитывать, что мы ограничены в средствах улучшения любого действующего алфавита. Мне показалось, что все это сыграло свою роль. Совещание прошло спокойно. Специалисты вносили деловые предложения по улучшению осетинского алфавита. Были приняты согласованные и одобренные участниками рекомендации.

Присутствовавший на Совещании секретарь Обкома Б.Кабалоев, с которым я впервые познакомился на этом Совещании, пригласил меня в свой кабинет. Он поинтересовался жизнью репрессированных народов в Казахстане и Средней Азии. Выразил сожаление, по поводу трагедии репрессированных народов. Затем спросил:

— На Кабарду сейчас работаете?

Почему-то меня слегка задел этот вопрос. Ни с того, ни с сего я почувствовал в этом вопросе намек на то, что, мол, для своего народа не можете ничего делать, поэтому работаете на Кабарду. Вполне возможно, что у Б.Кабалосва и в мыслях не было этого оттенка. Но я ответил.

— Пока да.

В.Кабалоев также сразу обратил внимание на мои слова:

— Вы ждете улучшения положения репрессированных земляков.

После осуждения репрессий это вполне возможно. Но, видимо, репрессированные народы не могут быть возвращены на Кавказ. Тут все уже занято. Он осторожно относился к идее репатриации репрессированных народов и восстановления их государственности. В то время при его официальном положении иначе и не могло быть. Вместе с тем он сочувственно говорил о трагедии ингушского народа, тепло отзывался об отдельных ингушских деятелях, которых он знал, интересовался их судьбой. Тепло отзывались об ингушском народе и знакомых ингушах и другие осетины, с которыми я общался тогда в Орджоникидзе. Все это убедило меня в том, что бывший первый секретарь Северо-Осетинского Обкома партии, писавший в оскорбительном тоне об ингушском народе в центральной печати, даже в то время не выражал мнения не только осетинского народа, но и всех республиканских осетинских деятелей.

В том же 1956 году я побывал в Дагестане. Между чеченским и дагестанскими народами существовали братские отношения. В тяжелые дни борьбы с иноземными завоевателями они вместе проливали кровь, защищая свою родину. В Дагестане жили около 50 тысяч чеченцев. Несколько десятков тысяч дагестанцев являлись постоянными жителями Чечни. Помню, у нас проживала семья представителя одной из андо-дикийских народностей. Мужа звали Муртаз, а имени его жены не помню. У них не было детей... Муртаз был пастухом. Жена его нигде не работала; если нужно, помогала по хозяйству. Они вдвоем занимали одну комнату. Об оплате за комнату не могло быть и речи по традиции. Муртаз прекрасно владел чеченским языком.

Везде, где я бывал в те дни в Дагестане, я чувствовал дружеские отношения всех дагестанцев, с которыми я встречался. Они приветствовали осуждения репрессий против депортированных народов.

Реакция в Грозненской области на осуждение репрессий против депортированных народов

После депортации чеченского и ингушского народов и ликвидации Чечено-Ингушской АССР на ее территории была образована Грозненская область. Названия местностей, населенных пунктов, улиц, напоминающие о Чечено-Ингушетии, чеченском и ингушском народах, были заменены. Дошли до того, что один археолог составил географическую карту, по существу отвергающую исторические факты жизни чеченского и ингушского народов на этой территории. Так бессовестно извращались общеизвестные факты. Поскольку было запрещено употреблять в печати слова

«чеченцы» «ингуши», «чеченский язык», «ингушский язык», создавали впечатление, что чеченский, ингушский народы вообще не существовали в природе.

В этих условиях осенью 1956 года проездом я остановился в городе Грозном (у меня была научная командировка в Азербайджан). В гостинице «Кавказ» дежурила та же пожилая русская женщина, которая приветливо принимала меня в прошлом. Она тепло, ответила на мое приветствие. Если раньше она говорила мне (предварительно записав мои паспортные данные), чтобы я пришел через два часа, то на этот раз она сразу дала мне номер. Затем она доверительно, тихо обратилась ко мне.

— Знаете, здесь ходят слухи, что хотят вернуть чеченцев и ингушей обратно на свою родину. Вы же из Москвы. Может быть, вам известно, что будет? Мне пришлось проявить осторожность при всем моем уважении к этой доброй женщине. Пришлось ограничиться таким ответом:

— И в Москве ходят такие слухи. Но точно не знаю, как решится этот вопрос.

— Хорошо было бы, если бы их вернули,— продолжала она шопотом. Представляете себе, сейчас на городском рынке мало продуктов, фруктов. Все очень дорого. А при них все было. И дешево.

Ясно было, что и в Грозном известно, о приеме в Кремле и «Обращении» в Советское правительство нашей делегации.

Перночевав в гостинице, утром я решил побывать в селах. Маршрут был прежним через районные центры Атаги, Урус-Мартан и Ачхой-Мартан. Опытный таксист средних лет рассчитал, что нам потребуется четыре-пять часов, чтобы не спеша, делая короткие остановки, проехать по этому маршруту и вернуться в Грозный.

Утром в городе все еще чувствовалась духота, хотя жара спала. Всюду видны были признаки осени — под деревьями желтые листья, на машинах и фургонах крестьяне везут на рынок арбузы, дыни, фрукты. На улицах города идет бойкая торговля дарами природы осенней поры. Мы направились в сторону села Атаги. Когда выехали из Грозного, стало легче дышать, подул свежий ветерок с гор. Над полями возвышались зеленые вершины небольших гор, а далеко за ними сверкали снежные величавые купола главного Кавказского хребта. Мы остановились недалеко от берега местной бурной реки Аргун. Мы с таксистом любовались панорамой плодородной долины, зеленых и снежных вершин гор. При всем своеобразии этой панорамы она напомнила мне горные долины Азербайджана, Грузии. Впереди находилось село Атаги. Раньше в нем жили в основном чеченцы.

Большинство чеченских домов сохранилось. На улицах встречались дагестанцы, русские. Мы остановили одного пожилого дагестанца и спросили, как нам лучше выбраться из села, чтобы направиться в сторону села Гойты. Дагестанец слабо владел русским языком. С трудом объяснил, как поехать в Гойты. Вдруг спросил, не чеченцы ли мы. Я ответил, что таксист — русский, а я чеченец. Дагестанец заговорил на чистом чеченском языке.

— К нам часто стали приезжать чеченцы, поэтому я задал вам такой вопрос, — сказал он.

Мы вели с ним беседу на чеченском языке. Его звали, кажется, Хаджиали. Он жил в Атагах еще до выселения чеченцев.

— Говорят, чеченцев хотят вернуть на родину. Это правильно заявил — Хаджиали.

А как думают остальные дагестанцы и русские? — Спросил я.

— Те, которые поселились в Атагах после выселения чеченцев, говорят, что они сразу уедут в прежние места их проживания — сообщил он.

Поблагодарив Хаджиали, мы поехали дальше по улицам села Атаги в указанном дагестанцем направлении. Преобладали старые построенные еще чеченцами дома. Многие из них находились в запущенном состоянии. Попадались покосившиеся ворота из досок. Видно было, что давно их не красили. Полуразвалившиеся ограды, плетни производили впечатление заброшенных владениями хозяйств, где живут временно поселившиеся люди.

Примерно в таком же состоянии находились села Гойты, Гехи, Валерик, Катар-Юрт. Более благоустроенным показался нам районный центр Урус-Мартан.

После села Катар-Юрт мы переехали маленькую речку, которую чеченцы называли Нуьтаг (Нюттах) и остановились недалеко от того места, где ранее росла большая ветвистая дикая груша, под которой однажды я в детстве собирал плоды. Она росла в середине кукурузного поля. Ее уже не было. К нам подошли две русские женщины средних лет. Узнав куда мы едем, они попросили подвезти их в Ачхой-Мартан; они ехали из Катар-Юрта к родственникам.

— Давно живете в этих местах? — спросил я женщин.

Как выселили чеченцев, сразу и нас пригнали сюда, можно сказать тоже насильно из Рязанской области — ответила одна из них.

Другая женщина добавила:

— Ходят слухи, якобы хотят вернуть чеченцев. Мы тоже едем по родине. Охотно вернемся в родные места.

Впереди раскинулось большое село — мой родной Ачхой-Мартан, куда мы отправились. Нам повезло: день был ясным,

солнечным. Когда мы стали приближаться к Ачхой-Мартану, в моей памяти вновь ярко вспыхнул образ чудесной панорамы главного кавказского хребта. Попросив таксиста остановить машину, я вышел из нее. Передо мной открылась прежняя восхитительная картина, словно нарисованная великим художником. Еще в школьные годы нам говорили, что из района Ачхой-Мартана в безоблачный солнечный день видны великаны кавказских гор — Эльбрус и Казбек. Справа под лучами солнца ярко сверкал снежный купол Эльбруса, слева — снежная вершина Казбека, расположенные на воображаемой прямой линии, как бы проходящей с юга на север по поверхности главного кавказского хребта. Внизу зеленые долины, постепенно переходящие в лесистые горы, а за ними все выше — поднимающиеся к небесам снежные громады горных вершин. Несколько минут постоял я, очарованный естественной гармонией, красотой природы. Затем с какой-то грустью сел в машину.

Мы сходили по таким же запущенным улицам Ачхой-Мартана с севера на юг, какие мы видели и в других селах.

Высадив женщин на той площади, где была большая общесельская мечеть, мы поехали дальше на юг, в сторону улицы, на которой жила моя семья и наши ближайшие родственники.

Подъехали к тому месту где находился в глубине двора наш дом. Его уже не было. А когда-то прекрасный дом дяди Доша, выходящий на улицу, мы увидели в запущенном состоянии. Все виденное произвело на меня тяжеловое впечатление. Я даже не попросил шофера остановить машину. Через Самашки мы вернулись в Грозный.

Старые грозненские знакомые сообщили мне, что партийное руководство области выступает против возвращения чеченцев и ингушей на свою исконную родину. На следующий день я уехал из Грозного в Баку.

Прибытие в Москву будущих членов Оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР

Узнав о постановлении Советского правительства о репатриации чеченского и ингушского народов и восстановлении Чечено-Ингушской АССР, я с нетерпением ждал прибытия будущих членов Оргкомитета по реализации этого постановления.

В Казахстане и Средней Азии сразу получило широкое распространение сообщение о том, что идет подбор кандидатов в будущие члены указанного Оргкомитета. Я получил письмо от старшего брата Дара (сейчас живет в Ачхой-Мартане), в котором он писал, что ходит слух о моем переезде в Грозный на

ответственную работу в связи с восстановлением республики. Дара просил меня не соглашаться переехать в Грозный на какую-либо работу. Лучше продолжай свою научную деятельность, советовал он. Брат напрасно беспокоился. Я нигде не собирался переезжать.

Сразу после прибытия в Москву будущих членов Оргкомитета М.Г.Гайрбеков, которого намечали председателем Оргкомитета, позвонил мне и сообщил, где они остановились. Муслим Гайрбекович был самым активным, деятелем среди чеченских и ингушеских тогдашних партийных и советских работников. Его честность, преданность делу своего народа были широко известны. Он пользовался большим авторитетом среди чеченского и ингушского народов, а также в руководящих советских и партийных органах в Москве. Будущие члены Оргкомитета знали все это и поддерживали его. Муслим Гайрбекович старался возобновить свои прежние связи с работниками государственных органов в Москве и использовать их в целях успешного и ускоренного восстановления республики. Члены Оргкомитета — Ш.Сагаев, З.Мальсанов, Т.Мальсагов, Тангиев и другие старались помочь ему. Словом будущий Оргкомитет уже начал дружно трудиться. У меня была постоянная связь с будущими членами Оргкомитета. Они часто звонили мне по тому или иному вопросу, по которому я мог бы оказать посильную мне помощь.

Когда утверждали членов Оргкомитета состоялось заседание Комиссии Советского правительства по вопросам восстановления Чечено-Ингушской АССР во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошиловым. На заседании присутствовали К.Е.Ворошилов, А.И.Микоян и некоторые другие руководители. На нем членам Оргкомитета показали тогдашнее письмо первого секретаря Северо-Осетинского Обкома партии. Он просил о сохранении Пригородного района в составе Северо-Осетинской АССР. Комиссия хотела узнать мнение членов Оргкомитета по данному письму. Но у них в тот момент была эйфория, вызванная постановлением о возвращении чеченцев и ингушей на исконную родину и восстановлении Чечено-Ингушской АССР. Члены Оргкомитета, которым вскружила голову эта эйфория, забыли отреагировать на письмо Секретаря Северо-Осетинского Обкома партии. Правительственная комиссия оценила отсутствие реакции членов Оргкомитета на это письмо как их согласие с его содержанием.

Когда вернулись в гостиницу, члены Оргкомитета опомнились и срочно написали письмо на имя Правительственной комиссии о необходимости возвращения ингушскому народу Пригородного района. Письмо было подписано всеми членами Оргкомитета. Им

ответили: вам нужно было говорить об этом на заседании Правительственной комиссии. Ваше молчание могло быть понятно как согласие с содержанием письма Секретаря Обкома. Комиссия уже закончила свою работу. Так возникла сложная межнациональная проблема Пригородного района.

Члены Оргкомитета были сильно огорчены своей ошибкой, предвидя возможные осложнения в Осетии ингушских взаимоотношениях из-за Пригородного района. Во всем остальном они были очень довольны результатами достигнутым в Москве.

Почувствовав у них естественное желание отметить это историческое событие, за дружеским столом я спросил Муслима Гайрбекова, исполнявшего обязанности председателя Оргкомитета:

— Не следовало бы отметить важное событие создания Оргкомитета по восстановлению нашей республики?

— Конечно, следовало. Но мы — члены Оргкомитета сейчас не в состоянии заказать банкет в ресторане, — ответил он.

Вечером в тот же день члены Оргкомитета были приглашены в ресторан «Арагви», чтобы торжественно отметить их успешное пребывание в Москве.

Довольно долго мы сидели за гостеприимным столом в банкетном зале, вспоминая прошлое, с чувством благодарности радуясь восстановлению республики и обмениваясь мнениями о ближайших задачах по восстановлению Чечено-Ингушской АССР, а также автономий других репрессированных народов.

Второе «выселение» и разорение

Процесс возвращения репрессированных народов на исконную родину превратился в известной мере во второе «выселение» и разорение. Но это был процесс жизнеутверждающий, желанный. Люди с большой охотой и радостью оставляли новые дома, построенные на чужбине, дешево продавали квартиры, домашние вещи, которые не могли увезти на исконную родину. В пунктах выдачи разрешения на возвращение на родину возникали большие очереди. А когда разрешение стали выдавать только в Грозном, туда выезжали люди за разрешением, не дожидаясь вызова. Тяга репрессированных народов на исконную Родину была настолько велика, что они значительно перевыполняли план их возвращения,

Репрессированные безропотно относились к огромным убыткам при продаже по значительному снижению ценам домов, квартир, домашних вещей, к дорожным расходам и трудностям с семьями самостоятельно возвращаться на родину.

Добрым словом следует упомянуть и те семьи, которые вернули дома, квартиры репрессированным чеченцам в Чечне,

когда они вернулись, без каких-либо претензий. В моем родном Ачхой-Мартане жили многие семьи русских, переселенных из центральных областей России. Почти все они уехали на родину, не требуя никакого вознаграждения, оплаты их расходов. Так поступили и многие дагестанцы (аварцы, лакцы, андодидойцы, кумыки и др.). Осложнения возникли в основном в пограничных районах Северной Осетии и Ингушетии*.

* Следует учитывать и то, что переселенные в Пригородный район из Южной Осетии осетины, например, оказались в трудном положении, поскольку их дома, говорили, в Южной Осетии разрушены или заняты другими местными осетинскими семьями. Это обстоятельство осложняло решение вопроса о возвращении южных осетин на их прежнее местожительство. Все это нужно было учитывать, расселяя мирным путем осетин и ингушей в Пригородном районе.

В горных районах многие чеченские населенные пункты были разрушены, дома сожжены. Возникли большие трудности с восстановлением сел. Были и другие трудности, несмотря на то, что государство оказывало определенную материальную и денежную помощь релатрированным. Государственное мероприятие по возвращению пяти репрессированных народов, составлявших около полутора миллиона человек, и восстановлению их национальных автономий в основном было осуществлено успешно потому именно, что были осуждены чудовищные репрессии, возвращены народы на их исконную родину.

Эпилог

Юбилей Чечено-Ингушской АССР

Прошло всего около трех лет после восстановления Чечено-Ингушской Автономной Республики. Свежи были в памяти двух народов неисчислимые жертвы, страдания, вызванные чудовищными репрессиями. Пострадали все, без исключения, семьи, по национальному признаку подвергшиеся жестоким репрессиям, без предъявления каких-либо конкретных обвинений.

И тем не менее это был настоящий праздник. Буквально у всех на лицах радость, у женщин слезы радости, общая радость не только чеченцев и ингушей, но и почти всех жителей республики — русских, армян, евреев и других народов, представители которых также были в разные периоды репрессированы. Поэтому все торжественно, радостно отмечали 40-летие

провозглашения автономии трудящихся региона. Приехало много гостей. Торжественное юбилейное заседание проводилось во Дворце имени Ленина в Заводском районе. В Президиуме председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Н.Органов, гости из Казахстана и Киргизии, где чеченский и ингушский народы находились в ссылке в течение 13 лет, главы делегаций из всех республик и областей Северного Кавказа и Закавказья, руководители Чечено-Ингушской республики, представители трудовых коллективов.

Огромный зал был переполнен. Все внимательно слушали юбилейный доклад. Такое исключительное внимание к докладу объяснялось и тем, что присутствующие особенно интересовались оценкой в нем репрессий против двух народов. Юбилейный праздник. Поэтому, видимо, докладчик не захотел перегружать свое выступление развернутой характеристикой небывалых даже в истории дореволюционной России репрессий. О них докладчик сказал кратко, но выразительно.

Все это позади. Впереди общенародный труд, от которого зависит наше благополучие и счастье. Да восторжествуют наши общечеловеческие идеалы.

— Наше столь представительное торжественное юбилейное заседание, посвященное 40-летию провозглашения Чечено-Ингушской автономии, является красноречивым доказательством того, что мы с полным правом вычеркнули трагические страницы из истории двух братских народов как кошмарный сон, который выветривается из человеческой памяти. За счастливое настоящее и прекрасное будущее Чечено-Ингушетии.

Зал ответил на эти слова докладчика бурными аплодисментами.

Первым выступил Н.Органов, огласивший Указ Верховного Совета СССР о награждении Чечено-Ингушской АССР в связи с юбилеем. Особенно бурную овацию вызвали выступления руководителей Казахской и Киргизской делегаций. Такой горячий прием был понятен всем. В Казахстане и Киргизии репрессированные чеченцы и ингуши в течение 13 лет пользовались поддержкой и помощью трудящихся.

Вместе с группой делегатов я побывал в чеченских и ингушских селах. Всюду весело праздновали юбилей. Мы видели, как чеченцы и ингуши благоустраивают свои села. Они строили новые дома, ремонтировали некоторые старые постройки.

Муслим Гарбекович Гайрбеков, работавший председателем Совета Министров Чечено-Ингушской АССР, устроил в своем рабочем кабинете прощальную встречу с группой участников юбилейного торжества. Он выглядел усталым. И все же на его лице доминировала добрая улыбка, задушевность, обеспокоенность

за настоящее кавказское гостеприимство. Это беспокойство у него сочеталось с народным юмором.

— Простите за то, что не смог лично уделить должного внимания каждому из вас. Ведь у нас может случиться и такое гостеприимство, какое хотели оказать русскому царю в Веденском районе,— улыбаясь сказал он.

Мы все заинтересовались, что это было за гостеприимство. Кто-то, смеясь, заметил:

— Наверное, попытались прикончить царя.

— Нет, такого не могло быть. Гость от бога, считается — продолжал Муслим Гайрбекович. В то время в горах дороги были очень плохие. Готовясь к самому важному в тогдашнем государстве приему — приему царя, местное население стало ремонтировать дороги. Один стражник, выполнявший роль участкового, пришел к горцу и предложил ему запрячь быков и выехать на арбе для оказания помощи тем, которые ремонтируют дорогу: горец пообещал участвовать в ремонте дороги. Но не выполнил своего обещания. Второй раз пришел стражник к горцу. Опять обещание, которое не было выполнено. Возмущенный стражник пришел в третий раз и закричал:

— Ты пойми, дело очень важное, придет сам царь!

Оскорбленный резким тоном стражника горец в свою очередь закричал:

— Клянусь аллахом, не выеду, если даже придет... сам пристав.

Мы все рассмеялись. Видно было, горец не имел никакого представления о царе, зато знал властного пристава, которого надо было бояться. Горец оказался в смешном положении, не зная, кому надо оказывать наиболее достойное гостеприимство — царю или приставу.

Юмор Гайрбекова имел конкретный смысл. Он беспокоился, все ли оценили должным образом высоких гостей Юбилея и оказали им соответствующее гостеприимство.

Прощаясь с гостями, М.Г.Гайрбеков сказал:

— Благодарю за то, что вы приехали с добрыми, дружескими словами на наш праздник. Хотелось бы и здесь выразить чувства глубокой благодарности Никите Сергеевичу Хрущеву, который в трудных условиях так много сделал, чтобы осудить репрессии, вернуть репрессированные народы на исконную родину и восстановить их автономию. Были случаи, когда в Политбюро ЦК КПСС он один голосовал за осуждение чудовишных репрессий против целых народов, а все остальные члены Политбюро голосовали против осуждения репрессий.

После прочтения книги у читателя может создаться впечатление, что в течение 13 лет (с 1944 по 1958 г.) я только и занимался вопросами, касающимися репрессированных народов. На самом деле мною велась довольно напряженная научно-исследовательская и научно-организационная работа. Чтобы у читателя не сложилось мнение, не соответствующее действительному положению вещей, хотелось бы кратко рассказать о проделанной мною по научно-исследовательской и научно-организационной работе, в эти годы, а также, опираясь на достигнутое в указанный период, и в последующие годы в моей научной деятельности. Сначала о научно-исследовательской работе.

1944 год был самым трудным в моей жизни, особенно в духовном, морально-психологическом смысле. Когда я узнал о ликвидации Чеченско-Ингушской АССР, поголовном выселении всех чеченцев, ингушей и преследовании всех представителей репрессированных народов независимо от местожительства, у меня опустились руки. Психологическое, моральное состояние оказывало парализующее весь организм действие. У меня не было ни кола, ни двора. Я не знал, чем и как помочь репрессированным, где жить, как жить, чем заниматься. Такое состояние продолжалось недолго. Мне удалось быстро взять себя в руки. Другого, реального жизненного выхода из создавшегося положения не было.

В эти дни меня пригласил к себе зам. директора Института Вартан Аветович Петросян. В кабинете его сидел мой научный руководитель профессор Николай Феофанович Яковлев. В.А.Петросян обратился ко мне со следующими словами:

— Мне кажется, что Николай Феофанович нашел удачный выход из создавшегося положения. Он рекомендует тебе заняться бацбийским языком. Этот язык близкородственный чеченскому и ингушскому языкам. Ты легко сможешь изучить этот язык, ознакомиться с жизнью и бытом малочисленного народа. Ты будешь иметь возможности ежегодно ездить в Грузию в научные командировки. Как ты смотришь на такое предложение?

Тема беседы была весьма деликатная. После выселения чеченцев и ингушей даже запрещено было употреблять слова чеченский народ, ингушский народ, чеченский язык, ингушский язык. Поэтому они оба очень деликатно беседовали со мной. Отвечая на вопрос Вартана Аветовича, я сказал:

— Спасибо за внимание, заботу. Я постараюсь ознакомиться с очень скромной литературой о бацбийцах и бацбийском языке. напишу в Грузию и выясню, исследуют ли там бацбийский язык

и в каком аспекте. Затем представлю Николаю Феофановичу материал на заключение.

Как мне показалось тогда, Вартану Аветовичу и Николаю Феофановичу понравилось то, что я сказал. Профессор Яковлев, улыбаясь, сказал:

— Пока, временно будем считать тебя бацбийцем. Вартан Аветович засмеялся и поддержал предложение профессора Яковлева.

— Правильно говорит Николай Феофанович. Ты должен так овладеть бацбийским языком, чтобы тебя принимали за бацбийца.

— Именно это имел ввиду и я — почеркнул Николай Феофанович.

После слов Петросяна я подумал: «Неужели Вартан Аветович уловил на моем лице тень задетой национальной чести, вызванную предложением Николая Феофановича называть меня бацбийцем. Я так старался, чтобы эта тень осталась незамеченной. Ведь они оба старались искренне поддержать, помочь мне. Слова Вартана Аветовича «так овладеть бацбийским языком, чтобы тебя (т.е. меня) принимали за бацбийца», поставили все на свое место. Они оба были довольны. Довольным беседой со мной людей, заботившихся обо мне, о моем настоящем и будущем, остался и я.

И тем не менее меня не покидала мысль о том, чем я буду заниматься после защиты диссертации по бесписьменному одноаульному языку. Размышляя о своем будущем, я пришел к выводу, что нужно найти в бацбийском языке факты, особенно важные для науки. Ведь каждый язык, независимо от численности людей, говорящих на нем, представляет собой неисчерпаемый источник научных открытий в области истории его носителей, по вопросам языка и культуры, языка и мышления. В эти трудные дни в моей жизни я нашел источник вдохновения, самозабвенного служения в любимой мною с юношеских лет проблеме «взаимоотношение языка, мышления и сознания».

Я сознавал, что у меня еще нет необходимых знаний для глубокой разработки этой проблемы. Вместе с тем обратил внимание на то, что некоторые крупные ученые в своих поисках ответа на волнующие их вопросы взаимоотношения языка, мышления и сознания, занимались изучением древнего общества, данных языков малочисленных народов, стараясь выявить особенности, отражающие своеобразие приемов языкового мышления упомянутых народов. Я также решил на начальном этапе изучения бацбийского языка обратить особое внимание на специфические приемы языкового мышления, отличающие его (бацбийский язык) от близкородственных ему чеченского и

ингульского языков.

В этой связи я не мог не обратить внимания на утверждение видного голландского ученого Уленбека, полагавшего, что в различении так называемого номинативного и эргативного построения предложения проявляется противопоставление активного и пассивного мышления. Пассивное мышление характеризовалось как мышление какой-то таинственной силы, которая действует в сознании отсталого народа, якобы недоразвитого до мышления современных развитых народов.

Объективно эта попытка служила тем, которые стремились лингвистически, исторически биологически обосновать неполноценность мышления определенной группы народов, их, якобы, неспособность мыслить так, как мыслят представители наиболее развитых народов мира. Быть может, вопреки желанию профессора Уленбека такая попытка лила воду на мельницу сторонников модной в те годы концепции расового превосходства арийской расы: фашисты-расисты пытались использовать расистскую «теорию» о превосходстве арийской расы в период второй мировой войны.

Трудно было согласиться с такой попыткой обосновать по существу расистскую «теорию» «полноценных» и неполноценных рас интерпретацией номинативного (при этом подлежащее ставится в именительном падеже) и эргативного (подлежащее ставится в эргативном падеже, т.е. в падеже действующего лица) строя предложения. Свою первую научную командировку я посвятил тщательному исследованию глаголов, которыми обусловлено различие номинативного и эргативного построения предложения в баббийском языке. Выяснилось, что номинативное построение предложения связано с глаголами, обозначающими состояние предмета, а эргативное построение предложения обусловлено глаголами, выражающими действие подлежащего, активно действующего предмета.

После возвращения из командировки я рассказал своему научному руководителю заведующему сектором кавказских языков профессору Н.Ф.Яковлеву о результатах своей научной командировки и представил ему соответствующие материалы. Николай Феофанович обратил особое внимание на материал, характеризующий номинативное и эргативное построение предложения в баббийском языке. Он рассказал об этом материале академику-секретарю Отделения литературы и языка Академии Наук СССР академику Ивану Ивановичу Мещанинову. По предложению Ивана Ивановича мне было поручено выступить с отчетом о своей командировке в Грузию. Николай Феофанович сказал мне строго:

— На этом заседании будет академик Мещанинов. Надо хорошо подготовиться к отчету. Особое внимание ты должен уделить характеристике особенностей построения номинативного и эргативного предложения в баббийском языке. Иван Иванович интересуется этой проблемой.

Все это сильно взволновало меня. Я часто бывал на научных заседаниях, где аспиранты выступали с докладами. Но не помню ни одного случая, где присутствовал бы академик-секретарь Отделения АН СССР. Не зная, как себя вести на таком заседании и боясь провала из-за своего сильного волнения, я говорил про себя:

— Лучшее было бы, если бы Иван Иванович не пришел на это заседание.

Заседание проводилось в конференц-зале нашего Института на Волхонке, 18, а не в секторе кавказских языков, как обычно. Узнав, что на заседании Иван Иванович, пришли аспиранты, а также некоторые научные сотрудники из других секторов нашего Института.

В Пресидиуме сидели академики И.И.Мещанинов и профессор Н.Ф.Яковлев. Заседание вел Николай Феофанович. Выступая с отчетом о своей научной командировке перед необычной аудиторией, я сильно волновался. Это заметил Иван Иванович и сказал, обращаясь ко мне:

— Не волнуйтесь, говорите спокойно. Мы же все ваши коллеги.

После доклада были вопросы. Я отвечал на них, как мог. Неожиданно для меня первым по моему отчету выступил академик И.И.Мещанинов. Из всего того, что он говорил, я хорошо запомнил следующие его слова:

— В течение десяти лет я писал о невозможности эргативного построения предложения непереходного (интранзитивного) глагола. На конкретном материале баббийского языка Вы доказали существование эргативного построения предложения со сказуемым, выраженным непереходным глаголом. Вы дали научно обоснованный анализ эргативного построения баббийского предложения с непереходным глаголом. Вам надо было покритиковать меня.

После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации меня зачислили младшим научным сотрудником сектора кавказских языков. Тогда еще наш Институт назывался Институтотом языка и мышления АН СССР.

Мое зачисление произошло не сразу после окончания аспирантуры. Желающих работать в таком престижном Институте было предостаточно. Некоторые из них старались использовать любые средства, чтобы стать сотрудником Института языка и

мышления АН СССР. Один из них написал письмо в Управление кадров ЦК КПСС (в то время такое управление существовало), в котором отмечал, что дирекция Института старается зачислить на работу представителя репрессированного народа, а ему — представителю такого-то народа отказали. От дирекции требовали объяснения, а меня — безработного в то время таскали по разным инстанциям. Такие случаи были и позже, как я уже писал.

Во второй половине декабря 1946 года по рекомендации общественных организаций меня включили в состав командированных в Чувашскую АССР и Горьковскую область по вопросам проведения выборов в Верховный Совет СССР. До сих пор не знаю, кто меня рекомендовал для поездки в эту командировку. Меня могли рекомендовать те, кто оказывал мне поддержку, но так, чтобы не знали об этом мои противники, с которыми не хотели сталкиваться мои доброжелатели. Возможно, меня рекомендовали мои недоброжелатели, надеясь на то, что отклонят мою кандидатуру из политических соображений. Такое отклонение будет означать политическое недоверие (подготовка к выборам в Верховный Совет — политическая компания). В этом случае я потеряю шансы на зачисление меня в Институт, чего хотели мои недоброжелатели. Я никому ничего плохого не делал. Тем более я тяжело переживал все эти доносы.

Как мне кажется, эта командировка помогла и ускорила мое зачисление на работу в Институте языка и мышления (ныне Институт языкознания) АН СССР. 11 января 1947 года в городе Чебоксары (Чувашская АССР) я получил телеграмму, в которой сообщалось, что с 10 января 1947 года я зачислен научным сотрудником как кандидат филологических наук. Несмотря на все козни, в конечном итоге, мои доброжелатели отстояли меня, добившись разрешения на зачисление меня сотрудником Института.

В таком решении моей судьбы существенную роль сыграл тот факт, что мне удалось доказать (на основе данных баббийского языка) надуманный характер противопоставления «активного и пассивного мышления» у носителей языков эргативного построения предложения. Воодушевленный этим и зачислением в Институт, я решил заняться всесторонним исследованием баббийского языка. Этому способствовал и повысившийся научный престиж данных баббийского языка после раскрытия (разоблачения, как сказали бы раньше) «тайны активного и пассивного мышления» носителей языков эргативного построения предложения.

Начиная с 1947 года, ежегодно в течение ряда лет я ездил в

Грузию. Бацбийское (Цоватушинское) село Земо-Алвани находится в замечательной Кахетии, примерно в 5—6 километрах от районного центра Ахмети. Там я останавливался в доме почтенного Александра Федоровича Цискаришвили, прекрасно владевшего цоватушинским (бацбийским), грузинским и русским языками. Я старался разносторонне исследовать язык бацбийцев — его звуковой строй, морфологию, синтаксис и словарный состав, с учетом влияния социальных факторов. Итогом напряженной работы явилась книга «Бацбийский язык», изданная Издательством Академии Наук СССР в 1953 г. (384 страницы). В то время она была единственной книгой по бесписьменным языкам, в которой всесторонне исследованы все основные уровни структуры языка (с приложением обстоятельного грамматического анализа текста на бацбийском языке. Академик А.С.Чикобава назвал этот анализ особенно интересным, ценным.

В 1950 году была проведена «свободная дискуссия» по языкознанию на страницах газеты «Правда». После этой дискуссии Институт языка и мышления АН СССР был преобразован в Институт языкознания АН СССР. Соответственно изменилась и проблематика Института. Из его плана научных исследований выпала почти вся проблематика по изучению взаимоотношения языка и мышления. Мне также пришлось в дальнейшем ограничиться исследованием структур почти неисследованных языков (хиналутского, будухского). В результате создана монография «Грамматика хиналутского» (М., 1959, с. 224), содержание которой шире, чем ее название. Она создана также по принципам, методам исследования бацбийского языка. Материалы по будухскому языку в полной мере не опубликованы. Издана только статья «будухский язык», представляющая собой его монографическое описание (см. «Языки народов СССР», том IV, М., 1967, с. 643—659).

Исследование почти не исследованных языков малочисленных народностей, выполняющих (языков) весьма ограниченные социальные функции, привело меня к созданию новой концепции функционального развития языков, их функционально-типологической классификации. Развитие общественных функций языка непосредственно обусловлено развитием общества, возникновением разных сфер человеческой деятельности. Все это привело к созданию нового социолингвистического направления — отечественной социолингвистики.

К начальному этапу создания отечественной социолингвистики относятся наши исследования. — Монография «Развитие младописьменных языков народов СССР» (М., 1958, с. 263), ряд статей, посвященных функциональной классификации языков народов

СССР, проблемам взаимоотношения языка и культуры, языка, мышления и общества, языка и идеологии и некоторым другим.

Мое письмо к руководству страны о тяжелом положении репрессированных народов в 1954 году и о пагубных последствиях запрета заниматься изучением языков и культур этих народов (даже запрещалось употреблять наименования репрессированных народов, их языков), а также положительный ответ из директивных органов на указанное письмо позволили мне вернуться к разработке проблем исторического развития нахских языков (чеченского, ингушского, бацбийского) в тесной связи с историей их носителей. В 1954 году я начал углубленную работу по созданию сравнительно-исторической грамматики нахских языков нового типа, над которой работал почти десять лет. Результатом явился большой труд «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов». (Москва—Грозный, 1963, с. 555). Одновременно я продолжал работу по выдвинутому мною новому направлению (о социально обусловленных закономерностях развития языков народов СССР), которое удалось отстоять в острой дискуссии с противниками этого направления. К начальному этапу проведения исследований по этому направлению относится коллективный труд «Младописьменные языки народов СССР», выполненный и изданный под руководством профессоров Е.А.Бокарева и Ю.Д.Дешериева.

Восстановленная в 1957 году Чечено-Ингушская АССР остро нуждалась в научных кадрах в связи с необходимостью возрождения национальной культуры, особенно профессиональной, расширения социальных функций чеченского и ингушского языков в сферах народного образования, общественной жизни, государственных учреждениях и т.д. Учитывая такую потребность Чечено-Ингушетии в научных кадрах, в то время оказывал посильную помощь республике в подготовке кандидатов и докторов наук. В то время я работал заместителем директора Института языкознания АН СССР, а в последующие годы являлся членом Высшей Аттестационной комиссии (ВАК). Одновременно велась работа по исследованию чеченского литературного языка. В 1961 году была издана моя «Фонетика, чеченского литературного языка (Москва, Грозный, 1961, с. 160).

В то время были развернуты исследования по языкам народов СССР в широких масштабах. Я был инициатором, организатором и фактическим руководителем пятитомного труда «Языки народов СССР», в котором представлены 127 языков. По моей просьбе и настоянию номинальным главным редактором был назначен тогдашний академик-секретарь Отделения литературы и языка АН

СССР академик В.В.Виноградов. Он говорил, что не занимался исследованием языков народов СССР, кроме русского языка. Поэтому он считал, что ему неудобно выполнять обязанности главного редактора этого труда. Но мои недоброжелатели резко выступали против данного труда. В этих условиях только его авторитетная поддержка могла обеспечить включение пятитомного труда в план научных исследований и его успешное завершение и издание. Благодаря помощи В.В.Виноградова издание фундаментального пятитомного труда успешно завершилось в 1968 году. По предложению академика В.В.Виноградова Премия Президиума АН СССР была присуждена только мне одному. Уже после кончины академика В.В.Виноградова мне предложили подготовить материал для представления пятитомного труда «Языки народов СССР» на Ленинскую премию. При этом мне сообщили, что в соответствии с существующими правилами в Комитете по ленинским и государственным премиям, номинальный редактор, не принимавший участия в исследовательской работе по созданию представляемой на премию работы, не может получить премию. Это означало, что мы не можем представлять на Ленинскую премию академика В.В.Виноградова как номинального главного редактора. Но я знал, что без решительной поддержки В.В.Виноградова не было бы пятитомного труда «Языки народов СССР». Поэтому я считал, что мы не имеем морального права представлять этот труд на Ленинскую премию без В.В.Виноградова. Почти все члены главной редакции согласились со мной. Я сообщил члену комитета по Ленинским премиям академику-секретарю Отделения литературы и языка Академии Наук СССР академику М.Б.Храпченко наше мнение не представлять пятитомный труд «Языки народов СССР» на Ленинскую премию без В.В.Виноградова.

Одновременно я работал над большой монографией «Закономерности развития и взаимодействия языков в Советском обществе» и руководил четырехтомным коллективным трудом «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Отсутствовали теоретические разработки социально обусловленных закономерностей развития языков. Поэтому в своей индивидуальной работе я старался разработать общетеоретическую концепцию социально обусловленных закономерностей развития и взаимодействия языков в разные исторические эпохи, в условиях существования различных государственных, идейно-политических систем, а также в однопациональных и многонациональных государствах. Затем эти теоретические разработки можно было использовать в коллективном труде. В какой-то мере это удалось. Моя индивидуальная монография вышла в свет в издательстве «Наука» (Москва, 1966, с.403). Теоретические

положения автора были основаны на данных более 70 литературных и более 60 бесписьменных языков.

Коллективный труд «Закономерности развития литературных языков в советскую эпоху» был издан в следующих четырех выпусках: «Национальный язык и национальная культура», «Взаимоотношение развития языков и культур», «Внутриструктурное развитие старописьменных языков (М., 1973, с.364).

Четвертый выпуск планировался как новаторское исследование, посвященное новой для науки о языке проблеме развития социальных (общественных) функций языков в разных сферах человеческой деятельности (главным образом). Он также был запланирован как коллективный труд. Как отмечено в изданной книге (с. 5), к сожалению, не нашлись компетентные исполнители этой темы. Поэтому мне пришлось подготовить этот выпуск. Я работал с явной перегрузкой, стараясь наиболее целесообразно использовать свои возможности с учетом начального этапа разработки рассматриваемой проблемы. В итоге была издана моя монография: Дешериев Ю.Д. «Закономерности развития литературных языков СССР в советскую эпоху». Развитие общественных функций литературных языков (М., 1976, с. 431). Это была первая книга, в которой сделана попытка теоретически обосновать социально обусловленные закономерности развития общественных функций литературных языков, главным образом в разных сферах человеческой деятельности. В ней же получила дальнейшее развитие идея функционально-типологической классификации языков.

В этих трудах содержится огромный материал и его культурно-исторический и научный анализ, представляющий большой интерес для объективного осмысления и восприятия достижений и недостатков в развитии языков, культур и разных отраслей народного хозяйства в условиях царской России и Советского Союза. Конечно, легко голословно утверждать, что при царизме, до 1917 года, все было хорошо, а при Советской власти все стало ужасным -- и развитие языков, и развитие культур, и разных отраслей народного хозяйства. Вместе с тем было бы неверно утверждать, что и в царской России, и в Советском Союзе все было прекрасно для всех народов и всех социальных классов. Чтобы убедиться в этом, достаточно напомнить о следующем: наместник Кавказа при царизме известный генерал Ермолов утверждал, что он не успокоится, пока жив будет хоть один чеченец. Под этим девизом он и его последователи совершали кровавые походы в горные районы Чечни. Другой царский наместник Кавказа поклялся продолжать свое зверство в Армении до тех пор, пока он не увидит в музее чучело

последнего армянина. Да простят меня эти народы за упоминание чудовищных высказываний и соответствующих действий названных царских наместников Кавказа.

Следуя этой политике, идеологи царизма с тревогой писали:

«...утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, вводите его в школы, вы тем самым (О, страшно выговорить!) утвердите и разовьете соответствующую народность»¹.

1 «журнал Мминистерства Народного просвещения» в царской России, 1887, февраль, с. 37.

Беспримерными в истории человечества были и репрессии против балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского и чеченского народов: Массовые аресты, лагеря типа Гулага в период господства сталинской диктатуры в Советском Союзе и т.д.

Вместе с тем нельзя замалчивать ради объективности огромные достижения СССР в развитии национальных культур, языков, разных отраслей народного хозяйства, как это видно из данных упомянутых трудов. В то же время надо учитывать время, когда эти труды были написаны, испытывая давление господствующей идеологии.

В книге «Социальная лингвистика». К основам общей теории (Москва, 1977, с. 362) был обобщен опыт социалингвистических исследований в СССР и за рубежом и дана более или менее цельная новая концепция социальной лингвистики. Книга привлекла внимание философов, литературоведов, социологов и представителей некоторых других отраслей науки. Это послужило причиной заявления академика М.Храпченко в своем отчетном докладе о деятельности Отделения литературы и языка АН СССР за 1977 г. о том, что книга Ю.Дешериева «Социальная лингвистика. К основам общей теории» привлекла внимание научной общественности». С этим трудом меня поздравили тогдашние президент АН СССР академик М.Келдыш и вице-президент академик П.Федосеев.

В центре внимания Сектора (впоследствии лаборатории) социальной лингвистики, которым я руководил, стояли социалингвистические проблемы Советского Союза, а также разработка теории социалингвистики. Вместе с тем мы интересовались социалингвистическими проблемами разных стран и регионов мира, а также разветвлением мирового лингвистического процесса в соответствии с социально-экономическим и культурным развитием человечества, а также разветвлением научно-тех-

нической революции в мире. В этом плане показательны, например, два важных новаторских труда, подготовленных отечественными социалингвистами при участии зарубежных ученых и выпущенных в свет Издательством АН СССР: «Социалингвистические проблемы развивающихся стран» (М., 1975, с. 326) и «Научно-техническая революция и функционирование языков мира» (М., 1977, с. 270) и др.

За рубежом издавались книги, посвященные советскому опыту развития национальных языков и культур. В этом отношении показательными являются книги, статьи отечественных ученых, выпущенные в Индии, Китае, Африке, Франции и других странах. Например, книга академика В.В.Виноградова и проф. Ю.Д.Дешериева «Язык и языковое развитие», изданная в Пакистане на бенгальском языке; книжка Ю.Д.Дешериева о развитии языком народов СССР, изданная в Индии на английском языке и др.

Много времени и сил отнимала научно-организационная работа. В конце 50-х годов по инициативе академика В.В.Виноградова (в то время академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР) был создан Научный Совет по комплексным проблемам развития языков и культур народов Советского Союза при Президиуме АН СССР. В 1962 году, он просил освободить его от руководства этим Научным Советом из-за перегрузки научно-организационной работой. Председателем Научного Совета утвердили меня. В новых условиях предстояло определить основные направления деятельности указанного Научного Совета. Развернутая программа его деятельности была также разработана и утверждена. Мы определили основные виды научно-организационной работы: проведение заседаний Бюро Научного Совета, пленумов, региональных, республиканских, всесоюзных, международных конференций, совещаний, симпозиумов при участии не только лингвистов, но и литературоведов, философов, культурологов, социологов, деятелей педагогической науки и других отраслей знания, занимающихся комплексными проблемами общественного развития. Государство в то время щедро финансировало научно-исследовательскую и научно-организационную деятельность ученых.

Заслуживает внимания география наших научно-организационных мероприятий, региональные конференции в Украинской республике (Киеве), Литве (Вильнюсе), Татарстане (Казани), Башкирии (Уфу), Карачаево-Черкессии (Качаевске), Дагестане (Махачкале), Кабардино-Балкарии (Нальчике), Северной Осетии (Владикавказ), Чечено-Ингушетии (Грозном) и др.; Всесоюзные конференции: Москве, Туркмении (Ашхабаде), Казахстане (Алма-Ате) и др. международные конференции (в Москве), Молдавии

(Кишиневе), Праге, Берлине и др. Мы участвовали в международных форумах более широкого значения (например, во Франции, Канаде и др.).

На наших конференциях, совещаниях, симпозиумах обсуждались вопросы современного состояния и тенденций дальнейшего развития и взаимодействия языков и культур народов СССР. На них обсуждались проблемы обмена опытом развития и взаимообогащения языков и культур народов СССР; использования достижений других стран мира. Значительное внимание уделялось роли русского языка и русской культуры в жизни народов СССР, в приобщении советских людей к достижениям мировой культуры, науки и техники. Иногда нас обвиняли в преувеличении роли русского языка в жизни народов и в недостаточном внимании к вопросам развития национальных языков. С таким замечаниями в принципе невозможно было согласиться. Наш Научный Совет исходил из того, что национальные языки должны функционировать развиваться и расширять свои социальные функции в соответствии с жизненными интересами каждого народа.

В советское время были созданы условия для развития национальных языков и национальных культур, особенно народов союзных республик. Так, на письменных армянском и грузинском языках (письменность для них была создана еще в V в. н.э.) до революции не осуществлялось обучение в средних и высших учебных заведениях.

Вот сравнительные данные об издании книг и брошюр на азербайджанском, армянском, грузинском языках. В 1913 году на азербайджанском было издано всего 91 книга общим тиражом 112 тыс. экз., и армянском — 257 общим тиражом 349 тыс. экз., на грузинском — 232 общим тиражом 453 тыс. экз., на балкарском, кабардинском, калмыцком, ингушском языках не было издано ни одной книги, брошюры. Между тем в 1970 году вышли из печати на азербайджанском языке 850 книг общим тиражом 8857 тыс. экз., на армянском — 822 книги общим тиражом — 7224 тыс. экз., на грузинском — 1613 книг общим тиражом — 12963 тыс. экз. (см. «Народное хозяйство СССР 1922—1972, М., 1972, с. 454).

При Советской власти они впервые стали языками обучения в средних и высших учебных заведениях. В Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР были созданы республиканские академии наук, в которых широко применялись соответственно азербайджанский, армянский и грузинский языки. В то же время функции, например, казахского и туркменского языков в вузах этих республик сильно уступали функциям азербайджанского, армянского и грузинского языков. Поэтому, например,

представители казахской, туркменской республик требовали расширения функций родных языков в вузовском образовании. Наш Научный Совет поддерживал их. Представители Татарской, Башкирской и некоторых автономных республик также требовали расширения функций татарского и башкирского языков. Наш научный Совет поддерживал предложение о расширении функций этих двух и других языков в соответствии с жизненными потребностями татарского и башкирского народов и с учетом реальных экономических и других возможностей Татарской и Башкирской республик.

Наш Научный Совет считал жизненной потребностью всех народов Советского Союза знание родных языков и русского языка как средства межнационального общения и приобщения народов СССР к достижениям мировой науки, культуры и техники. Этим была обусловлена постановка вопроса о развитии национально-русского двуязычия. В то же время подчеркивалась жизненная потребность русских, живущих в национальных республиках, в знании языка местного нерусского населения, среди которого они живут. Соответственно ставилась и проблема русско-национального двуязычия.

Несмотря на все это, отдельные представители республик пытались обвинить нас в стремлении к свертыванию национальных языков. В этом проявилось искажение фактов или неумение различать действующие силы в той острой идеологической борьбе, которая происходила в стране в то время. Сказанное подтверждают следующие факты. В 1958 г. в Москве была проведена объединенная сессия отделений общественных наук Академии наук СССР, посвященная развернутому строительству коммунизма в СССР. В то время я работал зам. директора Института языкознания АН СССР, мне было предложено выступить на этой Сессии с докладом на тему о путях развития языковой жизни Советского общества в условиях развернутого строительства коммунизма в СССР. Я представил доклад «О развитии языков народов СССР в современную эпоху» Мне предложили построить свой доклад, исходя из следующего положения: в период развернутого строительства коммунизма широкий размах примут процессы слияния национальных культур и свертывание национальных языков.

Я хорошо знал языковую жизнь страны и отношение народов к своим языкам. Народы не собирались свертывать свои языки. Поэтому я отстаивал положение, согласно которому и в ближайшем будущем даже младописьменные языки будут развиваться. С большим трудом мне удалось отстоять это положение при подготовке материалов Сессии к печати (см.

Сборник «Строительство коммунизма в СССР и общественные науки», М., 1959).

Существуют разные гипотезы о языковой жизни человечества в отдаленном будущем. Одни считают, что человечество будет пользоваться двумя-тремя наиболее развитыми языками. Другие считают, что будет создан весьма совершенный искусственный язык и т.д.

В республиках, наблюдались случаи перехода на русский язык отдельных представителей различных народов. Это вызывало беспокойство у местного населения. Приведу несколько примеров. Как председателя Научного Совета Академии Наук СССР по проблемам развития национальных языков и культур меня часто приглашали на региональные республиканские конференции, совещания. В столице Туркменской республики Ашхабаде в начале 80-х годов проводилась конференция по языковым проблемам. Я сидел в Президиуме рядом с молодой женщиной-секретарем Центрального Комитета Комсомола Туркмении. Она обратилась ко мне со следующим вопросом:

— отдельные молодые туркмены не владеют туркменским языком. Они знают только русский язык. Как вы считаете, хорошо это или плохо? В ответ я сказал, что это плохо. Человек, живущий среди своего народа, должен владеть языком этого народа. Мы рекомендуем представителям разных народов живущих в той или иной республике, владеть языком местного населения.

— Не смогли бы Вы сказать об этом в своем выступлении? Если мы — туркмены скажем об этом, то нас могут обвинить в национализме — этими словами обратилась она ко мне.

В своем выступлении я не только призвал представителей молодежи владеть языком своего народа, среди которого они живут, но и напомнил русским и представителям других народов, живущим в Туркмении, что владение туркменским языком расширит их лингвистический кругозор и будет способствовать укреплению их связей и расширению их дружеского общения с туркменами (см. Язык великого братства народов. Ашхабад, 1987, с. 63).

На конференции в столице Таджикистана Душанбе также мне пришлось выступить с аналогичным заявлением. Во время перерыва ко мне подошел один русский — участник конференции и сказал:

— Не нужно добиваться того, чтобы многие таджики знали русский язык. Пусть изучают свой родной таджикский, живут в кишлаках и там работают. А то их со знанием русского языка развелось много, едут в города, лезут вверх туда, куда им не надо.

После заседания конференции во время беседы с одним

таджиком — работником президиума Академии наук Таджикской ССР я сказал ему, что меня удивили приведенные выше слова русского человека — мой собеседник возмущился и сказал:

— Этот русский был шовинистом худшего типа.

В начале 80-х годов в столице Калмыцкой республики Элисте историки и социологи проводили Всесоюзную конференцию. Как известно, калмыки, как и балкарцы, ингуши, чеченцы, поголовно были репрессированы при сталинском режиме и сильно пострадали. За примерно 13 лет, проведенных в ссылке в Средней Азии и Казахстане, где они жили разрозненно, довольно сильно пострадал их родной калмыцкий язык. Последствия этой трагедии калмыцкого народа еще в начале 80-годов сказывались и в области владения родным калмыцким языком. Конференция была представительная. На ней присутствовали и первый секретарь Обкома КПСС, руководители Верховного Совета, Совета Министров, известные деятели литературы и искусства республики, в том числе народный поэт Калмыкии Д. Кутультинов. Перед моим выступлением ко мне подошли знакомые калмыцкие товарищи и просили обратить внимание на слабое знание и незнание калмыцкого языка многими представителями калмыцкой молодежи и учащимися. Я охотно выполнил их просьбу.

Нами была борьба и против засорения национальных языков, русского языка ненужными лексическими заимствованиями, особенно в области терминологии.

Вот некоторые факты, свидетельствующие о борьбе против засоряющих языки заимствований. Здесь вынужден в основном ограничиться примерами из своих исследований. В моей книге «Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе» (М., 1966 г) уделено значительное внимание развитию и взаимодействию лексико-семантических систем языков народов СССР. Там же приводятся примеры, показывающие засорение языков заимствованиями, игнорируя их потенциальные возможности. Так, в моей книге «Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе» (М., 1966) приведены многочисленные примеры, свидетельствующие о засорении родных языков ненужными заимствованиями из русского языка, игнорируя богатство и потенциальные возможности родных языков народов СССР. Например, в татарском: «Пожалуйста. Пример катерергэдэ могу. Но мне убедить итэ алмадыгыз; в марийском языке: доложитлаш осмеливатлатлан господин капитан, т.е. осмелился доложить господин капитан и т.д., и т.п. (см. с. 358). Мы призывали к осуществлению «сознательного направляющего руководства общества развитием языковой жизни в стране». Это могло бы послужить надежной

основой для дальнейшего повышения языковой культуры народов СССР, а также гарантией против возникновения отрицательных явлений, вроде местных жаргонов языка межнационального общения и национальных языков" (с. 358).

Все это показывает, что велась борьба против засорения языков ненужными заимствованиями и недооценки богатства и потенциальных возможностей национальных языков, но, к сожалению, недостаточно.

В области разработки научно-технической и общественно-политической терминологии был провозглашен принцип минимальных расхождений терминологических системах литературных языков. 1) В период «перестройки и реформ некоторые научные работники, недостаточно осведомленные о причинах провозглашения этого принципа и основном его назначении, попытались отвергнуть этот принцип, считая его чуть ли не русификаторским принципом. В этом проявилось недопонимание сути указанного принципа.

Впервые этот принцип был провозглашен в 1959 году на терминологическом совещании во вступительном слове академика В.В.Виноградова.

«Основным принципом создания новых терминов на базе интернациональной терминологии и русских лексических заимствований должен быть признан принцип минимальных расхождений в соответствующих терминах между литературными языками народов СССР. Этот принцип требует, чтобы при создании новых терминов, во-первых, полностью использовать словарный фонд конкретного языка и его словообразовательные возможности, и, во-вторых, в необходимых случаях заимствовались соответствующие интернациональные и понятные народу, чем малопонятные, искусственно созданные термины» (Вопросы терминологии, М., 1961, с. 10).

Как мы видим, принцип минимальных расхождений в терминах, созданных на базе международной терминологии (например, нем. *Grammatik*, русск. грамматика, испанск. *gramatica*, англ. *Grammar*, французск. *grammaire*), так и русских лексических заимствований (например, русск. Россия, Москва, Захаро и т.д.). Он был направлен против неудачного перевода международных терминов, как в 20—30-х годах (например, в казахском языке интернационал-бейбауырмалдык (дословный перевод означало отсутствие родственного чувства), в туркменском — *гипс* — *довук ак даш* (дословный перевод ломаный белый камень).

Люди, недостаточно компетентные в сложных проблемах развития языковой жизни советского общества, упрекали нас в том, что мы якобы, разделили языки народы СССР на группы языков с большими и меньшими правами. Это недоразумение.

Социальная лингвистика, в соответствии с теоретическими принципами которой мы осуществляли свои исследования, призвана отражать жизнь общества такой, какая она была и есть. Принципы национальной политики, которые были положены в основу автономизации СССР, обусловили создание союзных и автономных республик, автономных областей и округов. Союзные республики пользовались большими правами, чем автономные республики, автономные республики — чем автономные области, автономные области — чем автономные округа. Мы говорили и писали в директивные органы в 50-х, 60-х, 70-х годах, что такая «автономизация» основана на нарушении равноправия народов. Но когда мы писали о функционировании языков, мы, отражая реальную жизнь национальных государственных и автономных образований, указывали на то, что одни языки выполняют более широкие функции, чем другие, соответственно одни языки имеют возможность больше развиваться, чем другие и т.д.

Здесь сделана попытка кратко показать напряженную научно-исследовательскую, научно-организационную работу, которая проводилась нами и в период пребывания (в течение 13 лет) репрессированных народов в ссылке. Она, эта работа сочеталась с попытками оказывать посильную материальную и иную помощь репрессированным, с напряженным наблюдением за их жизнью в ссылке, с поездками в районы Средней Азии, Казахстана, с изучением отношения других народов страны к репрессиям против пяти народов и других, с наблюдением за жизнью переселенцев на родине репрессированных, с подготовкой материалов для обращения в директивные органы в подходящий момент. Это был очень трудный — и морально и физически — период в моей жизни.

Послесловие

Беспрецедентная в мировой истории трагедия пяти репрессированных народов — в центре внимания автора в первой части его произведения. Репрессии против них сопровождались убийством и сожжением больных и немощных стариков, в горных районах Чечено-Ингушетии. Об этом свидетельствуют очевидцы-живые свидетели. Бывший первый заместитель министра юстиции бывшей тогда Чечено-Ингушской республики Дзаяудин Мальсагов, находився в горах Чечено-Ингушетии и стал свидетелем осуществленной войсками Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) геноцида и жестокой трагедии, например, селения Хайбах. В статье «Инквизиция», опубликованной в журнале «Справедливость» (№ 1—2 (19—20) в 1991 году, он писал: «Я

расскажу, как все было... Нет, наверное, на свете человека, больнее чем я пережившего это жуткое зрелище.

27 февраля (1944 года — Ю.Д.) шел крупный мокрый снег, грязь, слякоть, дорог в горах нет, а тут еще холодный пронизывающий ветер. С самого рассвета к селению Хайбах начали собирать людей со всех хуторов Нашхоевского Сельского Совета и других селений Галанчожского района, которые не смогли сами спуститься с гор. В основном больные, дети, старики, женщины. Их собирали в конюшни (не в кашары, не в сарай) колхоза им. Берии (кошунственное совпадение) под предлогом, что формируется транспортная колонна для дальнейшей отправки на равнину. Почему же среди погибших оказались здоровые мужчины, молодые люди? Хорошо помню, что многие заходили в конюшню со своими больными или престарелыми родственниками, чтобы уехать вместе с ними в колонне. Точно знаю, что в конюшне собралось не меньше 650—700 человек, поскольку стоял перед самым входом. Горцы заходили, ничего не подозревая. Наверное, в этот момент о готовящемся знали всего несколько человек, те, кто перед этим отдавал приказ солдатам обложить конюшню сеном, «чтобы не было холодно...»

А дальше было вот что. Когда все жители окрестных хуторов собрались, ворота конюшни крепко закрыли. Начальник Дальневосточного краевого управления НКВД комиссар Госбезопасности 3-ранга Швешиани отдал приказ поджигать. Я пришел в ужас от сознания того, что сейчас произойдет с этими людьми. Подскочил к Гвешани и говорю: «Остановите людей, что вы делаете!» Гвешани спокойно ответил: «Эти люди нетранспортабельны, их надо уничтожить...» «Я буду жаловаться маршалу Берии» (тогда мы не подозревали, что это за человек) — Это приказ Серова и Берии, ответил Гвешани.

Дальше еще ужасней. Нешадный, чудовищный костер поднялся до гигантских размеров. Говорят, в экстремальных ситуациях человек способен на невозможное. Я в этом убедился. Вечный инстинкт самосохранения придал силы тем, кому была уготовлена самая страшная смерть. Когда вся конюшня оказалась объята пламенем, огромные, сильно укрепленные ворота под натиском людей вдруг рухнули и сквозь огонь толпа обезумевших людей хлынула наружу. Швешиани скомандовал: «Огонь!» Из десятка стволов раздалась автоматная и пулеметная очереди. Впереди бегущие, падая, заслоняли собой выход, целая гора трупов не позволила никому выйти. Ни один не спасся. Меня и капитана Громова, который тоже выступал против организованного зверства, отправили с конвоем в селение Малхасты. Нас уводили, а этот ад еще продолжался...» (с. 13).

Все это производит столь страшное впечатление, что даже трудно поверить этому. Специальные комиссии, в том числе правительственная комиссия, подтвердили эти чудовищные преступления. В 1956 году, когда Н.С.Хрущев был в Алма-Ате, Дзияудину Мальсагову удалось встретиться с ним. Написал ночью письмо с подробным описанием того, что видел, слышал, кто отдавал приказы и т.д. — рассказывает Мальсагов. Серов стал уже председателем Комитета Государственной безопасности (КГБ) СССР, и я понимал, что добиться официального приема Хрущевым по поводу персоны Серова будет сложно. В оперный театр меня пустили как первого заместителя председателя Алма-Атинского областного суда..., где в комнате отдыха Хрущев принял его....Хрущев очень внимательно ознакомился с письмом, сам начал спрашивать о подробностях того февральского утра. Беседа продолжалась более часа, после чего Никита Сергеевич сказал: вопрос настолько серьезный, что требуется немедленно создать правительственную комиссию.

Комиссия, очень авторитетная... начала расследование. Вызвали в Чечено-Ингушетию (называвшуюся тогда Грозненской областью) и меня. Комиссия работала больше шести месяцев. Все подтвердилось, как я писал. Вскоре Серова сняли с поста председателя КГБ СССР (с. 5).

Сталинским режимом были предприняты меры, чтобы стереть из памяти народов, из истории факты нахождения на исконной земле, например, чеченского и ингушского народов на Кавказе. Все названия местностей, рек, населенных пунктов, напоминающие о жизни этих двух народов на Кавказе, были заменены. Пяти репрессированным народам была предписана постепенная мучительная этническая смерть.

После смерти Сталина в марте 1953 года начинается новый период в жизни автора — период борьбы за осуждение репрессий, за возвращение народов на их родину и восстановление их национальных автономий. Узнав, что Н.С.Хрущев стремится реабилитировать репрессированные народы и осудить их выселение, а все остальные члены Политического бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) выступают против него, я решил попытаться доказать, что реабилитация репрессированных народов, осуждение репрессий и восстановление их национальных автономий в интересах страны, русского народа.

Необходимо было привести такие же убедительные аргументы, какие были приведены мною в письме на имя Н.С.Хрущева в декабре 1954 года, когда мне удалось добиться отмены запрета на употребление наименований репрессированных народов их языков

и культур в печати. Такие аргументы и доказательство были приведены в упомянутом письме.

Вместе с тем в этом письме удалось показать основной недостаток 50-ти томной «Большой Советской Энциклопедии». Автор книги уже писал в кноте о письме Л.С.Шаумяна и своем ответе. Здесь же кратко напомним о том, как появился 51-ый том «Большой Советской энциклопедии». Отсутствие даже упоминания о пяти репрессированных народах в пятидесятомной «Большой Советской Энциклопедии» объективно служило той же цели выправить из памяти народов, истории все прошлое и настоящее репрессированных балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и чеченцев. Я считал, что такое отношение к народам, их истории ложится черным пятном на «Большую Советскую Энциклопедию». Конечно, таких резких выражений не было в письме автора, поскольку он знал о возможном последствии. Он просто отмечал, что эти народы известны во всем мире, о них существует большая литература. Указы об их выселении были опубликованы в Советской печати. Возникал вопрос, где эти народы, может быть их уже нет на свете, поскольку в «Большой Советской Энциклопедии» ничего не написано о них, хотя народностям, составившим тогда несколько сот человек, посвящены страницы. Видно, было, что это произвело соответствующее впечатление. Такой вывод я сделал, когда получил из ЦК КПСС открытку с просьбой позвонить по конкретному телефону.

Известно было, что Центральный Комитет КПСС ежедневно получал десятки, а иногда и сотни писем. Лишь немногих авторов, писем, вероятно, просили, чтобы они позвонили в ЦК КПСС. Когда я позвонил, сначала меня поблагодарили за письмо, а затем сообщили, что дано указание об издании дополнительного 51-го тома «Большой Советской Энциклопедии», в котором будут опубликованы отдельные статьи о народах, о которых шла речь.

Когда речь идет о реабилитации репрессированных народов, их возвращении на родину и восстановлении их национальных автономий, прежде всего и главным образом надо иметь в виду человеческие соображения, гуманистические цели. Тем не менее приходилось акцентировать внимание на политических соображениях и целях ради успеха дела. Это производило грустное впечатление и, как мне казалось, бросало тень на гуманистические устремления.

В течение тринадцати лет автор занимался не только проблемами судеб репрессированных народов. Вместе с тем он затрагивает вопросы повседневной жизни страны, народов СССР, на личном опыте касается проблем современности, нашей эпохи, показывая отдельные стороны жизни, быта представителей почти

всех союзных и автономных республик отдельных автономных областей, в которых он бывал (командировки, участие в конференциях, совещаниях). Даже его «эскизные» наблюдения нередко дают представление о жизни и быте советских людей того времени, об их морально-этических, политических взглядах, их негативном отношении к репрессиям против целых народов. Несмотря на сталинский жестокий диктаторский режим, некоторые открыто выражали свое возмущение репрессиями против ни в чем неповинных детей, женщин, стариков, терроризированных по признаку национальной принадлежности. Как представляется, можно полагать, что автор книги может быть был почти единственным представителем репрессированных народов, который имел возможность непосредственно следить за жизнью и бытом не только репрессированных народов, но и населения республик и других национальных образований, а также видеть резко отрицательное отношение к репрессиям трудящихся краев и областей России (например, Ставропольского, Краснодарского краев, Московской, Ленинградской областей), анализируя все виденное и слышанное.

Москва, 1991 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог Родина	3
Исторические документы	6
Глубокоуважаемый Никита Сергеевич	7
Почтовая карточка	9
Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Н.С.Хрущеву	10
Президиуму Верховного Совета СССР, Центральному Комите- ту КПСС и Совету Министров СССР	11
Москва в первой половине 1941 года	18
Москва и подмосковье осенью 1941 года	21
Грозной осенью 1942 года	24
Поездка в Бенной и Дарго в феврале 1943 г	27
Беседа в Чечено-Ингушском Обкоме партии	36
Отзвуки трагических репрессий	39
Неожиданная встреча с майором Саккой Висаитовым	41
Научная командировка в Грузию осень 1944 года	44
В Кахетии	50
Из Зема-Алвани в Москву	56
Без крова над головой	58
Угрозы в Киевском районном отделе НКВД	62
Бесценная помощь академика И.И.Мещанинова и В.А.Петро- сяна	64
«Подпольная» жизнь в Москве	68
Откровенный разговор в органах НКВД	72
В новом местожительстве в Москве под неусыпным наблюдением	76
Тревожная поездка к кистинам в Кахетию	83
Кистинское гостеприимство	85
Ночная проверка	88
Поддержка ученых-учителей в научной деятельности	90
Грустное прощание с Висаитовыми	93
Через Северный Кавказ в Грузию	95
В бывшей Чечне в 1946 году	95
Телеграмма из Москвы	105
Подполковник Я.Абадиев в Москве	109
Открытие пути в науку	110
Новое ужесточение репрессий	117
В гости к репрессированным	118
Мальчик похоронил дедушку	119
В гостях у друзей в Тюлькубасе	124
Командировка в Киргизию	129
Доцент по филологии — директор бани	130
Донос	134

Поездка в горную Тушеттию и к пережительцам	137
На рубежах Горной чечни	146
Неожиданная встреча в Алазнистане	149
По неизведанной тропе в Горную Тушеттию	156
Путешествие с гвардейцами — представителями репрессированных народов по Волге	165
Проверка документов пограничниками	175
Встреча с сыном знаменитого абрека Зелимхана	177
Неожиданная встреча в г. Кубе	179
О судьбах малочисленных народов	185
В многонациональном Дагестане	197
Новогодняя встреча с бывшими фронтовиками-гвардейцами	203
Десятилетие великих перемен	207
Дискуссия о законах развития языков	224
1953 год — год надежды репрессированных народов	228
Письмо из издательства Большой Советской энциклопедии	232
Подготовка первой делегации репрессированных народов в Кремль и ее Обращения в Советское правительство	235
Прием первой делегации репрессированных народов в Кремле	237
Репрессированные народы рукоплескали приему в Кремле	240
Поездка в Кабардинскую, Северо-Осетинскую и Дагестанскую республики	242
Реакция в Грозненской области на осуждение репрессий против депортированных народов	245
Прибытие в Москву будущих членов Оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР	248
Второе «выселение» и разорение	250
Эпилог	251
Юбилей Чечено-Ингушской АССР	251
Наука в жизни ученого в трагические годы	254
Послесловие	270

Юнус Дешериев

ЖИЗНЬ ВО МГЛЕ И БОРЬБЕ

О трагедии репрессированных народов

МП Палез 1995
ISBN 5-86020-238-5

Лицензия мининформации РФ
ЛР № 030184
Москва, Комсомольский проспект, 13.

Зак. 103ф. Формат 60х84 1/16. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ГП "Полиграфист",
248640, г. Калуга, пл. Старый торг, 5.